ISSN 2712-7591
3/2025

Словесность и История

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность / История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 3 2025

Санкт-Петербург

Издается с июня 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:
Т. И. Афанасьева, Т. Н. Галашева (ответственный секретарь), В. В. Головин,
Е. И. Гончарова, Дж. Дзиффер, А. В. Пигин, М. Б. Плюханова,
Ю. К. Руденко, И. Тирет

Главный редактор: С. А. Семячко
Зам. главного редактора: Д. О. Цыпкин

Адрес редакции:
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Сайт: http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istorya/
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2025
© Журнал «Словесность и история», составление, 2025
© ООО «Издательство „Пушкинский Дом“», оформление, оригинал-макет, 2025

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences

i Slovesnost' Istoriia
Texts and History

Journal of Philological, Historical and Cultural Studies

No. 3 2025

Saint Petersburg

Published four times per year
since June 2020

Editorial Board:
T. I. Afanasieva, T. N. Galasheva (executive secretary), V. V. Golovin,
E. I. Goncharova, G. Ziffer, A. V. Pigin, M. B. Pliukhanova,
Y. K. Rudenko, I. Thyrêt

Editor in Chief: S. A. Semiachko
Deputy Editor in Chief: D. O. Tsypkin

Editorial office:
4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Website: http://pushkinskijdom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istorya/
e-mail: edit-sloves@yandex.ru

© 2025 Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
© 2025 Journal "Texts and History" (compilation)
© 2025 Pushkinskij Dom, Publishers (design, layout)

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Г. Хрусталев. Разыскания о топонимах Афанасия Никитина: Чебокар 7
Т. Н. Галашева. Служба Ефрему Новоторжскому – памятник русской гимнографии конца XVI в. 33
Н. В. Белов. «Неклассические» поминания русских синодиков: курьез или обыденная практика? 58
А. П. Богданов. Летописец думного дворянина Андрея Яковлевича Дашкова 90
А. В. Духанина. К вопросу об источниках и времени создания Вычегодско-Вымской летописи (на материале статей о Стефане Пермском) 133
Е. В. Романенко. Иконописное собрание Ниловой пустыни . . . 157
Н. Е. Косьяненко. Амур как спутник поэта в лирике Константина Батюшкова 223
А. Д. Бабушкин. Чему вторит «Эхо»? О книгах стихов М. Кузмина начала 1920-х гг. 237
А. Е. Колчина. Путешествия рядом с Батюшковым: к вопросу литературной идентичности Виктора Кривулина в 1970-е гг. 253

Список сокращений 263

CONTENTS

Denis G. Khrustalev. Research on the Toponyms of Afanasy Nikitin: Chebokar 7
Tatiana N. Galasheva. The *Service of Saint Efrem of Torzhok* as a Sample of Russian Hymnography from the End of the 16th Century 33
Nikita V. Belov. "Unconventional" Commemorations in Russian Sinodiki: Curiosity or Common Practice? 58
Andrey P. Bogdanov. The *Chronicle* of the Duma Nobleman Andrey Yakovlevich Dashkov 90
Alexandra V. Dukhanina. On the Sources and Dating of the *Vychegodsko-Vymskaia Chronicle* (Based on Articles about Stephen of Perm) 133
Elena V. Romanenko. The Icon Collection of the Hermitage of Nil Sorsky 157
Nikita E. Kosyanenko. Amor as a Poet's Companion in the Lyrics of Konstantin Batyushkov 223
Artem D. Babushkin. M. Kuzmin's *Echo* in the Context of His 1920's Books of Poems 237
Anastasia E. Kolchina. Journeys with Batyushkov: The Question of Viktor Krivulin's Literary Identity in the 1970s 253

List of Abbreviations 263

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 7–32
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-7-32
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 7–32
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Д. Г. Хрусталев

РАЗЫСКАНИЯ О ТОПОНИМАХ АФАНАСИЯ НИКИТИНА: ЧЕБОКАР

Denis G. Khrustalev

RESEARCH ON THE TOPONYMS OF AFANASY NIKITIN: CHEBOKAR

Резюме. В статье рассматриваются версии локализации топонима Чебокар в Мазендеране (Иран), дважды упомянутого Афанасием Никитиным в «Хожении за три моря». Приведена подробная историография проблемы, выявлены новые картографические материалы. Признана необоснованной версия идентификации Чебокара с Бухарой, принадлежащая Н. М. Карамзину. Найдено обоснование версии И. И. Срезневского, высказанной еще в 1857 г., что Чебокар соответствует Чапакуру, под которым должно пониматься поселение Чапакруд. Попытки оспорить версию Срезневского были связаны с невозможностью найти Чапакур или Чапакруд на карте Ирана. Однако на карте Каспийского моря, изданной в 1826 г. в Санкт-Петербурге, такой топоним есть — это «река Чебакура», которая соответствует реке, известной сейчас под названием Талар. Изменение названия было связано с отказом от использования в Иране топонимов с тюркскими корнями. Сейчас ситуация изменилась. С 1997 г. название Чапакруд восстановлено для ряда поселений в устье реки Талар.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, Хожение за три моря, Средние века, топонимы, историческая география, Чебокар, Чапакур, Персия, Иран, Индия, И. И. Срезневский, С. Кемпген

Информация об авторе: Денис Григорьевич Хрусталев, независимый исследователь, Санкт-Петербург, d.g.khrustalev@gmail.com.

Для цитирования: *Хрусталев Д. Г.* Разыскания о топонимах Афанасия Никитина: Чебокар // Словесность и история. 2025. № 3. С. 7–32. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-7-32

Abstract. The article examines the versions of the localization of the toponym Chebokar in Mazandaran (Iran), which is mentioned twice in Afanasy Nikitin's *Journey Beyond the Three Seas*. The author presents the detailed historiography of the problem and reveals new cartographic materials. The first version of the localization was expressed by N. M. Karamzin, who identified Chebokar with Bukhara. The author considers this version unfounded and refers to the version that I. I. Sreznevsky put forward in 1857. Sreznevskii believed that Chebokar corresponds to Chapakur, which should be understood as the settlement of Chapakrud, but his version was problematic since Chapakur or Chapakrud cannot be found on the map of Iran. Such a toponym, however, is present on a map of the Caspian Sea that was published in St. Petersburg in 1826. The map refers to the "Chebakura River", which corresponds to the river known nowadays as the Talar. This change of names occurred in the context of Iran's refusal to use toponyms with Turkic roots. Since 1997, however, the name Chapakrud has been restored for a series of settlements at the mouth of the Talar River.

Keywords: Afanasy Nikitin, *Journey Beyond the Three Seas*, Middle Ages, toponyms, historical geography, Chebokar, Chapakur, Persia, Iran, India, I. I. Sreznevskii, S. Kempgen

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Denis G. Khrustalev, independent researcher, Saint Petersburg, d.g.khrustalev@gmail.com.
For citation: Khrustalev, D. G. (2025). Research on the Toponyms of Afanasy Nikitin: Chebokar, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 7–32. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-7-32.

Топоним Чебокар (Чебукар) упоминается в «Хожении за три моря» дважды. Прежде всего, это первый пункт на пути Афанасия Никитина в Индию после преодоления первого — Каспийского — моря, первое место после Ширвана, где ему и некоторым его спутникам не удалось получить компенсации за потерю товаров и собрать средства для возвращения домой, «на Русь». Они «разошлися кои куды». Афанасий из Шемахи отправился в Дербент, потом в Баку и, наконец, за море, в Персию:

«А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы, а из Баки пошелъ есми за море к Чебокару, да тутъ есми жил в Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць в Маздраньской земли, а оттуды ко Амили, и тутъ жилъ есми мѣсяць, а оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею» [Хожение 1986, с. 19, 33].

Далее Чебокар упоминается как место, где Афанасий в ходе своего путешествия второй раз отпраздновал Пасху:

«Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день в Чебокару в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре кристьяньской» [Хожение 1986, с. 13].

В Троицкой и Сухановской редакциях «Хожения» [Хожение 1986, с. 111–113] Чебокар в этом фрагменте записан как «Чебукар», но, кажется, нет сомнений, что речь об одном и том же. Так полагал уже первооткрыватель «Хожения» Н. М. Карамзин, которому был известен только текст в Троицкой редакции. Он считал, что под Чебокаром скрывается Бухара [Карамзин, с. 459]. Эту версию отразил и М. М. Виельгорский в комментариях к первому переводу «Хожения» на английский язык (ок. 1853 г.): «Chebokhara (Bokhara)» [Major, p. 7].

Казалось бы, из текста ясно, что Чебокар находился в Мазендеране («в Маздраньской землѣ»), то есть в области, примыкающей к Каспийскому морю, на севере Ирана. Однако авторитет «первых комментаторов» даже более чем через столетие потребовал от подготовивших академическое издание 1986 г. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова сделать специальную оговорку относительно невозможности этой версии: Чебокар следует искать в Мазендеране, а никак не в Гиляне или Трасоксании, то есть это точно не Бухара [Семенов, с. 59; Хожение 1986, с. 141, примеч. 40]. Все же это ошибочное мнение до сих пор встречается в популярной литературе. Например, Ф. И. Гримберг

в комментариях к своему роману «Никитин. Семь песен русского чужеземца», увидевшему свет в 2003 г., отметила, что Афанасий Никитин, «возможно», «писал о Бухаре» [Гримберг, с. 416, примеч. 68].

Надо полагать, Карамзин не проводил специальных историко-географических изысканий, ориентируясь на простое созвучие. Первое обстоятельное обследование «Хожения за три моря» и разыскание об упомянутых там топонимах подготовил в 1857 г. И. И. Срезневский. Чебокар он локализовал так: «Из Дагестана Никитин переправился по Каспийскому морю в Мазандеран, и именно к Бальфурушу, который издавна занимал видное место в числе пристаней Каспийского моря. Недалеко отсюда, в Чебокаре, Никитин прожил полгода, праздновал между прочим и Пасху 1468 г. (апреля 17-го). Чебокар есть, вероятно, Чапакур, между Бальфурушем и Сари. И ныне еще у этих берегов нередко пристают русские торговые суда» [Срезневский, с. 41]. Свои выводы ученый снабдил ссылкой на отчет о поездке в 1836 г. в Мазендеран майора Э. Д'Арси Тодда, опубликованный в журнале британского Королевского географического общества за 1838 г., где на самом деле о Чапакуре речи не было, говорилось только: «...порт Бальфуруша, Мешхеди сер ⟨Бабольсер⟩, на Каспийском море, является местом, где выгружают все русские товары, доставляемые в Мазендеран» [D'Arcy Todd, p. 104].

Версия Срезневского, идентифицировавшего Чебокар с неким Чапакуром, была воспринята позднейшими комментаторами. Она отражена в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных исследований, художественной прозе и публицистике, за редким исключением.

Еще прежде появления академических изданий «Хожения» краевед Е. А. Мирожина, подготовившая в 1922 г. в Твери в ознаменование 450-летия путешествия Афанасия Никитина книгу о нем, писала, что Чебокар — это «Чапокур в настоящее время» [Мирожина, с. 8].

Так же считал К. И. Кунин, чей научно-популярный очерк был опубликован в 1947 г. посмертно: «Путешественник провел первые полгода своего пребывания в Иране в небольшом городе Чапакур (у Афанасия Никитина „Чебокар“)»; «Чапакур расположен между городами Барфруш и Сари. Во времена Афанасия Никитина этот город не играл сколько-нибудь заметной роли в торговле Мазандерана» [Кунин 1947a, с. 13]. В то же время была издана историческая повесть К. И. Кунина «За три моря», где фигурирует «Чапакурский хан», на постройке «дворца» которого Афанасий Никитин «нанялся» «добывать глину для кирпичей» [Кунин 1947b, с. 51–57; 1972, с. 32–35]. Сам город представлен писателем как небольшой порт:

«— А что за город Чапакур? — спросил он (Афанасий Никитин. — *Д. Х.*) у джигита.

— Город плохой, — ответил Яхши-Мухаммед, — живут здесь рыбаки, садоводы и купцы мелкие. Плохой город!» [Кунин 1947b, с. 51; 1972, с. 32].

В комментариях к первому академическому изданию «Хожения за три моря», вышедшему в 1948 г., И. П. Петрушевский зафиксировал версию Срезневского и сделал ее каноничной: «Чебокар — по-видимому, Чапакур, поселение в Мазандаране, на южном берегу Каспийского моря, к западу от Сари» [Хожение 1948, с. 148, примеч. 32]. Этот текст был повторен во втором академическом издании, 1958 г. [Хожение 1958, с. 195, примеч. 32]. А в третьем издании, 1986 г., подготовленном Я. С. Лурье и Л. С. Семеновым, даже убрана ссылка на гипотетичность этой идентификации («по-видимому»). Комментарий теперь звучал так: «Чапакур расположен на южном берегу Каспийского моря, в Мазендеране, к западу от Сари, куда затем перебрался Афанасий Никитин» [Хожение 1986, с. 141, примеч. 40]. Текст комментария И. П. Петрушевского, но без оговорки «по-видимому», был повторен в тверском издании «Хожения» 2003 г. [Хожение 2003, с. 128, примеч. 36].

После 1948 г. иных мнений в академической историографии практически не встречалось. Обычно место просто отмечали на карте — уже не как Чебокар, а как Чапакур (*Chapakur; Tchapakour*) [Lesný, s. 76–77; Ильин, с. 47; Хожение 1960, с. 80; Morris, p. 503; Le Guillou, p. 22; Nikitine, p. 17, 26, 32; Синицына, с. 449]. Более того, возможно, под влиянием сочинений Кунина Чапакур стал восприниматься многими именно как город. Так писал уже Н. В. Водовозов: «Чебокар или, вернее, Чапакур — портовый город, расположенный между Бальфурушем и Сари на берегу Каспийского моря» [Водовозов 1950, с. 127, примеч. 21]. Эту же мысль он развил в соответствующей лекции в 1955 г.: «По-видимому, в Баку Афанасий Никитин все же сумел заработать достаточно денег для оплаты проезда по Каспийскому морю из Баку в персидский порт Чапокур»; «Город Чебокар, или Чапокур, находится в области Мазандаран на севере современного Ирана»; «Афанасий Никитин ничего не говорит о своих занятиях и делах в Чапокуре. Не описывает он и города. Последнее объясняется, вероятно, тем, что в Чапокуре русские купцы бывали и до него и об этом городе на Руси знали» [Водовозов 1955, с. 16–17]. Так же в публикации «Хожения», подготовленной в 1980 г. Н. И. Прокофьевым: «Чебокар — Чапакур, портовый город на южном берегу Каспийского моря, в иранской области Мозандеран» [Прокофьев, с. 183, примеч. 21]. То же видим во многих других републикациях, романах и исследованиях [Прибытков, с. 146; Nikitine, p. 64, not. 9; Stacy, p. 26; Тетенькина, с. 118, примеч. 10; Малето, с. 104; Бобров, с. 191; Толстов, с. 172].

Изредка встречались малосущественные разночтения. Так в обзоре А. М. Осипова, В. А. Александрова и Н. М. Гольдберга «Афанасий Никитин

и его время» сказано о «селении Чебокар (правильнее — Чапокур)» [Осипов, Александров, Гольдберг, с. 92, 203]. Примерно так же писала М. Н. Виташевская: «Недалеко от Барферуша в Чебокаре (очевидно, селение Чапакур) Никитин, не боясь лихорадки, прожил полгода...» [Виташевская, с. 43]. Перевод на английский «Хожения», изданный в Москве в 1985 г., сопровождался комментарием, что Чапакур (*Chapakur*) — это деревня (*a village*) в Мазендеране [Afanasy, p. 62, not. 20]. А в недавно изданной книге С. Е. Кутейникова Чапакур назван «северными каспийскими воротами Мазендерана» [Кутейников, с. 89].

Однако никакого Чапакура не карте Ирана нет — такой топоним отсутствует. Исследователи, которые хотели проверить указание научных авторитетов, не смогли найти в атласах ни Чапакура, ни Чебокара. И. И. Срезневский не указал источника своей версии. Он сослался только на статью Э. Д'Арси Тодда, у которого нет никакого упоминания Чапакура. Это привело к тому, что некоторые исследователи стали ставить под сомнение отождествление «Чебокара» из «Хожения» с неким Чапакуром, выискивая другие версии.

Как кажется, это было спровоцировано в 1939 г. опубликованной Н. И. Воробьевым картой путешествия Афанасия Никитина, где точкой его высадки в Мазендеране отмечен город Бальферуш (с 1927 г. Баболь), который на самом деле лежит даже не на побережье, — ближайший к нему порт, Мешхедсер, находится в 20 км (*Mashhadsar*; с 1927 г. Бабольсер) [Воробьев].

На это обратил внимание В. В. Богданов. Он писал: «Проф. Воробьев, как и другие авторы, пользовавшиеся новейшими европейскими атласами, не нашел Чебокара в северной Персии и по догадке заменил его Бальферушем» [Богданов 1944, с. 330]. Богданов подчеркнул, что «эти неувязки с текстом путешествия должны быть пересмотрены», и предложил свой вариант: «Естественнее было бы искать г. Чебокар в той же Мазендаранской провинции к востоку от Сари, на южном берегу Каспия, в заливе Астрабадском, где и в древнее время был морской порт с сухопутными путями от него в Туркмению и Хорасан на восток и оттуда же через Сари и Амуль (Амоль) на юг к Персидскому заливу» [Богданов 1944, с. 330–331].

Речь идет об Астрабаде (Горгане; Джурджане) в Голестане, который не вполне порт — он примерно в 30 км от побережья, — но всегда имел собственную гавань в одноименном — Астрабадском (Горганском) — заливе, который действительно тысячелетиями служил важной торговой гаванью, в том числе для русских купцов. Дело в том, что в этой части Каспия море постепенно отступало. Так порт Мешхедсер в устье реки Баболь оказался в десятках километров от Бальферуша, а песчаный остров Ашур-Аде (крупнейший у иранского побережья) слился с полуостровом Миankале, отделяющим

Астрабадский залив. Соответственно, береговая линия здесь менялась, как и место порта для Астрабада (Горгана). В начале XX в. это был Бендер-Гез, позднее построили Бендер-Торкеман, который разместился возле заброшенного в XIII в. города-порта Абаскун.

Эти логистические ориентиры определенно сохранялись и в XV в. — Астрабад был важными торговыми воротами, ведущими в Хорасан и далее в глубь континента.

Именно такое направление считал приоритетным для Афанасия Никитина М. Н. Тихомиров. Он писал: «Именно сюда, в Гурджен, о котором мы говорили как об основном порте, через который шли сношения с Кабулом, и направлялся Афанасий Никитин» [Тихомиров, с. 113]. Академик Тихомиров полагал, что путешественник сразу планировал идти в Индию, а потому должен был направляться к Кабулу, через который проходил традиционный маршрут. Однако по какой-то неведомой причине Афанасий вдруг свернул, выбрал иной — морской — путь: «Сам Гурджен в его маршруте не значится, но Никитин подошел очень близко к нему, повернув затем на юг к Персидскому заливу. Неизвестно, по какой причине Афанасий Никитин отказался от этого пути на Гурджен-Кабул и отправился в Индию по Индийскому морю» [Тихомиров, с. 113]. При этом Тихомиров признавал, что речь идет о Хорасане, выходцем из которого Афанасий представлялся в Индии: «Портом же этой провинции является Гурджен на Каспийском море» [Тихомиров, с. 113].

Основным препятствием для поисков Чебокара в окрестностях Астрабада является то, что это иной регион — как исторически, так и географически. Чебокар, судя по «Хожению за три моря», находился в Мазендеране, а не в Горгане или Хорасане.

В персидском языке гласные на письме не отражаются, а потому в источниках встречается много вариантов передачи топонима Мазендеран: Мезендеран, Мазандаран и т. п. Официально латиницей в Иране сейчас пишут: *Mazandaran*. Эта область — участок плодородной равнины, зажатой между морем и хребтом Эльбурс, со спящим вулканом Демавенд (5610 м) во главе. Регион имеет ярко выраженные климатические особенности: здесь влажно, много рек и даже болот. Это единственное место в Иране, где нет недостатка в пресной воде. Здесь плодородные земли, выращивают рис и множество других сельхозкультур. Умеренный субтропический климат Мазендерана сейчас считается приятным и подходящим для курорта, но прежде признавался опасным и нездоровым, способствующим развитию различных инфекций. Посетивший регион в 1860 г. Г. В. Мельгунов писал: «Несмотря на богатую производительность природы, климат на южном Каспийском побережье весьма дурной и вредный для здоровья» [Мельгунов, с. 22].

Горы довольно четко очерчивают границы Мазендерана, прикрывая его с юга и оставляя узкие проходы вдоль моря на запад и восток. К западу расположена область Гилян с похожей географической структурой — также зажата между морем и Эльбурсом. Между Мазендераном и Гиляном протянулся участок побережья — условно от Сефидруд до Руяна (ок. 200 км), где горы особенно близко подходят к морю (до 2 км). Во времена Афанасия Никитина эту область называли Рустамдар. Позднее она многократно членилась и меняла названия.

На востоке Мазендеран заканчивается в районе побережья Астрабадского залива, которое также очень близко подходит к горам. На этом участке находится Бендер-Гез и другие мелководные гавани. Именно здесь немецкий исследователь Себастьян Кемпген недавно обнаружил топоним *Tschubukende* / *Chūbākanda*, который счел допустимым сопоставить с Чебокаром [Kempgen 2010, S. 36–40; 2020, S. 224–226]. Он пользовался немецким переводом (1868 г.) описания Южного берега Каспийского моря, сделанного Г. В. Мельгуновым и опубликованного впервые в 1863 г. Там упоминается пересыхающий ручей и деревня *Tschubukende* (Чубукендэ) невдалеке от Геза (Гяза) [Melgunof, S. 103, 112, 121; Мельгунов, с. 49, 54, 67]. Используя электронные сервисы Wikimapia и Google Earth, ученый обнаружил около Бендер-Геза поселение *Jafakandah*, которое транскрибировал как *Chūbākanda* и счел подходящим под описание Мельгунова. По мнению Кемпгена, ему «удалось определить», что *Čubukanda* — это упоминавшийся у Афанасия Никитина Чебокар: «С языковой точки зрения в своих воспоминаниях Никитин, очевидно, после длительного пребывания в Индии, перепутал типично индийский компонент топонима *-kar/-gar* с *-kant/-kent* и поэтому превратил *Čubukanda* (или подобное) в *Čebokar*. Сейчас транскрипция обычно как *Jafakanda*(*h*). Изменение гласных совершенно не должно смущать; важно то, что теми же остаются опорные согласные č — b — k» [Kempgen 2020, S. 225; 2010, S. 38][1].

Деревня Чубукендэ, если сопоставлять ее с современной Джафакандой (*Jafakandah*), фактически пригородом Геза (Гяза), действительно расположена в «стратегическом» месте — прямо на пути, который вел в Горган и Хорасан. Мельгунов упоминал, что там обычно нанимали лошадей. Сейчас это граница Мазендерана. Примерно здесь она проходила и в Средние века, хотя в то время оставалась условной и менялась в зависимости от политической обстановки.

[1] Здесь и далее переводы с немецкого Н. К. Майлер.

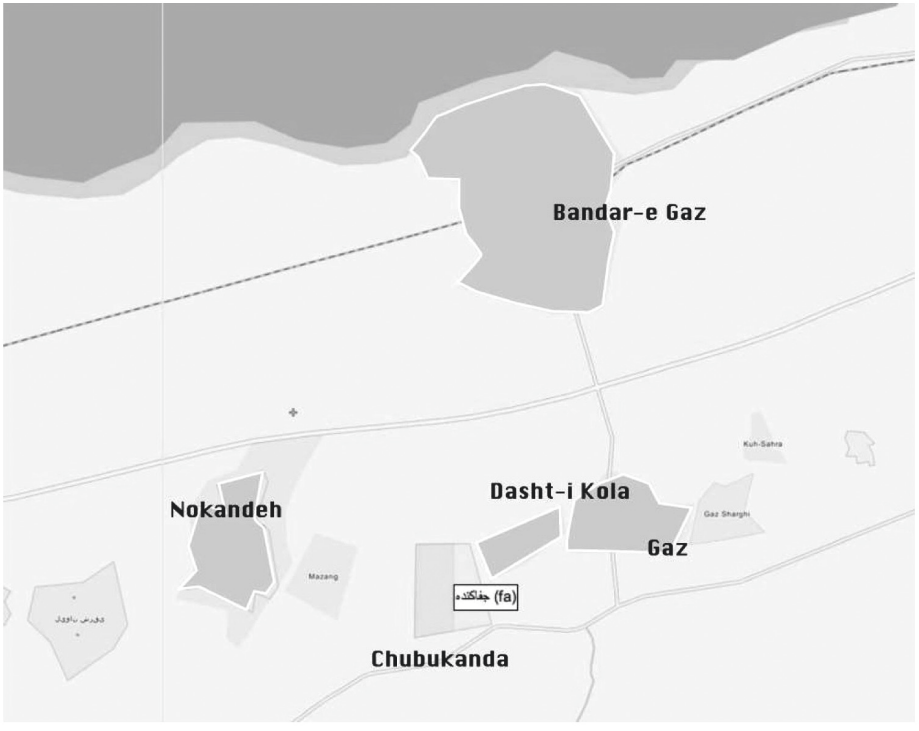

Рис. 1. «Чубуканда» на карте Мазендерана-Горгана у С. Кемпгена, 2010 г.

Можно встретить известия, в которых даже Астрабад относится к Мазендерану. Например, персидский географ Хамдаллах Мустауфи Казвини (ок. 1282 — ок. 1350) в своей «Нузхат-Ал-Кулюб» (ок. 1340 г.) назвал Джурджан (Астрабад) столицей Мазендерана, в состав которого включал и Амоль, и Рустамдар [Qazwin, p. 156–157; ср.: МИТТ, с. 509]. Однако чуть ниже он же описывал Мазендеран как область, отдаленную от Астрабадского залива. О полуострове Миankале (*Nīm Murdān*) при Астрабадском заливе он сообщал так: «Полуостров (или остров), и там много народа. Корабли из Руси, Гиляна и Мазандарана ходят сюда. Он расположен на расстоянии трех лиг от Астрабада и имеет большой доход от торговых кораблей» [Qazwin, p. 157].

Ясно, что поиски Чебокара в районе Астрабадского залива не лишены историко-географических оснований, хотя вариант Чубукендэ выглядит малоубедительным — это небольшая деревня, о прежнем значении которой остается только гадать, и кроме того, она удалена от моря.

Другой вариант локализации связан с созвучием, которое неизбежно напрашивается русскоязычному автору: Чебокар напоминает название чу-

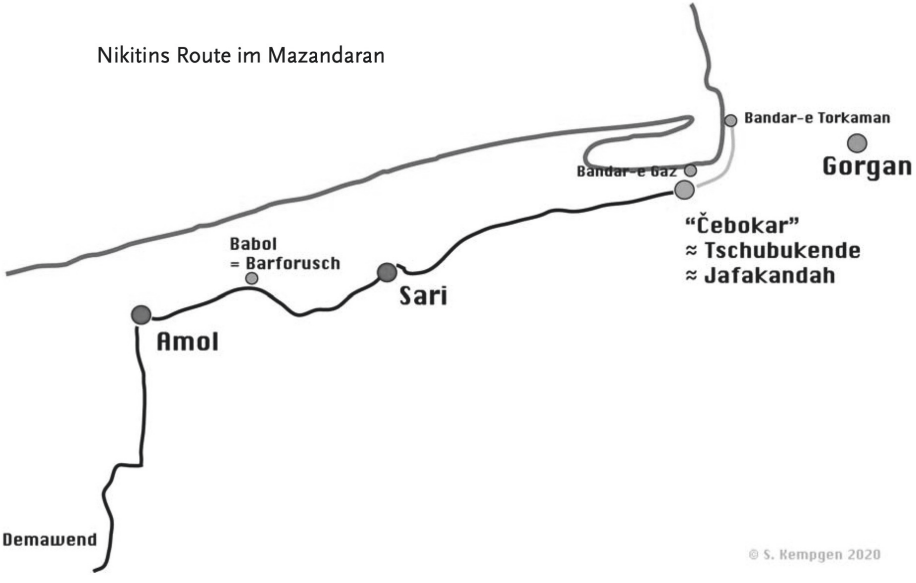

Рис. 2. «Джафаканда» на карте Мазендерана-Горгана у С. Кемпгена, 2020 г.

вашской столицы Чебоксары. Прежде название во множественном числе — Чебоксары — было необязательным, оно утвердилось уже в XX в. По-чувашски город называется Шупашкар. Однако впервые он упоминается в 1469 г. именно в русифицированной форме: «И того же дни отплывше от Новагорода 60 верстъ ночевали, а наутрее обедали на Рознежи, а ночевали на Чебоксари; а от Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли, и приидоша под Казань на раннеи заре маия в 21, в неделю 50-ю» [ПСРЛ 2001, стб. 167; ср.: ПСРЛ 1853, с. 189; ПСРЛ 1859, с. 156; ПСРЛ 1901, с. 121–122; ПСРЛ 1949, с. 282].

О происхождении этого названия единого мнения не сложилось. Н. И. Золотницкий полагал, что Чебоксар — название реки, на которой возник город, причем «чебок» — от *чуваш.* «лещ, подлещик», а «сар» — «место, изобильное чем-то», то есть Чебоксар — это «местность, изобильная рыбой (лещами)» [Золотницкий, с. 257–258][2]. В. Г. Егоров в «Этимологическом

[2] Примечательно, что схожее объяснение Е. Ч. Скржинская дает для выражения *Mar delle Zabache* («Забакское море»), как венецианцы в XV в., в частности Иосафат Барбаро, называли Азовское море: «Возможно, что в слове *Zabache* скрывается название рыбы: „чабак" до сих пор на Нижнем Дону значит „лещ". Азовское море и устья впадающих в него рек богаты, как известно, рыбой (ценные породы осетровых рыб — осетр, севрюга, белуга; судак, лещ, сазан, чехонь)» [Барбаро-Контарини, с. 165, примеч. 19].

словаре чувашского языка» отразил версию, что чувашское «шупаш» — это собственно «чуваш», а «кар» из восточно-финских языков — «селение» или «город». Он также упомянул вариант, что «шупаш» может происходить от «шупашка» — «кадка, выдолбленная из цельного дерева» [Егоров, с. 338–339]. Встречаются и другие версии, которые предполагают смешение тюркских и финских корней. Вполне возможно, что на название могла повлиять русская огласовка, обратившая «кар» в «сар» или наоборот.

Примечательно, что «Чебоксары» на письме вполне могли испортиться до «Чебокар». Сохранилась челобитная 1683 г., обращенная к царям Ивану и Петру, где «чебоксарские» стрельцы записаны как «чебокарские»: «Кузмодемьянскими и Чебокарскими стрелцами, и всяких чином Царицынскими жителми» [ДАИ, с. 440, № 99].

Очевидно, что путь Афанасия Никитина никак не был связан с Чебоксарами. Но поселение с похожим названием существует в Гиляне — Чабоксар (*Chaboksar*; چابکسر). Оно расположено на побережье около Рамсара в месте, где горы ближе всего подступают к морю — менее 2 км. Исторически это область Рустамдар. Об этимологии топонима Чабоксар тоже нет единого мнения, но кажется, что он оформился иначе, чем чувашские Чебоксары. Возможно, первая часть происходит от *перс.* «чабок» (*Chabk*; چابک) в значении «ловкий, умелый, красивый», а «сар» (*sar*) — побережье, то есть речь идет о каком-то особенно выразительном участке побережья.

Одной из первых, судя по всему, попытку отождествить поселок Чабоксар с Чебокаром Афанасия Никитина предприняла в своей диссертации Дж. М. Браун (Durham University, 1984): «Чебокар, вероятно, может быть идентифицирован с прибрежной деревней Чебоксар на крайнем западе Мазендерана» (*Chebokār may perhaps be identified with the coastal village of Chāboksar in the extreme west of Māzandarān*) [Brown, p. 158]. В этом же направлении развивали свои размышления иранские исследователи Дж. Карими-Мотаххар и М. Яхьяпур. По их мнению, нас не должно смущать, что Чабоксар находится в «Восточном Гиляне», поскольку, с одной стороны, границы этой области неоднократно менялись, а с другой — сам Афанасий Никитин «упоминал в другом месте теплый климат» Гиляна, то есть, возможно, бывал там [Карими-Мотаххар, Яхьяпур; Хожение 2024, с. 208]. При этом на однозначных выводах они не настаивают, отразив в комментариях к своему переводу «Хожения» на персидский, что «Чебокар или Чапакур — место не установлено» [Хожение 2024, с. 26].

В целом исследователи правы, что указывают на подвижность представлений о границах регионов. Сложности в определении границы между Гиляном и Мазендераном возникали даже в 1860 г. у экспедиции Б. А. Дорна

(1805–1881), в которой участвовал Г. В. Мельгунов [Мельгунов, с. XIX]. Уже упоминавшийся персидский географ Хамдаллах Казвини описывал Мазендеран в середине XIV в., приобщая к нему как Астрабад, так и Рустамдар [Qazwin, p. 156–157; ср.: МИТТ, с. 509]. О Гиляне он писал, что «провинция протянулась вдоль побережья Каспийского моря; протяженностью, от реки Сефидруд и Рустамдара до Муганской области, 40 лиг» [Qazwin, p. 158]. То есть место, где сейчас расположен Чабоксар, к Гиляну не относилось — это Рустамдар. При этом во времена Афанасия Никитина современники определенно отделяли Рустамдар от Мазендерана, тем более что там были не только независимые, но даже не всегда дружественные правители.

Главным источником сведений о событиях тех лет служит сочинение «Тарих-и Табаристан ва руи-ан ва Мазандеран» («История Табаристана, Ройана и Мазандарана»), написанное ок. 1476 г. влиятельным политиком Мир Захир ад-Дин Мараши (*Ẓahīr al-Dīn Marʿashī*; 1412 — ок. 1489), принадлежавшим правящей в Мазендеране династии Мараши (1359–1596), причем главной его ветви — основатель династии Мир Бозорг приходился ему дедом. Родственники Захира ад-Дина правили в Сари и Амоле, а он посвятил себя службе соседнему государю — султану Мухаммаду II, а потом его преемнику Мирзе Али (правил с 1476 (1478) по 1503 (1505)), которые владели Восточным Гиляном, держа столицу в Лахиджане (династия Каяян). Там он отвечал в том числе за военное разрешение конфликтов в Рустамдаре. В своем сочинении Захир ад-Дин описал зарождение местных династий в Мазендеране и довел изложение до 1476 г. Причем, собственно, только его данными мы располагаем для рассказа о начале междоусобиц в Мазендеране, которые разразились после убийства 4 октября 1467 г. Мир Абдуллы его двоюродным братом Зейном аль-Абдином, который затем воцарился в Сари. Абдул-Керим, малолетний сын Абдуллы, воспитывался тогда в Герате при дворе последнего Тимурида Абу Саида. Сначала Абу Саид, а потом победивший его Узун-Хасан давали указания на восстановление на троне законного наследника Абдул-Керима, что привело к затяжному конфликту — военные действия шли вплоть до 1489 г. Первоначально главными заступниками Абдул-Керима выступали правители Гиляна и Рустамдара, которые поддержали его войсками. Из описания событий совершенно ясно, что Рустамдар в то время никак не могли причислить к Мазендерану. Это же касается Астрабада [Dorn, S. 62–64, 125–127; Мажд, с. 185–187, 190].

К этому следует добавить, что никаких данных о существовании поселения Чабоксар (или с похожим названием) в окрестностях Рамсара ранее XX в. не сохранилось. На картах прежних веков его нет. Оно не упоминалось даже в обзоре Мельгунова [Мельгунов, с. 207–209]. Не знают его и другие

путешественники, посещавшие ранее эти места, включая, например, немецкого ботаника С. Г. Гмелина (1744–1774), который в 1771 г. проехал весь Рустамдар и подробно обследовал флору именно в окрестностях Рамсара, о чем оставил подробный отчет [Gmelin 1784, S. 358–448; 2007, p. 196–204].

Выходит, что две основные альтернативные версии, которые локализуют Чебокар либо в Чубукендэ (Горган-Астрабад), либо в Чабоксаре (Гиляр-Рустамдар), не находят надежных подтверждений в источниках. И это заставляет снова вернуться к выводам И. И. Срезневского.

В статье 2010 г., выводы которой были повторены в монографии 2020 г., Себастьян Кемпген резюмировал так:

«Пока в качестве промежуточного итога можно констатировать следующее:

— как подтверждение для Чебокара, которое приводит Срезневский, Д'Арси Тодд не подходит. Срезневский допустил здесь странную ошибку, которую в данный момент невозможно объяснить. Все более поздние ссылки на предполагаемый источник о расположении Чебокара, которые косвенно относятся к Срезневскому, соответственно, недействительны;

— пока остается неясным, на какой предположительной информации о поселении основывается вариант „Чапакур", — Срезневский использует его как хорошо известный топоним;

— не существует никакого известного города или поселения под названием Чебокар или Чапакур; соответственно, неизвестно, где Афанасий Никитин сошел на берег и где именно была его первая остановка в Мазендеране» [Kempgen 2010, S. 30; 2020, S. 224–226].

В позиции отечественных исследователей, которые регулярно в вопросе Чебокара отсылают к Срезневскому, немецкий ученый видит чуть ли не заговор:

«Если Чебокар „очевидно" является Чапакуром, тогда читатель непременно предположит, что место с таким названием будет хорошо известным. Но это вовсе не так, а также остается неясным, почему этот Чапакур / Чебокар обязательно находится „к западу от Сари". На размещенной выше карте видно, что и западнее, и восточнее на берегу расположены поселения, но ни одно из них в настоящее время не носит искомого названия. Однако интересно, что редакторы называют это место „местечком", небольшим поселением, как будто бы им было понятно, что этот город совсем не известен» [Kempgen 2010, S. 26–27].

При этом Кемпген, кажется, ознакомился с русскоязычной историографией не вполне основательно, а потому многократно допускает технические ошибки при ссылках на нее. Комментарий: «Чебокар — по-видимому, Чапа-

кур, поселение в Мазандаране, на южном берегу Каспийского моря, к западу от Сари» — он приписал Б. Д. Грекову и В. П. Адриановой-Перетц — надо полагать, из-за того, что они были ответственными редакторами первого издания «Хожения» 1948 г., которое потом переиздали в 1958 г. [Kempgen 2010, S. 26–27; Хожение 1948, с. 148, примеч. 32; 1958, с. 195, примеч. 32]. На самом деле автором комментариев в обоих изданиях был И. П. Петрушевский, как там и указано. Кроме того, Кемпген дал ссылку на издание 1958 г. с ошибкой в номере страницы (194 вместо 195) [Kempgen 2010, S. 27, not. 6] — возможно, он им вообще не пользовался. В случае с изданием «Хожения», подготовленным Н. В. Водовозовым, немецкий ученый опять не разобрался: у него все выводы приписаны Ежову, хотя И. С. Ежов — это выпускающий редактор, а под комментариями стоит подпись автора — «проф. Н. Водовозов» [Kempgen 2010, S. 27; Водовозов 1950, с. 182]. Далее Кемпген упрекнул Я. С. Лурье и Л. С. Семенова: «Эти авторы также как будто знакомы с Чапакуром. В пространном комментарии ⟨...⟩ они косвенно ссылаются на Карамзина и его первое — неправильное — определение Чебокара ⟨...⟩ но упоминают лишь о „первых комментаторах“, согласившихся с этим мнением. Разве нельзя допустить, что Карамзин совершил ошибку, или авторы не знают, что текст открыл сам Карамзин?» [Kempgen 2010, S. 27; ср.: Хожение 1986, с. 141, примеч. 40]. На самом деле Чебокар с Бухарой сопоставлял не один только Карамзин, но и М. М. Виельгорский.

Кроме того что немецкий автор допустил массу неточностей, он настолько усомнился в возможностях версии И. И. Срезневского, что, даже обнаружив топоним, похожий на Чапакур, отверг его: «Единственным расплывчатым указанием, приведшим Срезневского к такому предположению, могло быть название одного городского квартала (*mahal[a]*) под названием *Chapukrud*, который Рабино ⟨...⟩ упоминает как пригород Барфоруша. Узнать больше об истории этого района и проследить ее до XV века не представляется возможным. В этом случае нам пришлось следовать предположению, что Никитин в течение шести месяцев постоянно путал название квартала с названием города и что он дальше отправился зигзагообразным курсом, который плохо прочитывается в тексте: он направился бы на восток от Барфоруша, сначала доехав до Сари, затем тот же путь обратно в Барфоруш и далее в Амоль. Однако нейтральное прочтение перечисленных им остановок, несомненно, выстроило бы остановки одну за другой. По указанным причинам мы считаем крайне маловероятным отождествление Чебокара с *Chapakrud*. В крайнем случае мы считаем возможным, что если Срезневский наткнулся на упоминание *Chapakrud* в каком-то другом, более древнем источнике, остановился на этом месте расположения первой остановки в Балфоруше именно по этой

причине. Но и такое старое указание нужно было бы сначала найти» [Kempgen 2010, S. 31, not. 9].

Поразительно, что немецкий исследователь, натолкнувшись на такое правдоподобное сопоставление, не смог его развить. Его невнимательность выразилась даже в том, что в одном и том же тексте он сам топоним пишет различно: то *Chapukrud*, а то *Chapakrud*, отсылая именно к Чапакуру. В персидском, как уже было сказано, гласных на письме не указывают, но у Рабино значится именно *Chapukrud*. Гиацинт Луис Рабино ди Боргомале (1877–1950) в начале XX в. некоторое время был британским консулом в Реште (Гилян), откуда в 1909 г. вывез в Лондон примечательную коллекцию древностей. Впоследствии он перебрался в Каир, а о поездке к Мазендеран опубликовал в «Географическом журнале» за 1913 г. краткую заметку, в которой упомянул: «Жители небольшого пригорода Чапукруд [*the small mahal of Chapukrud*], ранее входившего в состав Барфоруша, когда-то селились недалеко от побережья, но поскольку они постоянно подвергались нападениям туркменских пиратов, они удалились в глубь материка, в места своего нынешнего поселения» [Rabino, p. 450].

Кемпген немного передергивает, когда отождествляет «махал» (*mahal*), который первоначально переводит как «городской округ» (*Stadtviertel*), именно с городским кварталом (*Quartal*), иронизируя, что Афанасий Никитин «путал название квартала с названием города» (*den Namens eines Quartals mit dem der Stadt*). Речь идет в данном случае именно о «пригороде», округе, соседствующем с городом, — подобные «махалы» на Востоке могут отстоять от собственно города на несколько километров, оставаясь именно «пригородами». Причем этот Чапакруд (CPKRWD; چپکرود) был хорошо известен не только Рабино, но и Мельгунову, что Кемпген удивительным образом не заметил: «Д⟨еревня⟩ Чапек-руд چپکرود, с речкою того же имени или Таляр; от берега моря отстоит на 1 ф⟨арсах⟩. В недальнем расстоянии от этой деревни построены, несколько лет тому назад, две сторожевые башни, для защиты от нападений туркмен. Караульных в башнях не бывает. Река Чапек-руд имеет достаточную глубину; рыбная ловля в ней сдается на откуп за 66 тум⟨анов⟩» [Мельгунов, с. 149].

Кроме того, река Чапек-руд (*Tchapek-rud*) со вторым названием Таляр (*Talar*) обозначена на карте в конце книги Мельгунова. В отличие от микроскопической Чубукендэ, приглянувшейся Кемпгену.

Выходит, что Чапакруд — это второе название реки Талар (*Talaar Rood*) — одной из крупнейших рек Мазендерана, растянувшейся на 150 км. Спускаясь с гор, она орошает просторную долину Ширгах (*Shirgah*). Мельгунов причислял «Таляр» к одной из шести самых крупных («по своей величине

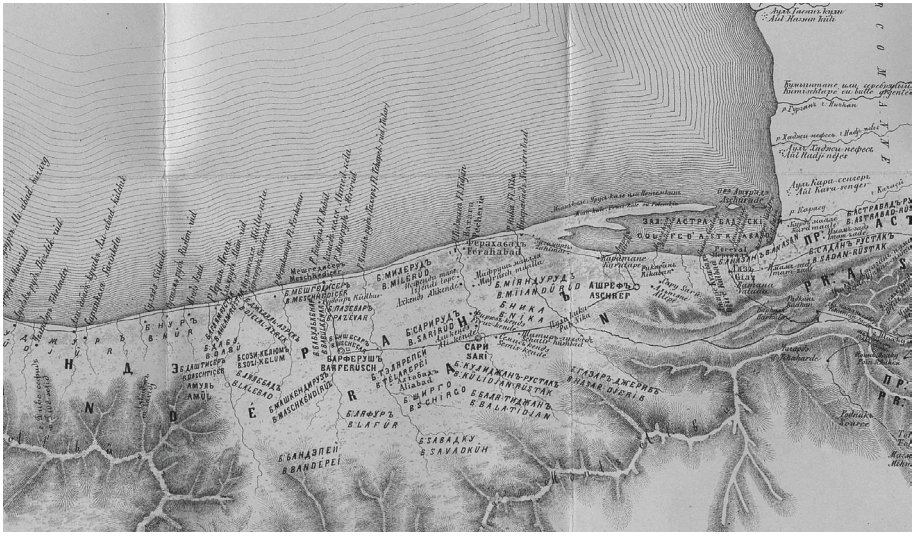

Рис. 3. Мазендеран на карте у Г. В. Мельгунова, 1863 г.

Рис. 4. «Чапекруд (Таляр)» на карте Мазендерана у Г. В. Мельгунова, 1863 г.

и ширине») рек Мазендерана наряду с Ника, Тиджан, Бабуль, Ферикенар и Хараз [Мельгунов, с. 16], при том что общее количество рек в этом регионе превышает несколько сотен. По реке «Таляр» Мельгунов проводил границу «Барферушского уезда» [Мельгунов, с. 98], то есть «махала».

Особенно существенно, что эта река Чапакруд в Атласе Каспийского моря, опубликованном в Санкт-Петербурге в 1826 г., значится как «Река Чебакура» [Атлас, Плоская карта Южной части Каспийского моря № V]. Этот атлас составил штурман А. Е. Колодкин в 1809–1817 гг., и для современников он был самым актуальным. Возможно, им и пользовался И. И. Срезневский или те, кто его консультировал. Соответственно, отождествление «Чебокара» из «Хожения» с «Чебакурой» из Атласа напрашивалось само собой.

Следует также добавить, что Мазендеран в XVIII–XIX вв. считался зоной исключительного российского влияния, а иногда даже включался в состав империи. После Персидского похода Петра I в 1723 г. Гилян и Мазендеран вплоть

до Астрабада отошли к России. Их вернули Персии только в 1735 г., поскольку не смогли найти средств их контролировать. Однако торговые преференции сохранились. Эти области были очень хорошо известны русскому купечеству. По Туркманчайскому миру (1828 г.) Россия получила исключительное право держать на Каспии военный флот, а также право построить военную базу на острове Ашур-Ада при входе в Астрабадский залив. Астрабадскую станцию начали строить в 1841 г. Она функционировала с 1842 по 1917 г., после чего русские оттуда ушли, а в 1919 г. ее разрушили англичане.

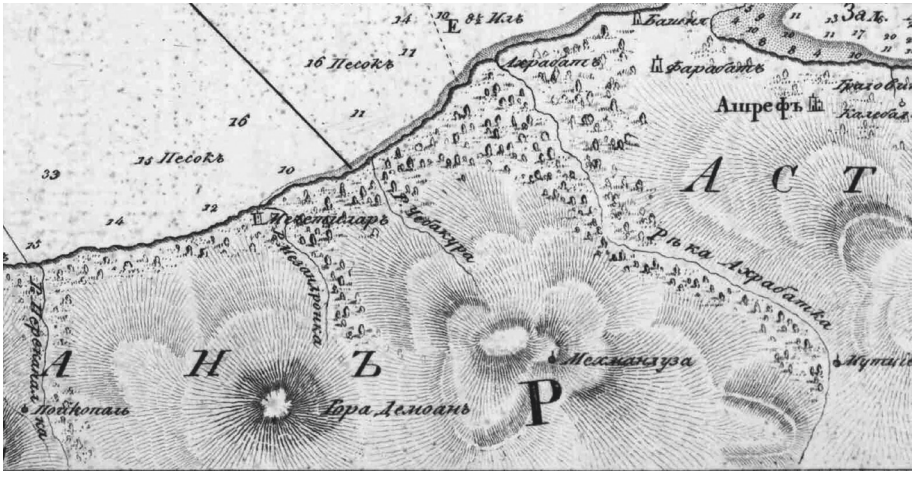

Рис. 5. «Река Чебакура» на карте Мазендерана в «Атласе Каспийского моря» А. Е. Колодкина, 1826 г.

В свое время у И. И. Срезневского было множество средств разузнать у своих соотечественников о топониме в Мазендеране, который напоминал бы слово «Чебокар». Возможно, он опирался на устные свидетельства и не имел никакого печатного издания, на которое можно было бы сослаться, чтобы ввести тождество Чебокар — Чебакура — Чапакруд.

* * *

Местность Чапакруд расположена на запад от Сари в районе современного города Джуйбар, примерно на полпути между Сари и Баболем (Барфорушем), между реками Таджан и Баболь. Большую часть XX в. сельское объединение там именовали по деревне Гилхоран (*Gil Khuran*), которую в 1997 г. переименовали в Чапакруд, а затем в 2023 г. разделили на две агломерации — Восточный и Западный Чапакруд (*Chapakrud-e Sharqi* и *Chapakrud-e Gharbi*). Центральное положение в этом регионе занимает деревня Петруд (*Petrud*; پطرود), название которой с мазендеранского можно перевести как

«кривая река» (رود کج) — то же самое, что тюркское «чапакруд»[3]. Изменение названий в XIX–XX вв. было связано с политическими предпочтениями властей, которые довольно долго старались искоренить топонимы тюркского происхождения. Впрочем, в прежние века тоже не было стабильности.

В XV в. на европейских картах Персия еще оставалась в рамках представлений Птолемея, то есть Мазендеран — это Гиркания (*Hircania*), отделенная горными массивами на западе от Мидии (*Media*), а на юге от Парфии (*Parthia*). Названия городов и рек здесь были плохо идентифицируемы.

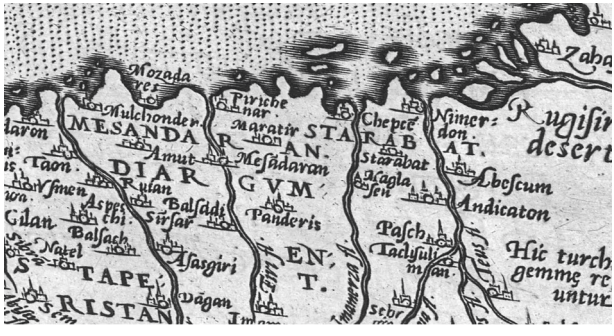

Рис. 6. «Чепсен» в Мазендеране на карте *Persici Sive Sophorum Regni Typus* из *Theatrum orbis terrarum* Абрахама Ортелия, 1570 г.

Первые карты с более или менее соответствующими реальности топонимами Мазендерана стали появляться в конце XVI в. Первая — в *Theatrum orbis terrarum* Абрахама Ортелия, изданном в 1570 г.: *Persici Sive Sophorum Regni Typus*. Впоследствии она была перегравирована в атлас Герарда Меркатора и стала стандартной более чем на столетие. Там в устье реки *Teus* — порт *Nimerdon*. А в конце соседней на западе реки *Imamerza* — порт «Чепсен» (*Chepcen*; иногда *Chepeen*, а позднее *Chepsen*). Рядом — чуть выше по течению — *Starabat*. Еще западнее — область *Masandaran* и одноименный город, а также порт *Perichmar*. Далее на запад — река *Abitorve*, около устья которой порты *Mulchonder* (восточнее) и *Masdaron* (западнее). На ней же города *Taon* и *Ruian*. А потом области *Taperistas* и *Gilan*.

---

[3] На эту этимологию и сопоставление Петруд — Чапакруд указал проф. А. Ашкобос (https://ashkbous.blog.ir/post/تصاویر-پطرود): پترود یا پطرود به معنای رود کج است. واژهٔ چَپَکرود نیز همین معنا را دارد. По консультации проф. Дж. Карими-Мотаххар, в Мазендеране слово *pet* действительно означает «кривой», но используется только в сочетании со словом «глаз», в сочетании с другими словами, включая существительное «река» (*rud*), не встречается. Тем не менее сходное значение тюркского «чапакруд» позволяет считать эту версию наиболее правдоподобной для происхождения названия Петруд (*Petrud*; پطرود).

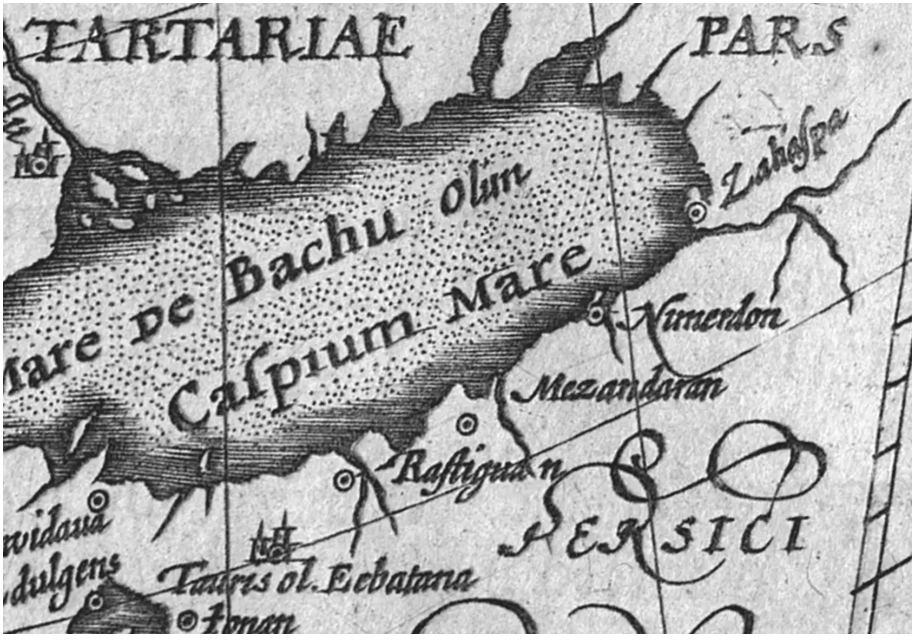

Рис. 7. «Чепсен» на карте Мазендерана в Атласе Меркатора, 1609 г.

Рис. 8. «Чепсен» на карте Мазендерана в «Малом Атласе» Меркатора, 1609 г.

Иногда при переиздании в составе Атласа Меркатора в юго-восточной части каспийского побережья вообще обозначены только три порта — с востока на запад: *Nimerdon*, *Chepcen*, *Mezandaran* [Mercatoris, S. 611]. А в «Малом

Атласе» Маркатора, изданном Й. Хондиусом в 1609 г., для этого региона отмечен лишь один порт — «Чепсен» (*Chepcen*) [Hondius, S. 634].

О соотношении этих названий с реальными судить сложно. Судя по всему, в XVI–XVII вв. представления европейцев о топографии Мазендерана были очень приблизительными. Однако очевидно, что порт «Чепсен» (или «Чепцен») воспринимался как важнейший в этой части Каспийского моря.

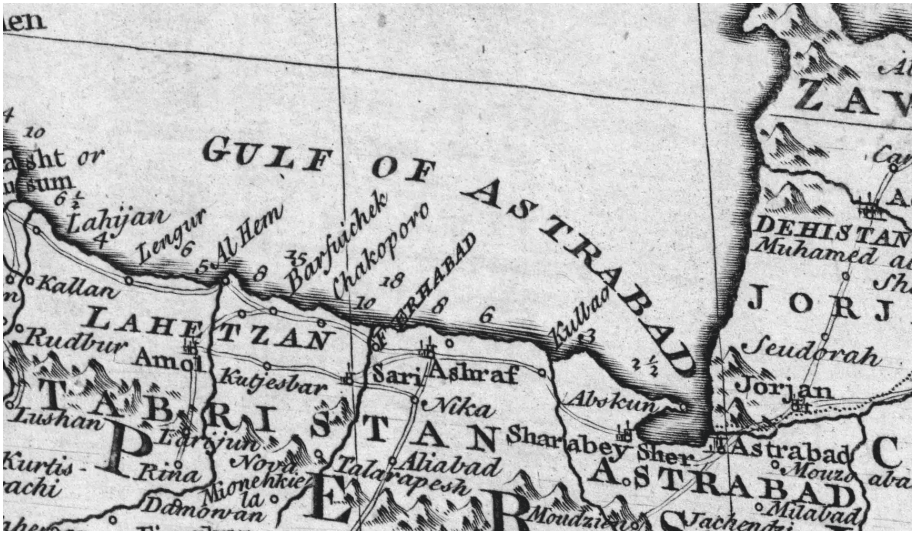

Рис. 9. «Чакапоро» в Мазендеране на карте Каспийского моря Э. Боуэна, 1747 г.

Следующий этап европейской картографии Мазендерана относится уже к XVIII в. Речь идет прежде всего о карте Каспийского моря, подготовленной по данным князя Сулхан-Саба Орбелиани (1658–1725), изданной в Лондоне Эммануэлем Боуэном в 1747 г. [Bowen]. Орбелиани дважды посещал Персию в 1710–1712 гг. Зимой 1710/11 г. он побывал в Хорасане, проехав через Мазендеран, а в 1712 г. ездил в Исфахан, сопровождая своего воспитанника Вахтанга VI (1675–1737), незадолго до того взошедшего на престол Картли. В 1713 г. Орбелиани тайно отправился во Францию, где, возможно, его допросили любознательные географы.

На карте Боуэна в качестве важного порта на Каспийском побережье между Барферушем и Фарахабадом отмечено поселение «Чакапоро» (*Chacaporo*). Этот топоним на английских картах в этом месте упоминался вплоть до середины XIX в. Например, на «Карте земель, лежащих между Индом и Евфратом», изданной в 1813 г. Дж. М. Кинером [Kinneir]. Или на карте Персии Дж. Лонга, издававшейся в 1831 и 1844 гг. [Long].

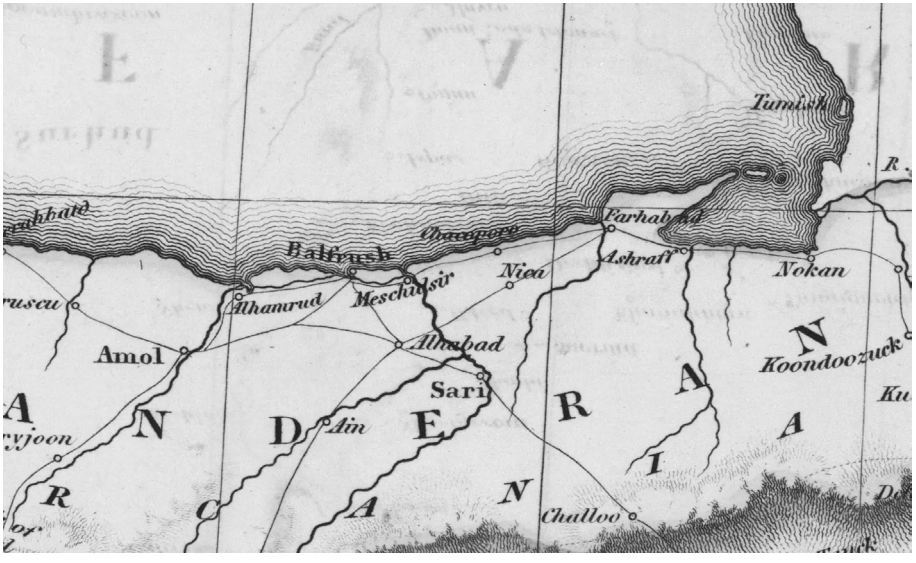

Рис. 10. «Чакапоро» в Мазендеране
на «Карте земель между Индом и Евфратом» Дж. М. Кинера, 1813 г.

Рис. 11. «Чакапоро» в Мазендеране на карте Персии Дж. Лонга, 1831 г.

«Чакапоро» (*Chacaporo*; *Chakaporo*) обозначен на месте, где позднее появился Чапакруд, а соответственно, может быть с ним сопоставлен. Также можно допустить его отождествление с отмеченным у Ортелия и Мерка-

тора «Чепценом» (*Chepcen*; *Chepeen; Chepsen*). Таким образом, местность вокруг устья Чапакруд (Талара) выступает традиционным торговым пунктом, чье функционирование, если судить по сохранившимся картографическим материалам, определенно восходит к XVI в. Скорее всего, она имела то же значение и в XV в.

Для побережья Каспийского моря в районе Чапакруд (условно между портовыми Бабольсером и Фарахабадом) характерны просторные песчаные пляжи. Сейчас там оборудованы зоны отдыха. Для болотистого и влажного Мазендерана это действительно курорт. В эпоху, когда корабли было принято не швартовать или оставлять на рейде, а вытаскивать на берег, песчаное побережье Чапакруда было идеальной гаванью. Прибрежная полоса здесь существенно изменялась в исторический период — сейчас море отступило на несколько километров. Кроме того, менялась и структура береговых поселений, которые в определенные периоды страдали от пиратских набегов, а потому исчезали или переносились в глубь континента. Судя по всему, название местности временами сопоставлялось с определенным поселением и воспринималось как порт, особенно удобный для разгрузки судов. Сейчас район называется Чапакруд. В Мазендеране принято проглатывать последнюю согласную в слове, а потому название обычно звучит как «Чапакру». В XIX в. русские произносили его как «Чебакур», а в XV в. — «Чебокар».

Литература

Атлас — Атлас Каспийского моря, сочинен при Чертежной Государственного Адмиралтейского Департамента с описи и Астрономических наблюдений, произведенных с 1809 по 1817 год штурманом 8 класса и Кавалером [А. Е.] Колодкиным. СПб.: Морская тип., 1826. 18 с.

Барбаро-Контарини — Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 275 с.

Бобров — *Бобров А. Г.* Ефросин Белозерский в поисках Рая. СПб.: Алетейя, 2023. 265 с.

Богданов 1944 — *Богданов В. В.* Путешествие Афанасия Никитина в Персию и Индию // Известия Всесоюзного географического общества. 1944. Т. 76, вып. 6. С. 330–336.

Богданов 2024 — *Никитин А.* Хожение за три моря / Сост. и предисл. А. П. Богданова. М.: Альма-матер, 2024. 415 с.

Виташевская — *Виташевская М. Н.* Странствия Афанасия Никитина. М.: Мысль, 1972. 118 с.

Водовозов 1950 — *Афанасий Никитин.* Хождение за три моря / Предисл., коммент. Н. В. Водовозова. М.: Гослитиздат, 1950. 184 с.

Водовозов 1955 — *Водовозов Н. В.* Записки Афанасия Никитина об Индии XV века: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества [«Знание»] в Москве. М.: Знание, 1955. 32 с.

Воробьев — *Воробьев Н. И.* «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (Тверитина) в 1466–1472 гг. // Ученые записки Казанского гос. пед. института. 1939. Вып. 1. С. 108–129.

Гримберг — *Гримберг Ф. И.* Никитин. Семь песен русского чужеземца: Исторический роман. М.: Астрель, 2003. 423 с.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим / Собр. и изд. Археогр. комис. СПб.: Тип. Э. Праца, 1867. Т. 10. 516 с.

Егоров — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Золотницкий — *Золотницкий Н. И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравнений с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. 279 с.

Ильин — *Ильин М. А.* Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин: Калинин. кн. изд-во, 1955. 48 с.

Карамзин — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб.: Медицинская тип., 1817. Т. 6. 488 с.

Карими-Мотаххар, Яхьяпур — *Карими-Мотаххар Дж., Яхьяпур М.* Топонимия Персии в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // От Каспия до Персидского залива: По следам Афанасия Никитина: Тез. науч. докл. IV Междунар. форума ИАРЯЛ с 29 сентября по 2 октября 2024 г., Тегеран—Баболсар. Тегеран; Баболсар: Тегеранский ун-т, 2024. С. 27.

Кунин 1947a — *Кунин К. И.* Путешествие Афанасия Никитина / Предисл. Э. М. Мурзаева. М.: ОГИЗ, 1947. 68 с.

Кунин 1947b — *Кунин К. И.* За три моря: Путешествие тверского купца Афанасия Никитина: Историческая повесть. М.; Л.: Детгиз, 1947. 167 с.

Кунин 1972 — *Кунин К. И.* За три моря. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1972. 110 с.

Кутейников — *Кутейников С. Е.* Афанасий Никитин: паломничество за три моря. М.: Ломоносовъ, 2024. 232 с.

Мажд — *Мажд М.* Взлет и падение Марашей (مجد, مصطفی. ظهور و سقوط مرعشیان). Бандер-Аббас, 1388 [2008]. 343 с. (На фарси).

Малето — *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников, XII–XV века. М.: Наука, 2005. 437 с.

Мельгунов — [*Мельгунов Г. В.*] О южном береге Каспийского моря / Замечания Г. Мельгунова. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1863. [XXXII], 374 с.

Мирожина — *Мирожина Е. А.* Хожение за три моря тверитина Афанасия Никитина (1466–1472 гг.). Тверь: Тип. Тверского губсоюза, 1922. 23 с.

МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 1: VII–XV вв.: Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. 612 с. (Труды Института востоковедения; [Вып.] 29).

Осипов, Александров, Гольдберг — *Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М.* Афанасий Никитин и его время. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 216 с.

Прибытков — *Прибытков В. С.* Тверской гость. М.: Молодая гвардия, 1956. 374 с.

Прокофьев — Хождение за три моря Афанасия Никитина / Предисл., подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Прокофьева. М.: Сов. Россия, 1980. 207 с.

ПСРЛ 1853 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. Т. 6: VI. Софийские летописи. 374 с.

ПСРЛ 1859 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. Т. 8: VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. 317 с.

ПСРЛ 1901 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. VI, 266 с.

ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. 464 с.

ПСРЛ 2001 — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. VIII, 416 стб., с. 417–446.

Семенов — *Семенов Л. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980. 145 с.

Синицына — Все народы едино суть / Сост., предисл. и коммент. И. В. Синицыной. М.: Молодая гвардия, 1987. 684 с.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857. 88 с.

Тетенькина — *Никитин А.* Хождение за три моря, 1466–1472 / Пересказ Т. Г. Тетенькиной. Калининград: Янтарный сказ, 2004. 118 с.

Тихомиров — *Тихомиров М. Н.* Средневековая Россия на международных путях (XIV–XV вв.). М.: Наука, 1966. 174 с.

Толстов — *Толстов В. А.* Афанасий Никитин. М.: Молодая гвардия, 2023. 247 с.

Хожение 1948 — Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 284 с.

Хожение 1958 — Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. и перераб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 284 с.

Хожение 1960 — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. С. Н. Кумкес; сост. И. Г. Веритэ; пер. Н. С. Чаева. М.: Географгиз, 1960. 131 с.

Хожение 1986 — Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л.: Наука, 1986. 218 с.

Хожение 2003 — Хожение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. С. Н. Кистерева, Л. А. Тимошиной, В. П. Козлова, Л. М. Сориной и др. Тверь: Архивный отдел Тверской обл., 2003. 169 с.

Хожение 2024 — Хожение за три моря Афанасия Никитина (گذر از سه دریا آفاناسی نیکیتین) / Пер. с рус. на перс. М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар. Тегеран, 2024. 256 с. (На фарси).

Afanasy — Afanasy Nikitin's Voyage Beyond Three Seas / Transl. by S. Apresyan. Moscow: Raduga, 1985. 66 p.

Bowen — *Bowen E.* A new and accurate map of the Caspian Sea, laid down from the memoirs of Soskam Sabbus, a Georgian Prince, assisted by some late improvemets. London: Printed for William Innys, Richard Ware, Aaron Ward, J. and P. Knapton, John Clarke, T. Longman and T. Shewell, Thomas Osborne, Henry Whitridge, 1747.

Brown — *Brown J. M.* The Khozhenie za tri morya of Afanasy Nikitin. A critical edition. Thesis submitted for the degree of Master of Arts. University if Durham (Department of Russian), April 1984. 285 p.

D'Arcy Todd — *D'Arcy Todd E.* Memoranda to accompany a Sketch of part of Mázanderán, &c., April 1836 // Journal of the Royal Geographical Society of London. 1838. No. 8. P. 101–108.

Dorn — Die Geschichte Tabaristan's und der Serbedare nach Chondemir [Giyātaddīn b. Humāmaddīn Ḫwāndamīr] / Persisch und Deutsch von B. Dorn. St. Petersburg: Kais. Akad. d. Wiss., 1850. 186 S.

Gmelin 1784 — *Gmelin S. G.* Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1784. T. 3. 508 S.

Gmelin 2007 — *Gmelin S. G.* Travels through Northern Persia / Transl. and annotated by W. Floor. Washington D. C.: Mage Publ., 2007. 384 p.

Hondius — *Mercator G., Hondius J.* Persicum Regnum // Mercator G., Hondius J. Atlas Minor. Amsterdam, 1609.

Kempgen 2010 — *Kempgen S.* «Čebokar» und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins // Wiener Slawistischer Almanach. 2010. [Bd.] 65. S. 23–51.

Kempgen 2020 — *Kempgen S.* Afanasij Nikitin: Reise über drei Meere (Xoženie za tri morja, 1468–1474). Bamberg: University of Bamberg Press, 2020. Bd. 1: Facsimiles — diplomatische Edition — Karten — Bibliographie. 338 S. (Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien; [Bd.] 14).

Kinneir — Map of the Countries lying between the Euphrates and Indus on the East and West, and the Oxus and Terek and Indian Ocean on the North and South / Inscribed to Brigadier General Sir John Malcolm Knight of the Royal Persian Order of the Lion and Sun by John Macdonald Kinneir. [London]: Published A. Arrowsmith, No. 10 Soho Square Hydrographer to H.R.H., 1st January 1813.

Le Guillou — Le voyage au-delà des trois mers d'Afanasij Nikitin (1466–1472) / Intr., trad. du vieux-russe et notes par J.-Y. Le Guillou. Quebec: Presse Coméditex, 1978. 118 p.

Lesný — Putování ruského kupce Afansije Nikitina přes tři more v XV století do Indie / Připravil V. Lesný. Praha: Slovanské nakladatelství, 1951. 110 s.

Long — Persia with part of the Ottoman Empire by G. Long, M. A. Published under the superintendence of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. Engraved by J. & C. Walker. London: published by Baldwin & Cradock, 47 Paternoster Row, Novr. 10th. 1831 (London: Chapman & Hall, 1844).

Major — India in the Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India, in the Century preceding the Portuguese Discovery of the Cape of Good Hope; from Latin, Persian, Russian, and Italian Sources, now First Translated into English / Ed. with an introduction by R. H. Major. London: Hakluyt Society, 1857. 262 p. (Hakluyt series (I); Vol. 22).

Melgunof — *Melgunof G.* Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres oder Die Nordprovinzen Persiens. Mit einer lithographischen Tafel und Karte. Leipzig: Leopold Voss, 1868. 368 S.

Mercatoris — Gerardi Mercatoris atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura // Iam tandem ad finem perductus, quamplurimis aeneis tabulis Hispaniae, Africae, Asiae et Americae auctus ac illustratus a Iudoco Hondio. Amsterdam, 1609. [4] p., [3] f., 358 p., [20] f., [4] p.

Morris — *Morris A. S.* The Journey beyond Three Seas // The Geographical Journal. 1967. Vol. 133, no. 4. Dec. P. 502–508.

Nikitine — *Athanase Nikitine*. Le Voyage au delà des trois mers / Intr., trad. et notes de Charles Malamoud. Suive d'une littéraire par Nicolas Troubetzkoy. Paris: François Maspero, 1982. 132 p.

Qazwin — The Geographical Part of the Nuzhat-Al-Qulūb composed by Hamd-Allāh Mustawfi of Qazwīn in 740 (1340) / Transl. by G. Le Strange. Leyden: Brill, 1919. 352 p. (E.J.W. Gibb Memorial; XXIII (2)).

Rabino — *Rabino H. L.* A Journey in Mazanderan (From Resh to Sari) // The Geographical Journal. 1913. Vol. 42, no. 5. P. 435–454.

Stacy — *Stacy R. H.* India in Russian literature. Delhi: Motilal Banarsidass, 1985. 132 p.

References

Apresyan, S., ed. (1985). *Afanasy Nikitin's Voyage Beyond Three Seas, 1466–1472*. Moscow: Raduga, 66 p. (In English)

Bobrov, A. G. (2023). *Efrosin Belozerskii v poiskakh Raya* [*Efrosin Belozersky in Search of Paradise*]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 265 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., ed. (2024). Nikitin A. *Khozhenie za tri morya* [Afanasy Nikitin. *Journey Beyond the Three Seas*]. Moscow: Al'ma-mater Publ., 415 p. (In Russ.)

Brown, J. M. (1984). *The 'Khozhenie za Tri Morya' of Afanasy Nikitin: A Critical Edition*. Master thesis, Durham University. 285 p. (In English)

Floor, W., ed. (2007). Gmelin, S. G. *Travels Through Northern Persia (1770–1774)*. Washington D. C.: Mage Publ. 384 p. (In English)

Grimberg, F. I. (2003). *Nikitin. Sem' pesen russkogo chuzhezemtsa. Istoricheskii roman* [*Nikitin. Seven Songs of a Russian Stranger: Historical Novel*]. Moscow: Astrel' Publ., 423 p. (In Russ.)

Karimi-Motakhkhar, Dzh., Yakh'yapur, M. (2024). 'Toponimiya Persii v *Khozhenii za tri morya* Afanasiya Nikitina' ['Toponymy of Persia in Afanasy Nikitin's *Journey Beyond the Three Seas*'], in: *Ot Kaspiya do Persidskogo zaliva: Po sledam Afanasiya Nikitina* [*From the Caspian to the Persian Gulf: In the Footsteps of Afanasy Nikitin*]. Tezisy nauchnykh dokladov IV mezhdunarodnogo foruma Iranskoi assotsiatsii russkogo yazyka i literatury s 29 sentyabrya po 2 oktyabrya 2024 goda, Tegeran—Babolsar. Tegeran, Babolsar: Tegeranskii universitet, 27. (In Russ.)

Karimi-Motakhkhar, Dzh., Yakh'yapur, M., eds. (2024). *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [*Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas*]. Tegeran, 256 p. (In Persian)

Kempgen, S. (2010). '*Čebokar* und die persische Reiseroute Afanasij Nikitins' ['*Chebokar* and the Persian Route of Afanasy Nikitin'], *Wiener Slawistischer Almanach*, 65, 23–51. (In German)

Kempgen, S. (2020). *Afanasij Nikitin: Reise über drei Meere (Xoženie za tri morja, 1468–1474). Bd. 1: Facsimiles — diplomatische Edition — Karten — Bibliographie* [*Afanasy Nikitin: Journey Beyond the Three Seas. Vol. 1: Facsimiles — Diplomatic Edition — Maps — Bibliography*] (Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien, 14). Bamberg: University of Bamberg Press, 338 S. (In German)

Kisterev, S. N. Timoshina, L. A., Kozlov, V. P., Sorina, L. M., eds. (2003). *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [*Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas*]. Tver': Arkhivnyi otdel Tverskoi oblasti, 169 p. (In Russ.)

Kunin, K. I. (1972). *Za tri morya* [*Beyond the Three Seas*]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 110 p. (In Russ.)

Kuteinikov, S. E. (2024). *Afanasii Nikitin: palomnichestvo za tri morya* [*Afanasy Nikitin: Pilgrimage Beyond the Three Seas*]. Moscow: Lomonosov" Publ., 232 p. (In Russ.)

Le Guillou, J.-Y., ed. (1978). *Le voyage au-delà des trois mers d'Afanasij Nikitin (1466–1472)* [*The Journey Beyond the Three Seas by Afanasij Nikitin (1466–1472)*]. Quebec: Presse Coméditex. 118 p. (In French)

Lur'e, Ya. S., Semenov, L. S., eds. (1986). *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [*Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas*]. Leningrad: Nauka Publ., 218 p. (In Russ.)

Malamoud, Ch., Troubetzkoy, N., eds. (1982). Athanase Nikitine. *Le Voyage au delà des trois mers* [Afanasy Nikitin. *Journey Beyond the Three Seas*]. Paris: François Maspero, 132 p. (In French)

Maleto, E. I. (2005). *Antologiya khozhenii russkikh puteshestvennikov, XII–XV veka* [*Anthology of the Journeys of Russian Travelers, 12th–15th Century*]. Moscow: Nauka Publ., 437 p. (In Russ.)

Mazhd, M. (1388 [2008]). *Vzlet i padenie Marashei* (مجد مصطفی. ظهور و سقوط مرعشیان) [*The Rise and Fall of the Marash*]. Bander-Abbas, 343 p. (In Pers.)

Polnoe sobranie russkikh letopisei [*Complete collection of Russian chronicles*]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. T. 6, vypusk 2. VIII, 416 col., p. 417–446. (In Russ.)

Prokof'ev, N. I., ed. (1980). *Khozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [*Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas*]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 207 p. (In Russ.)

Semenov, L. S. (1980). *Puteshestvie Afanasiya Nikitina* [*The Journey of Afanasy Nikitin*]. Moscow: Nauka Publ., 145 p. (In Russ.)

Sinitsyna, I. V., ed. (1987). *Vse narody edino sut'* [*All Nations Are One*]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 684 p. (In Russ.)

Skrzhinskaya, E. Ch., ed. (1971). *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV veke* [*Barbaro and Contarini on Russia. On the History of Italian-Russian Interrelations in the 15th Century*]. Leningrad: Nauka Publ., 275 p. (In Russ.)

Stacy, R. H. (1985). *India in Russian Literature*. Delhi: Motilal Banarsidass. 132 p. (In English)

Teten'kina, T. G., ed. (2004). Nikitin A. *Khozhdenie za tri morya, 1466–1472* [Afanasy Nikitin. *Journey Beyond the Three Seas, 1466–1472*]. Kaliningrad: Yantarnyi skaz Publ., 2004. 118 p. (In Russ.)

Tolstov, V. A. (2023). *Afanasii Nikitin* [*Afanasy Nikitin*]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 247 p. (In Russ.)

Vitashevskaya, M. N. (1972). *Stranstviya Afanasiya Nikitina* [*The Wanderings of Afanasy Nikitin*]. Moscow: Mysl' Publ., 118 s. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 33–57
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-33-57
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 33–57
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. Н. Галашева

СЛУЖБА ЕФРЕМУ НОВОТОРЖСКОМУ – ПАМЯТНИК РУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ КОНЦА XVI В.[1]

Tatiana N. Galasheva

THE SERVICE OF SAINT EFREM OF TORZHOK AS A SAMPLE OF RUSSIAN HYMNOGRAPHY FROM THE END OF THE 16TH CENTURY

Резюме. В статье рассматриваются источники Службы Ефрему Новоторжскому на 28 января. Служба была создана в Новоторжском Борисоглебском монастыре в 1570–1580-е гг. Ее автор — вероятнее всего, архимандрит Мисаил — составил также Краткую редакцию Жития Ефрема Новоторжского. Изучение источников Службы и канона показывает продуманный узор заимствований из последований другим святым, преимущественно русским преподобным. Источниками Службы стали последования Димитрию Прилуцкому, Сергию Радонежскому, Зосиме Соловецкому, Варлааму Хутынскому, Иоанну Новгородскому, Стефану Пермскому, Ефрему Сирину и другим святым, а также допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому. Из Службы Борису и Глебу на 24 июля заимствуется один из лейтмотивов Службы Ефрему — образ «Романа с доблим Давидом», со служением которым связано содержание биографии Ефрема, переданное в песнопениях. Основными источниками канона Ефрему Новоторжскому стали каноны Савватию Соловецкому, Павлу Обнорскому, Ефрему Перекомскому (в первой части), а также два канона из Службы ярославским чудотворцам Феодору, Давиду и Константину (во второй части). Служба Ефрему Новоторжскому, в свою очередь, стала образцом для других последований.

Ключевые слова: Ефрем Новоторжский, Торжок, Борисоглебский монастырь, архимандрит Мисаил, гимнография

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Галашева, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, ta.ni.ma@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9516-8513.

Для цитирования: *Галашева Т. Н.* Служба Ефрему Новоторжскому — памятник русской гимнографии конца XVI в. // Словесность и история. 2025. № 3. С. 33–57.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-33-57

Abstract. The article examines the sources of the *Service of Saint Efrem of Torzhok* (January 28). The *Service* was created in the Borisoglebskii Monastery of Torzhok in the 1570s-1580s. Archimandrite Misail, its most likely author, also compiled the Brief Redaction of the *Life of Efrem of Torzhok*. A study of the sources of the *Service* and the *Canon* of the saint reveals a thoughtful pattern of borrowings from the services of other, mostly Russian, saints, such as those of Demetrius of Priluki, Sergius of Radonezh, Zosima of Solovki, Varlaam of Khutyn, John of Novgorod, Stephen of Perm, Efrem the Syrian and other saints, as well as the *Prepakhomian Service of Kirill of Beloozero*. Since

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, https://rscf.ru/project/22-18-00174/, ИРЛИ РАН.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Efrem's legendary biography was connected with the holy princes Boris and Gleb, the author of the text borrowed the leitmotif of the service of Efrem – the image of "the Roman with the valiant David" – from the *Service of Boris and Gleb* (July 24). The *Canon of Efrem of Torzhok* has its own sources. The first part of the canon draws on the canons of the Russian saints Savvaty of Solovki, Pavel Obnorsky, and Efrem Perekomsky; the second part borrows from two canons of the service of the Yaroslavl miracle-workers Theodore, David and Constantine. The service of Efrem of Torzhok in turn became a model for other liturgical traditions.
Keywords: Saint Efrem of Torzhok, Borisoglebskii Monastery, Archimandrite Misail, hymnography
Information about the author: Tatiana N. Galasheva, PhD in Philology, Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, ta.ni.ma@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9516-8513.
For citation: Galasheva, T. N. (2025). The *Service of Saint Efrem of Torzhok* as a Sample of Russian Hymnography from the End of the 16th Century, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 33–57. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-33-57

Преподобный Ефрем Новоторжский, согласно изложенному в Житии преданию, служил конюшим у святых князей Бориса и Глеба, имел двух братьев — Георгия Угрина и Моисея Угрина. После 1015 г., когда были убиты Борис и Глеб, Ефрем ушел в Торжок и основал там Борисоглебский монастырь. О святом, подвизавшемся в первой половине XI в., нет сведений в ранних источниках. Каменный храм в Борисоглебском монастыре был возведен в конце XII — начале XIII в. [Малыгин, Салимов, Зайцев]. Ефрем Новоторжский был прославлен в последней трети XVI в., вероятнее всего, по инициативе архиепископа Великого Новгорода и Пскова Леонида (1572–1575 гг.) [Строев, стб. 36]: так, тропарь святому имеет сходство с тропарем Иакову Боровичскому, также канонизированному при Леониде [Галашева 2024].

В Краткой редакции Жития Ефрема Новоторжского, созданной в 1570–1580-е гг. архимандритом Новоторжского Борисоглебского монастыря Мисаилом (1572–1588 гг.) [Строев, стб. 454], есть сведения о составленной ранее тем же автором Службе. Особо отмечается получение Службой заглавия («изглавление»[2]), которое превращает ее в полноценный богослужебный текст: «По сих же написах и службу преподобному чюдотворцу Ефрѣму, о нейже и возвестих преподобному Александру, архиепископу Великого Новагорода и Пскова. Он же взем службу преподобного, изглавихом»[3] (Александр, архиепископ в 1576–1589 гг., митрополит в 1589–1591 гг. [Строев, стб. 36])[4].

[2] «Изглавление (изъоглавление) — озаглавливание, краткое называние положений какого-либо текста (?)» [Словарь, с. 135]. Ср., например: «Месяца октоврия в 9 изглавление вкратцѣ похвалена словес еже о святомъ апостолѣ Иаковѣ Алфеевѣ» (РГБ. Ф. 304/I (Главное собр. ТСЛ). № 199. Л. 114 об.).

[3] БАН. П I А. № 29 (далее — П I А 29). Л. 368–368 об.

[4] В Житии Антония Римлянина, написанном несколько позднее, также описано участие архиепископа Александра в прославлении святого: «…глагола тако святитель игумену: „Подобает

Подготовка текстов о святом сразу в двух жанрах — агиографическом и гимнографическом — была важным условием канонизации. Составление жития и службы при этом часто выпадало на долю одного человека. Информация о составлении комплекса, прославляющего святого, сохраняется во многих житиях этого периода. Так, например, записка Германа перед Житием Нила Столобенского сообщает, что Филофей Пирогов по просьбе Германа «написа преподобнаго стихиры и канонъ, и житие, и чюдеса блаженнаго Нила»[5]. Автор Жития Геннадия Костромского, игумен Алексий, вопрошал: «Приятно ли царю и святителю и вселеньскому их собору наше писание? Достоино ли почитати житие и чюдеса преподобнаго? Повелят ли пѣти канонъ и стихиры на память святого? Достоинъ ли есть дѣлатель пишющии мзды своея?» [Соболева, с. 161]. Автор Жития Иоасафа Каменского также сообщал о ранее созданной службе: «Мнѣ же смиренному преже написавшу канон святаго, и тропарь, и кондакъ, прилучи же ся написати и о житии святаго, и о чюдесѣх его» [Семячко, с. 67].

Во всех названных случаях Житие представляло собой риторический текст, созданный в соответствии с агиографическим каноном. Напротив, Краткая редакция Жития Ефрема Новоторжского напоминает простую историческую записку, в которой собрано всё, что удалось найти об основателе монастыря. В Краткой редакции (известной в трех списках) от первого лица передается процесс поиска информации о древнем подвижнике автором-архимандритом: «прилучися мнѣ, многогрѣшному, в том монастырѣ постричися, послѣди же, недостоино ⟨*так!*⟩ ми сущу, и архимаритом быти. И слышах бо о чюдесех преподобного от древних старец монастыря того ⟨...⟩ Но токмо то вѣдомо есть: написан на церковной стенѣ на стѣнном писмѣ образ его, чюдотворца Ефрѣма, а в руцех держит храм святых страстотерпец Бориса и Глѣба ⟨...⟩ По сих же повѣда ми о преподобнем Ефрѣме нѣкоторый старец священный, инок Иосаф Юрьева монастыря ⟨...⟩ Потом же вопрошающе нѣкоего старца, именем Парфения»[6].

Традиционного, риторически украшенного Жития Ефрема Новоторжского не существовало до 1640-х гг., когда появилась Пространная редакция [Галашева 2020]. Все риторические усилия по прославлению святого, предпринятые архимандритом Мисаилом при канонизации Ефрема, выразились в бденной

о таковом великом дѣле повѣдати самодержавному царю да святѣйшему патриарху, понеже древний чюдотворец бяше"» (РГБ. Ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова). № 403. Л. 114 об.–115). Ефрем — подвижник, по преданию, еще более древний, чем Антоний Римлянин, но в Краткой редакции нет никаких следов особой важности этого факта.

[5] РГБ. Ф. 304/I (Главное собр. ТСЛ). № 672. Л. 86.

[6] П I А 29. Л. 365 об.–368 об.

Службе на 28 января (память Ефрема Новоторжского праздновалась в день памяти Ефрема Сирина). Каким же образом было составлено гимнографическое сочинение автора, которым было написано столь безыскусное Житие? Каковы были его образцы и какова идея?

Следует остановиться на двух версиях авторства Службы, существовавших в историографии до изучения текстологии Жития Ефрема Новоторжского. Исследователям XIX в. была известна только более поздняя, Пространная редакция Жития, где впервые появляются сведения об обретении мощей Ефрема при архиепископе Новгородском и Псковском Леониде, а автором двух главок о братьях Ефрема Георгии и Моисее Угринах назван «священноинок Иоасаф» (в Краткой редакции Иоасаф был одним из старцев-рассказчиков). Именно этим обусловлены сведения, приводимые архимандритом Леонидом: будто Служба Ефрему написана Иоасафом в 1572 г. [Леонид, с. 124–125]. Иоасафу приписывалось также авторство Жития, что было оспорено уже В. О. Ключевским [Ключевский, с. 335–336]. Архимандрит Сергий (Спасский) вслед за В. О. Ключевским относит Службу Ефрему к концу XVI в. [Сергий, с. 24–25]. С указанием на эти же сведения Служба упомянута Ф. Г. Спасским в разделе «Службы вне Миней» [Спасский, с. 303–304].

С текстом более поздней, Пространной редакции связано и упоминание В. О. Ключевским факта, иллюстрирующего упадок монастырской жизни: будто Службу Ефрему «сложили „благоискусные“ горожане Торжка, а не иноки обители» [Ключевский, с. 371]. Это сообщение содержалось также в одном из трех списков Краткой редакции (П I А 29) наравне с процитированным выше сообщением об авторстве некоего архимандрита. Названный список по сравнению с двумя другими содержит многочисленные вставки, перешедшие затем в Пространную редакцию. Вставка о «благоискусных мужах Торжка» может быть интерпретирована как желание отнести составление Службы древнему подвижнику к более раннему времени. Сравним:

Дополненный вариант Краткой редакции Жития[7]	*Месяцесловный вариант Краткой редакции Жития*[8]	*Поздний вариант Краткой редакции Жития*[9]
Потом же благоискуснии мужие града Торшку преподобному чюдотворцу Ефрѣму составиша Службу, еюже	И пѣли Службу Ефрѣму Сирину.	И преподобному Службу общую творили, и литию пѣша.

[7] По списку П I А 29. Л. 364–365. Сер. XVII в.

[8] По списку ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 723. Л. 156 об. Сер. XVII в.

[9] По списку РГБ. Ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова). № 1446. Л. 354 об. 1680-е гг.

преподобный славится и донынѣ. 〈...〉 По сих же **написах** и **Службу преподобному** чюдотворцу Ефрѣму, о ней же и возвестих преподобному **Александру, архиепископу Великого Новагорода и Пскова**.	〈...〉 И тако **написаша Службу преподобному** Ефрѣму, и явих преосвященному **Александру, архиепископу Великаго Новаграда и Пскова**.	И помыслих **написати Службу** и канон **преподобному** таже возвестих преосвященному **Александру, архиепископу Великого Новаграда и Пскова**.

В Пространной редакции два противоречивых известия списка П I А 29 о Службе Ефрему Новоторжскому соединились в одно: «И паки благоискуснии мужие града Торъжка сложиша преподобному Службу, еже славится преподобный и доднесь. И свидѣтельствована бысть Служба преподобнаго от архиепископа Великаго Новаграда и Пскова Александра»[10]. Между тем свидетельство от первого лица о написании Службы кажется достаточно убедительным, чтобы говорить об авторстве архимандрита Мисаила, современника архиепископа Александра.

Службе Ефрему Новоторжскому посвящена статья В. И. Легких, которая рассматривает ее как текст XVI в. и находит в ней многочисленные заимствования из служб Димитрию Прилуцкому, Феодору Ярославскому, Кириллу Белозерскому, Леонтию Ростовскому, Варлааму Хутынскому, Александру Невскому, Зосиме Соловецкому; отмечает также возможную связь с последованием Антонию Римлянину [Легких]. Как заключает исследовательница, Служба «святому венгру» ориентирована в наибольшей степени на службы русским преподобным, при этом в тексте почти нет заимствований ни из Службы Ефрему Сирину, ни из последований святым князьям Борису и Глебу.

Этот вывод, в целом справедливый, требует некоторых уточнений. Во-первых, в Краткой редакции Жития «венгерское происхождение» Ефрема еще не было акцентировано. О нем сообщалось лишь «внутри» устной легенды Иоасафа о трех братьях-угринах, в Службе Ефрему Новоторжскому эта легенда не упоминается. В Службе прославлялись другие факты биографии святого, о которых речь пойдет ниже. Во-вторых, в исследовании В. И. Легких работа автора Службы с источниками показана на примере отдельных фрагментов текста. Однако целостный анализ последования Ефрему Новоторжскому позволяет увидеть неназванные источники и отказаться от некоторых названных и, кроме того, рассмотреть, как «собран» текст, какую роль сыграл каждый источник.

Текстология Службы Ефрему Новоторжскому еще не изучена. В настоящей статье, посвященной раннему периоду истории текста, мы опираемся

[10] РГБ. Ф. 247 (Рогожское собр.). № 636. Л. 44 об. Посл. треть XVII в.

на пять списков конца XVI — первой трети XVII в.[11] Ранние списки мало разнятся между собой, но значительно отличаются от того текста, который был опубликован в 2002 г. [Минея январь. Ч. 2, с. 428–445]. В качестве основного нами выбран список Соф. 1467 конца XVI в., имеющий традиционное заглавие: «Месяца генваря в 28 день преподобнаго отца нашего Ефрѣма Сирина. В той же день память преподобнаго отца нашего Ефрѣма архимандрита, составльшаго обитель во градѣ нарицаемем Торъжку святых страстотръпец Бориса и Глѣба».

Основанная Ефремом церковь именуется церковью Бориса и Глеба только в заглавии и в славнике 8-го гласа, тогда как во всех других случаях в Службе используются христианские имена святых князей-страстотерпцев — Роман и Давид. В ТСЛ 275 сохраняется эта особенность, однако на полях славника 8-го гласа появляются характерные глоссы: «Борис и Глѣб» к словам «егда узрѣл еси, како ⟨...⟩ претерпѣста ⟨...⟩ заколение преславная Христова мученика Романъ и Давидъ»; глосса «Роману и Давиду» к словам «церковь прекрасну страстотръпцем Христовым Борису и Глѣбу въздвиглъ еси»[12]. Служба Ефрему в сборнике ТСЛ 275 имеет те же особенности, что и Соф. 1467: вместо «литии» указывается «на исхожении стихиры»; вместо «полиелея» дается указание — «по многомилостивом»[13].

Интересен список Службы ТСЛ 628 — Трефологий, отчасти переписанный Германом Тулуповым. Как было отмечено выше, Краткая редак-

---

[11] 1. РНБ. Софийское собр. № 1467 (далее — Соф. 1467). Л. 172–186. Сборник-конволют, XVI в., 4°, 193 + III л., полуустав и скоропись разных почерков. *Филиграни* на листах со Службой Ефрему: герб с крепостью типа Piccard, III (Turm), XVII, № 367, 368 (1584, 1585 гг.). *Записи*: «Сей соборник с канонником / Ниловы Пу/стыни / Сорскаго / скита» (л. 1–5); «№ 496» (л. I).

2. РГБ. Ф. 304/1 (Главное собр. ТСЛ). № 275 (далее — ТСЛ 275). Л. 481–506. Сборник-конволют богослужебный, кон. XVI в., 8°, 506 л., полуустав разных почерков. *Филиграни* на листах со Службой Ефрему: орел типа Heawood, № 1280 (1594 г.), 1281 (1596 г.). *Записи*: «Книга / Офанеевы / пустыни / игумена / Герьмона / а не мана/стырская / а в ней / келейныя / вещи» (л. 11 об.–21); монограмма; «Ди⟨а⟩к⟨о⟩н ⟨Геор⟩гий» (?) (л. 506 об.), «Анофрей ⟨...⟩» (приперелетный лист).

3. РГИА. Ф. 834. Оп. 1. № 817 (далее — Синод. 817). Л. 121 об.–129 об. Службы русским чудотворцам, кон. XVI — нач. XVII в., 1°, 575 л., полуустав. *Филиграни*: герб с крепостью.

4. РНБ. F.I.176 (далее — F.I.176). Л. 171–178. Минея праздничная, кон. XVI — нач. XVII в., 1°, 418 л., полуустав. *Филиграни*: герб с цветком с пятью ответвлениями типа Лауцявичюс, № 597 (1606 г.), № 600 (1620 г.), герб со скачущей лошадью сходен с: Лауцявичюс, № 3523 (1615 г.) и др.

5. РГБ. Ф. 304/I (Главное собр. ТСЛ). № 628 (далее — ТСЛ 628). Л. 68–87. Трефолог русским святым, ок. 1630 г., 4°, 257 л., полуустав нескольких почерков, в том числе Германа Тулупова. *Записи*: «Пожаловать священнопротопопу Клименту Васильевичю, отдася служба Ефрема чюдотворца на Москве на Троицком подворьи священнодиакону Иасафу» (л. 87 об.).

[12] В списке F.I.176 в славнике 8-го гласа в обоих случаях мученики именуются «Романом и Давидом».

[13] В рукописи Синод. 817: «на исхожение стихиры», «по полиелеосе».

ция Жития Ефрема представляла собой скорее историческую записку, чем житие, а Пространная редакция еще не была создана к 1630-м гг. Житие Ефрема Новоторжского отсутствует в агиографических сводах — Минеях Четьих Германа Тулупова, Минеях Четьих Иоанна Милютина. Однако сборник ТСЛ 628 относится к числу трех рукописей Германа Тулупова, которые Т. Б. Карбасова рассматривает как «„дополнительные тома“ к корпусу Тулуповских Миней» [Карбасова 2011, с. 79]. По наблюдениям исследовательницы, в рукописях ТСЛ 694 и ТСЛ 696 переписаны жития, не вошедшие в основной свод Тулуповских миней, тогда как в сборнике ТСЛ 628 — парные к ним службы. В случае Ефрема Новоторжского (как и некоторых других святых) только Служба репрезентирует почитание святого. Список отличается многочисленными перестановками и лексическими вариантами по сравнению с более ранними списками («блистаяся» / «озаряяся»; «житие с небесными приобрѣте» / «и нынѣ съ бесплотными житие на небеси приобрѣлъ еси»; «иночествующих множество» / «иночествующих многочисленное множество»; «глубины страстем» / «бездны страстем» и др.); в списке опущен второй тропарь Ефрему 4-го гласа («Яко добродетелем виновного»). Как и в рукописи F.I.176, в ТСЛ 628 полностью приведены паремии, используются греческие названия элементов богослужения («лития», «полиелеос»), несколько изменена формулировка акростиха (акростих в каноне отсутствует): «ему же краегранесие *сице есть*: „Ефрѣма похвалити разумно *даруй ми, Боже мой*“».

Комплексное исследование источников показывает, что текст целиком ориентирован на гимнографические образцы и составлен достаточно искусно, однако в него включено также краткое содержание биографии Ефрема: святой прославлен как основатель монастыря, впечатленный подвигом святых князей Бориса и Глеба.

По наблюдениям Г. С. Гадаловой, в середине XVII в. Служба Ефрему Новоторжскому, в свою очередь, становится образцом для Службы на обретение мощей Арсения Тверского [Гадалова]. Г. С. Гадалова обратила внимание и на то, что те же стихиры на малой вечерне начинают другое последование — Службу Мартирию Зеленецкому. Последняя, как пишет Е. В. Крушельницкая, была составлена в середине XVIII в. с опорой на Общую минею, откуда взят канон преподобному, к которому «сочинены» прибавления [Крушельницкая, с. 27–28]. Однако источником этих прибавлений стала, судя по всему, именно Служба Ефрему Новоторжскому. Это особенно интересно, поскольку и в Житии Мартирия Зеленецкого, и в Житии Ефрема Новоторжского есть созданные независимо друг от друга чудеса о царе Симеоне Бекбулатовиче, — общность песнопений вторично сближает святых.

Таблица источников Службы позволяет увидеть процесс отбора песнопений, работу составителя со служебными минеями. Два последних столбца посвящены текстам, ориентированным на Службу Ефрему Новоторжскому. Таблица показывает, что авторы Службы на перенесение мощей Арсения Тверского и Службы Мартирию Зеленецкому независимо друг от друга обращались к последованию Ефрему Новоторжскому и выбирали из него разные фрагменты.

Источник		Служба Ефрему Новоторжскому	Служба Арсению Тверскому[14]	Служба Мартирию Зеленецкому[15]
Служба Димитрию Прилуцкому[16]	**На малой вечерни.** Стихѣры, глас 1. Подобен: Небесным чин... 1. Добродѣтелию божественою, преблажене 2. Умомъ просвѣщенымъ душю свою, отче, просвѣтивъ 3. Троица безначалная и единосущная	**На малой вечерни.** Стихиры. Глас 1. Подобен: Небесным чином. 1. Добродѣтелию божественою, преблаженне 2. Умом пресвященным душю свою, отче, просвятив 3. Троица безначалная и единосущная	+	+
Служба Сергию Радонежскому[17]	Слава. Глас 6 Приидѣте, иночествующихъ множество, днесь Сергия	Слава. Глас 6. Приидѣте, иночествующих множество, днесь Ефрѣма	+	+
Служба Стефану Пермскому[18]	На стиховнѣ стихиры. Глас 2. Подобен: Домъ Ефрафовъ 1. Домъ и жилище Духу Пресвятому	На стиховне стихиры. Глас 2. Подобен: Доме Ефрантов. 1. Домъ и жилище Духу Пресвятому	+	+
Служба Иоанну Новгородскому[19]	На стиховнѣ стихѣры святому. Гласъ 2. Подобен: Доме Евфрафовъ 1. Домъ Духа Святаго и православию утверждение 2. ⟨...⟩ 3. Домъ неоскудныя благодати и градъ крѣпкий	2. Домъ Духа Святаго и граду нашему утвержение 3. Домъ неоскудныя благодати и град крѣпкый		

[14] На 2 июля [Минея июль. Ч. 1, с. 89–107].

[15] На 1 марта [Крушельницкая, с. 178–183].

[16] На 11 февраля [Семячко, Панченко, с. 221].

[17] На 25 сентября [Минея служебная. Сентябрь. Л. 322].

[18] На 26 апреля [Минея служебная. Апрель. Л. 186 об.].

[19] На 7 сентября [Минея служебная. Сентябрь. Л. 85–85 об.].

Служба Ефрему Сирину[20]	На стиховнѣ во Охтаи. Слава. Гласъ 2. Яко финикъ давыдъски процвѣлъ еси	Слава. Глас 2. Яко финикъ духовный процвѣлъ еси		+
Тропарь Иакову Боровичскому	Тропарь, глас 1. Божественною благодатию просвѣтився	Тропарь. Глас 1. Божественою свыше просвѣтився благодатию	+	
Кондак Алипию Столпнику[21]	Кондакъ. Гласъ 8. Подобенъ: Яко начатки. Яко добродѣтелемъ вину и постникомъ удобрение	Другий тропарь. Глас 4. Яко добродѣтелем виновнаго и постником удобрение		
Служба Димитрию Прилуцкому[22]	**На велицѣй вечерьни.** Блаженъ муж. На «Господи, възвах» ⟨...⟩ Ины стихѣры, глас 8. Подобен: О преславн... 1. Преподобне отче Дмитрие, ты еуангильскы Господа Бога възлюбилъ еси	**На велицей вечерни.** Блаженъ муж. На «Господи, възвах» стихиры. Глас 2. Подобен: Егда от дрѣв... 1. Преподобне отче Ефрѣме, Христа Бога возлюбил еси		
Служба Савватию Соловецкому[23]	Блаженъ мужъ. На «Господи, возвах» стихиры ⟨...⟩ Глас 8. Подобен: Мученицы Твои. 1. Преподобне отче Саватие, любве ради Христовы вся, яже на земли, преобидѣлъ еси	2. Преподобне отче Ефрѣме, любве ради Христовы вся, яже на земли, оставилъ еси		
Служба Ионе Московскому[24]	На хвалитѣхъ стихѣры. Глас 8. Подобен: О преславное чюдо. 1. ⟨...⟩ 2. ⟨...⟩ 3. Отче богомудре, святителю Иона, ты измлада Христа возлюбивъ и Того любви прилѣпился еси	3. Преподобне отче Ефрѣме, ты Бога возлюбилъ еси и Того любве прилѣпился еси		
		Слава. Глас 8. Преподобне отче и богоносе Ефрѣме, егда узрѣл еси		+

[20] На 28 января [Минея служебная. Январь. Л. 141 третьего счета].

[21] На 26 ноября [Минея служебная. Ноябрь. Л. 309 первого счета].

[22] [Семячко, Панченко, с. 222].

[23] 27 сентября [Минея служебная. Сентябрь. Л. 365]. Совпадение со стихирой Савватию Соловецкому лишь частичное. Ср. также более близкий текст стихиры в Службе Антонию Римлянину (датировка которой является отдельным вопросом): РГБ. Ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова). № 157 (кон. XVI в.). Л. 1 об.

[24] 30 марта [Минея служебная. Март. Л. 254 об.–255].

Служба Сергию Радонежскому[25]	На стиховнѣ стихѣры. Гласъ 1. Подобен: Небеснымъ чиномъ. 1. Наста, богоносе, солнца свѣтлѣиши твой праздник Стихъ. Честна пред Господемъ смерть преподобныхъ его. 2. Чювьственыя страсти тѣлесныя побѣди воздержания броздами	И нынѣ. Богородичен. ⟨...⟩ На исхожении стихиры. Глас 1 1. Наста, богоносе, солнца свѣтлѣиши твой праздникъ 2. Чювьственыа страсти победи телесныа воздержаниа броздами		+
Служба Зосиме Соловецкому[26]	На литии. Стихѣры самогласны. Гласъ 1. 1. Свѣтлая память успения твоего, преподобне отче Зосимо	3. Свѣтлая ти память, преподобне отче Ефрѣме		
Служба Зосиме Соловецкому[27]	Глас 8. Преподобне отче всечестне Зосимо, добрыми дѣтелми возшедъ	Глас 8. Преподобне отче всечестне Ефрѣме, добрыми дѣтельми всшед		+
Служба Димитрию Прилуцкому[28]	Слава. Глас 6. Радуйся и веселися, руская всесвященая Церкви Божия	Слава. Глас 6. Радуйся и веселися, руская всеосвященная Церкви		+
Служба Варлааму Хутынскому[29]	И нынѣ. Богородичен. На стиховне. Стихиры самогласны. Гласъ 5. 1. Вѣрою и любовию сошедшеся, празднолюбци, 2. Честный и свѣтоносный, преподобне, твой праздникъ 3. Яко уязвися желаниемъ божественымъ	И нынѣ. Богородичен. Творец. На стиховне. Глас 5. Самогласны. 1. С вѣрою и любовию, празднолюбци, сошедшеся 2. Честный и свѣтоносный, преподобне, твой празник 3. Яко уязвися желанием божественым		+
Служба Сергию Радонежскому[30]	Слава. Глас 8. Инокъ множества наставника тя чтем	Слава. Глас 8. Инокъ множества наставника тя чтем		+

[25] [Минея служебная. Сентябрь. Л. 327–327 об.]. См. также Общую службу преподобному [Минея общая. Л. 56 об. второго счета].

[26] На 17 апреля [Минея служебная. Апрель. Л. 99 об.–100].

[27] [Минея служебная. Апрель. Л. 100 об.].

[28] [Семячко, Панченко, с. 225].

[29] На 6 ноября [Минея служебная. Ноябрь. Л. 51–51 об. первого счета].

[30] [Минея служебная. Сентябрь. Л. 327 об.]. См. также: Службы Павлу Обнорскому (10 января [Минея служебная. Январь. Л. 196 второго счета]); Зосиме Соловецкому (17 апреля [Минея служебная. Апрель. Л. 111 об.]); Общая служба преподобному [Минея общая. Л. 57 второго счета].

Служба Димитрию Прилуцкому[31]	**На утрени.** На 1 кафизме. Сѣдален, глас 3. Яко бесплотенъ, на земли, отче, пожилъ еси	**На утрени**. На 1 кафизме. Сѣдален. Глас 3. Подобен: Красотѣ девьства. Яко бесплотенъ, на земли, отче, пожил еси	+	
	Слава. И нынѣ. Богородичен: Божественая бысть сѣнь Слова	Слава. И ныне. Богородичен: Божественая бысть сѣнь Слова	+	
Допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому[32]	На 2 кафизме Благочестно от юности крестъ свой взем	На 2 стихологии. Сѣдален. Глас 4. Подобен: Скоро предвари. Благочестно крестъ свой взем	+	
	Слава. И нынѣ. Богородичен. Подобен. Дѣво Всенепорочнаа	Слава. И нынѣ. Богородичен: Дево Всенепорочная	+	
	По полиелиосе. Сѣдален. Глас 8. Премудро⟨сти⟩. Царьствова страстьми плотскыми	По многомилостиве. Сѣдален. Глас 8. Подобен: Премудрости. Царствовав над страстьми плотскыми	+	
	Слава. И нынѣ. Богородичен. Дверь небесную и Ковчегъ, всесвятую Гору	Слава. И нынѣ. Богородичен: Небесную Дверь и Ковчег, всесвятую Гору	+	
Служба Сергию Радонежскому[33]	(На малой вечерне. Слава. Глас 8) Преподобне отче, мира красоты и пища временныя	Стихира. Глас 6. По 50 псалмѣ. Преподобне отче, мира красоты и пища времѣнныя		
Служба Зосиме Соловецкому[34]	Сѣдаленъ. Гласъ 4. Страстное поработилъ еси плотьское мудрование	(Канон. Глас 4). Сѣдален. Глас 4. Подобен: Скоро предвари. Страстное поработилъ еси плотское мудрование		+
		Кондак. Глас 8. Подобен: Яко нач... Яко богоявленная и рускиа звѣзда	+	
Песнопения Феодору, Давиду и Константину Ярославским[35]	Друг кондак. Гласъ 8: На пренесение мощем чюдотворец. Явистеся свѣтилници всесвѣтлии во плоти аггели	Икос: Явися свѣтильникъ всесвѣтлый во плоти аггелъ	+	

[31] [Семячко, Панченко, с. 226].

[32] На 9 июня [Карбасова 2014, с. 89–90].

[33] [Минея служебная. Сентябрь. Л. 322 об.]. Ср. также: Служба Зосиме Соловецкому [Минея служебная. Апрель. Л. 101–101 об.].

[34] [Минея служебная. Апрель. Л. 104 об.]. Ср. также Общая служба преподобному [Минея общая. Л. 60–60 об. второго счета].

[35] На 19 сентября [Ленхофф, с. 290].

Служба Димитрию Прилуцкому[36]	Свѣтилен преподобному: Мирьскаго пристрастия, яко от скверны	Свѣтилен: Мирьскаго пристрастиа, яко от скверны		+
	Слава. И нынѣ. Богородичен: Тя предстателницу имамы	Богородичен: Тя предстательницу имамы		+
Служба Димитрию Прилуцкому[37]	На хвалитех стихѣры на 4, глас 5. Подобен: Преподобне отче... 1. Преподобне отче, душу свою с тѣломъ очистивъ	На хвалитех стихиры. На 4, глас 5. Подобен: Преподобне отче. 1. Преподобне отче и богоносе Ефрѣме, во врѣменней жизни		+
Служба Павлу Обнорскому[38]	На хвалитех стихиры. Глас 8. Подобен: О преславное чюдо 1. ⟨...⟩ 2. ⟨...⟩ 3. Преподобне отче Павле, ты на Бога о всем упование возложивъ	2. Преподобне отче и богоносе Ефрѣме, ты на Бога упование о всѣм возложив		
Служба Никите Новгородскому[39]	На хвалитех стихиры. На 4. Глас 4. Подобен: Далъ еси знамение. 1. Свѣтилник тя стяжавше, священную ти память восхваляемъ	3. Преподобне отче и богоносе Ефрѣме, свѣтильника тя стяжавше		
Служба Феодору, Давиду и Константину Ярославским[40]	Слава. Глас 6. Самогласен: Преподобне отче Феодоре, не дал еси сна своим очима	Слава. Глас 6. Преподобне отче Ефрѣме, не дал еси сна своима очима		+

Служба Димитрию Прилуцкому первой упомянута среди источников в обзоре В. И. Легких. Но влияние этой Службы, как видно выше, значительно шире трех приведенных в статье примеров: заимствованы не только светилен, стихира «на хвалитех» и стихира на «Господи, воззвах», но также весь цикл стихир на малой вечерне, славник 6-го гласа («Радуйся и веселися, руская всеосвященная церкви...»), седален 3-го гласа по 1-й стихологии (ошибочно связанный в статье В. И. Легких со Службой Кириллу Белозерскому), следующий за ним богородичен. Совершенно справедливыми представляются

[36] [Семячко, Панченко, с. 234].

[37] Там же.

[38] На 10 января [Минея служебная. Январь. Л. 202–202 об. второго счета].

[39] На 31 января [Минея служебная. Январь. Л. 189 об.–190 третьего счета].

[40] [Ленхофф, с. 295]. См. также Общую службу преподобномученику [Минея общая. Л. 123 об. второго счета].

также указания В. И. Легких на заимствования из служб Варлааму Хутынскому и Зосиме Соловецкому.

Однако среди источников не была названа Служба Сергию Радонежскому (25 сентября), из которой, очевидно, заимствован не только славник 6-го гласа, но и стихира по 50-м псалме, а также, возможно, стихиры на литии и славник 8-го гласа (которые могут восходить и к Общей службе преподобным). Краегранесие (не соблюденное в каноне Ефрему) также могло быть списано со Службы Сергию.

Трудно согласиться с предположением исследовательницы о заимствованиях из Службы Александру Невскому, названной «важным источником» [Легких, с. 23–26, 28–29]: славник 6-го гласа («Приидите, иночествующих множество...») полностью переписан из Службы Сергию Радонежскому, а не скомбинирован из песнопений Александру Невскому. Славник 6-го гласа («Радуйся и веселися, руская всеосвященная церкви...») взят из службы Димитрию Прилуцкому и не связан ни со Службой Александру Невскому, ни с использованием «своих же песнопений» [Легких, с. 25].

Вероятно, следует исключить из источников также и службу Леонтию Ростовскому. Более близкий текст находится в опубликованной Т. Б. Карбасовой допахомиевской Службе Кириллу Белозерскому. Песнопения последней прославляют именно преподобного, а не святителя. На этом примере также можно увидеть работу автора Службы по адаптации заимствованного текста и включению в него биографических сведений.

Служба Леонтию Ростовскому[41]	Допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому[42]	Служба Ефрему Новоторжскому[43]
По 2 стихологии. Седаленъ, гласъ 4. Подобенъ: Скоро вари.	На 2 Кафизме.	На 2 стихологии. Сѣдален. Глас 4. Подобен: Скоро предвари
От юности вземъ свой крестъ благочестно, Христови послѣдовалъ еси, увядивъ плотское мудрование воздержаниемъ; **тѣмже на святительстѣ сѣдалищи сѣдъ, святителю**, возвеличилъ еси Владыку и Того Пречистую Матерь,	Благочестно от юности крестъ свой взем, Христови послѣдовалъ еси, воздержанием плотскаа мудрованиа увядилъ еси, **и на добродѣтели лѣствицю возшед**, и Владыку возвеличилъ еси, и Того Пречистую Матерь, иже знамении и чю-	Благочестно крестъ свой взем и Христу послѣдовал еси, въздержанием плотьская мудрования умертвил еси, **и на добродѣтели лѣствицю въсшед**, и Владыку Христа възвеличилъ еси, *и его угодникъ Романа и Давида*

[41] [Минея служебная. Май. Л. 344 об.–345 об.]. См. также Общую службу святителю [Минея общая. Л. 37 об — 38 об. второго счета].

[42] [Карбасова 2014, с. 89–90].

[43] Соф. 1467. Л. 178 об.–179 об.

иже знаменьми различными твою украсивша раку, Леонтие богоблаженне. 2-жды.	десы различными твою украсившю раку, отче наш Кириле богоблажене. Дважды.	*храм въздвиглъ еси, в нем же и твоа честныя мощи истачают исцѣления с вѣрою притѣкающим ти*, отче нашь, Ефрѣме преподобне. 2-жды.
По полиелеосѣ. Сѣдаленъ. Гласъ 8. Подобенъ: Премудрости. Надъ страстьми царствовавъ плотскими, **святитель явися богоподобенъ**, Ростовский градъ преславно упаслъ еси, **крещениемъ же просвѣтилъ еси** преподобне, и наказалъ еси славити единаго Бога во триехъ составѣхъ. ⟨...⟩	По полиелиосе. Сѣдален. Глас 8. Премудро⟨сти⟩ Царьствова страстьми плотскыми, **агтелоподобным житием инокъ множество просвѣтилъ еси**, преподобьне, и во трех составех единого Бога славити наказалъ еси. ⟨...⟩	По многомилостив⟨ом⟩. Сѣдален. Глас 8. Подобен: Премудрости. Царствовав над страстьми плотскыми **аггелом подобное житие инокъ множества просвѣтил еси**, преподобне, и во трех составѣх единаго Бога славити наказал еси. ⟨...⟩

Принцип анафоры, широко применяемый в ранней Службе Кириллу Белозерскому, в тексте Мисаила появляется лишь единожды, в стихирах на стиховне: дом — дом — дом. Та же троичная анафора, но с другими текстами, встречается в службах Василию, юродивому Московскому (2 августа), Нилу Столобенскому (7 декабря) и в более поздних службах Моисею Новгородскому (25 января), Службе на перенесение мощей Анны Кашинской (12 июня). Источником для Службы Ефрему Новоторжскому могли послужить службы Стефану Пермскому (1-я стихира) и Иоанну Новгородскому (2-я и 3-я стихиры).

По замечанию Ф. Г. Спасского, «службы русским святым очень отличаются от переводных обширностью и чисто русской монастырской милой неуклюжестью; они вкладывают неизменно в свое изложение житийный материал более густо, чем греческие службы» [Спасский, с. 319]. Поскольку сведения о древнем подвижнике, основавшем Борисоглебский монастырь, были крайне скудны, следует проанализировать «житийный материал», вошедший в Службу.

В выборе песнопений находят отражение и имя святого (славник 2-го гласа заимствован из Службы Ефрему Сирину), и название монастыря. Влияние Службы Борису и Глебу на 24 июля проявляется в заимствовании образа «Романа с доблим Давидом днесь, Христа возлюбивших, и сего ради братнее неправедное заколение претерпѣвших» (стихиры на малой вечерне)[44], лейтмотивом проходящего через всю Службу Ефрему Новоторжскому:

[44] Служба Борису и Глебу на 24 июля, см. [Минея служебная. Июль. Л. 330 об.].

«...егда узрѣл еси, како любве ради Христовы **претерпѣста от брата своего неправедное заколение** преславная Христовы мученика **Роман и Давид**, тогда, блажене, разгорѣвся божественым желанием, и вся земная и житейская яко уметы вмѣнив, и Христа единаго возлюбил еси, и дошед пристанища, идѣже желая Богу работати, **и церковь прекрасну страстотръпцем Христовым Борису и Глѣбу въздвигл еси**, и обитель составил еси...» (славник 8-го гласа);

«...и владыку Христа възвеличил еси, **и его угодник Романа и Давида храм въздвигл еси**, в нем же и твоа честныя мощи истачают исцѣлениа с вѣрою притѣкающим ти...» (седален 4-го гласа по 2-м стихологии);

«...прилѣжно молим тя, преподобне Ефрѣме, непрестанно, отче, за ны Христа Бога моли, **вкупе с Романом и Давидом, иже неправедное заколение любве ради Божиа претерпѣста**, **има же преблажене храм воздвигл еси** в славу Христу Богу...» (тропарь 8-й песни канона);

«...преподобне отче и богоносе Ефрѣме, ты на Бога упование о всѣм возложив, **церковь прекрасну страстотрьпцем Христовым Роману и Давиду въздвигл еси**, Богу ти помагающу и к сему обитель съставил еси во пребывание хотящим спастися...» (стихиры на хвалитех)[45].

Ефрем рядом со свв. князьями Борисом и Глебом предстает как воздвигший храм или «церковь прекрасну». Обратим внимание на то, что ни о Моисее Угрине, ни о Георгии Угрине, ни о главе Георгиевой в Службе не упоминается. Не назван в Службе и город Торжок, который упоминается только в заглавии. Отметить заимствование лейтмотива Службы Ефрему из Службы Борису и Глебу представляется нам очень важным, поскольку именно упоминание в Службе «Романа и Давида» привело П. Д. Малыгина к ошибочному предположению, что монастырь в Торжке изначально был Романодавидовским [Малыгин].

В большинстве списков Службы содержатся два тропаря Ефрему. Как уже было отмечено [Галашева 2024, с. 177], первый тропарь преподобному (глас 1) встречался в ранних списках памятей «новым чюдотворцем, которых в ряду в святцех нѣт»[46] и был создан, вероятно, раньше всей Службы. Первый тропарь в значительной степени сходен с тропарем Иакову Боровичскому; в Службе Ефрему Новоторжскому, созданной позже, нет заимствований из последования этому святому. Другой тропарь (глас 4) появился только в списках Службы и был создан, вероятно, одновременно с нею. Содержание тропаря 4-го гласа, по сравнению с первым тропарем, очень индивидуально, в нем излагается вся известная история Ефрема, основавшего храм в память святых князей. Начало «другого тропаря» 4-го гласа заимствовано, возможно, из кондака преподобному Алипию столпнику (празднование которому происходило в один день с памятью великомученика Георгия).

---

[45] Соф. 1467. Л. 172–186.

[46] См., например: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 37/294. Л. 360–360 об. Кон. XVI в.

Кондак Алипию Столпнику. Глас 8. Подобен: Яко начатки.	Другой тропарь Ефрему Новоторжскому. Глас 4
Яко добродѣтелемъ вину и постникомъ удобрение церкви ставитъ тя днесь и воспѣваетъ, Алимпие, молитвами ти подаждь чтущымъ любовию доблести твоя и борения лютыхъ прегрѣшений оставление, избавлению тезоименитый[47].	**Яко добродѣтелем виновнаго и постником удобрение, церкви славит тя днесь и воспѣвает,** Ефрѣме, *вкупѣ с Романом и Давидом, иже любве ради Христовы неправедное заколение от брата своего претерпѣвше, има же преподобне храм въздвиглъ еси въ славу Божию. В немь же и честныа твоя мощи положены быша, от них же почерпаем богатно исцѣления*, вѣрою и любовию к рацѣ твоей притекающим и вопиющим ти: «Христа Бога моли спастися душам нашим»[48].

В тропаре 4-го гласа, таким образом, отразился лейтмотив всей Службы и все содержание биографии святого, тогда как тропарь 1-го гласа имел более общее содержание.

Перед каноном Ефрему Новоторжскому расположено псевдонадписание [Макарий] о краегранесии: «Канон Ефрѣму чюдотворцу, емуже есте краегранесие: „Ефрѣма похвалити разумно, Боже мой, даруй ми“»[49] (акростих не читается). По составу источников канон распадается на две равные части: Ефрем воспет как преподобный в начальных песнях, как защитник города в последних четырех песнях. В первой части источниками стали два канона Савватию Соловецкому (4-го и 2-го гласов), каноны Павлу Обнорскому, Димитрию Прилуцкому и другие, во второй части — два канона Феодору, Давиду и Константину Ярославским.

Служба ярославским чудотворцам в целом, очевидно, была важным ориентиром для создателя Службы новоторжскому святому («другой кондак» 8-го гласа Феодору стал основой икоса Ефрему; был заимствован также славник 6-го гласа — «Преподобне отче Ефрѣме, не дал еси сна своима очима»), но ее влияние особенно заметно в каноне. В работе В. И. Легких уже было показано, как 3-й тропарь 5-й песни канона 4-го гласа Феодору Ярославскому

[47] 26 ноября [Минея служебная. Ноябрь. Л. 309 первого счета]. Ср. также кондак из общей службы святителям двум или многим: «Яко добродѣтелемъ учителие, иерархомъ украшение, церкви поющи васъ славятъ...» [Минея общая. Л. 51 об. второго счета].

[48] Соф. 1467. Л. 173 об.–174.

[49] Соф. 1467. Л. 180. Исправлено, в рукописи: «фрѣма похвалити». Ср. в Службе Сергию Радонежскому: «Канонъ преподобному Сергию, емуже краегранесие сицево: „Сергия похвалити, Боже мой, даруй ми“» [Минея служебная. Сентябрь. Л. 329 об.].

превращается во 2-й тропарь 6-й песни канона Ефрему Новоторжскому [Легких, с. 17].

Сопоставление служб князьям Феодору Ярославскому, Петру, царевичу Ордынскому, и Иоасафу Каменскому проведено в монографии С. А. Семячко [Семячко, с. 292–323]. Из двух канонов ярославским чудотворцам в последние две службы перешел только канон 4-го гласа, тогда как в Службе Ефрему задействованы тропари обоих канонов.

В каждой песни канона Ефрему по три тропаря, источники заимствований последовательно сменяются. При заимствовании тропарь может быть перемещен в иную песнь, чем в источнике. Два канона Савватию Соловецкому сплетаются в первой песни канона Ефрему. Из Службы ярославским чудотворцам автор также попеременно заимствует тропари каждого канона. Как видно на примере 7–9-й песней, в каждом случае сначала берется первый или второй тропарь первого канона (глас 8), а затем два идущих подряд тропаря и богородичен второго канона (глас 4).

Источник (с указанием номера песни и тропаря)	Канон Ефрему Новоторжскому
1:1, канон, гл. 4. Савватию Соловецкому	**Песнь 1** 1:1. Твоя похвалы начати хотящу, Ефрѣме
1:1, канон, гл. 2. Савватию Соловецкому[50]	1:2. Просвещением трисолнечнаго божества озарився
1:3, канон, гл. 2. Савватию Соловецкому	1:3. Весь Троици бысть жилище
Богородичен 1-й песни, канон, гл. 4. Савватию Соловецкому	Богородичен: Без сѣмени очью волею от божественаго Духа Божиа
3:1, канон, гл. 2. Савватию Соловецкому[51]	**Песнь 3** 3:1. Наплънивъ сердце свое слѣзными потоки
1:4, канон Павлу Обнорскому[52]	3:2. Нынѣ, преподобне отче Ефрѣме, с лики пророкъ и апостолъ
3:3, канон, гл. 8. Димитрию Прилуцкому[53]	3:3. Воздержанием крайним плоть свою умертвилъ еси
Богородичен 3-й песни, канон Павлу Обнорскому[54]	Богородичен: Неоранная нива, бразда явилася еси

[50] Ср.: 1:2, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину, 19 сентября [Ленхофф, с. 297].

[51] 27 сентября — РГБ. Ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова). № 297. Службы преподобным Зосиме и Савватию Соловецким. Кон. XVI — нач. XVII в. Л. 18–19 об. (в печатную Минею вошел только один канон Савватию).

[52] 10 января [Минея служебная. Январь. Л. 197–197 об. второго счета].

[53] [Семячко, Панченко, с. 229].

[54] [Минея служебная. Январь. Л. 198 второго счета].

4:1, канон Ефрему Перекомскому	**Песнь 4** 4:1. Житие свое, отче Ефрѣме, чюдно на земли показал еси
4:3, канон Ефрему Перекомскому[55]	4:2. Постом и молитвами тѣло свое, отче Ефрѣме, изнурил еси
9:4, канон Ефрему Сирину[56]	4:3. Духу пресвятому храм былъ еси
Богородичен 4-й песни, канон Ефрему Перекомскому	Богородичен: Покров и заступление и прибѣжище буди ми
5:2, канон Ефрему Перекомскому	**Песнь 5** 5:1. Яко преобидѣвъ тлѣнная
5:3, канон Ефрему Перекомскому[57]	5:2. Мѣсто иже сподобися приати честныя мощи твоа
4:2, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	5:3. Исцѣлениа съдѣловают честнныа мощи твоа
Богородичен 4-й песни, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	Богородичен: Христа нам родила еси, Пречистая владычице
6:2, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину	**Песнь 6** 6:1. Молитвами варяа к Богу и тому предстоа со аггелы
5:3, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	6:2. Гроб честнаго ти телеси показал еси вѣрным людем
6:4, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину	6:3. Глаголом и законом исполнитель всѣм был еси
Богородичен 6-й песни, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	Богородичен: Изсушила еси сады безбожных людий
7:1, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину	**Песнь 7** 7:1. Прилѣжныа подвиги и труды почитающе
7:1, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	7:2. Божественое житие твое и кончина бесмертна
7:2, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	7:3. Явился еси граду нашему, Ефрѣме богоблажене, столпъ непоколѣбим
Богородичен 7-й песни, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	Богородичен: Без сѣмени заченши творца всѣх Христа Бога
8:2, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину	**Песнь 8** 8:1. Любовию и вѣрою память твою чтуще
8:1, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	8:2. Ликуют на небесѣх чинове аггельстии

[55] 16 мая [Минея служебная. Май. Л. 248].

[56] 28 января [Минея служебная. Январь. Л. 140 об. третьего счета].

[57] 16 мая [Минея служебная. Май. Л. 248 об.].

8:2, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	8:3. Помолися Христу Богу, блажене Ефрѣме
Богородичен 8-й песни, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину,	Богородичен: Из пречистаго ти чрева, Бога мати, небеснаго дождя капля нам укануша
9:2, канон, гл. 8. Феодору, Давиду и Константину	**Песнь 9** 9:1. На земли пожив яко аггель, с плотию яко бесплотен
9:2, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину	9:2. Да входят нынѣ во святый храм сей къ честным ти мощем
9:3, канон, гл. 4. Феодору, Давиду и Константину[58]	9:3. Нынѣ помолися Господу всечюдне Ефрѣме
Богородичен 9-й песни, канон Павлу Обнорскому[59]	Богородичен: Иже всѣми владущиа тварьми людем си даруй побѣдное одолѣние

Если наши предположения об источниках канона верны, то в четвертой и начале пятой песни можно заметить чередование заимствований из канонов двум Ефремам — Ефрему Сирину (тропарь 4:3) и Ефрему Перекомскому (тропари 4:1–2, богородичен, 5:1–2). Источником этих заимствований могла быть, впрочем, служба Савве Вишерскому, созданная Пахомием Логофетом и ставшая образцом для последований Ефрему Перекомскому и Нилу Столобенскому [Спасский, с. 227–230]. В любом случае отметим, что из заимствованных тропарей канона исключен тропарь о том, кому подражает Ефрем в своем подвиге: «Симеону великому и на столпѣ живъшему житию послѣдуя, преподобне, тѣмже тому елико мощно именование от жития стяжалъ еси, Саво пребогате»[60]; «Сергия великаго житию послѣдуя, преподобне, тѣмже того елико мощно именование от жития стяжалъ еси, Ефреме пребогате»[61]. Архимандрит Мисаил, очевидно, не знает, кому уподобить своего героя, агиотип[62] для Ефрема не определен. Автор текста осторожен в своем описании подвижника.

Как уже было отмечено, составленная Мисаилом Служба становилась образцом для других последований. Можно говорить также о влиянии этого текста на более позднюю Службу на перенесение мощей Ефрема Новоторжского 11 июня[63]. Летняя Служба появляется в посвященных Ефрему

[58] 19 сентября [Ленхофф, с. 302–307].

[59] 10 января [Минея служебная. Январь. Л. 201 об. второго счета].

[60] 1 октября [Минея служебная. Октябрь. Л. 30 об.].

[61] 16 мая [Минея служебная. Май. Л. 248].

[62] Термин, введенный О. В. Панченко для обозначения образца, по подобию которого агиограф или гимнограф изображает святого [Панченко].

[63] Служба известна в восьми списках: 1) РГБ. Ф. 199 (собр. Н. П. и П. Н. Никифоровых). № 534. Житие и Службы Ефрему Новоторжскому, кон. XVII — нач. XVIII в., 4°, 131 л., полуустав одной руки;

Новоторжскому монографических сборниках одновременно со Сказанием о перенесении мощей в 1690 г. и создана, вероятно, к этому событию.

Служба конца XVII в. написана усложненным языком, имеет не всегда ясный синтаксис и литургические особенности, сделавшие невозможной ее публикацию, как это было показано в исследовании иеромонаха Германа (Вейнберга): печать Службы в 1904 г. не состоялась в связи с неисправностью текста, выявленной справщиком Н. Ф. Чуриловским[64]. В тексте восхваляется чудодейственная рака Ефрема (в ранней Службе воспевался скорее сам святой). Прямых заимствований песнопений из Службы на 28 января нет, тем не менее ее мотивы заимствуются и перепеваются, многократно повторяясь. Исчезают упоминания Романа и Давида (лишь единожды упомянуты Борис и Глеб), зато в песнопениях многократно (не менее 15 раз) упоминается «град Торжек». Этот текст представляет интерес для самостоятельного исследования, рассмотрим лишь то, как видоизменяются в нем песнопения Службы конца XVI в.

Служба на 28 января[65]	Служба на 11 июня[66]
На стих⟨овне⟩. Стихиры. Глас 2. Под⟨обен⟩: Доме Ефрантов.	На стиховнѣ стихиры. Глас 1.
Домъ и жилище **Духу Пресвятому**, премудре Ефрѣме, **былъ еси**, тѣм же и нас дом Тому	Божественнымъ свѣтомъ озаряемь, преподобне Ефреме, **домъ Духа Святаго былъ еси**, и благо-

2) РГБ. Ф. 209 (собр. П. А. Овчинникова). № 316. Служба и Житие Ефрема Новоторжского, XVIII в., 4°, 163+IV л., полуустав одной руки; 3) РНБ. Q.I.1356. Сборник-конволют агиографический, 1744 г., 4°, 215 л., полуустав двух почерков; 4) ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 162–8°. Сборник, XVIII в. (3-я четв.), 8°, 237 + IV л., полуустав разных почерков; 5) РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 264. Сборник, XVIII в. (посл. четв.), 4°, 231 л., полуустав нескольких почерков; 6) РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 718. Служба и Житие Ефрема Новоторжского, XVIII в. (1-я пол.), 4°, 114 + I л., полуустав; 7) РГАДА. Ф. 357 (собр. Саровской пустыни). № 69. Сборник, посвященный Ефрему и Аркадию Новоторжским, кон. XVII — нач. XVIII в., 4°, 167 л., полуустав одной руки; 8) ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 457. Служба и Житие Ефрема Новоторжского, XVIII в., 1°, 199 л., полуустав двух почерков.

[64] Искренне благодарю Н. А. Шереметова, обратившего мое внимание на эту проблему. Исследование иеромонаха Германа (Вейнберга) вновь введено в научный оборот А. Г. Кравецким [Кравецкий]. Рукопись диссертации Германа (Вейнберга): РНБ. Ф. 573 (СПбДА II). Оп. 2.2. № 43. *Герман, иером.* Службы русским святым, появившиеся за синодальный период русской церковной жизни. Пг., 1916. Л. 120–128. Нельзя, впрочем, согласиться с выводом автора диссертации о том, что Служба на перенесение мощей Ефрема создана «до прославления его, т. е. до 1584 года. Эта служба и есть, наверно, на 11 июня с ирмосами великопостными как еще не прославленному чудотворцу, а впоследствии эта служба была приноровлена к перенесению мощей» (Там же. Л. 127 об.). И отсутствие древних списков летней службы, и ее лексические особенности говорят о позднем происхождении этого памятника.

[65] Соф. 1467. Л. 173–173 об.

[66] РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 264. Л. 83 об., 85 об.

сдѣлай, иже святую ти память почитающим. С⟨ти⟩х. Честна пред Господемь. **Домъ Духа Святаго** и **граду** нашему **утверженіе**, преподобным **похвала**, съвръшеный вѣрою, Ефрѣме преподобне, ко Христу Богу. ⟨...⟩ Троп⟨арь⟩, глас 1. **Божественою свыше просвѣтився благодатию**, преподобне, многим тръпѣнием во врѣменней жизни подвигъ совръшил еси, тѣм же **истачаеши** чюдес благодати, **иже вѣрою приходящим к рацѣ мощей твоих, Ефрѣме** преблаженне. Мы же зовем **ти: слава Давшему ти** крѣпость, **слава** Вѣнчавшему **тя**, **слава Дѣиствующему тобою всѣм исцѣление**!	дать явися, преподобне, ты бо **граду** Торжшку **утвержение** и обители своей **похвала**, и инокомъ наставникъ. Тѣм же в памяти его мы нынѣ сошедшеся, того воспоемъ: радуйся, церкви сей утвержение. ⟨...⟩ Тропарь, глас 1: **Божественною свыше благодатию просвѣтився**, Богомудре, и по смерти яви тя свѣтлость жития твоего, тѣм же **источаеши** мирови благоухание, **иже с вѣрою притекающим к рацѣ мощей твоихъ, Ефреме** преподобне. Тѣмъ вопием **ти: слава Давшему ти** чюдесемъ благодать, **слава** Прославльшему **тя** в чюдесѣхъ, **слава Дѣйствующему тобою всѣмъ исцѣление**!

Сопоставление показывает, как меняется содержание песнопений в Службе на перенесение мощей: святой превозносится не как «похвала преподобным», но как «похвала обители»; исчезает моление Ефрему о том, чтобы святой помог молящимся стать «Домом Духа Святого»; Господь дает святому не «крепость», но «чюдес благодать», не «венчает», но «прославляет в чудесах», — и другие примеры упрощения источника. Тем не менее очевидна важность претекста в расстановке акцентов летней Службы.

Возможно, нами пока не обнаружен более близкий предшественник Службы Ефрему на 28 января, но то многообразие источников, которое предстает из настоящего обзора, показывает кропотливую работу автора бденной службы по воспеванию образа преподобного Ефрема. Источниками текста стали службы Димитрию Прилуцкому, Сергию Радонежскому, Варлааму Хутынскому, Феодору, Давиду и Константину Ярославским, Зосиме Соловецкому, Савватию Соловецкому, Павлу Обнорскому, Иоанну Новгородскому, Никите Новгородскому, Ионе Московскому, Стефану Пермскому, Ефрему Сирину, а также допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому; образ Романа и Давида заимствован из Службы Борису и Глебу.

Песнопения канона в первой части сплетены из тропарей канонов Савватию Соловецкому, Павлу Обнорскому, Ефрему Перекомскому, Ефрему Сирину, Димитрию Прилуцкому, во второй его части — из двух канонов Феодору, Давиду и Константину Ярославским. При этом никакого акростиха, кроме псевдонадписания, заимствованного из службы Сергию Радонежскому, в тексте выявить не удалось, что может говорить о небольшом гимнографическом опыте архимандрита Мисаила. Об этом же может говорить и смена жанров песнопений при заимствованиях: кондак на перенесение мощей Феодора,

Давида и Константина Ярославских («Явистеся свѣтилници всесвѣтлии во плоти аггели...») становится источником икоса Ефрему Новоторжскому, начало кондака Алипию Столпнику (глас 8) становится источником «другого» тропаря Ефрему Новоторжскому (глас 4).

Песнопения из Службы Димитрию Прилуцкому начинают каждую из частей Службы Ефрему: малую вечерню, великую вечерню, утреню. Многочисленные заимствования из служб русским преподобным ставят Ефрема (древнего подвижника, чьи мощи были недавно обретены) в один ряд с его последователями. В то же время в Службе отражена и важная для Борисоглебского монастыря идея почитания Ефремом святых князей: если из Службы Борису и Глебу заимствуется формула о «неправедно заколенных Романе и Давиде», то многие песнопения целиком переходят из другого княжеского чинопоследования — Службы ярославским чудотворцам.

При выборе песнопений архимандрит Мисаил руководствовался неким образом подвижника, о котором практически не было сведений. Не используются часто встречающиеся в службах-источниках образ «пустыни», служение Богу «от юности», «от млада возраста», «худость ризная», «безмолвие» и другие топосы последований преподобным. Автор Службы избегает именования святого «священной главой», не использует понятия «учения» и «учеников». С другой стороны, отражение находят «воздержание», «пощение», «молитва», «исцеление». Ефрем воспевается в Службе прежде всего в том, что непреложно известно: как основатель монастыря в память Бориса и Глеба.

Литература

Гадалова — *Гадалова Г. С.* Служба на обретение мощей святителя Арсения Тверского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 27–36.

Галашева 2020 — *Галашева Т. Н.* К истории текста Жития Ефрема Новоторжского // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 175–205.

Галашева 2024 — *Галашева Т. Н.* Краткая редакция Жития Ефрема Новоторжского: к вопросу о начале почитания святого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Под ред. А. В. Пигина, Т. Р. Руди, М. А. Федотовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2024. Т. 5. С. 166–197.

Карбасова 2011 — *Карбасова Т. Б.* Кирилл Новоезерский: история почитания. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 559 с.

Карбасова 2014 — *Карбасова Т. Б.* Допахомиевская Служба Кириллу Белозерскому // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 67–95.

Ключевский — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1871. 465 с.

Кравецкий — *Кравецкий А. Г.* Неизвестный церковно-исторический проект иеромонаха Германа (Вейнберга), будущего епископа Алма-Атинского // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98. С. 93–105.

Крушельницкая — *Крушельницкая Е. В.* Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. СПб.: Алетейя, 1998. 260 с.

Легких — *Легких В. И.* Венгры среди русских святых: Служба на успение прп. Ефрема Новоторжского // Słowianie w monarchii Habsburgów: Literatura, język, kultura / Red. M. Čistiakova, M. Kuczyńska, J. Stradomski. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2020. S. 9–34. (Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne; T. 17).

Ленхофф — *Ленхофф Г.* Князь Феодор Черный в русской истории и культуре: Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2019. 349 с.

Леонид — *Леонид (Кавелин), архим.* Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще и местно чтимых: Справочная книга по русской агиографии / ОЛДП; Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 220, [IV] с.

Макарий — *Макарий (Веретенников), архим.* Акростихи в богослужебных Минеях // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2004. № 3. С. 82–87.

Малыгин — *Малыгин П. Д.* Новоторжский во имя святых мучеников Бориса и Глеба мужской монастырь // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. 51. С. 727–736.

Малыгин, Салимов, Зайцев — *Малыгин П. Д., Салимов А. М., Зайцев А. А.* К изучению плинфы собора Борисоглебского монастыря в Торжке // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 85–92.

Минея июль. Ч. 1 — Минея июль. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 1. 632 с.

Минея общая — Минея общая. М.: Печатный двор, 1609. 9, 364 л.

Минея служебная. Апрель — Минея служебная. Апрель. М.: Печатный двор, 1625. 240 л.

Минея служебная. Май — Минея служебная. Май. М.: Печатный двор, 1626. 468 л.

Минея служебная. Март — Минея служебная. Март. М.: Печатный двор, 1624. 272 л.

Минея служебная. Июль — Минея служебная. Июль. М.: Печатный двор, 1629. 460 л.

Минея служебная. Ноябрь — Минея служебная. Ноябрь. М.: Печатный двор, 1610. [1], 350, 39, [1] л.

Минея служебная. Октябрь — Минея служебная. Октябрь. М.: Печатный двор, 1645. 456 л.

Минея служебная. Сентябрь — Минея служебная. Сентябрь. М.: Печатный двор, 1636. 421 л.

Минея служебная. Январь — Минея служебная. Январь. М.: Печатный двор, 1622. 3, [1], 284, [1], 205, [1] л. [разд. паг.].

Минея январь. Ч. 2 — Минея январь. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 2. 648 с.

Панченко — *Панченко О. В.* Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 491–534.

Семячко — *Семячко С. А.* Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности. Вологда: [б. и.], 2021. 344 с.

Семячко, Панченко — *Семячко С. А., Панченко Ф. В.* Преподобный Димитрий Прилуцкий. Вологда: [б. и.], 2018. 384 с.

Сергий — *Сергий (Спасский), архим.* Полный месяцеслов Востока. М.: Тип. современных известий, 1876. Т. 2: Святой Восток. 272 с.

Словарь — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1979. Вып. 6: зипунъ — иянуарий. 360 с.

Соболева — *Соболева А. Е.* Рукописная традиция Жития Геннадия Костромского XVI–XIX вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 157–174.

Спасский — *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М.: Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2008. 507 с.

Строев — *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1877. 1132 стб.

References

Gadalova, G. S. (2010). 'Sluzhba na obretenie moshchei svyatitelya Arseniya Tverskogo' ['The Worship for the Uncovering of the Relics of Saint Arseny of Tver'], *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, 3 (41), 27–36. (In Russ.)

Galasheva, T. N. (2020). 'K istorii teksta Zhitiya Efrema Novotorzhskogo' ['To the Textual Tradition of the Life of St. Efrem of Torzhok'], *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 67, 175–205. (In Russ.)

Galasheva, T. N. (2024). 'Kratkaya redaktsiya Zhitiya Efrema Novotorzhskogo: k voprosu o nachale pochitaniya svyatogo' ['A Brief Redaction of the Life of St. Efrem of Torzhok: The Beginning of the Veneration of the Saint'], in: A. V. Pigin, T. R. Rudi, M. A. Fedotova, eds. *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [*Russian Hagiography: Research. Materials. Publications*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii dom», 2024. Vol. 5, 166–197. (In Russ.)

Karbasova, T. B. (2011). *Kirill Novoezerskii: istoriya pochitaniya* [*Kirill Novoezersky: History of Veneration*]. Moscow, St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 559 p. (In Russ.)

Karbasova, T. B. (2014). 'Dopakhomievskaya Sluzhba Kirillu Belozerskomu' ['The Prepakhomian Service of Kirill of Beloozero'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 63, 67–95. (In Russ.)

Kravetskii, A. G. (2021). 'The Unknown Church-Historical Project of Hieromonk German (Weinberg), Future Bishop of Alma-Ata', *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 98, 93–105. (In Russ.)

Krushel'nitskaya, E. V. (1998). *Martirii Zelenetskii i osnovannyi im Troitskii monastyr'* [*Martyrius Zelenetsky and the Trinity Monastery Founded by Him*]. St. Petersburg: Aleteiya, 260 p. (In Russ.)

Legkikh, V. I. (2020). 'Hungarians Among Russian Saints — the Worship of St. Efrem Nowotorski', in: M. Čistiakova, M. Kuczyńska, J. Stradomski, eds., *Słowianie w monarchii Habsburgów. Literatura, język, kultura* [*Slavs in the Habsburg Monarchy. Literature, Language and Culture*] (Krakowsko-Wileńskie Studia Slawistyczne, vol. 17). Kraków: Księgarnia Akademicka, 9–34. (In Russ.)

Lenkhoff, G. (2019). *Knyaz' Feodor Chernyi v russkoi istorii i kul'ture: Issledovanie i teksty* [*Prince Feodor Cherny in Russian History and Culture: Research and Texts*]. Moscow, St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 349 p. (In Russ.)

Makarii (Veretennikov), arkhimandrit (2004). 'Akrostikhi v bogosluzhebnykh Mineyakh' ['Acrostics in the Liturgical Menaions'], *Traditsii i sovremennost'. Nauchnyi pravoslavnyi zhurnal*, 3, 82–87. (In Russ.)

Malygin, P. D. (2018). 'Novotorzhskii vo imya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba muzhskoi monastyr'' ['Novotorzhsky Monastery of the Holy Martyrs Boris and Gleb'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya». Vol. 51, 727–736. (In Russ.)

Malygin, P. D., Salimov, A. M., Zaitsev, A. A. (2003). 'K izucheniyu plinfy sobora Borisoglebskogo monastyrya v Torzhke' ['To the Study of the Plinth of the Borisoglebsky Monastery Cathedral in Torzhok'], in: *Arkhitekturno-arkheologicheskii seminar: Iz istorii stroitel'noi keramiki srednevekovoi Vostochnoi Evropy* [*Archaeological Seminar: From the History of Building Ceramics in Medieval Eastern Europe*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 85–92. (In Russ.)

Mineya iyul' [*Menaion for July*] (2002). Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Part 1, 632 p. (In Russ.)

Mineya yanvar' [*Menaion for January*] (2002). Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Part. 2, 648 p. (In Russ.)

Panchenko, O. V. (2003). 'Poetika upodoblenii (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoi agiografii, epideiktike i gimnografii)' ['Poetics of Assimilation (On the Issue of the 'Typological' Method in Old Russian Hagiography, Epideictics and Hymnography)'], *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*, 54, 491–534. (In Russ.)

Semyachko, S. A. (2021). *Prepodobnyi Ioasaf Kamenskii i Spaso-Kamennyi monastyr' v pamyatnikakh srednevekovoi russkoi pis'mennosti* [*Reverend Ioasaf Kamenskii and the Spaso-Kamenny Monastery in the Monuments of Medieval Russian Literature*]. Vologda: [s. n.], 344 p. (In Russ.)

Semyachko, S. A., Panchenko, F. V. (2018). *Prepodobnyi Dimitrii Prilutskii* [*Reverend Demetrius Prilutskii*]. Vologda: [s. n.], 384 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov [*Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries*] (1979). Vol. 6: zipun — iyanuarii. Moscow: Nauka, 360 p. (In Russ.)

Soboleva, A. E. (2019). 'The Manuscript Tradition of the Life of St. Gennady of Kostroma in the 16th–19th Centuries', *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*, 4 (78), 157–174. (In Russ.)

Spasskii, F. G. (2008). *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [*Russian Liturgical Creation*]. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 507 p. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 58–89
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-58-89
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 58–89
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Н. В. Белов

«НЕКЛАССИЧЕСКИЕ» ПОМИНАНИЯ РУССКИХ СИНОДИКОВ: КУРЬЕЗ ИЛИ ОБЫДЕННАЯ ПРАКТИКА?[1]

Nikita V. Belov

"UNCONVENTIONAL" COMMEMORATIONS IN RUSSIAN SINODIKI: CURIOSITY OR COMMON PRACTICE?

Резюме. Синодики-помянники — важный источник по генеалогии и коммеморации Московской Руси XV–XVII вв. Тем не менее при обращении к ним возникают серьезные вопросы, главный из которых: чьи имена были включены в состав «родовых» поминаний (по формуле «род N»). Популярное мнение гласит, что это кровные родственники. Такой взгляд нередко приводил к курьезным родословным построениям и ощутимо искажал (да и попросту ограничивал) информационный потенциал синодиков. Анализ рукописных помянников показывает, что дело обстоит намного сложнее. На примере «родов» ряда лиц — как церковных (митрополитов, двух игуменов, старца, протопопа), так и светских (князя, старомосковского боярина, дьяка) — видна широчайшая вариативность поминальных практик, характерных для России эпохи раннего Нового времени. Которая, вопреки поспешным заключениям некоторых историков, была отнюдь не «курьезом», но нормой религиозной практики русских людей XV–XVII столетий. В приложениях помещены публикации поминальных записей кирилловского игумена Досифея (1533–1539), старца Мисаила Короваева (середина — третья четверть XVI в.) и волоколамского игумена Евфимия Туркова (1575–1587).
Ключевые слова: церковная коммеморация, синодики, Московская Русь, Иван IV Грозный, игумен Досифей Кирилловский, Мисаил Короваев, Евфимий Турков
Информация об авторе: Никита Васильевич Белов, научный сотрудник Северо-Западного института управления РАНХиГС, библиотекарь Научно-исследовательского отдела редкой книги БАН, Санкт-Петербург, belovnikita1997@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2342-694X.
Для цитирования: *Белов Н. В.* «Неклассические» поминания русских синодиков: курьез или обыденная практика? // Словесность и история. 2025. № 3. С. 58-89. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-58-89

Abstract. The article investigates sinodiki as a source for genealogy and commemoration in Muscovy from the 15th to the 17th century. The author especially focuses on the question whose names were included in the "family" commemorations according to the formula "family N" ("*rod N*"). According to popular opinion, these names signify blood relatives. The author demonstrates the limitations of this approach since it potentially distorts the informational scope of the sinodiki and leads to curious genealogical constructions. A study of handwritten sinodiki shows that the practice of commemoration was much more complicated. The author analyzes the "families" of different individuals, both ecclesiastical (metropolitans, hegumens, a monk and an archpriest) and

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00416 («Правящая элита Русского государства XV–XVI вв. в фокусе коммеморативных практик. Традиции родовой памяти»).

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

secular (a prince, a boyar, and a clerk). A wide variety of memorial practices can be observed in early modern Russia. "Unconventional" commemorations, which represented an important part of Russian religious practices, were by no means a "curiosity" but rather the norm in the period covering the 15th to the 17th century. An appendix presents the publication of memorial records by Hegumen Dosifei of the Kirillo-Belozerskii Monastery (1533–1539), the monk Misail Korovaev (mid- to late 16th century) and Hegumen Evfimii Turkov of the Iosifo-Volokolamsk Monastery (1575–1587).
Keywords: commemoration, sinodiki, Muscovy, Ivan IV the Terrible, Kirillo-Belozerskii Hegumen Dosifei, Misail Korovaev, Iosifo-Volokolamsk Hegumen Evfimii Turkov
Information about the author: Nikita V. Belov, Research Fellow at the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Librarian of the Rare Book Research Department of the Library of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, belovnikita1997@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2342-694X.
For citation: Belov, N. V. (2025). "Unconventional" Commemorations in Russian Sinodiki: Curiosity or Common Practice?, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 58-89.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-58-89

Синодики-помянники давно вошли в круг важнейших источников по генеалогии русских родов XV—XVII столетий. Несмотря на обширную литературу, посвященную изучению этих памятников церковной коммеморации, вне поля зрения исследователей остается немало насущных проблем. Важнейшей из них следует признать слабую изученность механизмов записи тех или иных лиц в состав «родовых» синодичных поминаний (по формуле «род N»). Иными словами, историки по сей день не имеют четкого представления о том, чьи имена вносились в поминальные списки «рода» и каков в таком случае подлинный информационный потенциал синодиков.

Конечно, автор статьи[2] отнюдь не претендует на всестороннее раскрытие этой темы. Его цель скромнее — постановка проблемы и демонстрация возможных путей ее разрешения. В статье мы сосредоточимся лишь на нескольких частных примерах «неклассических» поминаний — весьма показательных, а потому способных послужить точкой отсчета для дальнейшего научного поиска.

Из истории изучения

Мнение о том, что в составе «родовых» памятей синодиков помещены имена кровных родственников лица, ответственного за установление церковного поминания (чаще всего — вкладчика), прочно утвердилось в историографии.

[2] Основные ее положения изложены автором в четырех докладах, зачитанных в стенах ИРЛИ РАН (октябрь 2019), НИУ ВШЭ СПб (ноябрь 2022), СПбДА (июнь 2023) и СПбИИ РАН (май 2024). Благодарю А. В. Сергеева и С. Ю. Шокарева за консультации и помощь в подготовке итогового текста.

Наиболее полно его сформулировал А. Г. Авдеев. В монографии 2006 г. ученый подчеркнул, что «в синодик вносились только члены одного рода», тогда как «лица, не связанные узами родства, в составе рода не поминались» [Авдеев 2006, с. 77]. Высказанная Авдеевым мысль была отнюдь не нова. На протяжении десятилетий становления отечественной генеалогии такое представление о сущности синодичной памяти занимало доминирующую позицию. Отталкиваясь от него как от некоей источниковой данности, исследователи механически зачисляли в кровные родственники всех тех, кто был упомянут в рамках одного поминального «родового» списка.

Именно под воздействием этого «безусловного знания» блестящий знаток русских древностей Н. К. Никольский допустил, что игумен Кирилло-Белозерского монастыря Досифей (1533–1539) «был, по-видимому, в родстве с Глинскими и Щенятевыми», то есть происходил из княжеского рода. К такому заключению Никольский пришел лишь потому, что в составе «рода» игумена Досифея (о котором скажем далее), помещенного на страницах одного из кирилловских синодиков, читались имена князей Щенятевых и Глинских [Никольский 1908, с. 271]. Вывод Никольского был повторен позднейшими историками (например, [Макарий 2007, с. 59]).

Аналогично поступает и наш современник, исследователь русской церковной истории архимандрит Макарий (Веретенников), когда говорит о происхождении Всероссийского митрополита Кирилла III (1568–1572) из княжеского рода на том основании, что он дал вклад по душе своей «матери», некоей княгини Ксении, имя которой оказалось занесено в состав «родового» поминания владыки [Макарий 2001, с. 100; 2016, с. 1174]. Надо ли говорить, что и эта смелая гипотеза обосновалась на страницах исторических трудов, притом в ранге твердо доказанного факта [Шапошник 2006, с. 309; Курукин, Булычев, с. 252].

Приведем другой пример: из новейшей фундированной работы о кирилловском книжнике черноризце Боголепе Губе узнаем, что присутствие в его «родовом» поминальном перечне имени «епископа Феодосия» «говорит о том, что Боголеп, возможно, происходил не из простого рода» [Левичкин, с. 305]. Автор серьезного труда все же осторожно замечает в подстрочной сноске, что некоторые неназванные исследователи предлагают трактовать синодичные памяти более широко, однако же дополнительных аргументов не приводит [Левичкин, с. 305, примеч. 5].

Оговорка А. Н. Левичкина не случайна. И не только потому, что он, скорее всего, имеет в виду мой доклад о поминаниях в Кирилловом монастыре XVI в., зачитанный в октябре 2019 г. на заседании Отдела древнерусской

литературы ИРЛИ РАН, но и потому, что созвучные идеи о более сложных механизмах формирования поминальных списков спорадически высказывались в отечественной литературе.

В этом смысле прямолинейная трактовка синодичных памятей того или иного «рода» хотя и господствует в историографическом поле, но все же не является аксиомой. Во всяком случае, не всегда и не для всех.

Так, еще в 1909 г. архиепископ Никанор (Каменский) обратил внимание на тот факт, что в синодике Свияжского Успенского монастыря в перечне членов «рода» «бывшего смоленского архиепископа Паисия»[3] фигурируют трое других епархиальных владык. Историк сделал логичное допущение, «что это родство понималось духовно» [Никанор, с. 412].

Упоминавшийся выше архимандрит Макарий (Веретенников) на рубеже XX–XXI вв. отметил, что в «роде» Всероссийского митрополита Антония (1572–1581) из состава синодика Успенского собора Московского Кремля на первом месте записано имя епископа Сарского и Подонского Галактиона, некогда осуществившего постриг будущего владыки [Макарий 2000; 2016, с. 1186–1187].

В начале нынешнего века О. В. Панченко в результате тщательного осмотра соловецких синодиков пришел к выводу о поминании в них наряду с кровными родственниками еще и лиц, связанных с монахами узами духовного родства. Исследователь подчеркнул, что практика, при которой в начале поминальных списков («родов») соловецких иноков указывались имена их духовных наставников (старцев), существовала на протяжении XVII столетия и была весьма распространена [Панченко 2002, с. 19; 2006, с. 759, примеч. 216].

Наконец, в новейшей работе С. Ю. Шокарева показано, что «род» волоколамского старца, будущего игумена, Левкия Акишева (или Аишева), внесенный на страницы волоцкого синодика в 1570–1580-е гг., включал в себя поминания знатных лиц, с которыми сам Левкий не имел кровнородственной связи: царского шурина князя Михаила Темрюковича Черкасского и его родни, а также Ивана Бельского (возможно, родича Малюты Скуратова) и Леонтия Татищева. Историк допустил, что эти люди являлись патронами — господами (в случае с князьями Черкасскими) либо покровителями

[3] Идентификация этой персоналии затруднена, поскольку о смоленском архиепископе с таким именем данных нет. В свияжских синодиках он указан с родовым прозванием Сарафанов [Синодики, с. 106, 465]. В недавнее время Г. А. Романов выявил поминание «рода» Паисия Сарафанова в синодике Костромского Богоявленского монастыря; ученый допустил, что иерарх мог занимать смоленскую кафедру «где-то в промежутке с 1605 по 1608 г.» [Романов, с. 24, 29].

(в случае с И. Бельским и Л. Татищевым) старца Левкия. Аналогичные случаи включения имен господ в холопские «родовые» помянники и, напротив, имен холопов — в господские (под рубрикой «людей» / «рабов») отмечены С. Ю. Шокаревым и в синодиках других монастырей XVI–XVII вв. [Шокарев].

Несколько ранее, в 2021 г., увидели свет статьи А. Г. Авдеева, в которых он скорректировал свой прежний излишне категоричный взгляд на синодичные памяти. Историк обратил внимание на «родовую» поминальную запись архимандрита Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосия, оставленную в одном из синодиков этой обители около 1670 г. Указанные в ней имена содержали киноварные приписки, разъясняющие степень родства их обладателей с Феодосием. Помимо кровных родственников, в этом списке присутствуют имена четырех лиц, с которыми Феодосий «находился в духовном родстве и общении», а именно: архимандритов Ново-Иерусалимского монастыря Герасима и Акакия, царского духовника Лукьяна Кириллова и келаря Чудова монастыря Саввы. По словам А. Г. Авдеева, данная синодичная запись являет собой «редкий генеалогический казус» — не только из-за наличия пояснений к поминальному списку[4], но и вследствие включения в него «посторонних», с точки зрения историка, лиц [Авдеев 2021a; 2021b].

Насколько «редка» и «казусна» была в XVI–XVII вв. практика включения в синодичные перечни лиц, не принадлежавших к кругу кровных родственников, еще предстоит выяснить. Мы же сосредоточим внимание на нескольких случаях таких «неклассических» поминаний, вполне убеждающих нас не просто в широком распространении, но и в обыденности отмеченной А. Г. Авдеевым и другими исследователями «расширенных» поминальных практик.

Поминальные практики в Кирилловом монастыре XVI века: «роды» игумена Досифея и старца Мисаила Короваева

Первый и наиболее явный из этих случаев обнаруживается в древнейшем вечном («подстенном») синодике Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г.

[4] Заметим, что наличие комментариев к перечню поминаемых лиц «рода» является редким, но все же не уникальным феноменом. Одну такую запись — обширный «род» князей Мстиславских из синодика Троице-Сергиева монастыря 1630-х гг. (РГБ. Ф. 304/I (Главное собр. рукописей Троице-Сергиева монастыря). № 818. Л. 95–96) — в 1999 г. издал в переводе на английский язык Р. Э. Мартин [Martin, p. 189–190]. Дополнительно об этом источнике см.: [Ананьев, с. 357, 358, 374, 375; Сергеев 2023a, с. 25, примеч. 1]. Нам известен еще один пример — подробная роспись «рода» боярина Б. М. Хитрово из прибавлений к основному тексту старшего пергаменного синодика Троице-Сергиева монастыря 1575 г. (РГБ. Ф. 304/III (Собр. рукописей ризницы Троице-Сергиева монастыря). № 25 (далее — ТСЛ 25). Л. 314–314 об.).

(см. о нем: [Шаблова, с. 219–224])[5]. Среди прочих поминаний в нем читается «Род игумена Досифеа Кириловскаго»[6]. Первое же ознакомление с данным поминальным списком позволяет усомниться в том, что перед нами перечень одной только родни игумена Досифея. Из 73 имен 33 содержат киноварные пометы, указывающие на фамильную принадлежность их обладателей. С уверенностью мы можем установить личность шестерых из них: это князь Даниил Васильевич Щеня Патрикеев, его потомки — князья Михаил Данилович и Петр Михайлович Щенятевы, князья Иван Михайлович и Михаил Васильевич Глинские, князь Дмитрий Петрович Елецкий. Еще о двух именах мы можем судить с некоторой долей вероятности. Не вдаваясь здесь в конкретику[7], скажем, что речь идет об одном из Иванов Хабаровых (братьях Иване Ивановиче Большом либо Иване Ивановиче Меньшом или же, что менее вероятно, их отце Иване Васильевиче Хабаре Образцове Симском) и княгине Авдотье, супруге князя Василия Ивановича Горбатого Суздальского. Как видим, в списке «рода» Досифея присутствуют лица, происходящие из разных аристократических родов и не состоящие друг с другом в близком кровном родстве. Анализ биографий этих лиц показывает, что все они, за исключением старших представителей семейства Щенятевых — князей Даниила Щени и его сына Михаила Щенятева, — родились примерно в одном временном промежутке: с середины 1510-х по 1540 г. По срокам этот период совпадает со временем пребывания Досифея в Кирилло-Белозерском монастыре (он занимал пост игумена в 1533–1539 гг., ранее, скорее всего, был насельником монастыря [Макарий 2007, с. 58–59]). Тот факт, что лица княжеского и боярского достоинства записаны в «роде» Досифея наравне с людьми, чей социальный статус был явно ниже, склоняет нас к мысли, что они были связаны с Досифеем узами не кровного, а духовного родства. Судя по вычисленным гипотетическим датам рождения, аристократы могли быть крестниками или духовными детьми кирилловского старца, а впоследствии — игумена.

Сходная по форме «память» читается в тексте другого кирилловского помянника — вечного синодика «малого» богородного Иоанновского

---

[5] Филигрань основной части синодика: гербовый щит под короной с крестом. Т. И. Шаблова не смогла отождествить знак, хотя это сделал еще Г. В. Попов [Попов, с. 315]: тип Брике, № 1450 (1603, 1609, 1610 гг.) (по кат.: [Briquet]). Однако существует гораздо более близкий вариант: вид Пиккар Архив, № 23448 (1600 г.) (по б/д: [Piccard-Online]) — помимо почти полного тождества рисунка, знак имеет те же размер и расположение относительно понтюзо, сходную асимметрию нижней части щита.

[6] РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 759/1016 (далее — КБ 759/1016). Л. 265 об.–266. См. Приложение I (№ 1).

[7] Подробно сведения о лицах из указанных в этом разделе синодичных памятей см. табл. 1–2 в Приложении I.

монастыря с записями за 1545–1575 гг. (см. о нем: [Шаблова, с. 213–218]). В нем помещен «Род Мисаила Короваева»[8] — авторитетного монастырского старца середины и третьей четверти XVI в.[9] Из 21 имени пятнадцать снабжены киноварными пометами. С уверенностью идентификации поддаются 11 имен[10]: это князь Иван Федорович Бельский, князь Иван Иванович Кубенский, Федор Семенович и Василий Михайлович Воронцовы, Петр Иванович, Михаил Петрович и Иван (Фома) Петрович Головины, Иван Иванович Третьяков, старцы Симонова монастыря Никон Зверев, Феодор Бекет и Никон Киянин[11]. Атрибуция еще двух имен предположительна: с высокой долей вероятности под ними скрываются Василий Михайлович Машуткин[12] и Иван Иванович Челяднин[13]. Другие два имени хотя и не могут быть точно верифицированы, однако же принадлежат выходцам из видных семейств: Мишуриных[14] и Бре-

[8] Сведения о Мисаиле Короваеве скудны. В 1549/50 г. он упомянут как первый соборный старец Московского Симонова монастыря [Акты 1983, № 98, с. 109]. Позднее Мисаил дал большой вклад в Кирилло-Белозерский монастырь, что может свидетельствовать о его переходе в эту обитель [Алексеев 2010, с. 47, 50]. Многие из указанных в «роде» Мисаила лиц были вкладчиками Симонова либо Кириллова монастырей (см. табл. 2 в Приложении I).

[9] РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 752/1009. Л. 48. См. Приложение I (№ 2).

[10] См. о них в Приложении I (табл. 2).

[11] Трое этих старцев de facto возглавляли Симонов монастырь по меньшей мере с середины 1520-х гг.

[12] «Инок Варлаам (Машуткин)». В. М. Машуткин на службе не позднее 1538 г., умер в 1552/53 г. [Разрядная книга 1966, с. 95; ПСРЛ 1965, с. 214].

[13] «Иоанн (Челяднин)». В первой половине XVI в. известны трое Иванов Челядниных: Иван Андреевич, его сын Иван Иванович и их дальний родственник Иван Петрович Федоров-Челяднин. Первый из них, И. А. Челяднин, попал в плен под Оршей в 1514 г. и умер в Литве [Бенцианов, Лобин, с. 159; Антонов, Кром, № 2, 3, 5, с. 155, 162, 170, 190]. Кандидатуру второго, И. П. Федорова-Челяднина, поддерживает Т. И. Шаблова [Шаблова, с. 216], однако в источниках он фигурирует либо под двойной фамилией *Федоров-Челяднин* (ее вторую часть И. П. Федоров унаследовал от своей жены М. В. Челядниной вследствие пресечения мужской линии рода Челядниных в 1541 г.), либо под родной фамилией — *Федоров*, редко — *Давыдов* (по деду или прадеду) [Литвина, Успенский 2024, с. 72, 74, примеч. 28]). Таким образом, в «Иоанне Челяднине» скорее следует усматривать третьего персонажа, И. И. Челяднина (на службе с 1533 г., умер осенью 1541 г. [Белов 2021, с. 30]; дату его смерти мы выводим следующим образом: вклад по И. И. Челяднину в Троице-Сергиев монастырь дан 25 октября 1541 г. [Вкладная, с. 90]), в синодике той же обители он записан в самом начале рубрики за 7050 (1541/42) г. (ТСЛ 25. Л. 195, 198 об.).

[14] «Инока Варлаама (Мишурина)» нет среди известных представителей рода дьяков Мишуриных [Мазуров 2013, с. 106, примеч. 5]. Это имя читается также в синодиках Троице-Сергиева (вне «рода») (ТСЛ 25. Л. 79 об.) и Московского Богоявленского (в родовой «памяти» дьяков Мишуриных) [Алексеев 2021, с. 121] монастырей, причем в первом из них запись об иноке Варлааме под 7053 (1544/45) г.

ховых Басенковых[15]. Таким образом, в «роде» Мисаила Короваева указаны имена представителей различных социальных групп Московского государства: княжеской аристократии (Рюриковичей и Гедиминовичей), старомосковских боярских родов, выезжих иноземцев (Ховриных Головиных), московских и провинциальных детей боярских, дьячества, неродовитых монастырских старцев и др. Время их активной деятельности преимущественно приходится на вторую четверть XVI в. — эпоху значительных политических катаклизмов и борьбы за власть при дворе несовершеннолетнего великого князя Ивана IV. Особый интерес в этой связи вызывает наличие в «роде» Короваева сразу трех аристократов, казненных 21 июля 1546 г. в коломенском лагере Ивана IV: князя И. И. Кубенского, боярина Ф. С. Воронцова и его племянника В. М. Воронцова (о казни см.: [Кром, с. 316–323]); все трое были обезглавлены без предсмертного отпущения грехов: «...а отцов духовных у них перед их концем не было» [ПСРЛ 1978, с. 27]; их имена внесены в «род» Короваева друг за другом и в той же последовательности, в которой они упомянуты в летописных статьях о коломенских казнях[16].

Сравнение двух поминальных списков — игумена Досифея Кирилловского и старца Мисаила Короваева — позволяет заключить, что хотя состав «рода» первого был в целом менее «демократичен», чем «род» второго (что было обусловлено разницей в их положении в монастырской иерархии), обе синодичные памяти включают в себя представителей различных слоев населения: от неродовитых «черных» людей до первых аристократов страны, не состоящих друг с другом в кровном родстве.

Поминальные практики в Московском государстве XVI в. по данным Кирилловского синодика 1615 года: случаи протопопа Евстафия, бояр Воронцовых, митрополита Иоасафа и их современников

Зафиксированная в синодиках Кирилло-Белозерского монастыря практика поминания широкого круга лиц была известна в русских землях XVI–XVII вв. и не ограничивалась одной лишь монастырской средой, распространяясь также на священство и мирян. В пользу этого говорят многочисленные случаи «неформатных» поминаний, встреченные нами в том же Кирилловском синодике 1615 г.

---

[15] «Инок Варлаам (Брехов)» — возможно, родич Василия Ивановича Брехова, который в 1540-х гг. постригся в Симоновом монастыре с именем Вассиан [Алексеев, Маштафаров, с. 55, 83].

[16] См. варианты «Летописца начала царства...» [ПСРЛ 1965, с. 48] и Постниковского летописца [ПСРЛ 1978, с. 27].

Такова родовая память протопопа Архангельского собора Московского Кремля Евстафия[17], занимавшего этот пост где-то между 1558 и 1569 гг.[18] Из 15 записанных в «роде» Евстафия имен лишь первые четыре не имеют киноварных помет; они-то, скорее всего, и принадлежат его кровным родичам: возможно, отцу, матери, деду и бабке. Прочие указанные в памяти люди едва ли состояли с Евстафием в прямом родстве. Среди них встречаем духовных лиц: игумена Ферапонтова монастыря Варлаама[19], а также, по всей видимости, сотрудников Евстафия — членов причта Архангельского собора: Матфея (с пометой: «поп Манко») и головщика Тита. Еще два имени принадлежат «государевым людям». Так, Василий Сузин[20] — это известный по источникам гость-сурожанин, представитель высшего слоя купечества, участник торговых операций с виленцами (1540–1550-е гг.) [Сборник, № 28, с. 439] и Земского собора 1566 г. [Антонов, с. 179], судья в поземельном споре 1558/59 г. [Акты 1983, № 122, 154, с. 134, 197], вкладчик Кириллова монастыря [Алексеев 2010, с. 59][21]. Не менее интересен другой персонаж, Василий Бернята, — в нем без труда узнаем «новокрещенного» иноземца («фрязина») Василия Миколаева Берняту[22], умершего весной 1563 г., по душе которого царь Иван IV дал щедрые вклады[23] в Московский Симонов и Троице-Сергиев монастыри [Алексеев, Маштафаров, с. 28; Вкладная, с. 161][24]. Первый из названных лиц, Василий Сузин, будучи членом элитной торговой корпорации, мог духовно окормляться у Евстафия, второй же, «новокрещен» Василий Бернята (как видно, специалист высокого класса, ценимый самим царем),

[17] О Евстафии см.: [Акты 1998, с. 42, 47, 62, 438; Рыков, с. 200]. Не следует путать с другим Евстафием, протопопом Благовещенского собора Московского Кремля, опричным духовником царя Ивана Грозного.

[18] КБ 759/1016. Л. 297. См. Приложение II.

[19] Такой игумен XVI в. неизвестен по другим источникам, что неудивительно, поскольку перечень настоятелей Ферапонтова монастыря фрагментарен и имеет немало лакун [Серебрякова, с. 105–109].

[20] Сведения о нем см.: [Сыроечковский, с. 119; Зимин 1960, с. 142, 157; 1964, с. 182; Голикова, с. 37, 39, 56].

[21] Более полна запись о его вкладе во вкладной книге из келарского обиходника 1563–1564 гг.: «...дал бархатна ожерелье, а цена ему 6 рублев, 2 пуд ентарю, 9 пуд патоки» (РНБ. Софийское собр. № 1152. Л. 95 об.).

[22] Его вероятный родич, «новокрещенов иноземец» Иоанн Давыдов сын Микулаев, найден А. И. Алексеевым в синодике Московского Чудова монастыря [Алексеев 2019, с. 37].

[23] Согласимся с Л. Штайндорфом в том, что Иван IV делал вклады по душам умерших «новокрещенов», поскольку они «еще были вне тех родов, которые бы заботились о спасении их душ по правилам православной веры» [Штайндорф, с. 97].

[24] Вклад по Берняте в Троицкую обитель дан 3 мая 1563 г.; в монастырском синодике он записан под 7071 (1563) г., за два имени до князя С. Г. Бабичева (ТСЛ 25. Л. 85 об.); последний умер к 24 мая 1563 г., когда по нему сделан вклад [Вкладная, с. 75].

безусловно, был крестником архангельского протопопа. Крестником же либо духовным сыном приходился Евстафию записанный в его «род» кравчий князь Петр Иванович Горенский, действовавший в конце 1540-х — середине 1560-х гг. и казненный при учреждении опричнины (о казни см.: [Андрей Курбский, с. 671–672]; ср.: [Хоруженко, с. 227–228; Сергеев 2023а, с. 79]). Кроме упомянутых персоналий, в «роде» Евстафия читаются имена «черных» людей: Симона (с пометой: «слуга Зык»[25]) и Викула (с пометой: «слуга Оглобля»[26]), а также Афанасия Пустынника[27], плотника Петра и «костромитина» Исаии.

В «роде» бояр Воронцовых того же синодика встречаем множество посторонних, казалось бы, им лиц[28]. Среди них не только представители высшей знати — князь Василий Шуйский[29] и Михаил Тучков[30] (в союзе с которыми Воронцовы стояли у кормила Русского государства после смерти Василия III, в начале 1530-х гг. [Шапошник 2020, с. 46–47, 90]), но и выходцы из более низких социальных слоев: дворяне Волынские (восемь человек), «поп» Сильвестр, иконник Савва[31], некий «владыка» Кирилл, келарь Троице-Сергиева монастыря Иов Курцев[32], попадья Васса, несколько «белозерцев» и «каргопольцев».

Не менее пестрая картина открывается при знакомстве с «родом» Всероссийского митрополита Иоасафа Скрипицына (1539–1542). Помимо шести членов семьи Скрипицыных (имена которых снабжены пометой: «митрополичь род»), здесь же перечислены дворяне Тургеневы, Беззубцевы, Судские и Айгустовы, какие-то духовные лица «от Покрова» и «Умиления»[33].

Неожиданные, на первый взгляд, поминания обнаруживаются и в составе других «родов» того же синодика.

---

[25] Известен вклад монастырского слуги Зыка в Кириллов монастырь [Алексеев 2010, с. 62].

[26] Серия вкладов Оглобли, без указания его службы монастырю, отмечена во вкладной книге Кирилловской обители [Алексеев 2010, с. 55].

[27] Некий Афанасий Пустынник присутствует среди вкладчиков Кириллова монастыря [Алексеев 2010, с. 54].

[28] КБ 759/1016. Л. 268 об.–269.

[29] Вероятно, речь о боярине князе В. В. Немом Шуйском († 1538), который исполнял немало совместных государственных поручений с боярином М. С. Воронцовым († ок. 1536), см.: [Кром, с. 45, 46, 51, 56, 81, 149; Шапошник 2020, с. 21, 23, 24, 25, 27, 28, 44, 90, 92].

[30] Скорее всего, боярин М. В. Тучков († ок. 1540), тесно общавшийся и с М. С. Воронцовым, и с упомянутым князем В. В. Немым Шуйским, см.: [Кром, с. 51, 56, 68, 81, 103, 141; Шапошник 2020, с. 21, 25, 44, 90].

[31] «Сава иконник» упомянут во вкладной книге Кириллова монастыря как автор образа «Введение во храм Пречистой Богородицы» [Алексеев 2010, с. 56].

[32] См. о нем: [Макарий 2007, с. 168].

[33] КБ 759/1016. Л. 271–271 об.

Так, «род» дьяка Болобана Ивановича Кувшинова (иногда: Кукшинова)[34] начинается с имен великого князя Ивана III и его жены Софьи Палеолог: «Князя Иванна (великого). Княгиню Софию (великую)»[35].

В «роде» кирилловского инока Андреяна (в миру окольничего Андрея Александровича) Квашнина[36] среди многих имен присутствует имя архиепископа Серапиона — вероятно, имеется в виду новгородский владыка Серапион II Курцев (1551–1552), поскольку родня Квашнина служила новгородскому архиерейскому дому (см.: [Отрывки, с. 9–10])[37].

«Родовая» память старца Авраамия Пустынника включает имя дьяка Афанасия Ивановича Фуника Курцева († 1542)[38], «память» старца Гелазия Трясисоломы[39] — имя Ивана Висковатого, скорее всего, печатника Ивана Михайловича Висковатого († 1570) либо его сына Ивана Ивановича (см. о них: [Граля, с. 17, 21, 365–367])[40].

Нередки случаи внесения представителями знати в свои «родовые» поминания лиц заведомо незнатного происхождения. Таковы выезжие князья Черкасские, пополнившие свой фамильный помянник именами игумена Ионы «изо Пскова» и каргопольца Ефрема[41]. Схожим образом поступила и неизвестная нам «княж Михайлова княгиня»: кроме мужа, князя Михаила, ее синодичный «род» состоит из восьми нетитулованных особ, среди которых обнаруживаются новгородский дьяк Федор Дмитриевич Сырков († 1570)[42], новгородские же дворецкие Дмитрий Федорович († после II.1533)[43] и Михаил

---

[34] Наиболее раннее упоминание о нем — в грамоте 1508–1515 гг. [Акты 1956, № 41, с. 42]; о дьяке см.: [Зимин 1971, с. 243–244].

[35] КБ 759/1016. Л. 123 об. Ошибка переписчика в данном случае исключена, поскольку имена государей всея Руси и их жен помещались в особых перечнях в начале синодиков и никогда — в основном его тексте, среди имен рядовых вкладчиков.

[36] А. А. Квашнин — вкладчик и постриженик Кирилло-Белозерского монастыря, умер на рубеже 1550–1560-х гг. [Алексеев 2010, с. 49; Шаблова, с. 359].

[37] КБ 759/1016. Л. 293 об.

[38] Там же. Л. 234. А. И. Фуник, инок Авраамий, умер в начале 1542 г.: осенью 1541 г. он был еще жив [Маштафаров, с. 34], в Троицком синодике записан через одно имя после князя инока Арсения (в миру — Андрея Дмитриевича) Пронского (ТСЛ 25. Л. 194 об.), который скончался к 24 февраля 1542 г. [Вкладная, с. 45; Сергеев 2023с, с. 55–56].

[39] В миру московский жилец Гавриил Алексеевич Трясисолома, вкладчик и старец Кириллова монастыря в 1570–1580-х гг. [Никольский 1897, с. 163, XLIX, LIII; Шаблова, с. 349], см. также: [Архив, № 303, стб. 595].

[40] КБ 759/1016. Л. 255.

[41] Там же. Л. 287.

[42] Сам — вкладчик Кириллова монастыря [Алексеев 2010, с. 61].

[43] Последнее упоминание: [Разрядная книга 1977, с. 234, 236].

Дмитриевич († ок. 1557)[44] Ласкиревы (из выезжих греков), а также «колокольной мастер Феодор»[45].

Существуют и обратные примеры поминаний вельмож в составе «родов» незнатных людей — скорее всего, их клиентов или слуг. Так, в «род Иконников», наряду с 12 именами без титула, записан князь Григорий Чеснок, как видно, из князей Вадбальских[46]. Двое других князей Вадбальских — Иван и Назарий — указаны в «роде» диакона Тихона Прилуцкого[47]. «Род Иванова слуги Плужка» — инока Кириллова монастыря, в миру Игнатия († не ранее 1561–1563) [Сахаров, с. 79; Никольский 1897, с. L; Шаблова, с. 356; Алексеев 2010, с. 20, 48] — состоит из одного князя Ивана Ушатого[48].

Наконец, показательно заглавие следующей мемориальной записи: «Дети духовные старицы Горицького девичя монастыря»[49] — прямое свидетельство осознанного поминания лиц, не связанных узами кровного родства.

Аналогичные практики поминаний известны и по синодикам других русских монастырей и соборов.

В «роде» князя Петра Михайловича Щенятева разных синодиков встречаем имя его покровителя и свойственника, мужа сестры, князя Ивана Федоровича Бельского[50]. Факт организации Петром Щенятевым заупокойного поминания по Ивану Бельскому отмечен во вкладных книгах Московского

---

[44] По Дворовой тетради, умер в 7065 (1556/57) г. [ТКиДТ, с. 124], см. также: [Каштанов, с. 54]. В Троицком синодике записан между 7061 и 7067 гг. (ТСЛ 25. Л. 213), вскоре после князя Осипа (Иосифа) Тимофеевича Тростенского, который умер к 16 августа 1557 г. [Вкладная, с. 120; Сергеев 2023a, с. 89].

[45] КБ 759/1016. Л. 214 об.

[46] Там же. Л. 272–272 об. Вклад по князю Григорию Федоровичу Чеснокову Вадбальскому в Кириллов монастырь: [Алексеев 2010, с. 51], см. о нем: [Сергеев 2023a, с. 220–221; 2023b, с. 383].

[47] КБ 759/1016. Л. 304 об. В родословии Вадбальских находим нескольких Иванов [Сергеев 2023b, с. 383–384]. По сообщению А. Л. Грязнова, Назарий — это крестильное имя князя Воина Ивановича Вадбальского, по которому отец дал вклад в Кириллов монастырь в 7102 (1593/94) г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 87/1325. Л. 185).

[48] КБ 759/1016. Л. 281–281 об. Среди Ушатых известно немало Иванов [Сергеев 2023b, с. 323]. Впрочем, прозвание Ушатый было распространено среди не только Ярославских, но и других княжеских родов.

[49] КБ 759/1016. Л. 220.

[50] Например, в синодиках Соловецкого (ГИМ. Епархиальное собр. № 944. Л. 19), Ферапонтова (РНБ. НСРК. F.325. Л. 81 об.), Ростовского Борисоглебского (ГМЗРК. Редкие книги Борисоглеба. РБК-2. Л. 19), Коломенского Голутвина (РГАДА. Ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. № 1710. Л. 96 об.) монастырей, Введенской церкви Киево-Печерской лавры [Кузьмук, с. 30] и др. Благодарю А. В. Сергеева и С. Ю. Шокарева, предоставивших мне выписки из ростовского и соловецкого помянников. Фамильная принадлежность князя Ивана Бельского в синодиках не указана, но он, как правило, записан рядом со своей женой Ксенией, урожденной Щенятевой.

Симонова и Иосифо-Волоколамского монастырей [Алексеев, Маштафаров, с. 53; Безроднов, Корзинин, с. 315].

Еще одной разновидностью необычной коммеморации в среде военно-служилой знати является практика поминания слуг, в том числе послужильцев, или «людцей». В начале 2000-х гг. В. Д. Назаров повторно ввел в оборот[51] данную грамоту боярина Алексея Даниловича Басманова причту отстроенной на его деньги Никитской церкви села Елизарова. В соответствии с текстом грамоты Басманов устанавливал поминание «по своих родителех, и по себе, и по своих детех, и по тех людцех, которых на государьских службах в Поле и в две Казани при мне, при Алексее, побили»; имена «людцей» были «написаны в большей церкве над жертвенником» [Назаров 2004]. Те же сведения читаются в расчищенной в 1976 г. стенной «летописи» Никитской церкви [Казакевич]. Аналогичные записи встречаем в синодиках. И если в «роде» рязанского дворянина конца XVI в. Юрия Матвеевича Булгакова[52] из состава синодика Зарайского Николаевского собора перечень слуг отделен от поминаний родственников (отдельно «род Юрья Матфеевича Булгакова» и «род Юрья Булгакова слуги»)[53], то «род» упомянутого выше князя Петра Михайловича Щенятева в том же синодике представляет собой сплав кровнородственных поминаний с поминаниями слуг, возможно погибших в огне московского пожара 1547 г.[54]

Поминальные практики в Волоцком и Новинском монастырях XVI века: «роды» игумена Евфимия Туркова и русских митрополитов времени опричнины и «двора» царя Ивана Грозного

О том, что поминания в «родовых» перечнях лиц, не состоящих с вкладчиком в кровном родстве, не были исключениями из правила, но, напротив, мыслились как осознанная практика, свидетельствует комплекс коммеморативных записей в сборнике игумена Волоколамского монастыря Евфимия Туркова (1575–1587)[55]. Об их интимности говорят помещенные здесь же документы из личного «архива» Евфимия: его духовная грамота [Демкова] и предсмертное письмо матери [Зимин 1963]. Среди прочего в рукописи чита-

[51] Первое, не учтенное В. Д. Назаровым, издание: [Тихонравов, с. 132–133].

[52] См. о нем: [Кирпичников, с. 194, 195, 227, 268–269, 357, 359].

[53] РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 153. Л. 128. Коммент.: [Мазуров 2021, с. 38].

[54] РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 153. Л. 88. Князь Петр Щенятев был первым воеводой Зарайска в 1550 г. [Разрядная книга 1966, с. 130]; он мог сделать вклад в связи с успешными действиями против пришедших в Мещеру ногайских татар (об этих боях см.: [ПСРЛ 1904, с. 161]).

[55] РГБ. Ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря). № 412. Л. 116–119 об. См. Приложение III.

ется блок заметок, озаглавленный: «Памяти преставления родителей *по духу и по плоти*» (выделено мною. — *Н. Б.*). В этот личный поминальный перечень игумен Евфимий включил следующих лиц: «духовного отца и великого старца» архиепископа Феодосия[56], «плотского отца» Ивана, «мать» старицу Марину, «духовного брата» старца Феодосия, дядю старца Феодосия, «братаня» (т. е. племянника) Ивана Никандровича. Последним в этом перечне значится царевич Иван Иванович, сын царя Ивана Грозного[57]. Едва ли его помещение в личный поминальный список Евфимия Туркова случайно — двумя листами ранее в рукописи содержится выполненная киноварью запись о кончине царевича с указанием присланного по его душе вклада[58]. Допустимо полагать, что, будучи ставленником Ивана IV [Клосс, Кузьмин], Евфимий духовно окормлял наследника русского престола. Такой вариант вполне вероятен, поскольку, как показал А. С. Усачев, на склоне лет Грозный вернулся к практике XV — начала XVI в., при которой в роли духовников государя выступали не белые священники — протопопы Благовещенского собора, а монахи, в т. ч. настоятели монастырей [Усачев, с. 16]. Наша гипотеза требует дополнительной проверки, однако факт сознательного включения Евфимием Турковым в свой личный помянник лиц, состоявших с ним не только в «плотском», но и в духовном родстве, сомнений не вызывает.

Исключительная вариативность поминальных практик прослеживается и в записях синодика Московского Новинского монастыря. В его начале читаются поминальные перечни «родов» Всероссийских митрополитов XVI в.[59] Они отличаются друг от друга не только объемом, но и принципом записи лиц. Так, «род» митрополита Филиппа Колычева (1566–1568) содержит имена пятерых ближайших родственников: отца, матери и младших братьев. «Род» его предшественника, митрополита Афанасия (1564–1566), помимо родителей, включает имя игумена Иоакима (о нем см.: [Белов 2025, с. 602–603]). «Род» митрополита Антония (1572–1581) состоит из имен широкого круга родни и духовного наставника, епископа Сарского и Подонского Галактиона. В «роде» митрополита Кирилла III (1568–1572) читается имя его «матери», некоей княгини Ксении; сличение поминальных документов с летописным материалом однозначно свидетельствует, что эта Ксения — жена влиятельного боярина князя Юрия Михайловича Булгакова, погибшая в московском

---

[56] Об ученичестве Евфимия у Феодосия см.: [Копанева].

[57] РГБ. Ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря). № 412. Л. 118.

[58] Там же. Л. 116. Показательно, что, несмотря на наличие в кодексе киноварной записи о смерти Ивана IV (Там же. Л. 117), имя царя, в отличие от царевича Ивана, не было включено Евфимием в состав поминальной «Памяти...».

[59] Исследование и публикация текстов: [Белов 2022].

пожаре 1571 г. и приходившаяся Кириллу III крестной матерью (подробно см.: [Белов 2022, с. 117–118])[60]. Не лишено интереса и то, что выявленные мною в трех синодиках поминальные списки «рода» митрополита Афанасия имеют очень мало совпадений — в них записаны совершенно разные люди, вероятно бывшие в разное время в духовном общении со Всероссийским владыкой[61].

* * *

Бегло рассмотренные примеры, разумеется, не исчерпывают всего спектра «неклассических» поминаний Московской Руси. Однако и этого материала достаточно, для того чтобы говорить о существовании в XVI–XVII вв. сложной системы церковной коммеморации, не ограничивавшейся рамками кровнородственных отношений. Мы видим, как организаторы поминаний включают в синодичные списки своего «рода» не только близкую родню, но и свойственников, духовных наставников, совершителей иноческого пострига, духовных братьев и детей, крестников, слуг и т. д. Подобное разнообразие, по своим масштабам выходящее за рамки обыкновенного «казуса» и имевшее статус широко распространенной практики, предоставляло жителям Российского царства широкую вариативность в выстраивании собственных коммеморативных стратегий. И оно, безусловно, должно учитываться при обращении к синодику как к источнику исторической информации.

[60] РГБ. Ф. 173/IV (Собр. МДА проч.). № 96. Л. 43 об.–44 об.

[61] Там же. Л. 43 об.; ТСЛ 25. Л. 83, 195; РГБ. Ф. 304/I (Главное собр. Троице-Сергиева монастыря). № 40. Л. 6 об. Записи изданы и изучены: [Белов 2022, с. 116–117, 120–121; 2025, с. 602–603].

Приложение I

«Роды» игумена Досифея в вечном синодике Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г. (№ 1) и старца Мисаила Короваева в вечном синодике «малого» Иоанновского монастыря (№ 2)

№ 1

Текст публикуется по рукописи: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 759/1016. Л. 265 об.–266. Киноварные заголовки передаются полужирным шрифтом, киноварные надписания — полужирным курсивом; имена, объединенные общим «фамильным» киноварным надписанием, обозначены подчеркиванием.

Род игумена Досифеа Кириловскаго

Иону. Ферапонта. Фотинию. Варвару. Марка. Алексѣя. Иосифа. Димитриа. Ефросинию. Антониду. Иону. Ферапонта. Ферапонта. Фотинию. Варвару. Марка. Иосифа. Улианѣю. Матфеа. Давида ***Иларионовы***. Князя Иванна ***Глинской***. Василиа. Феодора. Князя Даниила. Князя инока Мисаила ***Щенятевы***. Князя инока Пимина ***Щенятевъ***. Иоан. Анну ***Хабаровы***. Князя инока Дионисья ***Елецьской***. Княгиню иноку Варсонофию ***князя Василья Горбатово***. Иванна. Андреа. Парасковгию. Тимофеа. Терентиа ***Иларионовы***. Ефросинию. Иванна ***Генадиевы***. Анну ***Беувинъ***. Инока Андрѣана. Василья. Варсонофию. Серапиона ***Иларионовы***. Иессѣя. // Варвару. Князя Михаила ***Глинского***. Марфу. Порфириа. Александра ***Воронцова***. Иоан. Аврамиа. Володимера. Инока Тихона ***Поповы***. Василиа ***Ковра***. Давида. Романа. Нила. Афонасию. Гликерию. Авксентиа. Павла ***Рюмина***. Феодора. Софью. Еуфимию. Иону ***Ростопчинъ***. Киликѣю. Андреа. Димитриа. Агрипину. Иванна. Мавру. Василиа. Зиновию. Улиту. Михаила.

№ 2

Текст публикуется по рукописи: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 752/1009. Л. 48[62].

[62] В вечном синодике Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г. также есть «род» Мисаила Короваева, но перечень включенных в него имен совсем иной: «Инока Мисаила. Инока Иону. Инока Мисаила. Феодосиа. Феодора. Феодосию. Пелагию. Симеона. Григориа. Игнатиа. Панфилиа. Филофиа» (КБ 759/1016. Л. 266). Здесь мы, по-видимому, сталкиваемся с той же практикой, какую наблюдали на примерах Всероссийских митрополитов, поминальные «роды» которых в синодиках разных монастырей могли иметь различный состав.

Род Мисаила Короваева

Феодора. Пелагию. Симеона. Князя Иоанна ***Бѣльской***. Князя Иоана ***Кубеньской***. Феодора. Василиа ***Воронцовы***. Инока Никона ***Звѣрев***. Инока Генадиа. Инока Никона ***Кианинъ***. Инока Варлаама ***Бреховъ***. Инока Феодора ***Бекѣт***. Инока Варлаама ***Машуткин***. Инока Варлаама ***Мишуринъ***. Инока Ионя ***Третьаков***. Инока Паисию. Михаила. Фому ***Петръ Головинъ з дѣтми***. Иоанна ***Челядninъ***. Мисаила. Иону.

Таблица 1. Состав «рода игумена Досифеа Кириловскаго»

В *табл. 1* приведены сведения об идентифицированных лицах из поминального списка «рода» кирилловского игумена Досифея. Даты рождения высчитаны в самом общем приближении и, как правило, соответствуют terminus post quem; при их указании использована категория «не позднее» (далее — н/п). Дата смерти отмечена в случае, если таковая произошла до 1539 г., то есть до ухода Досифея из Кирилло-Белозерского монастыря; в противном случае она не учитывается (далее — н/у).

Персоналия	Запись в синодике	Рождение	Первое упоминание в источниках	Смерть
кн. Даниил Васильевич Щеня Патрикеев[63]	«князя Даниила (Щенятев)»	н/п 1440	1457	1515
кн. Михаил Данилович Щенятев[64]	«князя инока Мисаила (Щенятев)»	н/п 1485	1510	1533/34
кн. Петр Михайлович Щенятев[65]	«князя инока Пимина (Щенятев)»	н/п 1520	1541	н/у
кн. Иван Михайлович Глинский[66]	«князя Иванна (Глинской)»	н/п 1540	1559	н/у
кн. Михаил Васильевич Глинский[67]	«князя Михаила (Глинского)»	н/п 1520	1542	н/у
кн. Дмитрий Петрович Елецкий[68]	«князя инока Дионисьа (Елецьской)»	н/п 1525	1555	н/у

[63] См.: [Зимин 1988, с. 32–33].

[64] См.: [Зимин 1988, с. 35; Белов 2021, с. 22].

[65] См.: [Белов 2021, с. 24].

[66] См.: [Разрядная книга 1981, с. 57].

[67] См.: [Сборник, № 9, с. 147].

[68] См.: [Разрядная книга 1978, с. 507]. В Тысячной книге 1550 г. еще не указан. С монашеским именем: [Шаблова, с. 119, 354].

Иван Иванович Хабаров Большой (возможно)[69]	«Иоан (Хабаров)»	н/п 1515	1535	н/у
кнг. Авдотья Горбатая (вероятно)[70]	«княгиню иноку Варсонофию (князя Василья Горбатово)»	н/п 1530	свадьба во второй половине 1540-х, не позднее рубежа 1540–1550-х	н/у

Таблица 2. Состав «рода Мисаила Короваева»

В *табл. 2* приведены сведения об идентифицированных лицах из поминального списка «рода» симоновского, затем, возможно, кирилловского старца Мисаила Короваева. Связь персоналий с Московским Симоновым (далее — *С*) либо Кирилло-Белозерским (далее — *КБ*) монастырями показана в отдельной графе.

Персоналия	**Запись в синодике**	**Первое упоминание в источниках**	**Смерть**	**Связи с монастырями**
кн. Иван Федорович Бельский[71]	«князя Иоанна (Бельской)»	1522	1542	—
кн. Иван Иванович Кубенский[72]	«князя Иоана (Кубеньской)»	1518	21.07.1546	вкладчик *С* и *КБ*

[69] И. В. Хабар Симский имел двоих сыновей с именем Иван. Первый, Иван Меньшой, умер около 1541 г. в раннем возрасте, не успев заступить на службу [Веселовский, с. 320]. Второй, Иван Большой, впервые упомянут в 1535 г. [Разрядная книга 1966, с. 87]; он был вкладчиком и постриженником Кириллова монастыря [Алексеев 2010, с. 33; Послания, с. 175], а потому, скорее всего, именно он отмечен в «роде» игумена Досифея.

[70] Жена князя Василия Ивановича Горбатого носила имя Авдотья (о ее постриге нет данных); свадьба, вероятно, произошла во второй половине 1540-х гг., не позднее 1550–1552 гг., когда князь Василий ненадолго появляется в источниках [Акты 1998, с. 468]; летом 1558 г. княгиня-вдова Авдотья еще не монахиня [Акты 1998, № 60, 61, с. 149, 150], см. также: РГБ. Ф. 303/I (грамоты, копийные книги Троице-Сергиевой лавры). № 545. Л. 62. Тот факт, что монашеское имя Варсонофия не созвучно мирскому (вероятно, крестильному) имени Авдотья, может быть объяснен двумя способами: во-первых, княгиня Авдотья могла быть двуименной в миру, а во-вторых, в элитарной среде сложилась, по выражению А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, своя микротрадиция женского наречения, когда монашеское имя могли подбирать «с оглядкой на те, что уже принимались при постриге знатными родственницами», и в таком случае оно могло не коррелировать ни со светским, ни с молитвенным [Литвина, Успенский 2022, с. 135].

[71] См.: [Зимин 1988, с. 126–127; Белов 2021, с. 30].

[72] См.: [Зимин 1988, с. 94; ПСРЛ 1965, с. 48]. Вклад *С*: [Алексеев, Маштафаров, с. 55]; вклад *КБ*: [Алексеев 2010, с. 32].

Федор Семенович Воронцов[73]	«Феодор (Воронцов)»	1522	21.07.1546	вкладчик *КБ*
Василий Михайлович Воронцов[74]	«Василиа (Воронцов)»	1545	21.07.1546	—
Петр Иванович Головин[75]	«инока Паисию. Михаила. Фому (Петр Головин з детми)»	1512	после 1533	вкладчик и, возможно, постриженик *С*
Михаил Петрович Большой Головин[76]		1534	4.06.1542	вкладчик *С*
Иван-Фома Петрович Головин[77]		1539	ок. 1558	вкладчик *С* и *КБ*
Иван Иванович Третьяков[78] [двоюродный брат П. И. Головина]	«инока Ионя (Третьяков)»	1520	до 1564	вкладчик *С* и *КБ*, постриженик *КБ*
Никон Зверев (Зверин)[79]	«инока Никона (Зверев)»	1524/25	после 1544–1546	старец, казначей, строитель *С*
Феодор Бекет[80]	«инока Феодора (Бекет)»	1524/25	после 1540	старец, келарь *С*
Никон Киянин[81]	«инока Никона (Киянин)»	1524/25	после 1533/34	старец *С*

[73] См.: [Зимин 1988, с. 160; ПСРЛ 1965, с. 48]. Вклад: [Алексеев 2010, с. 32].

[74] См.: [Кистерев, Тимошина, № 13, с. 20; ПСРЛ 1965, с. 48].

[75] См.: [Зимин 1988, с. 272–273; ПСРЛ 1978, с. 21]. Вклад: [Алексеев, Маштафаров, с. 37].

[76] См.: [Радзивилловские акты, № 46, с. 116]. Вклад: [Алексеев, Маштафаров, с. 37]. День смерти, 4 июня, указан во вкладной книге Симонова монастыря; в Троицком синодике записан под 7050 (1542) г. (ТСЛ-25. Л. 195, 198), после имени князя И. В. Шуйского (в иночестве Иосифа), умершего 14 мая 1542 г. [ПСРЛ 1978, с. 27; Сергеев 2023b, с. 253], и до имени И. Ю. Шигоны Поджогина (в иночестве Ионы), умершего к 15 июня 1542 г. [Акты 1956, № 169, с. 161] (данные Н. Е. Носова о смерти Шигоны 1 января 1540 г. [Носов, с. 298, примеч. 22] неверны — в этот день он всего лишь дал вклад в Троице-Сергиев монастырь [Вкладная, с. 81]).

[77] См.: РГАДА. Ф. 123 (Крымские дела). Оп. 1. Кн. 8. Л. 607 (отмечено в работе: [Корзинин, с. 31]); см. также: [Алексеев, Маштафаров, с. 37]. Вклад *С*: [Там же]; вклад *КБ*: [Алексеев 2010, с. 37].

[78] См.: [Лихачев, с. 176; Шаблова, с. 274, 378]. Постриг состоялся, вероятно, весной 1549 г. [Веселовский, с. 447], ср.: [Назаров 1976, с. 93]. Вклад *С*: [Алексеев, Маштафаров, с. 55]; вклад *КБ*: [Алексеев 2010, с. 40].

[79] См.: [Акты 1983, № 20, 77, с. 27, 90], ср.: [Алексеев, Маштафаров, с. 55].

[80] См.: [Акты 1983, № 20, 63, с. 27, 68].

[81] См.: [Акты 1983, № 20, 40, с. 27, 43].

Приложение II

«Род» протопопа Архангельского собора Московского Кремля Евстафия в вечном синодике Кирилло-Белозерского монастыря 1615 г.

Текст публикуется по рукописи: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 759/1016. Л. 297. Киноварные заголовки передаются полужирным шрифтом, киноварные надписания — полужирным курсивом.

Род Архаггельскаго протопопа Еустафиа

Прохора. Евдокѣю. Феодосиа. Улию. Василиа ***Сузинъ***. Василиа ***Бернята***. Варлама ***Ферапонтовской игуменъ***. Симона ***слуга Зыкъ***. Викула ***слуга Оглобля***. Афонасиа ***Пустынникъ***. Матфеа ***поп Манко***. Тита ***головшикъ***. Петра ***плотникъ***. Князя Петра ***Горинской***. Исаию ***костромитинъ***.

Приложение III

Записи коммеморативного характера в сборнике Евфимия Туркова: о кончинах царевича Ивана Ивановича (№ 1) и царя Ивана Грозного (№ 2), «Памяти преставленiа родителей по духу и по плоти» (№ 3), «Летописчик» (№ 4)

Текст публикуется по рукописи: РГБ. Ф. 113 (собр. Волоколамского монастыря). № 412. Л. 116 (№ 1), 117 (№ 2), 118 (№ 3), 119–119 об. (№ 4). Киноварь передается полужирным шрифтом.

№ 1

Въ лѣто 7090-го ноября въ 19 день преставися благовѣрный и христолюбивый государь нашь царевич Иванъ Иванович всеа Русии, сынъ благочестиваго и богомудраго царя государя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии самодеръжца.

А дал по немъ государь наш, отець его, в дом Пречистыа злата, и сребра, и бисера много множсто.

[*на правом поле запись:* **Ох**, ох! Смерть, **смерть**! **Всѣх лѣт поживе**[82]].

[82] *Оставлено место для числа.*

№ 2

Въ **лѣта 7092-го марта** въ **19** въ **нощи**, час 4, п**реставися** б**лаговѣрный и христолюбивый** б**огомудрый царь и государь** в**еликий князь Иван Васильевичь** въ**сеа Русии самодеръжец**, въ **иноцѣх Иона**, въ **великом образѣ**. А **на государьствѣ въсеа Русии был 50 лѣт**, а **всѣх** лѣт ж**ивота его 55**.

№ 3

Памяти преставления родителей по духу и по плоти многогрѣшнаго игумена Еуфимиа.

В лѣто 7071 отцу духовному и старцу великому государю моему архиепископу Феодосию, преставления его февраля 26 день.

А плотскому отцу моему Ивану [83-]лѣта 7031[-83] июня 28 день.

Матери моей старице Марине ноября 19 день [84-]въ лѣто 7072[-84].

Брату духовному старцу Феодосию ноября 24 день [85-]в лѣто 88[-85].

Старцу Феодосию Ямскому [86-]въ лѣто 7088[-86].

Ивану Никандрову сыну, братаню, [87-]мая 16 в лѣто 7090[-87].

Того же лѣта ноября в 19 день преставися государь царевич Иван Иванович всеа Русии.

№ 4

[88-]**Лѣтописчик**[-88]

Въ лѣто 7071-го преставися Феодосий, [89-]**старецъ мой**[-89], архиепископъ бывший Великого Новаграда и Пскова, февраля 26 дня. **Господинъ великий**, ох, ох!

Лѣта 7072 преставися старица Марима[90], мати Еуфимья игумена Иосифова монастыря, ноября в 20 день.

Лѣта 7075-го[91] преставися старец Феодосие Плещеев, ученик архиепископа Феодосиа, нобря 24 дня. [92-]Смерть, смерть! —[-92]

83-83 *Вписано над строкой.*

84-84 *Вписано другими чернилами.*

85-85 *Вписано другими чернилами.*

86-86 *Вписано другими чернилами.*

87-87 *Вписано другими чернилами.*

88-88 *Написано на правом поле.*

89-89 *Вписано над строкой.*

90 *Так в ркп.*

91 *Исправлено киноварью из* 7077-го.

92-92 *Вписано другими чернилами.*

Лѣта 7086-го преставися старец Феодосие Ямской, брат старицѣ Маринѣ, июля в[93]. //

Преставися Иванъ Иванов сынъ, [94-]отець игумену[-94], в лѣто 7033, ноября 14 день.

А Иван Турков, [95-]дѣд[-95], в иноцѣх Иевъ, 7024[96] лѣта, марта 17.

А Иван Жуков 7057-го.

А подружие его, [97-]Анна[-97], в лѣто 7077-го.

Постриже́ся многогрѣшный Еуфимей лѣта 7059 июля в 5 день при игумене Гурье, Пѣнковых князей послужильце, рукоположением духовнаго отца священника Афанасия Стараго, и под начало дан бысть старцу Феодосию, бывшему архиепископу Великого Новаграда и Пскова, послужил старцу 12 лѣт.

Литература

Авдеев 2006 — *Авдеев А. Г.* Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М.: ПСТГУ, 2006. 349, [13] с.

Авдеев 2021a — *Авдеев А. Г.* Архимандрит Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосий II († 1680) // Ипатьевский вестник. 2021. № 4. С. 63–76.

Авдеев 2021b — *Авдеев А. Г.* Редкий генеалогический казус в синодике Троицкого Ипатьевского монастыря // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 2. С. 97–106.

Акты 1956 — Акты феодального землевладения и хозяйства. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Ч. 2 / Подгот. А. А. Зимин. 663 с.

Акты 1983 — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). / Сост. Л. И. Ивина. Л.: Наука, 1983. 352 с.

Акты 1998 — Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. / Отв. ред. В. Д. Назаров. М.: НИЦ «Ладомир», 1998. 733 с.

Алексеев 2010 — *Алексеев А. И.* Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20). С. 17–117.

Алексеев 2019 — *Алексеев А. И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3/4 (55/56). С. 5–239.

Алексеев 2021 — *Алексеев А. И.* Синодик московского Богоявленского монастыря 1670–1730-х гг. // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 5–211.

Алексеев, Маштафаров — Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–186.

Ананьев — *Ананьев В. Г.* Боярин шести царей: князь Федор Иванович Мстиславский // «В кратких словесах многой разум замыкающе...»: Сб. науч. трудов в честь 75-летия проф. Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.

---

93 *Число не проставлено.*

94-94 *Вписано над строкой.*

95-95 *Вписано над строкой.*

96 *Над числом ошибочно выносная контракция* дня.

97-97 *Вписано над строкой.*

ун-та, 2008. С. 353–380. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века; Т. 2).

Андрей Курбский — *Андрей Курбский.* История о делах великого князя Московского / Изд. подгот. К. Ю. Ерусалимский, пер. А. А. Алексеев; под ред. Ю. Д. Рыкова. М.: Наука, 2015. 944 с. (Лит. памятники).

Антонов — *Антонов А. В.* Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 171–182.

Антонов, Кром — *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2002. Вып. 7. С. 149–196.

Архив — Архив П. М. Строева. Пг.: Тип. Главн. управления уделов, 1915. Т. 1 / [Под ред. С. Ф. Платонова, М. Г. Курдюмова]. [6] с., XXXVI, 896 стб., [1] с. (РИБ; Т. 32).

Безроднов, Корзинин — *Безроднов В. С., Корзинин А. Л.* Иосифо-Волоколамский монастырь: Синодики, Вкладные, Записные и Кормовые книги XVI — середины XVII века. М.: Сам Полиграфист, 2025. Т. 2. 525 с.

Белов 2021 — *Белов Н. В.* Князь Василий Михайлович Щенятев, боярин и воевода времени «боярского правления» // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск: Киммерия, 2021. Вып. 15. С. 19–35.

Белов 2022 — *Белов Н. В.* Поминания родов Всероссийских митрополитов XVI века в синодике Московского Новинского монастыря // Историческое обозрение: Ежегод. альм. М.: Ист.-просвет. о-во «Радетель»; Изд-во НИБ, 2022. Вып. 23. С. 112–124.

Белов 2025 — *Белов Н. В.* Новые данные о книжниках XVI в. (по материалам синодика Троице-Сергиева монастыря 1575 г.) // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Сб. 24. С. 590–614.

Бенцианов, Лобин — *Бенцианов М. М., Лобин А. Н.* К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 2. С. 155–179.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 582, [1] с.

Вкладная — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М.: Наука, 1987. 439, [1] с.

Голикова — *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 521, [2] с.

Граля — *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI века / Пер. с польск. Л. И. Леньшиной. М.: Радикс, 1994. 520 с.

Демкова — *Демкова Н. С.* Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 342–356.

Зимин 1960 — *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: (Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.). М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с.

Зимин 1963 — *Зимин А. А.* Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 136–139.

Зимин 1964 — *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.

Зимин 1971 — *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М.: Наука, 1971. Т. 87. С. 219–286.

Зимин 1988 — *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.

Казакевич — *Казакевич Т. Е.* О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2009. Т. 60. С. 556–563.

Каштанов — *Каштанов С. М.* Возвращение Обрюты // Сообщения Ростовского музея. Ростов: [ГМЗРК], 2020. Вып. 25. С. 42–72.

Кирпичников — *Кирпичников И. А.* Рязанская элита в Московском государстве: История интеграции. М.: Квадрига, 2025. 912 с.

Кистерев, Тимошина — Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века: (Из собраний ЦГАДА) / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.: Архив русской истории, 1992. 94 с.

Клосс, Кузьмин — *Клосс Б. М., Кузьмин А. В.* Евфимий // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 420–422.

Копанева — *Копанева Д. Д.* Архиепископ Великого Новгорода и Пскова Феодосий (1491–1563 гг.) и его ученики // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 2. С. 142–146.

Корзинин — *Корзинин А. Л.* Политическая борьба в России в годы боярского правления (1538–1541 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2008. Вып. 1. С. 31–39.

Кром — *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: НЛО, 2010. 888 с.

Кузьмук — Лаврський альманах: Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури: Зб. наук. праць. Київ: [Нац. Києво-Печерський історико-культурний заповідник], 2007. Вип. 18, спецвип. 7: Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Киево-Печерської лаври. Публікація рукописної пам'ятки другої половини XVII ст. / Упоряд. О. Кузьмук. 116 с.

Курукин, Булычев — *Курукин И. В., Булычев А. А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М.: Молодая гвардия, 2010. 374, [10] с.

Левичкин — *Левичкин А. Н.* Книжник Кирилло-Белозерского монастыря Боголеп Губа // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 303–375.

Литвина, Успенский 2022 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Годунов в кругу родни: (Биографические разыскания). СПб.: Евразия, 2022. 224 с.

Литвина, Успенский 2024 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядниной и ее семейства // Slověne. 2024. Т. 13, № 2. С. 48–81.

Лихачев — *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. XVI, 559, 72, 101, VI с.

Мазуров 2013 — *Мазуров А. Б.* Род дьяков Мишуриных в XVI веке // Российская история. 2013. № 5. С. 105–121.

Мазуров 2021 — *Мазуров А. Б.* Синодик Никольского Зарайского собора XVII–XVIII вв. как исторический источник // Вестник Государственного социально-гуманитарного института. 2021. № 4 (44). С. 3–59.

Макарий 2000 — *Макарий (Веретенников), архим.* Неизвестные страницы жизни митрополита Антония // Московский журнал: История государства Российского. 2000. № 1. С. 18–19.

Макарий 2001 — *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополит Кирилл III (1568–1572) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2001. Вып. 4. С. 99–106.

Макарий 2007 — *Макарий (Веретенников), архим.* Святитель Макарий, митрополит Московский, и архиереи его времени. М.: Изд-во Сретенского монастыря; Изд-во МДА, 2007. 528 с.

Макарий 2016 — *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 1256 с.

Маштафаров — *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // Русский дипломатарий. М.: Археогр. центр, 1997. Вып. 1. С. 25–37.

Назаров 1976 — *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века: (К методике изучения вопроса) // История СССР. 1976. № 3. С. 76–96.

Назаров 2004 — *Назаров В. Д.* Басманов и его «людци» // Родина. 2004. № 12. С. 94–96.

Никанор — *Никанор (Каменский), архиеп.* Казанский сборник статей. Казань: Церк. ист.-археол. о-во, 1909. [2], XXXVIII, 841 с.

Никольский 1897 — *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб.: Синод. тип., 1897. Т. 1, вып. 1: Об основании и строениях монастыря. IV, 296, CXII, III с., [52] л. ил.

Никольский 1908 — *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1908. № 2. С. 267–292.

Носов — *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 408 с.

Отрывки — Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 год / Дост. [и публ.] И. К. Куприянов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1861. 36 с.

Панченко 2002 — *Панченко О. В.* Писатели и книжники Соловецкого монастыря XVII в. (20 — сер. 50 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 477 с.

Панченко 2006 — *Панченко О. В.* Книжники Соловецкого монастыря XVII в. Статья 1: 1620-е — нач. 1640-х гг. // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 688–793.

Попов — *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI века. М.: Искусство, 1975. 334 с.

Послания — Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 716 с., 17 л. ил. (Лит. памятники).

ПСРЛ 1904 — ПСРЛ. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1904. Т. 13, 1-я половина: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. V, 302, [1] с.

ПСРЛ 1965 — ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. 389 с.

ПСРЛ 1978 — ПСРЛ. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 303, [1] с.

Радзивилловские акты — Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М.; Варшава: Древлехранилище, 2002. 267 с. (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.; Т. 6).

Разрядная книга 1966 — Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. В. И. Буганов. М.: Наука, 1966. 615 с.

Разрядная книга 1977 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР, 1977. Т. 1, ч. 2. 217 с.

Разрядная книга 1978 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР, 1978. Т. 1, ч. 3. 203 с.

Разрядная книга 1981 — Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М.: Ин-т истории СССР, 1981. Т. 2, ч. 1. 219 с.

Романов — *Романов Г. А.* Синодики Костромского Богоявленского монастыря // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 12–36.

Рыков — *Рыков Ю. Д.* К вопросу о восполнении состава утраченных помянников синодика Московского Архангельского собора // Румянцевские чтения — 2012: Материалы Всерос. науч. конф. (17–18 апреля 2012 г.): [в 2 ч.]. М.: Пашков дом, 2012. Ч. 2. С. 194–202.

Сахаров — *Сахаров И. П.* Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. СПб.: Тип. Я. Трея, 1851. Т. 1. С. 46–105.

Сборник — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2: (1533–1560 г.). XV, 629 с., 98 стб., VI с.

Сергеев 2023a — *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023. Т. 1. 704 с.

Сергеев 2023b — *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века: в 2 т. СПб.: ДЕАН, 2023. Т. 2. 656 с.

Сергеев 2023c — *Сергеев А. В.* Князья Пронские в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование // Российская генеалогия: Науч. альм. М.: Старая Басманная, 2023. Вып. 14. С. 38–100.

Серебрякова — *Серебрякова М. С.* Письменные источники об игуменах Ферапонтова монастыря XV–XVIII вв. // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегион. науч. конф., Вологда, 20–21 июня 2000 г. Вологда: Вологодское об-во историков-архивистов, 2001. С. 98–130. (Историческое краеведение и архивы; Вып. 7).

Синодики — Синодики Свияжского Успенского Богородицкого монастыря / Сост., авт. предисл. Э. И. Амерханова; науч. ред. И. П. Ермолаев. Казань: Трехречье, 2016. 800 с.

Сыроечковский — *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 124 с.

Тихонравов — *Тихонравов К. Н.* Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М.: Универ. тип., 1857. 199, [3] с., [1] л. ил.

ТКиДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 456 с.

Усачев — *Усачев А. С.* Феодосий Вятка — духовник Ивана Грозного: портрет на фоне эпохи // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 11–23.

Хоруженко — *Хоруженко О. И.* Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М.: Квадрига, 2019. 480 с.: ил.

Шаблова — Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой / Подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб.: Реноме, 2012. 404 с.

Шапошник 2006 — *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 569 с.

Шапошник 2020 — *Шапошник В. В.* Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века. СПб.: Наука, 2020. 296 с.

Шокарев — *Шокарев С. Ю.* «Раб Божий и его сиятельства»: к вопросу об отражении зависимого положения в русских средневековых религиозных практиках // Московская Русь: археология, история, архитектура: К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН, 2023. С. 112–122.

Штайндорф — *Штайндорф Л.* Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 2 (8). С. 90–100.

Briquet — *Briquet Ch. M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Genève: W. Kündig et fils, 1907. T. 1: A–Ch. XXIV, 234 p., [175] f. ill.

Martin — *Martin R. E.* Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (the Case of the Mstislavskii Princes) // Russian History. 1999. Vol. 26, No 2. P. 171–202.

Piccard-Online — Piccard-Online / Wasserzeichen-Informationssystem. URL: https://www.wasserzeichen-online.de (дата обращения: 18.01.2025).

References

Alekseev, A. I. (2010). 'Pervaya redaktsiya vkladnoi knigi Kirillova Belozerskogo monastyrya (1560-e gody)' ['The First Redaction of the Contribution Book of the Kirillov-Belozerskii Monastery (1560s)'], *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (19/20), 17–117. (In Russ.)

Alekseev, A. I. (2019). 'Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremle' ['Synodicon of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin'], *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (55/56), 5–239. (In Russ.)

Alekseev, A. I. (2021). 'Sinodik moskovskogo Bogoyavlenskogo monastyrya 1670–1730-kh godov' ['Synodicon of the Moscow Bogoyavlenskii Monastery (1670–1730s)'], *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (63/64), 5–211. (In Russ.)

Alekseev, A. I., Mashtafarov, A. V., eds. (2006). 'Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya' ['Contribution and Feed Book of the Moscow Simonov Monastery'], *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3, 5–186. (In Russ.)

Amerkhanova, E. I., Ermolaev, I. P., eds. (2016). *Sinodiki Sviyazhskogo Uspenskogo Bogoroditskogo monastyrya* [*Synodikons of the Sviyazhsk Uspenskii Bogoroditskii Monastery*]. Kazan': Trekhrech'e, 800 p. (In Russ.)

Anan'ev, V. G. (2008). 'Boyarin shesti tsarei: knyaz' Fedor Ivanovich Mstislavskii' ['Boyar of Six Tsars: Prince Fyodor Ivanovich Mstislavsky'], in: *«V kratkikh slovesakh mnogoi razum zamykayushche...»: Sbornik nauchnykh trudov v chest' 75-letiya professora Ruslana Grigor'evicha Skrynnikova* [*Collection of Research Papers in Honor of the 75th Anniversary of Professor Ruslan Grigorievich Skrynnikov*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 353–380. (In Russ.)

Antonov, A. V. (2004). 'Prigovornaya gramota 1566 goda'['The Sentence Charter of 1566'], in: *Russkii diplomatarii* [*Russian Diplomacy*]. Moscow: Drevlekhranilishche. Vol. 10, 171–182. (In Russ.)

Antonov, A. V., Krom, M. M. (2002). 'Spiski russkikh plennykh v Litve pervoi poloviny XVI veka' ['Lists of Russian Prisoners in Lithuania in the First Half of the 16th Century'], in: *Arkhiv russkoi istorii* [*Archive of Russian History*]. Moscow: Drevlekhranilishche. Vol. 7, 149–196. (In Russ.)

Avdeev, A. G. (2006). *Starorusskaya epigrafika i knizhnost': Novo-Ierusalimskaya shkola epigraficheskoi poezii* [*Old Russian Epigraphy and Book Culture: The New Jerusalem School of Epigraphic Poetry*]. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 349, [13] p. (In Russ.)

Avdeev, A. G. (2021). 'Archimandrite of the Trinity Ipatievsky Monastery Theodosius II (†1680)' , *Ipat'evskii vestnik*, 4, 63–76. (In Russ.)

Avdeev, A. G. (2021). 'Redkii genealogicheskii kazus v sinodike Troitskogo Ipat'evskogo monastyrya' ['A Rare Genealogical Incident in the Synodic of the Trinity Ipatiev Monastery'], *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*, 2, 97–106. (In Russ.)

Belov, N. V. (2021). 'Knyaz' Vasilii Mikhailovich Shchenyatev, boyarin i voevoda vremeni «boyarskogo pravleniya»' ['Prince Vasily Mikhailovich Shchenyatev, Boyar and Voivode of the Time of *Boyar Rule*'], in: *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii* [*Materials and Research on the History of Russia*]. Nizhnevartovsk: Kimmeriya. Vol. 15, 19–35. (In Russ.)

Belov, N. V. (2022). 'Pominaniya rodov Vserossiiskikh mitropolitov XVI veka v sinodike Moskovskogo Novinskogo monastyrya' ['Commemorations of the Families of the Russian Metropolitans of the 16th Century in the Synodicon of the Moscow Novinskii Monastery'], in: *Istoricheskoe obozrenie* [*Historical Review*]. Moscow: Istoriko-prosvetitel'skoe obshchestvo «Radetel'»; Izdatel'stvo NIB, 2022. Vol. 23, 112–124. (In Russ.)

Belov, N. V. (2025). 'New Data on the Scribes of the 16th Century (Based on Materials of the Synodikon of the Holy Trinity St. Sergius Monastery of 1575)', *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. Vol. 24, 590–614. (In Russ.)

Bentsianov, M. M., Lobin, A. N. (2013). 'On the Question of the Structure of the Russian Army at the Battle of Orsha', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2, 155–179. (In Russ.)

Bezrodnov, V. S., Korzinin, A. L. (2025). *Iosifo-Volokolamskii monastyr'. Sinodiki, Vkladnye, Zapisnye i Kormovye knigi XVI — serediny XVII veka* [*Joseph-Volokolamsk Monastery. Synodicons, Contribution, Note and Feed Books of the 16th – Mid-17th Centuries*]. Moscow: Sam Poligrafist. Vol. 2, 525 p. (In Russ.)

Demkova, N. S. (1999). 'Dukhovnaya gramota volokolamskogo knizhnika XVI veka Evfimiya Turkova' ['Spiritual Charter of the Volokolamsk Scribe of the 16th Century Euthymius Turkov'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 51, 342–356. (In Russ.)

Golikova, N. B. (1998). *Privilegirovannye kupecheskie korporatsii Rossii XVI — pervoi chetverti XVIII veka* [*Privileged Merchant Corporations of Russia of the 16th – First Quarter of the 18th Century*]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 521, [2] p. (In Russ.)

Gralya, I. (1994). *Ivan Mikhailov Viskovatyi: Kar'era gosudarstvennogo deyatelya v Rossii XVI veka* [*Ivan Mikhailov Viskovaty: The Career of a Statesman in Russia of the 16th Century*]. Moscow: Radiks, 520 p. (In Russ.)

Ivina, L. I., ed. (1983). *Akty feodal'nogo zemlevladeniya i khozyaistva: Akty Moskovskogo Simonova monastyrya (1506–1613 gody)* [*Acts of Feudal Land Ownership and Economy: Acts of the Moscow Simonov Monastery (1506–1613)*]. Leningrad: Nauka, 352 p. (In Russ.)

Kashtanov, S. M. (2020). 'Vozvrashchenie Obryuty' ['The Return of Obruta'], in: *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya* [*Proceedings of the Rostov Museum*]. Rostov: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik Rostovskii kreml'. Vol. 25, 42–72. (In Russ.)

Kazakevich, T. E. (2009). 'O dvukh nadpisyakh v Nikitskoi tserkvi sela Elizarova' ['About Two Inscriptions in the Nikitskaya Church in the Village of Elizarovo'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 60, 556–563. (In Russ.)

Khoruzhenko, O. I. (2019). *Istoricheskaya geografiya Obolenskogo uezda XVII–XVIII vekov* [*Historical Geography of the Obolensky area of the 17th-18th Centuries*]. Moscow: Kvadriga, 480 p.: ill. (In Russ.)

Kirpichnikov, I. A. (2025). *Ryazanskaya elita v Moskovskom gosudarstve. Istoriya integratsii* [*Ryazan Elite in the Moscow State. History of Integration*]. Moscow: Kvadriga, 912 p. (In Russ.)

Kisterev, S. N., Timoshina, L. A., eds. (1992). *Savvin Storozhevskii monastyr' v dokumentakh XVI veka: (Iz sobranii Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov)* [*Savvin Storozhevsky Monastery in Documents of the 16th Century (From the Collections of the Central State Archive of Ancient Acts)*]. Moscow: Arkhiv russkoi istorii, 94 p. (In Russ.)

Klitina, E. N., Manushina, T. N., Nikolaeva, T. V., eds. (1987). *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [*Contribution Book of the Trinity-Sergius Monastery*]. Moscow: Nauka, 439, [1] p. (In Russ.)

Kloss, B. M., Kuz'min, A. V. (2008). 'Evfimii' ['Euthymius'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya». Vol. 17, 420–422. (In Russ.)

Kopaneva, D. D. (2020). 'Arkhiepiskop Velikogo Novgoroda i Pskova Feodosii (1491–1563 gg.) i ego ucheniki' ['Archbishop of Veliky Novgorod and Pskov Feodosiy (1491–1563) and His Disciples'], *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*, 2, 142–146. (In Russ.)

Korzinin, A. L. (2008). 'Politicheskaya bor'ba v Rossii v gody boyarskogo pravleniya (1538–1541 gody)' ['Political Struggle in Russia During the Boyar Rule (1538–1541)'], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*, 1, 31–39. (In Russ.)

Krom, M. M. (2010). *«Vdovstvuyushchee tsarstvo»: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [*The Widowed Kingdom: Political Crisis in Russia in the 1530s–1540s*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 888 p. (In Russ.)

Krom, M. M., ed. (2002). *Radzivillovskie akty iz sobraniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki: pervaya polovina XVI veka* [*Radziwill Acts From the Collection of the Russian National Library: First Half of the 16th Century*]. (Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII vekov. Vol. 6). Moscow; Varshava: Drevlekhranilishche, 267 p. (In Russ.)

Kurukin, I. V., Bulychev, A. A. (2010). *Povsednevnaya zhizn' oprichnikov Ivana Groznogo* [*Everyday Life of Ivan the Terrible's Oprichniks*]. Moscow: Molodaya gvardiya, 374, [10] p. (In Russ.)

Kuz'muk, O. (2007). *Lavrs'kii al'manakh: Kиevo-Pechers'ka lavra v konteksti ukraïns'koï istoriï ta kul'turi: Zb. nauk. prats'* [*Lavra's Almanacs: Kiev-Pechersk Lavra in the Context of Ukrainian History and Culture: Collection of Scientific Works*]. Kïiv: Kиevo-Pechers'kii

istoriko-kul'turnii zapovidnik. Vol. 18, special iss. 7: Pomennik Vvedens'koï tserkvi v Blizhnikh pecherakh Kievo-Pechers'koï lavri. Publikatsiya rukopisnoï pam'yatki drugoï polovini XVII st. 116 p. (In Ukrainian)

Levichkin, A. N. (2020). 'Knizhnik Kirillo-Belozerskogo monastyrya Bogolep Guba' ['Scribe of the Kirillo-Belozersky Monastery Bogolep Guba'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 67, 303–375. (In Russ.)

Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. (2022). *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniya)* [*Godunov in the Circle of Relatives (Biographical Research)*]. St. Petersburg: Evraziya, 224 p. (In Russ.)

Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. (2024). 'A Sister – A Wife – A Widow: The Phenomenon of Agrafena Chelyadnina and Her Family', *Slověne*, 13/2, 48–81. (In Russ.)

Makarii (Veretennikov), arkhimandrit (2007). *Svyatitel' Makarii, mitropolit Moskovskii, i arkhierei ego vremeni* [*Saint Macarius, Metropolitan of Moscow, and the Bishops of His Time*]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya; Izdatel'stvo Moskovskoi dukhovnoi akademii, 528 p. (In Russ.)

Makarii (Veretennikov), arkhimandrit (2016). *Mitropolity Drevnei Rusi (X–XVI veka)* [*Metropolitans of Old Rus' (10–16th Centuries)*]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 1256 p. (In Russ.)

Makarii (Veretennikov), arkhimandrit (2000). 'Neizvestnye stranitsy zhizni mitropolita Antoniya' ['Unknown Pages of the Life of Metropolitan Anthony'], *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*, 1, 18–19. (In Russ.)

Makarii (Veretennikov), arkhimandrit (2001). 'Mitropolit Kirill III (1568–1572)' ['Metropolitan Kirill III (1568–1572)'], in: *Ural'skii sbornik: Istoriya. Kul'tura. Religiya* [*Ural Collection: History. Culture. Religion*]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 4, 99–106. (In Russ.)

Martin, R. E. (1999). 'Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (the Case of the Mstislavskii Princes)', *Russian History*, 26/2, 171–202. (In English)

Mashtafarov, A. V. (1997). 'Dukhovnaya Ivana Yur'evicha Podzhogina 1541 goda' ['Spiritual Charter of Ivan Yuryevich Podzhogin (1541)'], in: *Russkii diplomatarii* [*Russian Diplomacy*]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr. Vol. 1, 25–37. (In Russ.)

Mazurov, A. B. (2013). 'Rod d'yakov Mishurinykh v XVI veke' ['The Family of Clerks Mishurins in the 16th Century'], *Rossiiskaya istoriya*, 5, 105–121. (In Russ.)

Mazurov, A. B. (2021). 'Obituary of St. Nicholas Cathedral of Zaraisk in 17th–18th Centuries as a Primary Source', *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta*, 4 (44), 3–59. (In Russ.)

Nazarov, V. D. (1976). 'Iz istorii tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossii serediny XVI veka (K metodike izucheniya voprosa)' ['From the History of Central Government Institutions of Russia in the Mid-16th Century (Towards a Methodology for Studying the Issue)'], *Istoriya SSSR*, 3, 76–96. (In Russ.)

Nazarov, V. D. (2004). 'Basmanov i ego «lyudtsi»' ['Basmanov and His People'], *Rodina*, 12, 94–96. (In Russ.)

Nazarov, V. D., ed. (1998). *Akty Rossiiskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastyrei i soborov XV — nachala XVII veka* . [*Acts of the Russian State. Archives of Moscow Monasteries and Cathedrals of 15th — Early 17th Century*]. Moscow: Ladomir, 733 p. (In Russ.)

Panchenko, O. V. (2002). *Pisateli i knizhniki Solovetskogo monastyrya XVII veka (20-e — seredina 50-kh godov)* [*Writers and Scribes of the Solovetsky Monastery*

(1620s–1650s)]. Dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk. St. Petersburg, 2002. 477 p. (In Russ.)

Panchenko, O. V. (2006). 'Knizhniki Solovetskogo monastyrya XVII veka. Stat'ya 1. 1620-e — nachalo 1640-kh godov' ['Scribes of the Solovetsky Monastery of the 17th century. Article 1. 1620s – Early 1640s'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 57, 688–793. (In Russ.)

Piccard-Online / Wasserzeichen-Informationssystem, accessed January 18, 2025, https://www.wasserzeichen-online.de.

Polnoe sobranie russkikh letopisei [*Complete Collection of Russian Chronicles*] (1978). Moscow: Nauka. Vol. 34: Postnikovskii, Piskarevskii, Moskovskii i Bel'skii letopistsy, 303, [1] p. (In Russ.)

Popov, G. V. (1975). *Zhivopis' i miniatyura Moskvy serediny XV — nachala XVI veka* [*Painting and Miniatures of Moscow in the Middle of the 15th Century — Early 16th Century*]. Moscow: Iskusstvo, 334 p. (In Russ.)

Romanov, G. A. (2023). 'Synodik of the Kostroma Epiphany Monastery. Tradition and modernity', *Traditsii i sovremennost'*, 33, 12–36. (In Russ.)

Rykov, Yu. D. (2012). 'K voprosu o vospolnenii sostava utrachennykh pomyannikov sinodika Moskovskogo Arkhangel'skogo sobora' ['On the Issue of Replenishing the Composition of the Lost Memorial Lists of the Moscow Archangel Cathedral Synodicon'], in: *Rumyantsevskie chteniya — 2012: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (17–18 aprelya 2012 goda)* [*Rumyantsev Readings — 2012: Proceedings of the Russian Scientific Conference*]. Moscow: Pashkov dom. Vol. 2, 194–202. (In Russ.)

Rykov, Yu. D., Erusalimskii, K. Yu., Alekseev, A. A., eds. (2015). Andrei Kurbskii. *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [Andrei Kurbskii. *The Story of the Affairs of the Grand Duke of Moscow*]. Moscow: Nauka, 944 p. (In Russ.)

Savich, N. G., ed. (1977). *Razryadnaya kniga 1475–1605 godov* [*Rank Book (1475–1605)*]. Moscow: Institut istorii SSSR. Vol. 1, pt. 2. 217 p. (In Russ.)

Savich, N. G., ed. (1978). *Razryadnaya kniga 1475–1605 godov* [*Rank Book (1475–1605)*]. Moscow: Institut istorii SSSR. Vol. 1, pt. 3. 203 p. (In Russ.)

Savich, N. G., ed. (1981). *Razryadnaya kniga 1475–1605 godov* [*Rank Book (1475–1605)*]. Moscow: Institut istorii SSSR. Vol. 2, pt. 1. 219 p. (In Russ.)

Serebryakova, M. S. (2001). 'Pis'mennye istochniki ob igumenakh Ferapontova monastyrya XV–XVIII vekov' ['Written Sources About the Abbots of the Ferapontov Monastery in the 15th–18th Centuries'], in: *Regional'nye aspekty istoricheskogo puti pravoslaviya: arkhivy, istochniki, metodologiya issledovanii: Materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii* [*Regional Aspects of the Historical Path of Orthodoxy: Archives, Sources, Research Methodology: Proceedings of the Interregional Scientific Conference*], *Vologda, 20–21 iyunya 2000 goda*. (Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy. Vol. 7). Vologda: Vologodskoe obshchestvo istorikov-arkhivistov, 98–130. (In Russ.)

Sergeev, A. V. (2023). 'Knyaz'ya Pronskie v Russkom gosudarstve XVI–XVII vekov: istoriko-genealogicheskoe issledovanie' ['Princes Pronsky in the Russian State of the 16th–17th Centuries: Historical and Genealogical Research'], in: *Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh* [*Russian Genealogy: Scientific Almanac*]. Moscow: Staraya Basmannaya. Vol. 14, 38–100. (In Russ.)

Sergeev, A. V. (2023). *Knyazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti XVI — nachala XVII veka: v 2 t.* [*Princely Families in the Moscow State in the Second Third of the*

16th – Beginning of the 17th Century: In 2 Vol.]. St. Petersburg: DEAN, 2023. Vol. 1, 704 p.; Vol. 2, 656 p. (In Russ.)

Shablova, T. I. (2012). *Kormovoe pominovenie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh. Publikatsiya: Sinodichnoe Predislovie, Kniga Kormovaya, Sinodik Kormovoi* [*The Feed Commemoration in the Uspenskii Kirillo-Belozerskii Monastery in the 16th–17th Centuries. Publication: Synodical Preface, Feed Book, Feed Synodikon*]. St. Petersburg: Renome, 404 p. (In Russ.)

Shaposhnik, V. V. (2006). *Tserkovno-gosudarstvennye otnosheniya v Rossii v 30–80-e gody XVI veka* [*Church-State Relations in Russia in the 1530s–1580s*]. 2nd ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 569 p. (In Russ.)

Shaposhnik, V. V. (2020). *Pridvornaya bor'ba v Russkom gosudarstve 30-kh godov XVI veka* [*Court Struggle in the Russian State in the 1530s*]. St. Petersburg: Nauka, 296 p. (In Russ.)

Shokarev, S. Yu. (2023). '«Rab Bozhii i ego siyatel'stva»: k voprosu ob otrazhenii zavisimogo polozheniya v russkikh srednevekovykh religioznykh praktikakh' ['*The Servant of God and His Excellencies*: On the Reflection of Dependent Position in Russian Medieval Religious Practices'], in: *Moskovskaya Rus': arkheologiya, istoriya, arkhitektura. K 75-letiyu Leonida Andreevicha Belyaeva* [*Muscovite Rus: Archeology, History, Architecture. On the 75th Anniversary of Leonid Andreevich Belyaev*]. Moscow: Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk, 112–122. (In Russ.)

Shtaindorf, L. (2002). 'Vklady tsarya Ivana Groznogo v Iosifo-Volokolamskii monastyr'' ['Contributions of Tsar Ivan the Terrible to the Joseph-Volokolamsk Monastery'], *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (8), 90–100. (In Russ.)

Usachev, A. S. (2021). 'Theodosius of Vyatka – the Confessor of Ivan the Terrible: Portrait against the Backdrop of the Era', *Vestnik arkhivista*, 1, 11–23. (In Russ.)

Zimin, A. A. (1971). 'D'yacheskii apparat v Rossii vtoroi poloviny XV — pervoi treti XVI veka' ['The Clerical System in Russia in the Second Half of the 15th Century — First Third of the 16th Century'], in: *Istoricheskie zapiski* [*Historical Notes*]. Moscow: Nauka. Vol. 87, 219–286. (In Russ.)

Zimin, A. A. (1988). *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV — pervoi treti XVI veka* [*Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th Century — the First Third of the 16th Century*]. Moscow: Nauka, 350 p. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 90–132
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-90-132
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 90–132
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. П. Богданов

ЛЕТОПИСЕЦ ДУМНОГО ДВОРЯНИНА АНДРЕЯ ЯКОВЛЕВИЧА ДАШКОВА

Andrey P. Bogdanov

THE CHRONICLE OF THE DUMA NOBLEMAN ANDREY YAKOVLEVICH DASHKOV

Резюме. В статье раскрыты методы атрибуции и изучения текста летописного памятника, позволившие по анонимному списку XVIII в. установить имя, ход работы и источники стольника, затем думного дворянина Андрея Яковлевича Дашкова, начавшего дворянский Летописец в 1680 г. и завершившего его в 1689 г. Благодаря этим методам мы выяснили, что список был сделан с чернового оригинала Летописца, находившегося в авторском сборнике. Обнаружение этого сборника, подписанного самим А. Я. Дашковым, показало, что черновик Летописца со вставками, которые мы вычислили, действительно был создан на основе Хронографа Русского и частной Разрядной книги с фамильными дополнениями, доведен до 1680 г. и продолжен в 1680-х гг. повременными, периодически вносившимися в него автором записями. Гипотеза подтвердилась во всех деталях, доказав точность метода, с которым статья впервые знакомит специалистов. Еще один найденный черновик авторского произведения углубляет понимание творчества летописцев XVII в. Язык летописных записей русского дворянина предпетровского времени слегка архаичен, но вполне понятен и приятен современному читателю, в нем нет искаженных иностранных слов и коверкания русской грамматики, характерных для эпохи реформ Петра I. В приложении к статье публикуются записи за 1682–1689 гг.

Ключевые слова: Андрей Яковлевич Дашков, Василий Яковлевич Дашков, царь Федор Алексеевич, царевна Софья, канцлер Голицын, летописание, повременные записи, текстология

Информация об авторе: Андрей Петрович Богданов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, culture_iri@mail.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4593-6051.

Для цитирования: *Богданов А. П.* Летописец думного дворянина Андрея Яковлевича Дашкова // Словесность и история. 2025. № 3. С. 90–132. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-90-132

Abstract. Based on an anonymous copy of a chronicle from the 18th century, the article clarifies the methods of the textual study and the attribution of this source (hereafter referred to as *Chronicle*), which made it possible to establish the name, the work process, and the sources of its author. The author of the article established that the *stolnik* and later duma nobleman Andrei Yakovlevich Dashkov began the *Chronicle* in 1680 and completed it in 1689. The extant copy was made from a rough draft of the *Chronicle*, which was located in a miscellany belonging to the alleged author. The recent discovery of this miscellany, which was signed by Andrey Yakovlevich Dashkov himself, confirmed that the draft of the *Chronicle*, along with insertions, was created on the basis of the *Russian Chronograph* and a private Book of Ranks with family additions. The *Chronicle* covers the years up to 1680 and also contains periodically entered notes by the author for the decade of the 1680s. The article introduces a new methodology for the study of chronicles. The discovery of the draft of the *Chronicle* deepens our understanding of the work of 17th-century Russian the

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

chroniclers. The language of this *Chronicle* from the pre-Petrine era is slightly archaic but easy to read for the modern reader since it does not contain distorted foreign words or contorted Russian grammatical constructions, which were characteristic of the era of Peter I's reforms. An appendix to the article contains entries for the years 1682–1689.
Keywords: Andrei Yakovlevich Dashkov, Vasily Yakovlevich Dashkov, Tsar Fyodor Alekseevich, Princess Sophia Alekseevna, Chancellor Golitsyn, chronicles, periodical entries, textual criticism
Information about the author: Andrey P. Bogdanov, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia, culture_iri@mail.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4593-6051.
For citation: Bogdanov, A. P. (2025). The *Chronicle* of the Duma Nobleman Andrey Yakovlevich Dashkov, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 90-132.
https://doi.org/ https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-90-132

С рубежа XIX—XX вв., когда академик А. А. Шахматов разработал научный метод исследования летописей, благодаря чему летописеведение выделилось в специальную историческую дисциплину, эта наука принесла немало открытий *предсказанных* текстов. Сам Шахматов, изучая общий текст Архивской и Воскресенской летописей, гипотетически воссоздал состав Московского великокняжеского свода 1479 г., лежавшего в основе официозного летописания конца XV — XVI в., а затем нашел его текст в писарской копии XVIII в. из Эрмитажного собрания Публичной библиотеки[1].

В том же собрании мы атрибутировали замечательный Летописец стольника, затем думного дворянина Андрея Яковлевича Дашко́ва (не путать с князьями Да́шковыми), который он составлял с 1680 по 1689 г.[2], и предположили, что «протографом списка послужил *подлинник* рукописи» этого видного государственного деятеля трех царств (Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана и Петра). Этот подлинник был недавно установлен Н. В. Беловым[3], *в точности* оправдав наши предположения, основанные на особенностях текста Эрмитажного списка XVIII в.

Возможности, которые дает черновой оригинал авторского Летописца, трудно переоценить. Они будут подробно раскрыты при издании памятника, которое мы с Н. В. Беловым готовим. Не меньший интерес представляет *ход размышлений*, которые привели к такому замечательному результату. Они до последнего времени оставались скрытыми. Обоснование выделения Летописца в рукописи Эрм. 567 как отдельного произведения и мотивы атрибуции

[1] РНБ. Эрмитажное собр. № 416[6]. II+197 л. Описана: [Эрмитажное собрание, с. 157]. Указываю шифр потому, что в современной литературе, особенно электронных публикациях, приводится № 4166, явно ошибочный, поскольку в Эрмитажном собрании всего 612 единиц хранения (часть из них двойные).

[2] РНБ. Эрмитажное собр. № 567 (далее — Эрм. 567). 2°. Л. 1–164.

[3] РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10 (далее — Поп. 10). 4°. 322 л.

его А. Я. Дашкову были изложены в нашей диссертации 1983 г., оставшейся в рукописи [Богданов 1983, т. 1, с. 68–71, т. 2, с. 31–32]. В печати Летописцу посвящены лишь лаконичные заметки о смысле труда Дашкова [Чистякова, Богданов, с. 79–82; Белоброва, Богданов]. Они не сообщают главного для исследователей — мотивов, которые позволили установить автора Летописца и описать процесс его работы над произведением, опираясь на поздний анонимный список памятника. Поскольку все детали этой гипотезы подтвердились, полезно разобраться, как она была построена.

Список из Эрмитажного собрания

В ходе сплошного обследования рукописных собраний для выявления летописных и публицистических памятников последней четверти XVII в. мы просматривали все рукописи, в которых могли оказаться искомые тексты. Довольно тщательно выполненная опись Эрмитажного собрания 1965 г. позволяла подозревать, что отдельные статьи кодекса № 567, определенного как «Сборник смешанного содержания» XVIII в., могут быть интересными для истории русского летописания века XVII, тем более что М. Н. Тихомиров указал на наличие в нем оригинальных летописных заметок и выписок из разрядных книг [Тихомиров 1962, с. 154]. Согласно описи, «полууставом различных почерков» в кодексе были записаны следующие статьи: «лл. 1–3. — Летописные выписки и список русских митрополитов; лл. 3 об.–164 об. — Хронограф, русские известия до конца XVII в.; лл. 165–270 об. „Избрание вкратце от книги глаголемые космография“; лл. 271–273 об. — Отрывочные выписки из библейских преданий и богословских поучений; лл. 274–276 об. — Отрывочные летописные выписки за годы 1551–1555» [Эрмитажное собрание, с. 211].

Как Хронограф с русскими известиями до конца XVII в. мог быть описан, например, кодекс со списком Летописца 1619–1691 гг., изданного В. И. Бугановым [ПСРЛ 31, с. 180–205]. Когда число выявленных списков памятника умножилось [Богданов 1982], выяснилось, что этот Летописец в 1680-х гг. создавался патриаршими книжниками в разных редакциях [Богданов 2021a] в контексте работы над Хронографом [Богданов, Белов], продолжения которого вообще-то весьма редки [Богданов 2021b; 2023]. Но текст летописного продолжения Хронографа Русского II редакции в кодексе Эрм. 567 оказался еще интересней: он был оригинальным! Чтобы разобраться, что это за текст, нам пришлось детально описать весь кодекс.

Почерков в нем, конечно же не полууставных, оказалось два. «Конечно же» — потому, что вся рукопись была написана на одной бумаге второй половины XVIII в., когда от полуустава остались лишь поморские подражания. Бумага датируется по водяным знакам: л. 1–276, водяной знак типа

VRIHEYT (Лев стоящий с жезлом и молниями на постаменте в двойном круге под короной)[4] с литерами LIBERTATE = PRO PATRIA = EIUSQUE (искаж.) по окружности и VRIHEY(T?) на постаменте, с контрамаркой PS (в две линии). Сильно сбитый знак VRIHEYT с этой контрамаркой отмечен под 1799 г. (Черчилль, № 96) и 1792 г. (Лауцявичюс, № 2325). Наша бумага более ранняя, поскольку знак на ней в хорошем состоянии. Первые и последние переплетные листы (л. I–II, 277, 277а) в кодексе изготовлены из другой голландской бумаги той же фирмы Jacob Honig & Zonen, с водяным знаком Pro Patria и контрамаркой C & I HONIG, употребление которой в России отмечено под 1743 и 1764 гг. (Клепиков 1959, № 955), а также под 1780 г. (Лауцявичюс, № 2866). Таким образом, не ошибемся, отнеся изготовление рукописи ко второй половине XVIII в.[5]

Для этого же времени характерны оба почерка Эрм. 567: основной (л. 1–164 об., 195–276 об.) — книжный, прямой, с раздельными квадратными буквами, и дополнительный (л. 165–195) — более свободный, близкий к скорописи, с небольшим наклоном вправо (им переписано начало одной из частей кодекса). Логично было предположить, что перед нами писарская копия более старой рукописи. Это предположение тут же подтвердилось. Просмотр рукописей Эрмитажного собрания показал, что с участием основного почерка Эрм. 567 был выполнен хорошо известный в науке список Новгородской Забелинской летописи Эрм. 417, а с использованием той же переплетной бумаги (Pro Patria // C & I HONIG) — список той же летописи Эрм. 418[6]. Видимо, кодексы были изготовлены и два из них (Эрм. 567 и 418) одинаково переплетены в картон, оклеенный тисненой золотой бумагой, для пополнения Эрмитажной библиотеки.

Изучение состава рукописи показало, что она является ценнейшим источником для изучения русского летописания конца XVII в. Приведем его целиком, поскольку именно полное описание кодекса с интересующим исследователя текстом является непременным требованием летописеведения.

---

[4] Тип этого водяного знака в России XVIII в. выделен среди основных (Клепиков 1978, с. 6, № 6).

[5] Период бытования бумаги в полстолетия представляется слишком большим. Но надо иметь в виду, что здесь речь идет не о видах бумаги, каждый из которых отлит на одной или паре филигранных сеток, служивших год, от силы два, и потому датирующихся в пределах 10 лет, а в удачных случаях даже одного года. И даже не о бумаге сходных видов, почти полностью использовавшейся в XVIII в. в течение 10–15 лет. Мы имеем дело с *марками* длительного времени производства, для каждой из которых возможен разброс дат в 30 лет [Богданов 2019, с. 195–207].

[6] РНБ. Эрмитажное собр. № 417. 2°, 201 л., летописный текст на л. 1–195 об.; № 418. 2°, 380 л., летопись на л. 2–368. Рукописи хорошо описаны [Азбелев, с. 215–217].

1. Л. 1. «Яко хлеб есть совершен» — заметка об опресноках.

2. Л. 1–1 об. Летописная заметка о посылке Иваном III воевод в Стародуб и Мстиславль в 7010 г.

3. Л. 1 об.–2. Полный титул царя Федора Алексеевича (воцарившегося 29 января 1676 г.).

4. Л. 2–2 об. Летописная статья под 7097 г. об учинении в России патриаршего престола.

5. Л. 2 об. Летописная статья под 7175 г. о приходе в Москву патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского (для суда над Никоном).

6. Л. 2 об.–3. Список 12 митрополий и 3 епископий в составе, бывшем перед реформой 1681 г.

7. Л. 3 об.~103 об. Хронограф Русский II редакции, оглавление и вторая (русская) часть. Заглавие: «Книга, глаголемая Хронограф, глаголят же ся греческим языком Хроно, то есть лето, граф, то есть писец, потому нарицается хронограф, сиречь летописец».

a) Л. 3 об.–16 об. «Сказание главам, иже есть в книзе сей». Полное оглавление Хронографа Русского II редакции, обычно состоявшего из 169 глав и кончавшегося 1617 г., с добавлением главы «170. Царство государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца», т. е. не ранее его воцарения в 1645 г.;

b) Л. 17. Вместо предисловия к Хронографу: «Под солнцем закон дан и благодать возсия ⟨...⟩ и с ним быти в век века в день вечных благ, аминь»;

c) Л. 17 об.~103 об. «Книга, глаголемая Хронограф или летописец». Текст сокращен почти до одной только русской части Хронографа II редакции, близок к опубликованному А. Н. Поповым, но с дополнениями, идет до главы 160 (княжение Василия Ивановича). Глава 161 сохраняет лишь несколько хронографических известий[7], с л. 99 об. плавно переходя в текст Разрядной книги.

8. ~ Л. 99 об.–164. Частная Разрядная книга от царствования Ивана IV до правления царевны Софьи при Иване и Петре Алексеевичах с летописными дополнениями.

9. Л. 165–223. Выписки из переводной Космографии (предисловие, часть гл. 3 и др.).

10. Л. 223–270. «Театрум света, на котором Европа, Азия, Африка и Америка, тако ж де и нравов краев, мест, нецы нравы, богатства и иные признаки выставленные». — Выписки из русского перевода 1681 г. со второго краковского издания 1659 г. (первое издание польского перевода — Краков:

[7] Ср: Эрм. 567. Л. 93 об.–103 об.; ср.: [Попов 1869, с. 181–186].

w drukarni Mikolaia Loba 1609, с итальянского изд. «Relationi Universali», 1601) географической книги Яна Ботера (Джованни Ботеро Венесиуса)[8].

11. Л. 271. Список 12 митрополитов и 5 архиепископов, назначенных по реформе 1681 г.

12. Л. 271 об.–273 об. Несколько географических выписок из Ветхого Завета («Рахмании от земли июдейския...» и т. д.).

13. Л. 274–276. Летописные выписки о взятии Астрахани при Иване IV («7059-го к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси пришли из Астрахани послы от Емгубея царя Астраханскова Ишим князь ⟨...⟩ А в Астрахани были воеводы 4 недели и пришли воеводы к Москве 7063-го году в октябре месяце»).

На вид состав сборника разномастный, хотя и отражающий, видимо, интересы конкретного составителя, судя по статьям о составе российских епархий до и после реформы царя Федора Алексеевича (статьи 6 и 11). Но мы обратили внимание на плавный переход текста Хронографа (7) в Разрядную книгу (8) всего лишь на 161-й из 169 традиционных его глав и пришли к выводу, что составитель сделал это намеренно, не только изменив предшествующий текст Хронографа путем сокращений и дополнений, но и решив дать ему свое оригинальное продолжение, получив в итоге авторский Летописец с начала русской истории до конца 1680-х гг.

Это деяние было весьма смелым: текст Хронографа Русского всех трех основных редакций, выделенных А. Н. Поповым [Попов 1866–1869], в рукописной традиции крайне устойчив. Настолько, что даже в бурном XVII в. одно лишь изменение числа глав требовало смелости и немалой редакционной работы [Богданов, Белов]. Разрядной книгой, истоки которых, государственных и частных, уходят в XV в. [Буганов 1962; Анхимюк], было логично дополнить Хронограф Русский I редакции, созданный иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Досифеем Топорковым в 1516–1522 гг. [Клосс, с. 157–169]. Он дал читателям детальную картину главных событий всемирной и русской истории от Сотворения мира до завоевания Константинополя турками (1453). Обладая же, судя по Оглавлению (7а), полным текстом Хронографа II редакции, можно было не беспокоиться о летописном продолжении текста в XVII в. Ее составитель около 1617 г. взялся восстановить «связь времен», доводя текст до «всемирной радости» венчания на царство Михаила Федоровича (1613) и приблизив повествование к летописному. Рассказ Хронографа

[8] Полный текст перевода см.: РГБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). № 20 (далее — Рум. 20). 2°. 454 л. Список 1764 г. с келейной рукописи митрополита Казанского и Свияжского Адриана (1686–1690), будущего патриарха. Перевод «писан на Москве в лето 7189, а от Христа 1681 году».

III редакции, составленной после 1626 г. и доведенной до 1618 г., особенно о событиях Великого разорения и Смуты, был более красочным, но и более далеким от летописной формы.

В любом случае постепенная замена текста Хронографа с царствования Ивана IV выписками из Разрядной книги выглядела в конце XVII в. потрясением основ и, следовательно, требовала сильной мотивации. И такая мотивация нашлась сразу, как мы вчитались в текст. Судя по отрывочности разрядных сведений, расположенных по хронологии, по 1–5 записей в год, это была книга частного происхождения, каких в «бунташном» столетии бытовало множество. Ее владельцев, создателей или заказчиков установить было нетрудно: это известный дворянский род Дашко́вых [Руммель, Голубцов, с. 223–233], службы которых описаны полнее, чем всех остальных.

Атрибуция памятника

Чтобы убедиться в вышесказанном, достаточно взять любое место в повествовании. Под 7121 г. Дашковым посвящены две летописные записи из семи; под 7122 г. — две из трех; под 7124 г. две записи, о Дашковых нет; под 7125 г. — одна из восьми; 7126 г. — две из пяти; под 7127 г. четыре записи, о Дашковых нет; под 7128 — одна из пяти; под 7129 г. — одна запись, о Дашковых нет; под 7130 г. — две из пяти; под 7131 г. — две записи, о Дашковых нет; под 7132 г. — одна из двух и т. д. Понятно также, почему Разрядная книга начинается в Летописце не ранее царствования Ивана IV: хотя официальный родоначальник Дашковых «муж честен Дашек» и выехал, по легенде, из Большой орды ко двору Василия III, сведения об их службах отмечены только с 1570-х гг. и идут в основном с начала XVII столетия [Руммель, Голубцов, с. 223–224].

При этом Дашко́вы не относились к 17 родам аристократии, занимавшей высшие государственные посты, да и среди московского дворянства не первенствовали (князья Да́шковы просто их однофамильцы). Возвышение их до участия в высокой политике произошло в царствование Федора Алексеевича (1676–1682), когда думный дворянин Василий Яковлевич Дашков, по разрядным записям четырежды остававшийся в комиссии бояр *«в царево место на Москве»*, поднялся вместе со сходными по положению Языковыми, Лихачевыми и Апраксиными до положения «ближних царских предстателей», «комнатных людей» — тех, что 27 апреля 1682 г. способствовали патриарху Иоакиму и Нарышкиным в возведении на престол юного Петра вместо совершеннолетнего Ивана Алексеевича [Богданов 2018, с. 114, 238–243, 374–380], а затем, потеряв вместе с почившим царем влияние, были отброшены от власти Нарышкиными. Впрочем, Василий Яковлевич до этого не дожил,

он постригся в монахи (1679) и скончался прежде роковых событий (1680) [Руммель, Голубцов, с. 226, 228].

Главой рода остался его старший брат, стольник Андрей Яковлевич Дашков (ум. 8 мая 1700[9]). Именно он 10 марта 1686 г. подал в Разрядный приказ «поколенную роспись роду думного дворянина Андрея Яковлевича Дашкова, за руками (т. е. с подписями. — *А. Б.*) Дашковых» для включения фамилии в Родословную книгу [Родословные росписи 1996, с. 145; 2021, с. 160–164]. Роспись в первой ее части, с поколенным списком Дашковых для отличения их от однофамильцев[10], помещена в Летописец с указанием, кому подана в Разряде и за чей приписью там принята[11]. Вторая, наиболее содержательная ее часть, рассказывает о службах Дашковых на основании документов, ссылки на которые говорят нам о содержании фамильного архива, где многие документы были в 1686 г. в наличии (они упоминались и частично прилагались к росписи), а часть, согласно указанию А. Я. Дашкова, была утрачена, но память об этих документально не подтвержденных службах в роду сохранялась.

С записи о приезде в Троицу А. Я. Дашкова с сыном начинается летописная статья о сборе дворянского ополчения против стрельцов в 1682 г. (Эрм. 567. Л. 156 об.). Показательна обширная статья о событиях 1683 г. Она начинается описанием очевидцем «знамения» 15 января с рисунком небесного явления, продолжается выписками из разрядов об организации комиссии «для расправных дел»[12], посылке воевод в Закамье для подавления калмыцкого восстания, в Астрахань и Киев, назначении судей в Разбойный приказ и о послах «на съезд с литовскими комиссары». Записи о назначении воевод на ответственные участки, о посылке полков против бунтовщиков и послов на переговоры о Вечном мире с Речью Посполитой раскрывают важнейшие мероприятия правительства царевны Софьи Алексеевны. А вот списки нового правительства для решения текущих дел и судей не самого важного Разбойного приказа включены потому, что в их состав входил Андрей Яковлевич Дашков, о пожаловании которого в думные дворяне сделана особая запись, предшествующая всем остальным (Эрм. 567. Л. 157–157 об.). И в росписях воевод I и II Крымского походов (1687, 1689) указываются должности и места

[9] Н. В. Белов установил, что Андрей Яковлевич отмечен в Боярском списке 7208 (1699/1700) г. с пометой: «маия в 8 день умре», — РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 43. Л. 357.

[10] «А которые иные называютца нашим прозваньем Дашковыми, и нам до них дела нет». — ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 43. Список 1680-х гг.

[11] Эрм. 567. Л. 158 об.–160.

[12] Расправная палата — постоянно действующее правительство России, решавшее массу вопросов, не требующих компетенции царя и всей Боярской думы, — было создано царем Федором Алексеевичем 18 октября 1680 г. вместо временных боярских комиссий «в царево место» и действовало при его сестре Софье [Богданов 2018, с. 113–116].

службы родственников Андрея Яковлевича, прежде всего его старшего сына. Посмотрим, как продуманно это сделано.

В сведениях о походе 1687 г. перечислен командный состав Большого полка, от канцлера («царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя») и генералиссимуса («дворового воеводы») В. В. Голицына, его товарищей-воевод и дьяков до посылочных воевод. Затем сказано о составе полка кратко: «А с ними стольники, и стряпчие, и дворяне московские. И жильцы, и генерал думной Агей Алексеевич Шеперев, и ины генералы и полковники рейтарские, и салдатцкие, и стрелетцкие, и иные чины, и из городов дворяне и дети боярские». Помещение выдающегося полководца, члена Боярской думы А. А. Шепелева после жильцов, *последнего* чина московского дворянского списка, отстоящего от думного генерала, писавшегося в конце списка думных дворян, на несколько степеней (стольников, стряпчих и дворян московских), говорит об отношении автора Летописца к регулярной армии, составлявшей после реформы царя Федора Алексеевича (1679) более трех четвертей русского войска [Богданов 2018, с. 204]. Не поверстанные в строевую службу московские дворяне всех чинов составляли в нем лишь 10 % (с боевыми холопами — 17,7 %). Но и их В. В. Голицын при отмене местничества 12 января 1682 г. поверстал в роты, как в армии, разве что не свел роты в постоянные полки [Богданов 2018, с. 275–278]. На эту перемену «в московских чинах» и обращает внимание автор Летописца, сообщая: «А указали великие государи (Иван и Петр Алексеевичи. — *А. Б.*) быти ротам в московских чинех, у всякой роты свой ротмистр, да порутчик, да хорунжей. В Большем полку стольничих 19 рот. У второйнадесять роты у стольников ротмистр Иван Андреев сын Большой Дашков[13], порутчик Иван Васильев сын Меньшей Дашков, хорунжей Поликарп Иванов сын Дашков. Иван Меньшей Андреев сын написан в завоеводчиках. Борис да (пропуск в тексте[14]) Яковлевы дети Дашковы в Большем же полку у боярина князя Василия Васильевича (Голицына. — *А. Б.*) в ясаулех» (Эрм. 567. Л. 161 об.–162). Вставив всех родичей, автор Летописца как ни в чем не бывало продолжил поименные списки воевод больших полков по их старшинству: Новгородского, Рязанского, Астраханского и Севского, — хотя с Севским полком в этой армии по боевой мощи был сравним только Новгородский. Последним записан запорожский гетман с его «черкасами», как именовали тогда малороссийских казаков. Та же схема, только без объяснения новых чинов, использована

[13] Все три сына Андрея Яковлевича Дашкова звались Иванами с прозвищами Большой, Средний и Меньшой, все стали стольниками, но выше не продвинулись.

[14] Пропуск и в оригинале: Поп. 10. Л. 165 об.

в описании похода 1689 г., где сразу после имен посылочных воевод Большого полка указано: «У стольников ротмистры, князь Фёдор княж Приимков-Ростовский[15] и иные, Иван Андреев сын Большой Дашков и иные ротмистры» (Эрм. 567. Л. 164 об.).

Летописец не ограничился записями, похвальными для рода Дашковых, но стремился максимально подчеркнуть их вклад в службу Отечеству. Последовательно описывая события русской истории на основе фамильной Разрядной книги, семейных документов и личных впечатлений, он при всякой возможности отмечал участие своих родичей. Круг интересов автора довольно широк. В его Летописце нашли отражение воеводские, посольские и приказные службы московского дворянства, местнические казусы, события в жизни царской семьи и перемены церковных властей на фоне главнейших событий политической истории: войн, дипломатических отношений, народных восстаний, перемен в законодательстве и т. п. Текст заметно оживляется с конца царствования Федора Алексеевича: в нем преобладают летописные известия, записанные современником событий (Эрм 567. Л. 156–164 об.). Среди них запись о приезде и встрече в Москве царя Арчила, статья о заключении Вечного мира 1686 г., образец нового царского титула, включающего имя царевны Софьи, и др.

Иными словами, Летописец явно авторский. Но был Андрей Яковлевич Дашков автором или заказчиком, интересы которого отразил другой составитель, например его старший сын Иван или иной родственник? В семьях того времени бывали разные случаи: например, известный книжник дьяк Порфирий Трофимович Семенников купил отличный список Хронографа, будучи слепым уже 8 лет[16]. Как он его читал, подсказывает владельческая запись его племянника, читавшего вслух дяде[17]. В нашем Летописце записи за 1680-е гг. делались последовательно, время от времени, что позволяет назвать их «повременными». Таких записей за вторую половину XVII в. найдено столько, что мы сочли необходимым выделить их в отдельную группу летописных произведений [Богданов 1989]. Почти все они писались одним человеком, за исключением Хронологических записей двух площадных подьячих Шантуровых[18], писавших один после другого, и работы трех товарищей

[15] В писарской копии Эрм. 567 ошибочно: «Росподский», испр. по Поп. 10. Л. 168.

[16] О времени его слепоты говорится в стихотворной эпитафии придворного поэта Кариона Истомина 1695 г. Опубл.: [Богданов 2019, с. 309–311].

[17] РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 723. 2°. 550 л. Л. 22–66.

[18] РГБ. Ф. 29 (собр. И. Д. Беляева). № 59 (далее — Бел. 59). Л. 1–2 об., 3 об., 38, 74. Публ. отрывка на л. 1–2: [Тихомиров 1956, с. 444, 456–457]; полный текст: [Богданов 2020b].

Троицкого келаря Симона Азарьина, которые, один за другим, продолжали его список «Летописца выбором» с 1653 до 1661 г.[19]

В 1983 г., опираясь на изучение Эрм. 567, мы приписали авторство Летописца и составление всего сборника Андрею Яковлевичу Дашкову, вначале стольнику, а затем думному дворянину. Он не только был во время написания Летописца главой семьи, но единственный из живых родственников привык много читать и писать. К этому его и почившего к началу завершающей работы над Летописцем старшего брата Василия побуждал пример отца, московского дворянина Якова Авксентьевича (ум. не ранее 1642), который немало потрудился на административных постах. Сыновья его пошли дальше: были пожалованы в стольники, а Василий и Андрей стали думными дворянами. Андрей Яковлевич, стольник с 1635 г., работал на валовом деле в Цареве-Алексееве (1647–1648), служил воеводой в Свияжске (1653–1654), Чернигове (1658), Астрахани (1660–1663) и Тамбове (1667). Как дипломат он занимался калмыцкими делами (1662, 1666–1667). В центральном госаппарате он был судьей в приказах: Денежного сбора (1658–1659), Владимирском Судном (1659–1660), Холопьем (1677–1678), Каменного дела (1679–1680), Разбойном (1683–1684) и Сыскных дел (1684–1686) [Руммель, Голубцов, с. 225–226, 228; Барсуков, с. 470; Богоявленский 2006, с. 234; Родословные росписи 2021, с. 160–164].

Жалуя Андрея Яковлевича в думные дворяне (1683) и направляя на борьбу с умножившимися после всеобщих волнений 1682 г. разбойниками и разбежавшимися крестьянами, царевна Софья Алексеевна, по своему обыкновению, опиралась на администратора проверенных деловых качеств. Сыновья его и племянники, пожалованные в стольники, получили от царевны и В. В. Голицына неплохие для их рода командные должности, но особых талантов на службе не проявили.

Конечно, все дворяне московского списка, особенно служившие во дворце стольники, были грамотными. Однако грамотность и книжность — способности разные. Изучая дворянское летописание второй половины XVII в., мы убедились, что практически все авторы в Москве и уездных городах отличались в административной деятельности, то есть по долгу службы привыкли много читать и писать [Богданов 2003, с. 28–53]. Склонность к жанру летописания и зарождающейся на его основе мемуаристике, вроде Записок Желябужского [Языков; Россия при царевне Софье, с. 201–327], требовала начитанности.

[19] РГБ. Ф. 173.I (собр. МДА). № 201 (далее — МДА 201). 4°, 384 нум. л. Л. 294–301. Публ.: [Богданов 2022а].

Ни фамильного архива, о наличии и богатстве которого свидетельствует родословная роспись [Родословные росписи 2021, с. 160–164], ни библиотеки А. Я. Дашкова не сохранилось. В научной литературе XIX в. и картотеке Н. К. Никольского в БАН отмечено три принадлежавших ему кодекса: довольно много для простого дворянина XVII в. Стольнику А. Я. Дашкову принадлежала сохранившаяся «История царства Казанскаго»[20], думному дворянину (с января 1683) — «Театрон, или Всеобщая география Ботера» (кодекс сгорел в московском пожаре 1812 г.) и Летопись от взятия царства Сибирского 7092 (1584) г. до рождения царевны Анны Михайловны 7138 (1630) г. (т. е. Новый летописец, принадлежал Рязанской ученой архивной комиссии) [Белоброва, Богданов, с. 253]. Выписки из нередкого в рукописной книжности XVII в. перевода «Театрума света» Яна Ботера мы видим и в кодексе с Летописцем Дашкова (в нашем описании пункт 10). Наконец, Дашкову принадлежала известная в литературе частная Разрядная книга [Разрядные записи, с. IV–V; Буганов 1962, с. 53; Анхимюк, с. 300–301], которая, как предположил Н. В. Белов, и была использована при создании Летописца[21]. Если так, то дополнялась она в Летописце по фамильным материалам, которые Андрей Яковлевич собирал и на основе которых составил в 1686 г. чрезвычайно содержательную родословную роспись с перечислением служб Дашковых, ссылками на имеющиеся и утраченные документы[22].

Черновой оригинал Летописца

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза, что Летописец был создан стольником, а затем думным дворянином А. Я. Дашковым в 1680–1689 гг. и вся рукопись Эрм. 567 была собрана им, выглядит вполне обоснованной. Тем более что оригиналом ее явно был черновик, в котором переписчик смог разобрать не все. Большинство дворянских исторических сочинений периода царствования Петра I, включая даже «Гисторию» князя Б. И. Куракина [Богданов 2008b, с. 243–332], сохранилось в черновых оригиналах или в подобных единственных списках. Эта гипотеза замечательна тем, что полностью, до мелочей, подтверждается при обращении к рукописи Поп. 10, атрибутированной Н. В. Беловым как черновик Летописца А. Я. Дашкова и оригинал, с которого в XVIII в. был списан кодекс Эрм. 567.

Начало работы над кодексом Поп. 10 было положено стольником А. Я. Дашковым до его производства в думные дворяне в 1683 г. Об этом

[20] Это известный в науке исторический кодекс с «Повестью о Мамаевом побоище» и др. сочинениями: РНБ. Q.IV.374.

[21] РГАДА. Ф. 201 (собр. М. А. Оболенского). № 86 (далее — Обол. 86).

[22] ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 43. Опубл.: [Родословные росписи 2021, с. 160–164].

говорит владельческая запись по полям л. 5–66: «Книги стольника Андрея Яковлевича» (имя и отчество зачеркнуты). Далее, на л. 285 об.: «Книга Якова Ивановича Дашкова» (зачеркнуто), — это старший сын Ивана Андреевича Большого Дашкова, внук Андрея Яковлевича (ум. 1766). Наконец, по л. 74–78, 285 об.: «Книга Хронограф Прасковьи Яковлевой дочери Дашкова», — это дочь Ивана Андреевича Большого Дашкова, внучка Андрея Яковлевича (1726–1782).

Точнее на время создания первоначальной рукописи указывает печатная заставка к помещенным в рукописи при ее создании Космографии (из 76 глав, л. 169–226) и Географии Яна Ботера (л. 227–275), которые были обычным дополнением к Хронографу этой редакции (они опубликованы по другим спискам [Попов 1869, с. 459–541]). Эта красивая рамка-заставка с раскраской золотом (л. 169, см. *цв. вкл., ил. 1*) могла появиться лишь после начала работы Верхней типографии, печатавшей с медных матриц, т. е. с декабря 1679-го, а реально — с 1680 г. До 1680 г. доходят в черновике и первоначальные летописные записи. Верхняя граница создания первоначальной рукописи — 26 января 1683 г., когда А. Я. Дашков, подписавшийся на ней стольником, был пожалован в думные дворяне. Последующая его работа над Летописцем до 1689 г. представляет собой целую серию дополнений и продолжений текста.

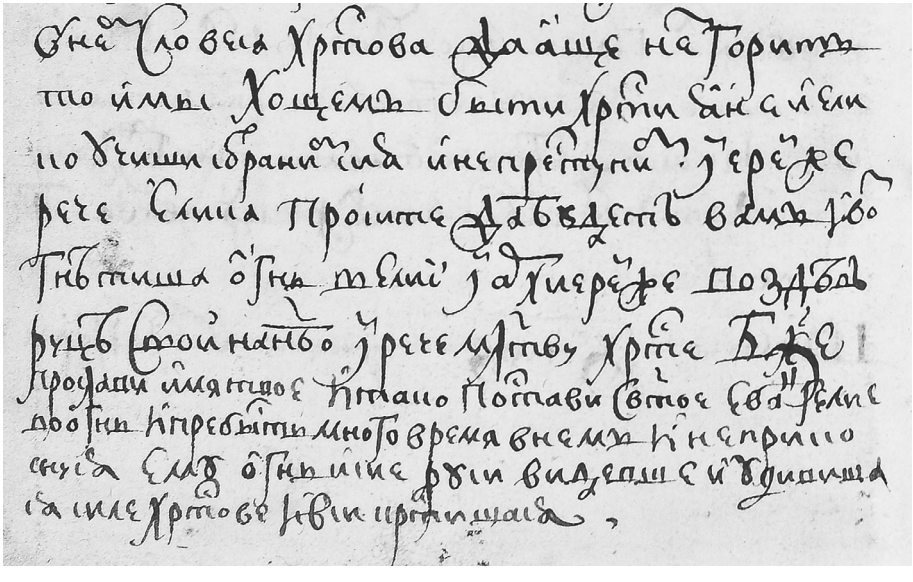

Рис. 1. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 53 об.
Переход П-1 в вариант П-2, показывающий, что писал один человек

Черновой оригинал Летописца А. Я. Дашкова написан двумя скорописными почерками, которые можно рассматривать и как варианты одного почерка (что видно на л. 53 об., см. *рис. 1*). Первый из них (П-1), хорошо разработанный книжный, сходен со значительно более небрежным вторым (П-2) в многочисленных припи сках. И все же их можно различить, сделав предположение, что они принадлежали братьям, думному дворянину Василию Яковлевичу Дашкову, который постригся в 1679 г. и скончался в иночестве в 1680 г. (последняя дата, записанная П-1), и Андрею Яковлевичу, который основательно дополнил предшествующий текст, завершил сочинение и весь авторский сборник. Убедительно доказать это предположение трудно, тем более что, как увидим, П-1 местами переходит в вариант, весьма близкий П-2. Сомнение в принадлежности П-1 В. Я. Дашкову вызывает и тот факт, что записанный П-1 перевод из Географии Яна Ботера был сделан, если верить его полному списку, для митрополита Адриана (будущего патриарха) в 1681 г., т. е. после кончины Василия Яковлевича (Рум. 20). А главное — в непременном разделении братьев, чрезвычайно схожих по их службам, нет особой нужды. Для нас важно только, что П-2 точно принадлежал Андрею Яковлевичу, как видно из его хорошо различимой и сейчас подписи «Яковлевича» на л. 66 (см. *рис. 2*).

Рис. 2. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 66. Владельческая запись А. Я. Дашкова. Автограф

Порядок статей в начале кодекса Поп. 10 несколько иной, чем в поздней писарской копии. Открывающая Эрм. 567 заметка об опресноках (в нашем описании пункт 1) написана в оригинале Поп. 10 коричневыми чернилами П-2 на л. 1 старой чернильной, арабскими цифрами нумерации (л. 1 об. чист), но перед ней помещены пять ненумерованных листов с поздней карандашной нумерацией архивиста. На них вначале П-1 дан титул царя Федора Алексеевича (л. III) (по Эрм. 567 это третья статья), а на обороте листа и далее П-2 дописаны последовательно статья 1589 г. об учинении в России патриаршего престола (л. III об., в Эрм. 567 — четвертая) и летописная заметка о посылке Иваном IV воевод в Стародуб и Мстиславль. (л. IV–V об.), которая в Эрм. 567 идет второй. Начальная ее часть, впрочем, повторена более аккуратным

вариантом П-2 на л. 2 (л. 2 об. чист). Статья о 12 митрополиях и 5 архиепископиях по реформе 1681 г., идущая в Эрм. 567 в конце (11), небрежно вписана П-2 на л. 4, который, судя по грубой арабской нумерации внизу

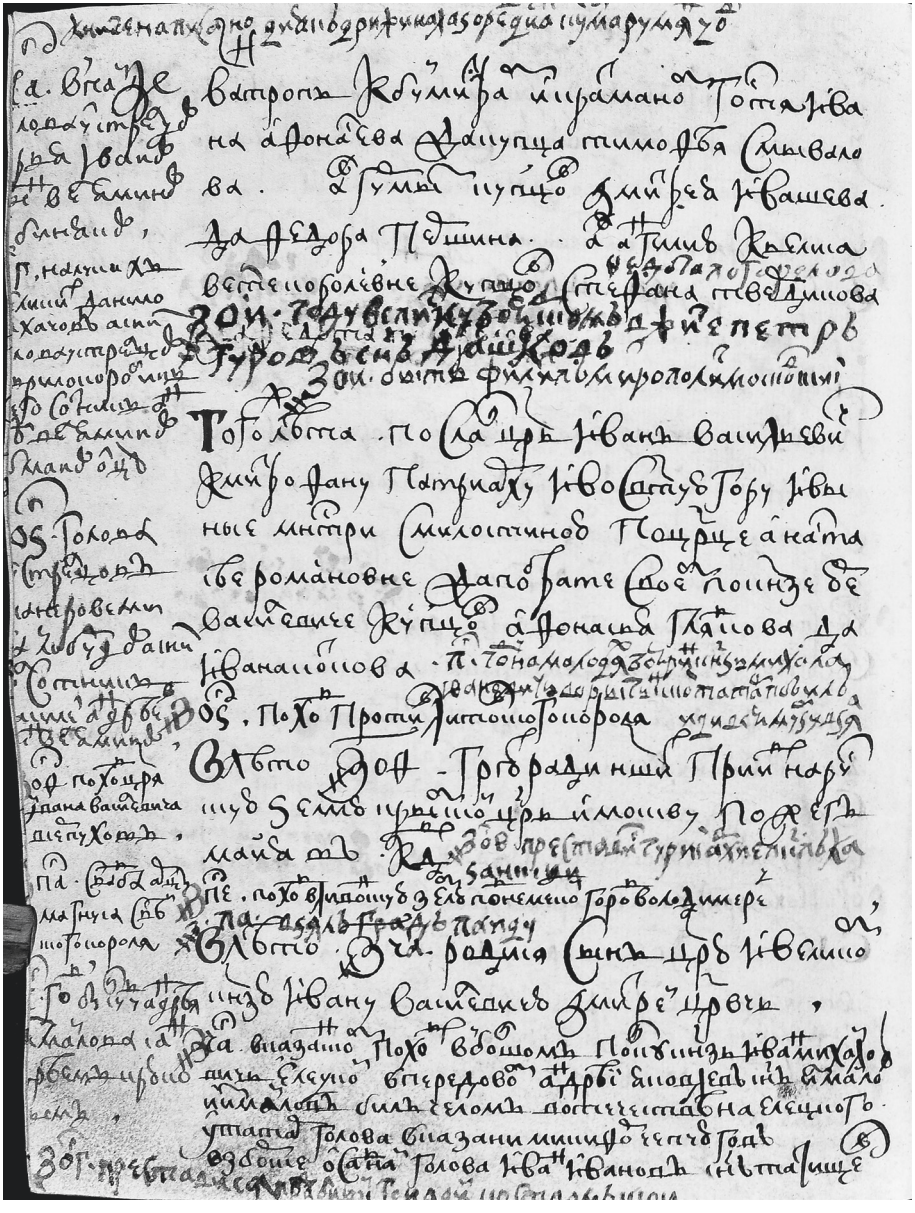

Рис. 3. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 101 об. Вставки П-2 в текст, написанный П-1, при переходе от текста Хронографа к выпискам из Разрядной книги

страницы, был в кодексе Попова вторым. Оборот л. 4 тоже чист, а на л. 5 начинается аккуратнейшим почерком П-1 Хронограф (7) с Оглавления (a), которое показывает наличие у составителя рукописи полного текста Хронографа Русского II редакции на 169 глав (л. 519). Оно точно соответствует копии Эрм. 567, но в оригинале Поп. 10 мы видим, что добавочная, 170-я глава о царствовании Алексея Михайловича дописана в Оглавление позже, вторым почерком, т. е. самим А. Я. Дашковым (л. 19 по арабской нумерации вверху страниц и л. 17 по более старой нумерации внизу). Статья «Под солнцем закон дан» (7 b) помещена на л. 19 об., основной текст идет с л. 21 (в Эрм. 567 это раздел 7 c).

Возможно, Дашков собирался переписать первую часть Хронографа (по всеобщей истории) полнее: ее текст кончился в кодексе Поп. 10 на л. 68 вверху страницы (после чего была сделана небольшая приписка), а следующий л. 68 об. остался чист. Следующих пяти листов недостает: русская часть, со сказания «О преложении книг с греческого языка на словенский», идет начиная с л. 74. Уже здесь, в сокращении Хронографа Русского II редакции, мы видим усиленную работу по дополнению текста будущего оригинального Летописца многочисленными слоями вставок, сделанных и почти сразу после написания рукописи П-1 тем же пером, и не раз позже, другим вариантом почерка (П-2), разными перьями и чернилами (например, на л. 83, см. *рис. 4*). Глава 161, по которой мы выявили в Эрм. 567 постепенный переход текста Хронографа в Разрядную книгу (Поп. 10. Л. 97–99), действительно переполнена многослойными разрядными приписками (см. *рис. 4*).

По мысли Н. В. Белова, можем проверить, какие именно статьи частной Разрядной книги А. Я. Дашков вставлял в Хронограф и как далее он неоднократно дополнял частную Разрядную книгу, обратившись к ней самой (Обол. 86). Книга эта в списке, принадлежавшем Дашкову, была впервые упомянута С. А. Белокуровым [Разрядные записи, с. IV–V], затем описана [Буганов 1962, с. 53; Анхимюк, с. 300–301], но не подверглась углубленному исследованию специалистов по разрядным книгам — источнику не только ценному, но весьма сложному и своеобразному. Нам важно сравнение ее текста с Летописцем А. Я. Дашкова для конкретного выяснения, какие статьи взяты автором из Хронографа Русского, какие — из частной Разрядной книги, а какие добавлены на основе других, в основном фамильных источников. Эти добавления при сличении текстов Хронографа, Разрядной книги и Летописца тем легче выявить, что в черновом автографе они, по нашему предположению, вносились в виде вставок между статьями первоначального (основанного на Хронографе и Разрядной книге) текста и на полях, разными вариантами почерка, в несколько подходов. Следует восхититься переписчиком кодекса

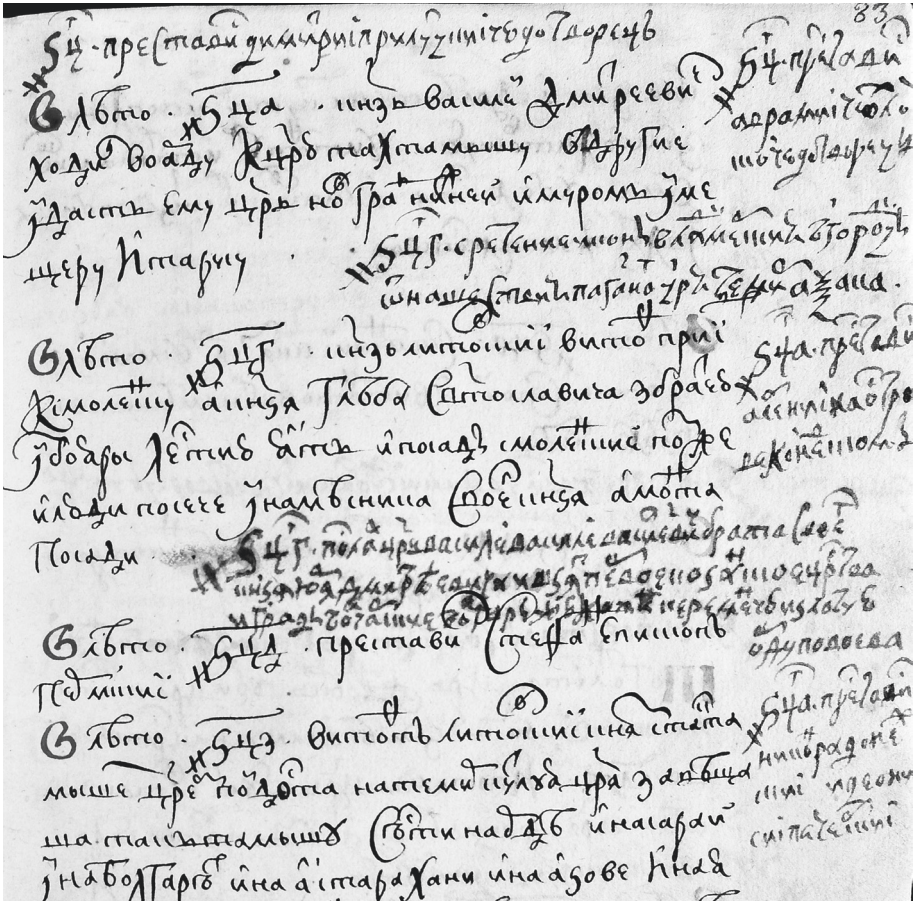

Рис. 4. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 83.
Многослойные вставки П-1 и П-2 в Хронограф

для Эрмитажной библиотеки, который эти вставки разобрал и поместил на верные места!

Текст Летописца, который мы определили по Эрм. 567 (8) как созданный Дашковым на основе частной Разрядной книги (Поп. 10, начиная с л. 99 об.), в оригинале выглядит весьма пестрым. В его основе лежит вначале тот же Хронограф, еще до переписки П-1 дополненный разрядными записями, а затем многократно дополненный вставками П-1 и П-2. При этом составитель, писавший первым вариантом почерка, чем дальше, тем больше оставлял на листах свободных мест для последующих дополнений. Последняя такая запись чистовым почерком обозначила киноварью 7189 (1680) г. (л. 153; см. *рис. 5*), до которого, как мы и предполагали при изучении Эрм. 567, перво-

начально был доведен Летописец. Статья под этим годом, как и под рядом предыдущих, написана уже П-2 — А. Я. Дашковым, — но после некоторого перерыва. Далее текст Андрея Яковлевича П-2 был написан в виде повременных, вносившихся время от времени записей до венчания на царство Ивана и Петра 25 июня 1682 г. (л. 157). После этого оставлены три чистых страницы (л. 157 об.–158 об.), видимо, для описания смятений в Москве, и текст продолжен известием о приезде Дашковых вместе с иными дворянами в ополчение против восставших стрельцов в Троицу (л. 159). Завершаются повременные летописные записи П-2 на л. 168 об. статьей о Втором Крымском походе, как и передано в Эрм. 567.

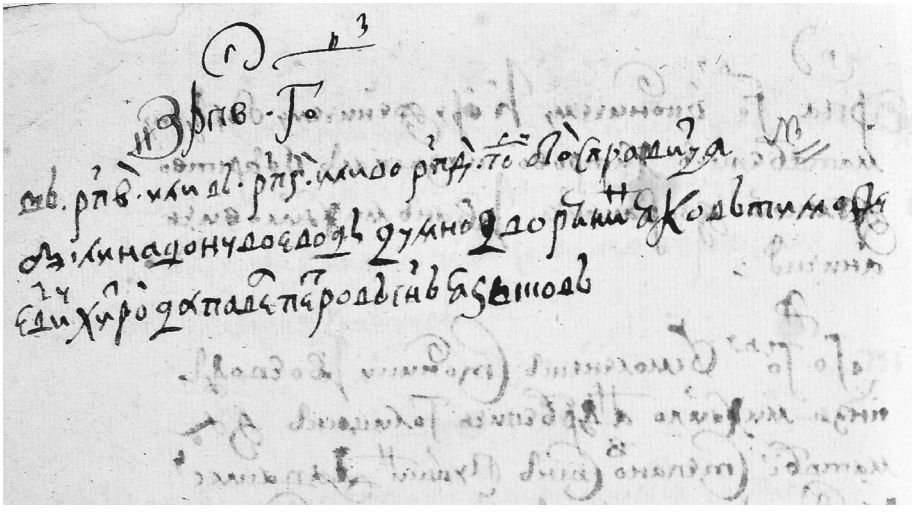

Рис. 5. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 146 об.
Заполнение П-2 годовых статей, намеченных П-1

После множества пустых ненумерованных страниц, предназначенных А. Я. Дашковым для продолжения своего Летописца, следуют переписанные П-1 выписки из Космографии (в Эрм. 567 — часть 9), л. 169–175. Затем снова список 12 митрополитов и 5 архиепископов П-2 (л. 276, ср. Эрм. 567, часть 11), несколько географических выписок П-1 из Ветхого Завета («Рахмании от земли июдейския...» и т. д., л. 247–249 об., ср. Эрм. 567, часть 12), летописные выписки П-2 о взятии Астрахани при Иване IV (л. 280–282 об., ср. Эрм. 567, часть 13). Завершает Поп. 10 отсутствующая в Эрм. 567 выписка П-2 из указных статей о действиях дворянских сотен по сигналу набата и труб в государеве походе на поляков, надо полагать, в 1654 г. (л. 284–284 об.).

Как видим, черновой оригинал Летописца Дашкова, хранившийся в XVIII в. в его семье, дает замечательную возможность восстановления хода авторской работы над оригинальным дворянским летописным сочинением. Кодекс Попова сохранился почти идеально для черновика, хотя и не полностью: утрачены лишь две статьи конвоя Летописца, бывших в рукописи при ее переписке для Эрмитажного собрания (5, 6). Они восстанавливаются по списку Эрм. 567, который, на наш взгляд, дает более верный порядок статей в первоначальном кодексе. Переписчик для Эрмитажного собрания совершил настоящий подвиг, разобрав и расставив по местам бóльшую часть авторских вставок в Летописец. Однако именно его оригинал позволяет раскрыть работу Дашкова во всех деталях.

Сам по себе авторский черновик не уникален для летописания XVI–XVII вв. В черновом оригинале, с пометами и исправлениями Ивана Грозного, дошел до нас уже ряд томов Лицевого свода в XVI в. [Амосов], полный состав и бытование которых установили мы с А. М. Пентковским [Богданов, Пентковский 1983; 1984; 1985]. В XVII в. сохранились в черновом автографе Записки Аверкия — дьячка Благовещенского погоста на р. Ваге, писавшего с 1661 по 1691 г.[23] Автограф Поденных записей очевидца Московского восстания 1682 г. охватывает период с 27 апреля по 5 июня[24]. Хронологические записи семейства московских подьячих Шантуровых с 1684 до 1696 г. тоже сохранились в автографе[25], как и оригиналы фундаментальных летописных сводов 1680-х гг.: Новгородской Забелинской летописи, написанной в 1681–1682 гг.[26] и Свода архимандрита, затем митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), составлявшегося в Спасо-Ярославском монастыре, Москве и Тобольске с 1683 по 1698 г.[27] Ярким примером продолжающегося авторского произведения является Спасо-Прилуцкая летопись[28]. Ее автограф свидетельствует, что группа составителей, распределяя работу по тетрадкам, переписала, а затем дополнила сводную часть общерусской летописи с 862 по 1679 г., после чего человек, участвовавший в переписке, дополнении и редактировании сводной части, продолжал летопись повременными записями с 1680 по 1700 г., строго выдерживая традиционную форму, в Спасо-Прилуцком монастыре, а позже на архиерейском дворе в Вологде. Автограф Краткого ростовского летописца был продолжен сначала до царствования Федора

[23] ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 2014. Л. 13–21 об. Публ.: [Тихомиров 1939].

[24] РГБ. Ф. 29 (собр. И. Д. Беляева). № 57. Л. 239–243. Публ.: [Богданов 1979].

[25] Бел. 59. Л. 1–2 об., 3 об., 38, 74. Публ.: [Богданов 2020b].

[26] ГИМ. Собр. И. Е. Забелина. № 261. 2º. 755 л. О рукописи: [Азбелев, с. 202–207].

[27] ГИМ. Собр. И. Е. Забелина. № 263. 4º. 444 л. О соч.: [Богданов 2020a, с. 210–213].

[28] ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 591. О соч.: [Казакова, с. 73–85].

Алексеевича (вскоре после 1676 г.), а затем, не ранее 1683 г., — до Московского восстания 1682 г.[29] Оригинальными летописными записями за вторую половину 1650-х гг. единомышленники Троицкого келаря Симона Азарьина продолжили его список «Летописца выбором»[30].

Черновой оригинал Летописца Андрея Яковлевича Дашкова, который он начал в 1680 г. стольником, а завершил в 1689 г. думным дворянином, значительно дополняет эти памятники. При вдумчивом издании он может детально раскрыть процесс исторических размышлений московского служилого человека «переходного времени» от реформ царя Федора Алексеевича к эпохе Петра I.

Полное издание чернового текста с определением всех его источников — дело долгое и кропотливое. Поэтому сейчас мы предлагаем читателю совершенно оригинальное завершение Летописца Дашкова статьями за период регентства Софьи Алексеевны (1682–1689). Но прежде чем читать этот захватывающий авторский текст, задумаемся, что толкнуло немолодого (в 1680 г. ему исполнилось 60 лет[31]), наученного жизненным опытом воеводу и судью начать собственный Летописец, основываясь вначале на Хронографе и Разрядной книге.

Надо сказать, что переделка Хронографа Русского в XVII в. неизменно была связана с потрясениями. II и III его редакции были порождены страшными событиями Смуты, особые редакции Пахомия Астраханского [Савинов] и Арсения Суханова[32] в середине столетия — народными восстаниями и Расколом, а радикальная переделка структуры и продолжение до 1682, 1686 и 1690 гг. патриаршими книжниками [Богданов, Белов] — катастрофой Московского восстания и бунта староверов 1682 г., когда «изменники-бояре и думные люди» полетели на копья, сам патриарх Иоаким едва не погиб, а победители, московские стрельцы и солдаты выборных полков, поставили памятник своего торжества на Красной площади [Богданов 2019, с. 119–145] и вознамерились сами «государством управлять», хотели «правительство стяжать» [Буганов 1969, с. 87–245]. Но Андрей Яковлевич начал создавать Летописец за два года до этих грозных событий и, замахнувшись на общерусский масштаб, писал все-таки Летописец фамильный, даже внутрисемейный.

Сколько могло занять времени доведение рассказа от начала до 1680 г.? Пахомий написал более крупный и не менее оригинальный Хронограф ровно

---

[29] РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1564. Л. 114–121 об. Публ.: [Богданов 1981].

[30] МДА 201. 4°. 384 нум. л. Л. 294–301. Публ.: [Богданов 2022а].

[31] Стольником в 1635 г. А. Я. Дашков должен был стать в 15 лет. С малолетства, и в более высокую категорию *комнатных* стольников царевичей, записывались лишь дети аристократов.

[32] РГАДА. Ф. 181 (собр. МГАМИД). № 659/1171. 2°. 360 л.; РНБ. F.XVII.17. 2°. 473 л.

за год[33], хотя занятость архиепископа Астраханского и Терского была не меньшей, чем у единственного судьи приказа Каменных дел. Увы, сменил он на этом посту весной 1679 г. брата, думного дворянина Василия Яковлевича, который руководил приказом Каменных дел с самого начала царствования Федора Алексеевича, но внезапно покинул свой пост, принял постриг и скончался. В октябре 1680 г. Андрей Яковлевич был судьей вместо Василия, хотя вскоре и он оказался не при делах [Богоявленский 2006, с. 89]. Получается, что он начал писать именно после пострига и смерти любимого брата, оставаясь еще на посту судьи. Этот порыв к запечатлению истории, вызванный вначале личным горем, уже не затухал до завершения автором Летописца — и оригинальными повременными записями, и бесконечной правкой, вносимой П-2 в предшествующий текст.

Впрочем, на покое новоявленный летописец Дашков прожил недолго, года полтора. Оказавшись не у дел, он благополучно пропустил и заговор своих товарищей, комнатных «ближних предстателей» царя Федора Алексеевича, приведший 27 апреля 1682 г. на престол юного Петра Алексеевича, и их моментальное падение при Нарышкиных и канцлере А. С. Матвееве[34]. Страхование Московского восстания в мае, торжество венчания новых государей в июне 1682 г. и приезд с сыном в ополчение в Троицу вернули Дашкова к государственным делам. Чином думного дворянина, который он не смог стяжать после смерти брата у царя Федора Алексеевича, удостоила его, помимо земельных пожалований, 26 января 1683 г. противница Нарышкиных, родственников царя Петра, царевна София Алексеевна. А 26 октября 1683 г. он стал товарищем боярина П. В. Шереметева в Разбойном приказе, который в 1684 г. стал Сыскным, где верный администратор царевны проработал еще год [Богоявленский 2006, с. 145, 187]. В 1687 и 1689 гг. его сыновья и родичи получили отличные места в дворянских ротах армии В. В. Голицына, состоявших при самом главнокомандующем; да и сам он, говорят, был вновь пожалован землями. Это означало конец карьеры администратора после свержения правительства Софьи и Голицына в сентябре 1689 г. И хотя прожил Андрей Яковлевич до 80 лет, скончавшись в 1700 г. [Богословский, с. 249,

[33] Так сказано в письме архиепископа Пахомия к иеромонаху Мисаилу, которое открывает текст в большинстве списков владычного Хронографа [Попов 1869, с. 236–237].

[34] Нельзя сказать, что Дашковых совсем не коснулась опала комнатных людей царя Федора Алексеевича у Нарышкиных. По Разрядной Записной книге 27 апреля — 25 мая 1682 г., ближний стольник Иван Средний Васильевич Дашков, племянник Андрея Яковлевича, сын его младшего брата, 1 мая 1681 г. угодил в компанию прежних выдающихся царедворцев, Языковых и Лихачевых, которым запрещено было даже являться во дворец и видеть нового царя Петра Алексеевича [Восстание, с. 14].

примеч. 1], желания продолжать Летописец в правление Наталии Кирилловны Нарышкиной и молодого Петра I у него не возникало[35]. В 1689 г. «история прекратила течение свое».

* * *

В публикации оригинальнейшей, писавшейся по горячим следам событий части Летописца Дашкова вышедшие из употребления буквы и славянские цифры заменены современными, твердый знак в конце слов снят. Сохранено авторское деление текста на предложения, абзацы и нумерованные пункты. Пунктуация, в конце XVII в. еще плохо разработанная, дана по современным правилам. Комментарии поясняют последовательность работы автора и помогают понять ход его размышлений. Мы сознательно отказались от издания «голого» текста, обычного для публикации русских исторических памятников, в пользу пояснения понятий, событий и имен, принятого при издании античных сочинений уже в XVI—XVII вв. Традиция отказа от содержательных комментариев была ложной уже при ее складывании в XIX в., когда выпускники гимназий и университетов знали античную историю лучше российской. Сегодня она делает вполне понятный, яркий по языку текст русских сочинений нечитабельным из-за отсутствия понимания событий, мысли автора и сопереживания ему.

[35] Не было выполнено и обещание собора «великих ратных и земских дел» 1681–1682 гг. закрепить славу всех дворянских родов в родословных книгах [Богданов 2018, с. 605–606]. Палата родословных дел ограничилась созданием в 1687 г. Бархатной книги аристократии [Родословная книга].

ИЗ ЛЕТОПИСЦА ДАШКОВА
повременные записи 1682–1689 гг.

РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. С. 156–168 об.

л. 156 (7)190 (1682) году генваря в 12 день великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержец, советовав со отцом своим и богомольцам[36] святейшим Иоакимом, патриархом Московским и всеа Русии, и думав с митрополиты, и с архиепископы, и бояры, и с окольничеми, и с думными людьми[37], указал отеческие места отставить, и быть всем без мест, и книги розрядные зжечь. И того ж числа в Передних сенех[38] власти, митрополиты и архиепископы, книги розрядные сожгли, а быть аднем родословным книгам. А у которых людей есть розрядные книги, и они б снесли в Розряд. И сей указ указал великий государь записать, и записан, и великий государь и святейший Иоаким патриарх закрепили сво-
л. 156 об. ими руками, а власти, // митрополиты и архиепископы, и бояре, и окольничие, и думные люди руки приложили к той записке[39]. Февраля в 15 день в среду[40]

---

[36] Так в тексте.

[37] В Летописце часто упоминаются чины служилых людей по отечеству, т. е. по наследству, которые все вместе известны нам под названием «дворянство». Дворяне того времени делились на чины думные, московские и городовые. К думным чинам, действительно заседавшим с царем в Боярской думе, относились, по степени знатности чина: бояре (среди них первый — конюший боярин, за ним шли ближние бояре, под ними в ежегодных боярских списках писались просто бояре), окольничие, думные дворяне, в конце списка которых при царе Федоре Алексеевиче (1676–1682) писались думные генералы, наконец, виднейшие администраторы — думные дьяки, которых указом того же государя велено было уважительно писать с «вичем», с полным отчеством. Московские чины начинались со стольников, среди которых первыми были лично приближенные к царю ближние стольники: постельничие, чашник, кравчие, спальники, — их набирали обычно из представителей 17 аристократических родов, имевших исключительное право пожалования из стольников прямо в бояре (упоминаемый ниже канцлер В. В. Голицын стал стольником и чашником в 15 лет, в 1658 г., а боярином — только в 1676 г., через 17 лет). Далее в списке шли простые стольники, многие из которых были выслуженными (пример: обычное в 1680-х гг. сочетание чинов «стольник и полковник»), после них — стряпчие, дворяне московские и жильцы. Завершались ежегодные списки московских дворян «выборными дворянами» из городских корпораций, призванными на службу ко двору. Городовые дворяне и низший дворянский чин — дети боярские — записывались в службу (со времен царя Федора Алексеевича обязательную) в «десятни», списки по уездам.

[38] Передние сени, в которых по утрам собирались думные чины, — первое помещение царских покоев, «Верха»; оно сохранилось в Теремном дворце Кремля.

[39] Соборное деяние об отмене местничества 24 ноября 1681 г. за руками архиереев, высших чинов двора и выборных от стольников, генералов, полковников рейтарских и пехотных, стряпчих, дворян московских и жильцов опубликовано; торжественный акт отмены состоялся 12 января 1682 г., о чем свидетельствует разрядная запись [Богданов 2018, с. 595–612].

[40] Запись сделана новым вариантом П-2, схожим с записью о кончине этого царя.

великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержец, венчался законным браком, а понял девицу Марфу Матвеевну, Матвееву дочь Васильевича Опраксина.

Апреля в 27 день в четверток в первом часу надесять[41] преставися благоверный великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержец, а был на царстве 6 лет и 3 месяца[42]. И того ж числа крест целовали благоверному // царю и великому князю *л. 157* Петру Алексеевичю, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержцу.

Маия в 15 день приходили стрельцы всеми приказы, а с ними салдаты с ружьем[43] с Бутырок, енаралова полку Матвея Осипова сына Кравкова[44], и в Верьху[45] были, и бояр побили, и в 16 день, и в 17 день в Верх приходили ж с ружьем.

В 26[46] день нарекли на царство и того же числа и крест целовали благоверному царю и великому князю Иоанну Алексеевичю, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержцу.

---

[41] Время кончины государя у Дашкова в 11-м часу после рассвета (16-м по нашему счету от полуночи) — самое раннее из указанных современниками: 12-й час у Шантуровых и Сназина, 13-й час с разными четвертями его у Медведева, в Летописце Посольского приказа 1686 г., Летописце 1619–1691 гг. и разрядных записях [Богданов 1981].

[42] Федор Алексеевич взошел на престол 29 января 1676 г.

[43] *«С ружьем»* вставлено над строкой.

[44] Именование выслужившегося из нижнего московского чина жильцов генерала без уважительного «вича» в отчестве связано с упорным неприятием старыми чинами Государева двора новых чинов военных и даже ближних людей. Довольно сказать, что два первых русских генерала, А. А. Шепелев и М. О. Кровков, подписались в Соборном деянии об отмене местничества *ниже* стольников, хотя первый из них был с 1679 г. *думным* генералом и по разрядным росписям помещался в конце списка думных дворян [Богданов 2018, с. 253, 267–274, 611]. Себя, ставшего думным дворянином на полгода позже Шепелева (генерал пожалован в чин 8 июня 1682 г., Дашков — 26 января 1683 г.), и своего старшего сына Дашков в близкой записи 23 сентября 1683 г. пишет с «вичем». При этом чин стольника в те времена жаловался уже полковнику, т. е. генерал Кровков никак не мог быть в чинах ниже стольников Дашковых.

[45] Верхом назывались внутренние, действительно верхние, помещения царского дворца, куда с Боярской площадки за Грановитой палатой, на которой собирались стольники в ожидании поручений, вела немалая лестница. Верх был традиционно закрыт для всех, кроме «старых бояр», боярынь и комнатных людей обоего пола.

[46] О «наречении государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича всеа Росии на царство» 26 мая кратко сообщает Записная книга Разрядного приказа [Восстание, с. 279] и детально — «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева, основанное на документах Разрядного и Стрелецкого приказов [Россия при царевне Софье, с. 92–93].

Июня в 25 день в соборной церкве[47] в неделю[48] венчалися благоверные цари и великие Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы царскими венцы[49]. //

л. 158 об. [50] Августа в ... день на западе зимнем была такова камета, пред прежними невелика гораздо[51]. //

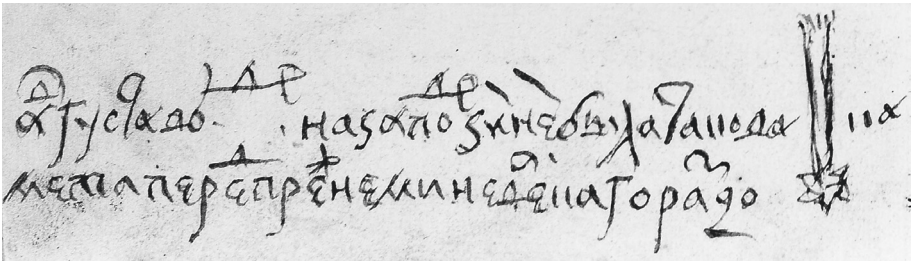

Рис. 6. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 158 об.
Приписка П-2 о комете внизу листа

л. 159 (7)191 (1682) году сентября в 23 день приехали в монастырь Живоначальные Троицы в Сергиев монастырь стольники Андрей Яковлевич да Иван Андреевич большой Дашковы, и того ж числа и записались[52].

Октября в 25 день в Троецком Сергиеве монастыре сказан великих государей указ, что оне, великие государи, пожаловали за приезд и за службу, что

---

[47] Имеется в виду Успенский собор Московского Кремля.

[48] Т. е. в воскресенье.

[49] Чин (сценарий) венчания двух царей 25 июня 1682 г., «построенный» думным дьяком Посольского приказа Е. И. Украинцевым, опубл.: [ПСЗ-I, № 648, с. 42–68].

[50] Следующие листы, 157 об. и 158, оставлены чистыми. Поздняя, с пропуском дня, приписка о комете помещена в самом низу л. 158 об. (см. *рис. 6*).

[51] «Прежними» Дашков называет кометы 14, 15 и 16 декабря 1680 г., описанные и зарисованные им на л. 153 об.

[52] Приезд А. Я. Дашкова со старшим сыном в Троицу был добровольным и стремительным. Ни одного Дашкова не было в походе с царями и царевной Софьей, когда правительство регентства начало открытую борьбу с Московским восстанием 1682 г. Более того, в поименных вызовах московских дворян разных чинов в поход Дашковы в сентябре 1682 г. вообще не упоминались: очевидно, доверия к ним не было совсем. Истеричная грамота о сборе дворянского ополчения от 6–10 сентября, судя по тому, что сохранилась только в «Созерцании» Сильвестра Медведева (по которому и публикуется), была разослана далеко не всем. Первые грамоты реальной мобилизации появились лишь после казни боярина князя И. А. Хованского с сыном 17 сентября; В. В. Голицын назначен главнокомандующим, «дворовым воеводой», 18-го, а воеводы в дворянские полки, которые предстояло формировать, были определены через 13–20 дней после начала мобилизации, 26 сентября, *на три дня позже* приезда Дашковых [Богданов 2022b, с. 20–22, 32–33, 38]. В дни, когда от военной помощи Софье и Голицыну уклонялись и вызванные в Троицу, в том числе виднейшие бояре, приезд незваных Дашковых вмиг перевел их из числа сомнительных для правительства регентства в круг верных и преданных.

скоро приехали, октября по 26 число[53], придачами четвертными, и денежными, и вотчинами.

Бояром ...

Окольничим ...

Думным людем ...

Стольником придачи по 70 чети да по 7 рублей денег да в вотчину по ... чети[54].

Стольником, и стряпчим, и дворяном, и жильцом придачи по 50 чети, да по 5 рублев денег, да в вотчину по 100 чети, окладу по 50 четвертей[55]. //

Октября в 25 день великие государи пошли из Троецкого монастыря[56]. *л. 159 об.*

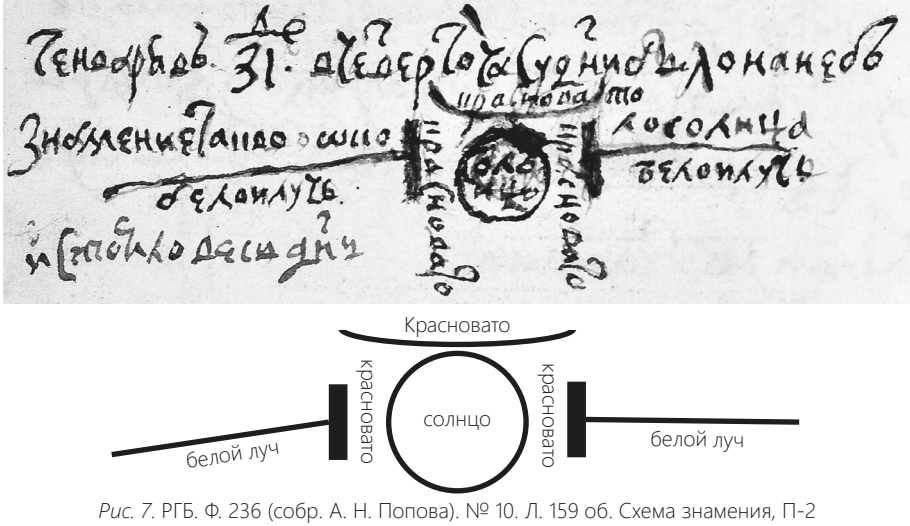

Рис. 7. РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 159 об. Схема знамения, П-2

---

[53] «Скорым приездом» правительство регентства сочло прибытие дворян на службу в ополчение на месяц позже Дашковых.

[54] Сколько дано высшим чинам, Дашков не знал и эти данные пропустил. Боярам, согласно Записи Разрядного приказа от 25 октября 1682 г., было пожаловано по 100 руб. и 250 четвертин земли из поместья в вотчину, окольничим — по 70 руб. и 150 четвертин, думным разных чинов — по 65–40 руб. и 140–115 четвертин. Стольники комнатные, к которым Дашковы не относились, получили по 70 четвертин и 7 руб., а в вотчину из поместий — по 10 из 100 четвертин на человека [Восстание, с. 218–219].

[55] Указ о пожаловании говорился дворянам московского списка (ниже комнатных стольников) всем вместе 26 октября 1682 г. Эти чины получили лишь по 50 четвертин, по 5 руб. и по 10 четвертин из 100 поместных в вотчину [Восстание, с. 220–221]. Возможно, что за скорый приезд и вернейшую службу Андрей Яковлевич с сыном получили больше других из поместий в вотчину или обладали поместьем в 1000 четвертин на человека.

[56] В Москву [Восстание, с. 224]. Далее чистое место на 2,5 строки.

Генваря в 15 день в четвертом часу дни было на небе знамение таково около солнца, и стояло весь день:

Генваря в 26 день из стольников пожалован в думные дворяне Андрей Яковлевич Дашков[57].

Марта в 28 день указали великие государи в полате сидеть для росправных дел[58] бояром князю Михаилу Андреевичю да князю Андрею Ивановичю Голицыным, Михаилу Львовичю Плещееву, окольничим князю Михаилу Ивановичю Коркодинову, князю Матвею Венедихтовичю Оболенскому, Алексею Прокофьевичю Соковнину, енаралу и думному (дворянину) Агею Алексеевичю Шепелеву, думным дворяном Андрею Яковлевичю Дашкову, Ивану Матвеевичю Сухотину, думным дьяком Ивану Савиновичю Горохову, Павлу Михайловичю (Астафьеву)[59]. //

л. 160 На Закамскую черту с полком против калмык окольничей и воевода Иван Севастьянович Хитрово, да Яков Иванов сын Золотарев[60]. //

л. 160 об. В Астрахань боярин и воеводы князь Андрей Иванович Голицын, да окольничей князь Никита Иванович Ростовской, да думной дворянин Степан Богданович Ловчиков, да дьяки[61]. //

л. 161 (7)192 (1683) году октября в 23 день указали великие государи в Розбойном приказе сидеть боярину Петру Васильевичу Шереметеву, да дум-

---

[57] Записи 15 и 26 января П-2, одними пером и чернилами. Следующая запись приписана П-2 иным пером.

[58] Расправная палата — правительство, учрежденное царем Федором Алексеевичем.

[59] В оригинале замазано и оборвано. В круглых скобках явно пропущенные Дашковым слова вставлены по смыслу. Обращает на себя внимание, что в правительство царевны Софьи, решавшее текущие вопросы, не требовавшие обращения к царям и боярской думе, вошли лица, доказавшие ей свою преданность еще в походе из Москвы в августе — сентябре 1682 г. [Богданов 2022b, с. 21–22, 38–39], не считая главных ее сторонников, которые возглавили ведущие центральные ведомства (В. В. Голицын, князья Одоевские, Ф. Л. Шакловитый и многие др.) [Богоявленский 1941]. Следовательно, А. Я. Дашков получил чин думного дворянина и вошел в правительство потому, что доказал свою верность царевне скорейшим прибытием 22 сентября 1682 г. к ней в Троицу. На то, как он принял это положение в партии Софии Алексеевны, указывает написание отчества А. А. Шепелева с уважительным «вичем», в котором прежде, когда генерал был *выше* его по чину, Дашков ему отказывал. Теперь, будучи в одном чине, Андрей Яковлевич признал более высокое место Шепелева в правительстве, не подумав местничать или уесть генерала в Летописце. Впрочем, он вообще не местничал, в отличие от своего брата Василия Яковлевича. И не из-за отмены местничества, после которого только в правление царевны Софьи было не менее семи местнических споров [Эскин, с. 204, 208–208].

[60] После этих двух строк страница оставлена чистой.

[61] После этих трех строк страница оставлена чистой.

ному дворянину Андрею Яковлевичю Дашкову, да дьяком старым[62] Лариону Пашину, Василью Киприянову, Калине Патрикееву[63].

В Киев посланы боярин и воеводы Алексей Петрович Салтыков, да окольничей князь Иван Степанович Хотетовский, да думной дворянин Федор Андреевич Зыков, да дьяки.

На съезд с литовскими комиссары за Смоленеск[64] бояре: наместник Астараханский[65] князь Яков Никитич Одоевский[66], да Иван Васильевич Бутурлин, да князь Михайло Григорьевич Ромодановский, — да окольничие: Иван Иванович Чеодаев, да Иван Афанасьевич Желябужской, — да думной дияк Иван Савинович Горохов, да дияк Василей Василей Тимофеев.

А розъехались и писмами розъезжими розменялись марта в 3 день. //

(7)192-го (1684) генваря в 9 день в среду великий государь царь и великий *л. 161 об.*
князь Иоанн Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец венчался законным браком, а понял девицу Прасковью Федоровну, а Федору прозвиче Александр Петрович Салтыков[67]. //

---

[62] Эти «старые», т. е. прежние, дьяки сидели в Разбойном приказе с прошлого, 1682 г., из них только Пашин — с конца царствования Федора Алексеевича [Богоявленский 2006, с. 144–145]. По возрасту и стажу службы они были младше А. Я. Дашкова, служившего с 1635 г.: Ларион Провович Пашин служил с 1644 г., Василий Киприанов (Куприанов) — с 1659 г., Калина Иванович Патрикеев — с 1665 г. [Веселовский, с. 403, 232, 401].

[63] После этой записи на л. 161 до конца три записи сделаны другим пером, более мелким написанием П-2.

[64] Речь идет о начале длительных переговоров с королем Польским и Речью Посполитой о Вечном мире [Кочегаров].

[65] Систему наместнических титулов, обозначавших место высших чиновников в государственной структуре и не имевших отношения к управлению землями (в отличие от наместничеств XVI в.), ввел царь Федор Алексеевич в 1680 г. Ранее эти титулы использовались во внешних сношениях по аналогии с польско-литовскими, но не имели внутрироссийского статуса, теперь же они обозначали лестницу высших должностных лиц. Наместнические титулы сохранялись и при Петре I до более системного ранжирования чинов в Табели о рангах [Богданов 2018, с. 267–274].

[66] Я. Н. Одоевский был виднейшим боярином и наиболее частым руководителем правительства (Расправной палаты) еще при царе Федоре Алексеевиче [Богданов 2018, с. 113–116], а приняв сторону царевны Софьи летом 1682 г., стал вместе с Никитой Ивановичем и Василием Федоровичем Одоевскими мощной опорой правительства регентства наряду с В. В. Голицыным и менее видными боярами [Богданов 2022b]. Главой посольства к королю и Речи Посполитой он должен был быть назначен потому, что прежние посольства к ним со времен Алексея Михайловича возглавлял его отец, Никита Иванович.

[67] Приписано на чистый л. 161 об. новым вариантом П-2. Крещенный Александром, отец царицы при возведении в чин боярина в честь свадьбы дочери 9 января 1684 г. переменил имя на Федор волей царя Ивана Алексеевича. О царице и ее семье подробно см.: [Семевский].

л. 163 [68](7)194-го (1685) году декабря в 9 день пришол к Москве служить[69] Мелетинский царь Арчил Вахтанович[70], и с царицею своею, и з детьми, и з бояры своими. И встреча[71] ему была стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы за Мясницкими вороты[72].

Марта в 10 день (1686) в Розряде[73] подана поколенная роспись роду думнаго дворянина Андрея Яковлевича Дашкова, за руками Дашковых, боярину князю Володимеру Дмитреивичю Долгорукова, да окольничему Ивану Ивановичю Чеадаеву, да думному дьяку Василью Григорьевичю[74] Семенову, да дьяком Перфилью Алавеникову[75] да Любиму Домнину, и отдана подьячему Ивану Тимофееву сыну Кобякову. Ищи росписи назади[76]. //

л. 162 Такова роспись подана в (7)184 (1686) году марта в 11 день, а пометил[77] думной дияк Василей Григорьевич Семенов и отдана подьячему Ивану Тимофеиву сыну Кобякову, как делали рода Дашковых родословную книгу.

К великому князю Василью Ивановичю всеа Русии выехал из Большие орды муж честен, а татарское имя ему Дашек, а во крещенье имя ему Данила. У Данила первой сын Иван прозвище Старой бездетен, другой сын Александр бездетен, третей сын Федор прозвище Битюк, четвертой сын Григорей прозвище Гур, пятой сын Василей, шестой сын Федор прозвище Лепех. У третьева сына Федора Бетюка первой сын Яков, у Якова сын Аксентей, у Аксентья первой сын Яков, другой сын Селиверст. Яковлевы дети Аксентьевича первой сын

---

[68] На л. 162–162 об. со знаком вставки (косым крестиком в круге) записана поколенная роспись Дашковых, ее см. ниже, в месте вставки в текст Летописца.

[69] Слово исправлено П-2 из неизвестного.

[70] Отчество вставлено П-2 над строкой.

[71] Чин встречи Арчила в декабре 1685 г. опубл.: [О приезде].

[72] Статья вписана П-2 новым пером и вариантом почерка, отличным от прежних. Следующая далее статья также вписана отдельно, в другое время.

[73] Речь идет о Разрядном приказе, ведавшем службами всех «служилых людей по отечеству», в том числе их местническими делами, а после отмены местничества занимавшемся, в частности, созданием Родословной книги московского дворянства.

[74] Отчество исправлено из другого. Заинтересованный во внесении своей не особо знатной фамилии в составлявшуюся в 1686 г. Родословную книгу, А. Я. Дашков отнесся к думному дьяку с подчеркнутым почтением, хотя его чин был ниже думного дворянина и думного генерала. Указ именовать думных дьяков с «вичем» царь Федор Алексеевич издал с оговорками (в данном случае, при наличии в приказе судей из высших чинов, Семенова можно было с «вичем» не величать) [Богданов 2018, с. 523], но наш летописец его соблюдает всюду безоговорочно.

[75] Т. е. Перфирию Федоровичу Оловяникову.

[76] Отсылка со знаком вставки (косым крестиком в круге) к тексту, вписанному на чистом листе выше, л. 162–162 об.

[77] Помета руководителя делопроизводства (им мог быть и старший подьячий, ведавший своим «столом», отсюда пошло название «столоначальник») удостоверяла подлинность документа, которым частная родословная роспись становилась при приеме ее в приказ.

думной дворянин Андрей Яковлевич, другой сын думной же дворянин Василей Яковлевич, третей сын Григорей бездетен. У думного дворянина у Андрея Яковлевича дети Иван Большой, да Иван Середней, да Иван Меньшей, да Яков бездетен. У Ивана Меньшева Андреева сына сын Алексей. У думного дворя(ни)на Василия Яковлевича дети Иван Большей пострижен Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре, другой сын Иван Середней, третей сын Иван Меньшей. У другова Яковлева брата Аксентьевича Селиверста Петр да Андрей бездетен. Петровы дети Иван да Степан. У четвертова брата у Григория прозвище Гура сын Петр, у Петра сын Агапей бездетен, убит под Можайским от литовских людей, другой сын Алферей бездетен, убит под Можайским от литовских людей. У Петра брат Богдан, у Богдана сын Осип бездетен; другой брат Истома бездетен. У пятова сына Василия сын Федор, у Федора сын Денисей, у Денисия дети Федор // бездетен, Игнатий да Захарей. У Игнатия дети Афанасей, да Иван, да Лука. У Афонасия сын Устин да Иван. У Ивана сын Овдей. У Ивана Игнатьева сына сын Поликарп. У Луки Игнатьева сына дети Семен да Прокофей. Захарьевы дети Денисьева сына Амельян да Семен. Амельяновы дети Богдан да Иван. Семеновы дети Иван, Федор, Епифан, Андрей, Кондратей. У Ивана сын Иван же. У шестова сына Федора сын Иван. У Ивана сын Иван же. У Ивана сын Евсевей прозвище Второй. У Второва сын Алексей. У Алексея дети Яков, да Федор, да Иван. У Якова сын Борис. А к той росписи приложены руки всех Дашковых[78]. *л. 162 об.*

[78] Вся родословная роспись написана в строку, без абзацев. После нее на л. 162 об. более половины листа чистых. В Летописце приведена лишь первая, поколенная часть росписи, поданной Дашковыми в разрядный приказ. Полный ее текст сохранился в списке 1680-х гг. ГАРФ. Ф. 907. Оп. 1. Д. 43; опубл.: [Родословные росписи 2021, с. 160–164]. Роспись имеет все подписи и включает богатый материал о службах Дашковых со ссылками на имеющиеся в наличии и утраченные документы. Эти сведения А. Я. Дашков вписал в Летописец по годам, дополняя ими материал, взятый из своей Разрядной книги Обол. 86.

л. 163 (*продолжение после вставки на л. 162–162 об.*) Февраля в 9 день[79] (1686 году)[80] пришли послы королевскаго величества польскаго великие и полномочные послы:

.1.

Коронной Криштоф на Гримолтовичах Гримултовский, воевода Познанский, маршалок королевина величества, Костянский староста. //

л. 163 об. 2.

Марцыян Александр князь с Козельска Агинский, граф на Дубровне, канцлер великий великого княжества Литовскаго, Мстибовский, Радошковский, Дареунийский, Сидричинский, Немононский староста короннай.

3.

Александр с Прииму Приемский, подстолие коронный, староста Острийский.

4.

Александр с Потока Потоцкий, коштялянич Коменецкий, полковник королевскаго величества.

5.

Микалай князь с Козельска Огинский, мечник Великого княжества Литовскаго, моршалок Волковиской.

И в апреле месяце великие государи учинили Вечной мир с польским королем Яном Сабежским. Король великим государем уступил вечно Киева и к[81] Киеву по тритцати верст вверх и вниз Днепра, и к Белай Церкви, и черкас

[79] Запись иным вариантом П-2, отличным от «Такова роспись» на л. 163 выше.

[80] Год не указан, т. к. для Дашкова с 1 сентября 1685 до 31 августа 1686 г. продолжался упомянутый им выше 7194 г. от Сотворения мира.

[81] В Эрм. 567 ошибочно: *Киевли*.

заднепровских всех[82], и Смоленска города з городами и з землями[83]. И в Грановитой полате великие государи Святое Евангелие целовали[84]. //

Писать в челобитных: *л. 164*

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжне Софие Алексеевне, всеа Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержцем[85]. //

(7)195-го (1687) году велено итить войною в Крым[86] царственные *л. 165* большие печати и государьственных великих посольских дел оберегателю

---

[82] Черкасами именовались малороссийские казаки, делившиеся на правобережных (заднепровских), левобережных и запорожских, причем на общее звание «гетмана войска запорожского» претендовали и вечно бунтующие, переходящие на службу то туркам, то полякам гетманы Правой стороны Днепра, и более верные царю гетманы Левобережья.

[83] Смоленского уезда. Согласиться, после долгих и трудных переговоров, на отказ от реваншистских планов и признание фактической границы с Россией польских и литовских послов заставили не столько выплаченные правительством регентства деньги, сколько военные поражения Священной лиги Австрии, Венецианской республики и, главное, самой Речи Посполитой в кампаниях 1684 и 1685 гг. против Османской империи и вассального ей Крымского ханства. Союзники настойчиво требовали от короля и магнатов привлечь к войне Россию, а канцлер В. В. Голицын наотрез отказался заключать военный союз и вступать в Лигу без решения спорных вопросов о границе с Польшей. Дело в том, что Австрия бросила Россию без обещанной помощи в турецкой войне 1673–1681 гг., а Речь Посполитая, защищая которую царь Алексей Михайлович вступил в войну, заключила тогда с турками военный союз против России. С 1681 г., когда Россия и Турция Бахчисарайским миром объявили Правобережье Днепра демилитаризированной зоной, положение переменилось. Вместо тяжелой войны против русских на разоренных землях Дикого поля турки с энтузиазмом бросились воевать богатые владения на западе, и остановить их натиск без помощи России казалось невозможным. В отличие от Алексея Михайловича и его канцлера А. С. Матвеева, канцлер В. В. Голицын не считал возможным вступать в военные соглашения с западными странами без подписания обязывающих дипломатических документов, главным из которых был договор о Вечном мире с Речью Посполитой 26 апреля 1686 г. [Богданов, Галактионов и др., с. 179–228, 237–239]. Дашков, как многие его современники, сделал запись о долгожданном Вечном мире на основании объявительной грамоты правительства. Включение царевны Софьи в царский титул, Крымские и Азовские походы были следствиями Вечного мира.

[84] Далее на странице чистое место более чем в одну строку.

[85] Вписано наверху л. 164 более аккуратным вариантом П-2, чем предыдущая запись о Вечном мире. Далее страница и оборот листа оставлены чистыми. Всенародная радость от Вечного мира позволила правительству регентства включить царевну Софью в царский титул, сделав ее фактическую власть в государстве явной [Лермонтова].

[86] Запись сделана с начала л. 165 аккуратным вариантом П-2 *после* завершения Первого Крымского похода в августе 1687 г., когда о его цели стали, благодаря пропаганде нового гетмана И. С. Мазепы, протеже фаворита царевны Софьи Ф. Л. Шакловитого, говорить «в Крым», т. е. внутрь полуострова, а не «на Крым», для удержания хана за Перекопом, как в действительности планировал и объявлял, в соответствии с обязательствами перед Священной лигой, главнокомандующий В. В. Голицын [Богданов 2007].

и ближнему боярину и дворовому воеводе и намеснику Ноугоротцкому[87] князю Василью Васильевичю Голицыну, да боярину и воеводе князю Костентину Осиповичю Сщербатому[88], да окольничему Венедихту Андреевичю[89] Змеову, да думному дьяку Амельяну Игнатьевичю Украинцову, да дьяком: Перфилью Оловеникову, да Михайлу Воинову, да Григорью Протопопову[90]. //

л. 166 Да посылочные воеводы: князь Иван княж Михайлов сын Кольцов-Масальской, да князь Борис княж Ефимов сын Мышетцкой, Василей Михайлов сын Дмитреив, у знамени воевода князь Петр княж Лукин сын Львов, у наряду[91] воевода Михайла Петров сын Беклемишев.

л. 165 А с ними стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и енарал думной Агей Алексеевич Шепелев, и ины енаралы[92] и полковники рейтарские, и салдатцкие, и стрелетцкие, и иные чины, и из городов дворяне и дети боярские.

А указали великие государи[93] быти ротам в московских чинех[94], у всякой роты ротмистр, да порутчик, да хорунжей[95].

л. 166 об. В Большем полку стольничьих 19 рот. У второйнадесять[96] роты у стольников ротмистр Иван Андреев сын Большей Дашков, порутчик Иван Васильев сын Меншей Дашков, хорунжей Поликарп Иванов сын Дашков.

---

87 То есть канцлеру, члену ближней думы, главнокомандующему и четвертому по знатности (после наместников Московского, Киевского и Владимирского) вельможе. См. доклад о наместнических титулах во внешних сношениях России в марте 1680 г. [Богданов 2018, с. 586–587].

88 Т. е. Щербатову.

89 Отчество исправлено по стертому.

90 Далее знак вставки — крест с четырьмя точками в кружке — и надпись: «ищи впреди»; имеется в виду вставка иным вариантом П-2 и другими чернилами на л. 166 («да посылочные ⟨…⟩ Беклемишев»), которую мы помещаем в текст, как сделал писец Эрм. 567.

91 Наряд — артиллерия.

92 Имеются в виду «дивизионные» в наших понятиях генералы, командовавшие соединениями рейтарских и солдатских полков в военных округах, созданных реформой царя Федора Алексеевича 1679 г., которая утвердила всю систему военных чинов от рядового до капитана и ротмистра, майора, подполковника, полковника и генерала, появившихся раньше, при царе Алексее Михайловиче, и сохранившихся позже, при реформах Петра I [Богданов 2018, с. 200–226].

93 В тексте ошибочно: *«государь»* или *«государьи»*.

94 Решение о записи в роты с армейскими чинами дворян московского списка, не приведенных в «регулярство» военно-окружной реформой царя Федора Алексеевича в 1679 г., было принято собором «великих ратных и земских дел» 1681–1682 гг. по инициативе князя В. В. Голицына и включено в акт об отмене местничества [Богданов 2018, с. 605–606]. Практическая реализация этого решения в Крымском походе 1687 г. была воспринята А. Я. Дашковым как нововведение.

95 Далее знак вставки — крест в кружке — и надпись: «ищи впреди»; имеется в виду вставка на чистом месте внизу л. 165 об. («В Большем полку ⟨…⟩ в ясаулех»), которую мы помещаем в текст, как сделал писец Эрм. 567.

96 Т. е. 12-й.

Иван Меншей Андреев сын написан в завоеводчиках[97].

Борис да ...[98] Яковлевы дети Дашковы[99] в Большем же полку у боярина князя Василья Васильевича (Голицына) в ясаулех.

С Ноугоротцким полком боярин и воеводы Алексей Семенович Шеин да *л. 165*
окольничей князь Данила Афанасьевич Борятинской.

С Резанским полком боярин и воеводы князь Володимер Дмитриевич Долгоруково да окольничей Петр Дмитреивич Скуратов. И Петр умре, а на его место князь Мышетцкой.

С Астраханскими людьми думной дворянин Иван Юрьевич Левонтьев. //

С Севским полком окольничей и воевода Леонтей Романович Неплюев[100]. *л. 165 об.*

Да гетман Иван Самойлович, а с ним полки запорожских черкас[101].

А ратные люди стали в черкаских городех в Ахтырке на первой срок февраля в 25 день, а на другой срок марта в 1 день[102].

Да по иным местом стоят воеводы с ратными людьми:

в Белегороде боярин князь Михайла Андреевич Голицын да окольничей князь Федор Лвович Волконской;

на Короче боярин князь Михайла Григорьевич Ромадановской да Венедихт Яковлев сын Хитрой;

---

[97] Т. е. в свите командующего и его товарищей-воевод.

[98] Пропуск, в тексте оставлено чистое место. Второго сына у Якова не было.

[99] Фамилия вставлена над строкой.

[100] Севский полк на деле представлял собой испытанный в боях регулярный армейский корпус, поэтому им и командовал ближайший помощник В. В. Голицына, имевший целью нанести самостоятельный удар по турецким крепостям в низовьях Днепра. Еще более сильный Белгородский полк, в реальности целая армия, был оставлен охранять Правобережье и Киев, не столько от турок, сколько от союзников-поляков, которым Голицын отнюдь не склонен был доверять.

[101] Левобережный гетман Иван Самойлович (1674–1687), убежденный противник поляков, был крайне недоволен Вечным миром, не позволявшим ему бороться со своим соперником, правобережным «гетманом его королевской милости войска Запорожского» Андреем Могилой (1684–1699). Он неохотно вел казаков, именуемых на Руси «черкасами», в Крымский поход 1687 г.; по завершении похода был обвинен казаками в измене, бежал в стан Голицына, был там арестован и вскоре заменен гетманом И. С. Мазепой [Соловьев, с. 382–390]. Это изъявление «казачьей воли» было организовано срочно прибывшим в стан Голицына из Москвы Ф. Л. Шакловитым: РГАДА. Ф. 123 (Сношения с Крымом). Кн. 78. Ч. VI; св. 1687 г. № 2; Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 703. Св. 3.

[102] Сбор войск в большой поход всегда был делом долгим и осуществлялся в два, а то и в три срока прибытия, учитывавшихся при распределении наград. Дашков имеет в виду сбор Большого полка Голицына, в котором служили его сыновья и родичи (другие перечисленные в Летописце полки собирались в Сумах, Хотмыжске и Красном Куте).

на Коломне думной дворянин Аврам Иванович Хитрой да Иван Васильев сын Хитрой[103]. //

л. 168 (7)197-го (1689) в феврале пошел с Москвы войною в Крым царьствен-ны(е) большие печати и государьственных великих посольских дел оберега-тель и ближней боярин и дворовой воевода и намесник Ноугоротцкой князь Василей Васильевич Голицын, да стольник князь Яков княж Федоров сын Долгоруково[104], да окольничей Веденикт[105] Андреевич Змеев, да думной дьяк Амельян Игнатьевич Украинцов, да дьяки.

У знамени воевода князь Иван княж Михайлов сын Кольцов-Мосальской.

У наряду воевода Михайло Петров сын Беклемишев.

Посылочные воеводы Матвей Алексеев сын Головин, Борис Андреев сын Змеев.

У стольников ротмистры князь Федор княж Микитин Приимков-Ростов-ской и иные, Иван Андреев сын Большой Дашков и иные ротмистры[106].

---

[103] Сделанная после окончания похода выписка из указа о сборе войск (скорее всего, по разрядным записям) завершена на л. 165 об. с чистым местом в четверть страницы, на которое позже другим вариантом П-2, иными пером и чернилами, сделана вставка о службе Дашковых в Большом полку. На чистом л. 166 иным вариантом П-2 сделана вставка о посылочных воеводах. Новым вариантом П-2 на оставленных прежде чистыми л. 166 об.–167 об. добавлены выписки из разрядных документов «за дьячьею приписью» о службах лиц, не имеющих видимого отношения к Дашковым, в 7088, 7004, 7112, 7106, 7097, 7105 и 7119 гг., т. е. с 1496 по 1611 г. Летописец продолжен новым вариантом П-2 и иными чернилами с л. 168.

[104] Почему стольник указан выше окольничего? Знаменитый впоследствии боярин (с 1697) князь Я. Ф. Долгоруков написан в чине стольника вторым воеводой Большого полка, выше стар-шего его чином и огромным военным опытом окольничего В. А. Змеева, потому что принадлежал к 17 аристократическим родам, имевшим право пожалования в бояре из стольников, минуя низ-шие думные чины. Как ранее В. В. Голицын, Долгоруков пребывал в чине стольника очень долго, с 1671 г., ожидая, когда среди бояр освободится для него место по негласной «квоте» для его рода. Его назначение соответствовало знатности и в то же время было компромиссом со сторонниками царя Петра, среди которых его комнатный стольник занимал видное место с 1682 г. В Первом Крымском походе он не участвовал, потому что служил великим и полномочным послом во Фран-цию и Испанию (1687–1688), на сей раз по чину (ср. прежние миссии стольника П. И. Потемкина в 1667–1668 и 1680–1682 гг.). Дашков не случайно упоминает этого выдающегося человека без «вича»: отчество с «вичем» было указом Петра I пожаловано ближнему стольнику Долгорукову только 2 марта 1697 г.

[105] Так в тексте, правильно: *Венедикт*.

[106] Манера вставки Дашковых среди чинов такая же, как при описании Крымского похода 1687 г., но обращает на себя внимание, что на сей раз это лишь один сын Андрея Яковлевича. Наверное, дело в том, что первый поход, когда много людей перемерло от жары и болезней, побед и добычи не принес, поэтому был признан дворянством неудачным (хотя полностью выполнил согласованную с союзниками цель удержать войска хана в Крыму). Реформировав армию к Крымскому походу 1689 г. и выдвинув крепости в Дикое поле, В. В. Голицын совершил невозможное для регулярных войск того времени: дошел степями до Перекопа, оторвавшись от

С Наугородцким полком боярин Алексей Семенович Шеин да стольник князь Федор княж Юрьев сын Борятинской. //

С Резанским полком боярин и воевода князь Валадимер Дмитреевич *л. 168 об.* Долгорукова да думной дворянин Аврам Иванович Хитрой.

С Севским боярин и воевода Левонтей Романович Неплюев да ...[107]

С Понизовыми[108] ратными людьми стольник и воевода Василий Михайлов сын Дмитреев.

С черкасы гетман Иван Степанович Мазепа[109].

Литература

Азбелев — *Азбелев С. Н.* Новгородские летописи XVII века. Новгород: Боровичская городская тип., 1960. 293 с.

Амосов — *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М.: Едиториал УРСС, 1998. 392 с.

Анхимюк — *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.

Барсуков — *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. IX, 611 с.

Белоброва, Богданов — *Белоброва О. А.*, *Богданов А. П.* Дашков Андрей Яковлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: (XVII в.), ч. 1: А–З. С. 251–253.

Богданов 1979 — *Богданов А. П.* Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979. № 2. С. 34–37.

Богданов 1980 — *Богданов А. П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники: Сб. ст. за 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 197–206.

Богданов 1981 — *Богданов А. П.* Краткий Ростовский летописец конца XVII века // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33–37.

Богданов 1982 — *Богданов А. П.* Редакции Летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С. 124–151.

Богданов 1983 — *Богданов А. П.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века: Дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории СССР АН СССР, М., 1983. Т. 1–2. 182+40 с., 166 с.

магазинов и подвергаясь атакам крымской конницы. Однако дворяне собирались в его войско неохотно и результатом кампании остались недовольны: битвы были жаркими, а вторжения в Крым и добычи снова не было.

[107] Оставлено чистое место для записи о товарище Неплюева, но его попросту не было.

[108] Низом именовали Поволжье ниже Нижнего Новгорода. Дашков имеет в виду астраханцев, потому что Казанский полк (военный округ), отвечавший за безопасность всего Урала, Сибири и Дальнего Востока, был оставлен на месте.

[109] На л. 168 об. нижняя треть листа чистая, и далее четыре чистых листа.

Богданов 1989 — *Богданов А. П.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. С. 197–220.

Богданов 2003 — *Богданов А. П.* Историческое самосознание дворянства в период реформ // Проблемы российской истории. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 28–53.

Богданов 2007 — *Богданов А. П.* Общественное мнение и внешняя политика России при царе Федоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск: Ин-т российской истории РАН; Изд-во Магнитогорск. ун-та, 2007. Вып. 8. С. 221–248.

Богданов 2008a — *Богданов А. П.* Филигранология: наука о бумаге ручного производства с водяными знаками: Учеб. пособие. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 381 с.

Богданов 2008b — *Богданов А. П.* Царевна Софья и Пётр: Драма Софии. М.: Вече, 2008. 352 с.

Богданов 2018 — *Богданов А. П.* Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академ. проект, 2018. 760 с.

Богданов 2019 — *Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII — начало XVIII в. 2-е изд., доп. и испр. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 427 с.

Богданов 2020a — *Богданов А. П.* От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 642 с.

Богданов 2020b — *Богданов А. П.* «…Пожалован на Ивановскую площадь»: Хронологические записи площадных подьячих Шантуровых XVII в. // Отечественные архивы. 2020. № 6. С. 111–121.

Богданов 2021a — *Богданов А. П.* Патриарший свод с Летописцем 1619–1691 гг. // Историческое обозрение. М.: Историко-просветительское общество «Радетель», 2021. С. 4–38.

Богданов 2021b — *Богданов А. П.* Хронограф Русский III-й редакции // Novogardia: Междунар. журнал по истории и исторической географии Средневековой Руси. 2021. № 2 (10). С. 457–490.

Богданов 2022a — *Богданов А. П.* «Летописец выбором» по списку Симона Азарьина: Краткий летописец в литературно-публицистической жизни середины XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Сб. 21. С. 7–73.

Богданов 2022b — *Богданов А. П.* Рождение Хованщины // Историческое обозрение / Историко-просветительное общество «Радетель». М.: Изд-во НИБ, 2022. Вып. 23. С. 13–53.

Богданов 2023 — *Богданов А. П.* Рукописная традиция Русского Хронографа III редакции: Продолжение изысканий А. Н. Попова // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 291–308.

Богданов, Белов — *Богданов А. П., Белов Н. В.* Хронограф Русский III редакции из 182 глав. Ч. 1: Хронограф патриаршего скриптория 1680-х гг. // Словесность и история. 2021. № 3. С. 73–122; Ч. 2: Хронографическая редакция патриаршего летописца 1619–1691 гг. // Там же. 2022. № 1. С. 45–91.

Богданов, Галактионов и др. — *Богданов А. П., Галактионов И. В., Лукичев М. П., Рогожин Н. М., Чистякова Е. В.* «Око всей великой России»: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М.: Международные отношения, 1989. 240 с.

Богданов, Пентковский 1983 — *Богданов А. П., Пентковский А. М.* Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: Ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. С. 61–95.

Богданов, Пентковский 1984 — *Богданов А. П., Пентковский А. М.* Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь: Журнал Института русского языка АН СССР. 1984. № 5. С. 92–100.

Богданов, Пентковский 1985 — *Богданов А. П., Пентковский А. М.* Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. С. 92–108.

Богословский — *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. [М.]: Соцэкгиз, 1948. Т. 4: 1699–1701. 515 с.

Богоявленский 1941 — *Богоявленский С. К.* Хованщина // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 10. С. 180–221.

Богоявленский 2006 — *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.

Буганов 1962 — *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 263 с.

Буганов 1969 — *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.

Восстание — Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов / Сост. Н. Г. Савич; под ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1976. 348 с.

Казакова — *Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1981. Вып. 12. С. 66–90.

Клосс — *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Кочегаров — *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 502 с.

Лермонтова — *Лермонтова Е. Д.* Самодержавие царевны Софьи Алексеевны по неизданным документам (из переписки, возбужденной графом Паниным) // Русская старина. 1912. Т. 149, № 2. С. 425–445; № 3. С. 539–547.

О приезде — О приезде в Москву царя Имеретинскаго Арчила Вахтиньевича, 1685 года // Щукинский сборник. М.: Синодальная тип., 1912. Вып. 10. С. 481–485.

Попов 1866–1869 — *Попов А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1866. Вып. 1. 739 с.; 1869. Вып. 2. 293 с.

Попов 1869 — *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. 541 с.

ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Сер. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 2: 1676–1688. 979 с.

ПСРЛ 31 — Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. 264 с.

Разрядные записи — *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время. (7113–7121 гг.) / Изд. Имп. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1907. [2], XXVIII, 311, [1] с.

Родословная книга — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1787. Ч. 1. [6], 352 с.; Ч. 2. [2], 453, [1] с.

Родословные росписи 1996 — Родословные росписи конца XVII века / Сост. А. В. Антонов. М.: Археогр. центр, 1996. 414 с.

Родословные росписи 2021 — Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (А–К) / Сост. Л. Е. Шабаев // Российская генеалогия: Науч. альм. М., 2021. Вып. 10. С. 119–270.

Россия при царевне Софье — Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Подгот. текста, ст., коммент., аннот. указат. имен и фамилий А. П. Богданов. М.: Современник, 1990. 446 с.

Руммель, Голубцов — *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. Т. 1. [8], 608, 11 с.

Савинов — *Савинов М. А.* Хронограф Пахомия — памятник русской исторической мысли XVII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. Вып. 1. С. 38–44.

Семевский — *Семевский М. И.* Царица Прасковья, 1664–1723: Очерк из русской истории XVIII в. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ред. журн. «Рус. старина», 1883. [Репр. изд.] Л.: Худож. лит., 1991. 268 с.

Соловьев — *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1991. Кн. 7: История России с древнейших времен, т. 13–14. 702 с.

Тихомиров 1939 — *Тихомиров М. Н.* Заметки земского дьячка второй половины XVII в. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 2. С. 93–100.

Тихомиров 1956 — *Тихомиров М. Н.* Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. С. 442–457.

Тихомиров 1962 — *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 184 с.

Чистякова, Богданов — *Чистякова Е. В., Богданов А. П.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. 136 с.

Эрмитажное собрание — Эрмитажное собрание, опись фонда / Гос. Публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Л.: [б. и.], 1965. [4], 225 с.

Эскин — *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М.: Археогр. центр, 1994. 263, [2] с.

Языков — *Языков Д. И.* Дневниковые записки И. А. Желябужского // Русский архив. 1910. № 9. С. 1–154.

References

Amosov, A. A. (1998). *Litsevoi letopisnyi svod Ivana Groznogo: Kompleksnoe kodikologicheskoe issledovanie* [*The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible: A Comprehensive Codicological Study*]. Moscow: Editorial URSS Publ., 392 p. (In Russ.)

Ankhimyuk, Yu. V. (2005). *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV — nachalo XVII vekov* [*Private Rank Books with Records for the Last Quarter*

of the 15th — Beginning of the 17th Century]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 464 p. (In Russ.)

Antonov, A. V., ed. (1996). *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka* [*Genealogical Lists of the End of the 17th Century*]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr Publ., 414 p. (In Russ.)

Belobrova, O. A., Bogdanov, A. P. (1992). 'Dashkov Andrei Yakovlevich' ['Andrey Yakovlevich Dashkov'], in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi [Dictionary of Scribes and Book Culture of Old Rus]*. Vypusk 3 (XVII vek), chast' 1 (A–Z). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 251–253. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1979). 'Podennye zapisi ochevidtsa Moskovskogo vosstaniya 1682 goda' ['Daily Records of an Eyewitness of the Moscow Uprising of 1682'], *Sovetskie arkhivy*, 2, 34–37. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1980) 'Letopisnye izvestiya o smerti Fedora i votsarenii Petra Alekseevicha' ['Chronicle Notes About the Death of Feodor and the Accession of Peter Alekseevich'], in: *Letopisi i khroniki. Sbornik statei za 1980 god* [*Annals and Chronicles. Collection of Articles for 1980*]. Moscow: Nauka Publ., 197–206. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1981). 'Kratkii Rostovskii letopisets kontsa XVII veka' ['Brief Rostov Chronicle of the End of the 17th Century'], *Sovetskie arkhivy*, 6, 33–37. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1982). 'Redaktsii Letopistsa 1619–1691 godov' ['Redactions of the Chronicle 1619–1691'], in: *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: Ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda Instituta istorii SSSR AN SSSR* [*Research on Source Studies of the History of the USSR in the Pre-October Period*]. Moscow: Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR, 124–151. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1983). *Letopisnye i publitsisticheskie istochniki po politicheskoi istorii Rossii kontsa XVII veka* [*Chronicle and Publicistic Sources on the Political History of Russia at the End of the 17th Century*]. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow: Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR. T. 1–2. 182+40 p., 166 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (1989). 'Tipologicheskie priznaki i gruppy v russkom letopisanii kontsa XVII veka' ['Typological Features and Groups in Russian Chronicles of the Late 17th Century'], in: *Metody izucheniya istochnikov po istorii russkoi obshchestvennoi mysli perioda feodalizma* [*Methods of Studying Sources on the History of Russian Social Thought During the Feudal Period*]. Moscow: Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR, 197–220. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2003). 'Istoricheskoe samosoznanie dvoryanstva v period reform' ['Historical Self-Awareness of the Nobility During the Period of Reforms'], in: *Problemy rossiiskoi istorii* [Problems of Russian History]. Magnitogorsk: Magnitogorskii universitet Publ. Vol. 2, 28–53. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2007). 'Obshchestvennoe mnenie i vneshnyaya politika Rossii pri tsare Fedore i kantslere Golitsyne' ['Public Opinion and Foreign Policy of Russia Under Tsar Feodor and Chancellor Golitsyn'], in: *Problemy rossiiskoi istorii* [Problems of Russian History]. Moscow, Magnitogorsk: IRI RAN, MaGU Publ. Vol. 8, 221–248. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2008). *Tsarevna Sof'ya i Petr. Drama Sofii* [*Princess Sophia and Peter. Sophia's Drama*]. Moscow: Veche Publ., 352 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2018). *Tsar'-reformator Fedor Alekseevich: starshii brat Petra I* [*Tsar-Reformer Fyodor Alekseevich: Elder Brother of Peter I*]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 760 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2019). *Filigranologiya: nauka o bumage ruchnogo proizvodstva s vodyanymi znakami. Uchebnoe posobie* [*Filigranology*: *The Science of Hand-Made Paper with Watermarks. A Tutorial*]. Moscow; Berlin: Direktmedia Publ., 381 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2019). *Stikh i obraz izmenyayushcheisya Rossii: poslednyaya chetvert' XVII — nachalo XVIII veka* [*Verse and Image of Changing Russia: The Last Quarter of the 17th Century — the Beginning of the 18th Century*]. 2nd ed. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 427 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2020). *Ot letopisaniya k issledovaniyu: russkie istoriki poslednei chetverti XVII veka* [*From Chronicle Writing to Research: Russian Historians of the Last Quarter of the 17th Century*]. 2nd ed. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 642 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2020). '"...Pozhalovan na Ivanovskuyu ploshchad'": Khronologicheskie zapisi ploshchadnykh pod'yachikh Shanturovykh XVII veka' ['...*Granted to Ivanovskaya Square*. Chronological Records of Square Clerks Shanturovs of the 17th Century'], *Otechestvennye arkhivy*, 6, 111–121.

Bogdanov, A. P. (2021). 'Khronograf Russkii III-i redaktsii' ['Russian Chronograph of the 3rd Redaction'], *Novogardia. Mezhdunarodnyi zhurnal po istorii i istoricheskoi geografii Srednevekovoi Rusi*, 2 (10), 457–490. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2021). 'Patriarshii svod s Letopistsem 1619–1691 godov' ['Patriarchal Collection with the Chronicle 1619–1691'], in: *Istoricheskoe obozrenie* [*Historical Review*]. Moscow: Natsional'nyi institut biznesa Publ. Vol. 22, 4–38. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2022). '*Chronicle by Choice* on the Simon Azaryin's List: a Brief Chronicle in the Literary and Publicist Life of the Middle 17th Century', *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 21, 7–73. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2022). 'Rozhdenie Khovanshchiny' ['The Birth of Khovanshchina'], in: *Istoricheskoe obozrenie* [*Historical Review*]. Moscow: Natsional'nyi institut biznesa Publ. Vol. 23, 13–53. (In Russ.)

Bogdanov, A. P. (2023). 'The Manuscript Tradition of The Third Redaction of the Russian Chronograph. Continuing A. N. Popov's Research', *Quaestio Rossica*. Vol. 11, no. 1, 291–308. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., ed. (1990). *Rossiya pri tsarevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkikh lyudei* [*Russia Under Princess Sophia and Peter I. Notes of Russian People*]. Moscow: Sovremennik Publ., 446 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Belov, N. V. (2021). 'Khronograf Russkii III redaktsii iz 182 glav. Chast' 1. Khronograf patriarshego skriptoriya 1680-kh godov' ['The Old Russian Chronograph of the Third Redaction in 182 Chapters. Part 1: The Chronograph of the 1680s from the Patriarchal Scriptorium 73'], *Slovesnost' i istoriya*, 3, 73–122. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Belov, N. V. (2022). 'Khronograf Russkii III redaktsii iz 182 glav. Chast' 2. Khronograficheskaya redaktsiya patriarshego letopistsa 1619–1691 godov' ['The *Old Russian Chronograph* of the Third Redaction in 182 Chapters. Part 2. The Chronographic Redaction of the Patriarchal *Letopisets* for the Years 1619–1691'], *Slovesnost' i istoriya*, 1, 45–91. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Galaktionov, I. V., Lukichev, M. P., Rogozhin, N. M., Chistyakova, E. V. (1989). *'Oko vsei velikoi Rossii'. Ob istorii russkoi diplomaticheskoi sluzhby XVI–XVII vekov* ['*The Eye of All Great Russia'. On the History of the Russian Diplomatic Service of the 16th–17th Centuries*]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 240 p. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Pentkovskii, A. M. (1983). Svedeniya o bytovanii Knigi Tsarstvennoi («Litsevogo svoda») v XVII veke ['Information About the Provenance of the Book of the Royal ("Illuminated Collection") in the 17th century'], in: *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR XIII–XVIII vekov: Ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda* [*Research on Source Studies of the History of the USSR in the Pre-October Period*]. Moscow: Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR, 61–95. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Pentkovskii, A. M. (1984). 'Sud'ba Litsevogo svoda Ivana Groznogo' ['The Fate of the Illustrated Collection of Ivan the Terrible'], *Russkaya rech'. Zhurnal Instituta russkogo yazyka Akademii nauk SSSR*, 5, 92–100. (In Russ.)

Bogdanov, A. P., Pentkovskii, A. M. (1985). 'Zhitie Nikoly v Litsevom letopisnom svode' ['The Life of Nikola in the Illustrated Chronicle Collection'], in: *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda: Ezhegodnik Otdela istochnikovedeniya dooktyabr'skogo perioda* [*Research on Source Studies of the History of the USSR in the Pre-October Period*]. Moscow: Institut istorii SSSR Akademii nauk SSSR, 92–108. (In Russ.)

Bogoyavlenskii, S. K. (2006). *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov* [*Moscow Administration and Clerks of the 16th–17th Centuries*] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 608 p. (In Russ.)

Chistyakova, E. V., Bogdanov, A. P. (1988). '*Da budet potomkam yavleno…' Ocherki o russkikh istorikakh vtoroi poloviny XVII veka i ikh trudakh* ['*Let it Be Revealed to Posterity…' Essays on Russian Historians of the Second Half of the 17th Century and Their Works*]. Moscow: Universitet druzhby narodov, 136 p. (In Russ.)

Eskin, Yu. M. (1994). *Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vekov. Khronologicheskii reestr* [*Mestnichestvo in Russia in the 16th–17th Centuries. Chronological Register*]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, 263, [2] p. (In Russ.)

Kazakova, N. A. (1981). 'Vologodskoe letopisanie XVII–XVIII vekov' ['Vologda Chronicle of the 17th–18th Centuries'], *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 12, 66–90. (In Russ.)

Kloss, B. M. (1980). *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [*Nikon's Chronicle and Russian Chronicles of the 16th–17th Centuries*]. Moscow: Nauka Publ., 312 p. (In Russ.)

Kochegarov, K. A. (2008). *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 godakh. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire* [*Rech' Pospolitaya and Russia in 1680–1686. Conclusion of the Treaty of Eternal Peace*]. Moscow: Indrik Publ., 502 p. (In Russ.)

Savich, N. G., ed. (1976). *Vosstanie v Moskve 1682 goda. Sbornik dokumentov* [*Moscow Uprising 1682. Collection of Documents*]. Moscow: Nauka Publ., 348 p. (In Russ.)

Savinov, M. A. (2009). 'Khronograf Pakhomiya — pamyatnik russkoi istoricheskoi mysli XVII veka' ['Pakhomiy's Chronograph as a Monument of Russian Historical Thought of the 17th Century'], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*, 1, 38–44. (In Russ.)

Semevskii, M. I. (1991). *Tsaritsa Praskov'ya, 1664–1723: Ocherk iz russkoi istorii XVIII v*eka [*Tsaritsa Praskovia, 1664–1723: An Essay from Russian History of the 18th Century*]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 268 p. (In Russ.)

Shabaev, L. E., ed. (2021). 'Rodoslovnye rospisi, podannye v Palatu rodoslovnykh del v kontse XVII veka: dopolnenie (A–K)' ['Genealogical Lists Submitted to the Chamber of Genealogical Affairs at the End of the 17th Century: Supplement (A–K)'], *Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh*, 10, 119–270. (In Russ.)

Solov'ev, S. M. (1991). *Sochineniya v vosemnadtsati knigakh* [*Works: in 18 Books*]. Kn. 7. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Vol. 13–14. Moscow: Mysl' Publ., 702 p. (In Russ.)

Veselovskii, S. B. (1975). *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vekov* [*Clerks of the 15th–17th Centuries*]. Moscow: Nauka Publ., 608 p. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 133–156
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-133-156
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 133–156
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. В. Духанина

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ВЫЧЕГОДСКО-ВЫМСКОЙ ЛЕТОПИСИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ О СТЕФАНЕ ПЕРМСКОМ)

Alexandra V. Dukhanina

ON THE SOURCES AND DATING OF THE VYCHEGODSKO-VYMSKAIA CHRONICLE (BASED ON ARTICLES ABOUT STEPHEN OF PERM)

Резюме. Вычегодско-Вымская летопись — памятник, содержащий уникальные сведения о ранней истории народа коми и пермских земель. Однако списки летописи не сохранились, а ее текст известен только по опубликованной копии, сделанной П. Г. Дорониным в 1927 г. Согласно предисловию и послесловию, летопись была написана усть-вымскими священниками Мисаилом и Евтихием в период с 1580-х по 1619 г. Авторитетность свода в современной науке высока, и эта датировка не вызывает сомнений у большинства исследователей. Между тем в работе 1996 г. А. Н. Власов пришел к выводу, что это компиляция, созданная усть-вымскими священниками в конце XVIII — начале XIX в. на основе разных источников, одним из которых была Повесть о Стефане Пермском, введенная им в научный оборот, но слабо изученная текстологически. Исследование рукописной традиции Повести показало, что источником Вычегодско-Вымской летописи стала вторичная Пространная редакция Повести, созданная, вероятно, в третьей четверти XVIII в. Это подтверждает предположение А. Н. Власова о позднем происхождении и компилятивном характере дошедшего до нас текста летописи, что требует критического отношения к этому источнику.

Ключевые слова: Житие Стефана Пермского, Вычегодско-Вымская летопись, Повесть о Стефане Пермском, усть-вымская книжная традиция, чудеса

Информация об авторе: Александра Владимировна Духанина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, sakhara@yandex.ru.

Для цитирования: *Духанина А. В.* К вопросу об источниках и времени создания Вычегодско-Вымской летописи (на материале статей о Стефане Пермском) // Словесность и история. 2025. № 3. С. 133–156. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-133-156

Abstract. The *Vychegodsko-Vymskaia Chronicle* contains unique information about the early history of the Komi people and the Perm lands. Early copies of this chronicle, however, have not been preserved, and its text is known only from a published copy made by P. G. Doronin in 1927. According to the preface and the afterword of this chronicle, it was written by the priests Misail and Eutychius from Ust-Vym in the period from the 1580s to 1619. The chronicle enjoys a high degree of authority in modern scholarship, and most scholars accept its dating. In 1996, A. N. Vlasov arrived at the conclusion that the chronicle text was a compilation created by Ust-Vym priests in the late 18th and early 19th centuries. According to Vlasov, it was based on various sources. One of them was the *Tale of Stephen of Perm*, which was introduced by Vlasov to a scholarly audience for the first time. Nevertheless, the chronicle remained a poorly studied text. Exploring the manuscript tradition of the *Tale of Stephen of Perm*, the author of this article argues that the source of the

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Vychegodsko-Vymskaia Chronicle was the derivative Extensive Redaction of the *Tale of Stephen of Perm*, which was probably created in the third quarter of the 18th century. This confirms Vlasov's assumption about the late origin and the compilative nature of the extant text of the *Chronicle*, which calls for a critical attitude toward this source.

Keywords: Life of Stephen of Perm, *Vychegodsko-Vymskaia Chronicle*, *Tale of Stephen of Perm*, Ust-Vym book tradition, miracles

Information about the author: Alexandra V. Dukhanina, PhD in Philology, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, sakhara@yandex.ru

For citation: Dukhanina, A. V. (2025). On the Sources and Dating of the *Vychegodsko-Vymskaia Chronicle* (Based on Articles about Stephen of Perm), *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 133–156. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-133-156

Вычегодско-Вымская летопись — очень интересный, но пока слабо изученный памятник. Значимость этой летописи определяется прежде всего тем, что она содержит целый ряд уникальных сведений о ранней истории пермских земель и народа коми. Это касается, в частности, и информации о Стефане Пермском. Так, например, под 1384 г. в ней сообщается, что Стефан Пермский основал монастырские церкви в Вотче и Яренском городке[1], — это первые упоминания села Вотча (в современной Республике Коми) и села Яренск (ныне райцентр в Архангельской области). Под 1451 г. в Вычегодско-Вымской летописи упоминается город Чердынь, центр Великой Перми (ныне Пермский край), куда московский князь Василий II назначил наместником князя Михаила Ермолаевича[2]; дата считается годом основания города, хотя в других летописях это известие не встречается [Флоря, с. 228]. В 1593 г., согласно Вычегодско-Вымской летописи, был основан городок Березов (ныне пос. Березово Ханты-Мансийского автономного округа, расположен на Северной Сосьве, притоке Оби), причем в этом участвовали коми-зыряне, ставшие его первыми жителями[3]; эта дата тоже считается годом основания. Разумеется, перечень может быть продолжен. Серьезную дискус-

[1] «[1384 г.] Лета 6892 приде Стефан от Москвы благословением митрополита и жалованием князя великого Дмитрия Ивановича и бояр его почал строити святые церкви и манастыри. Создана бысть обитель его болшая, потом епископия на Устьвыми на владычном горотке. Владыко Стефан на Устьвыме создвиг большой соборный храм Благовещения пересвятые Богородицы и другой меньшой храм монастырской архистратига Михаила, да манастырские-ж и на Вотче и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы и дьяконы в оных» [Документы по истории Коми, с. 259].

[2] «[1451 г.] Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню» [Документы по истории Коми, с. 261].

[3] «[1593 г.] Лета 7101 повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пелынь и на Березов городки строити… [1594 г.] Лета 7102 повеле князь великий Феодор взяти от вымичей и вычегжаны 10 человек лутчих людей с жоны и с детьми в Сибирь на Березов город и тамо жити…» [Документы по истории Коми, с. 267].

сию в науке вызвали новые сведения о князьях Вымских в этой летописи[4]. В связи с уникальностью материала Вычегодско-Вымской летописи первостепенны вопросы о ее происхождении и использованных в ней источниках. И хотя ранее они поднимались, но говорить об их окончательном решении пока рано. Настоящая статья представляет собой еще один шаг в этом направлении.

Историография вопроса

О происхождении Вычегодско-Вымской летописи известно следующее. Она имеет предисловие и послесловие, согласно которым летопись начал вести основатель Усть-Вымской Архангельской пустыни «черный поп» Мисаил по благословению вологодского архиепископа Антония[5]. Антоний занимал этот пост в 1586–1588 гг., т. е. летопись была начата в 80-е гг. XVI в. После смерти Мисаила работу продолжил священник усть-вымской Благовещенской церкви Евтихий, доведя повествование до 1619 г., когда вологодский архиепископ Макарий запретил местным священникам вести летописные записи[6]. По авторам летопись еще иногда называют Мисаило-Евтихиевской. Соответственно, в литературе, как правило, указывается датировка летописи по этим сведениям: 80-е гг. XVI в. — 1619 г.

История имеющегося в нашем распоряжении текста летописи такова. Согласно записи в конце, рукопись с летописью хранилась в Коми крае — в селе Оквад (ныне это деревня Оквад в Усть-Вымском районе Республики Коми). Ключевой момент заключается в следующем: неизвестно, что́ это была за рукопись — когда, где и кем она была создана. В 1813 г. по распоряжению вологодского епископа Евгения рукопись наряду с другими старинными документами, хранившимися при церквях в Коми крае, была отправлена в Вологду, но перед отправкой с нее, трех грамот великого князя Ивана III конца XV в. и таможенной уставной грамоты Вымского уезда начала XVII в. снял копии вологодский семинарист А. Шергин по просьбе старосты оквадской Введенской церкви Андроника Туистова[7]. О судьбе перевезенных в Вологду

---

[4] Библиографию см.: [Корчагин 2011].

[5] «Благословением владыко Антония вологоцкова и великопермсково се аз Мисаил грешный счини о деяниях на Перме происшедшие от времян созвижения града Устюга Великова да от времян пришествия с Русии святово Стефана от поганства идолопоклонныи ко святеи вере пермские люди приведоша...»; «Счинил сее летоповествование устьвымские архангельские пустыни строитель чорный поп Мисаил...» [Документы по истории Коми, с. 257, 271].

[6] «...а помре Мисаил по нем писал устьвымский, благовещенский поп Евтихей до лета сто двадцать седмова, и владыко Макарий вологоцкий великопермский писати не велел малым попам и причтовым людем ни по что» [Документы по истории Коми, с. 271].

[7] «По просьбе старосты Оквадской введенской церкви Андроника Туистова с подлинных снял копии вологодский семинарист А. Шергин. По указу преосвященного Евгения Вологодского

подлинников ничего не известно. Рукопись же, переписанная А. Шергиным, сначала хранилась в Окваде, потом переходила из рук в руки в среде местных крестьян, а в 1915 г. ее купил священник усть-вымской Благовещенской церкви Кириллов[8]. В 1927 г. коми писатель и краевед П. Г. Доронин обнаружил в Усть-Выми рукописную книгу под названием «Старинная летопись устьвымской архангельской и благовещенской церкви и царские грамоты». По его описанию эта «рукописная книга 1/4 формата состояла из 87 страниц текста, написанного довольно убористым почерком начала XIX века. Она была переплетена в толстую обложку холщевым покровом. До полсотни страниц в ней ничем не заполнено» [Документы по истории Коми, с. 241]. П. Г. Доронин ее скопировал. Рукопись же осталась в Благовещенской церкви, однако церковь была закрыта в 1929–1930 гг., и что стало с рукописью — неизвестно. Копия П. Г. Доронина хранилась у него и была опубликована только спустя 30 лет, в 1958 г., в четвертом выпуске «Историко-филологического сборника» [Документы по истории Коми, с. 257–271][9]. То есть ни самой рукописи с летописью, ни ее копии 1813 г. не сохранилось[10].

Тем не менее в науке превалирует точка зрения о подлинности летописи, а также о ее составлении в конце XVI — начале XVII в. и достоверности включенных в нее сведений. Без какой-либо источниковедческой критики эта летопись воспринимается историками, филологами, исследователями культуры, для которых она стала важнейшим источником по ранней истории коми и других народов[11], на нее опираются авторы вузовских учебников по истории коми[12].

Вероятно, определенную роль в таком некритическом восприятии Вычегодско-Вымской летописи сыграла историография ее источниковедческого анализа.

подлинные велено отослать в архиерейский дом на Вологду. Июня 13 дня 1813 года» [Документы по истории Коми, с. 271, примеч. 1].

[8] «Сия старинная рукописная книга приобретена за 5 рублей от местного крестьянина Степана Дьяконова для хранения в Благовещенской церкви. 1 марта 1915 года. Благочинный Кириллов» [Документы по истории Коми, с. 271, примеч. 1].

[9] Впоследствии эта публикация неоднократно переиздавалась полностью или частично, см., например, полное переиздание: [Савельева, Королев 2007], частичные: [Чернецов, с. 119–125; Савельева, Королев 1997, с. 83–92; Мацук М. А., с. 88–90] и др.

[10] Во всяком случае, на данный момент они не обнаружены.

[11] См., например: [Савельева, с. 6–7 и др.; Жеребцов; Мартынов; Туркин, с. 17–18; Чернецов; Жеребцов, Савельева, Сметанин; Котылев; История Коми; Чагин 2011; Корчагин 2020; Лимеров 2020; Мацук М. А.; Лимеров 2024; Рыжова 2024; Академическая история Югры] и многие другие (полный библиографический список в рамках настоящей статьи давать нет нужды, приведены примеры работ из разных областей гуманитарного знания).

[12] См., например: [Мацук А. М., с. 5].

В самой летописи круг источников очерчен в предисловии от имени иеромонаха Мисаила так: «А счинил сее бес хитростии и лукавства, что было что есть по царевым государевым князей великих граматам, которыи в ларцех Уствымские Архангелские пустыни, да житием святых отцов наших Стефана, Герасима, Питирима, Ионы, святителеи Пермские земли, а иные грамоты искони времян на Вологде на приказе владыки вологоцково и великопермскова роспытал» [Документы по истории Коми, с. 257].

Собственно, вопрос об источниках Вычегодско-Вымской летописи поставил уже сам П. Г. Доронин, отметив в предисловии к публикации: «Язык летописи по стилю представляет весьма пеструю картину, так как летописцы пользовались самыми разными источниками, включая сюда как местные летописи, предания, жития святых, так и официальные бумаги, присылаемые из приказа Новгородской четверти. Многие события без авторской переработки летописца механически переписаны из каких-то других источников. Только этим можно объяснить пестроту языка летописцев» [Документы по истории Коми, с. 243].

В то же время есть лишь две работы, где дается последовательный анализ источников летописи.

Хрестоматийной стала статья Б. Н. Флори «Коми-Вымская летопись», вышедшая в 1967 г. [Флоря]. Исследователь указал, что летопись составлялась на основе целого ряда источников, среди которых он назвал, в частности, не дошедшую до нас пермскую владычную летопись, откуда были взяты многие уникальные местные известия, Устюжский летописный свод, Вологодско-Пермскую и Никоновскую летописи, а также Житие Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Упомянутый в летописи и П. Г. Дорониным актовый материал и агиографии других святых он среди источников не отметил. Принимая как данность авторство и датировку Вычегодско-Вымской летописи, упомянутые в ее тексте, Б. Н. Флоря вообще не поднимал вопросов о ее подлинности, достоверности и времени создания[13], и в дальнейшем это было автоматически воспринято исследователями как отсутствие необходимости в их постановке.

Спустя 30 лет к истории Вычегодско-Вымской летописи обратился А. Н. Власов. Он указал ряд новых источников и сделал вывод, что летопись является компилятивным сочинением и была составлена на основе летописных записей, сделанных священниками Мисаилом в конце XVI в. и Евтихием в начале XVII в., других летописей, записей местного Синодика начала XVIII в.

[13] Видимо, этим объясняется тот факт, что возможность обращения составителей летописи к более поздним источникам (начиная с XVII в.) Б. Н. Флоря не рассматривал.

о поставлении и кончине архиереев с привлечением других местных сочинений и сказаний (каких именно — прямо не указано); составляли это летописное сочинение усть-вымские священнослужители в конце XVIII — начале XIX в. [Власов 1996, с. 46–47]. Однако работа А. Н. Власова в отношении этого вывода о Вычегодско-Вымской летописи оказалась маловостребованной и какой-либо реакции в научной среде не вызвала.

Источники статей о Стефане Пермском

Посмотрим, что дает для решения вопроса о происхождении и источниках Вычегодско-Вымской летописи материал статей о Стефане Пермском.

В Вычегодско-Вымской летописи деятельность Стефана Пермского описывается в статьях за 1379–1396 гг.[14] (с момента прихода Стефана на проповедь в Пермскую землю и до его кончины в Москве) [Документы по истории коми, с. 258–260], причем в отдельных случаях в годовые статьи внесены и другие сведения, а некоторые статьи на этом интервале не содержат имени Стефана, но рассказывают о событиях в его епархии, ср.:

Год	Содержание
6887 (1379)	Уход иеромонаха Стефана по прозвищу Храп в Пермскую землю. Начало крещения на Пыросе и на Виляди.
6888 (1380)	Основание Стефаном городка Усть-Вым и крещение 800 человек.
6891 (1383)	Приход Стефана в Москву с просьбой о епископе для Пермской земли и поставление Стефана епископом Пермским.
6892 (1384)	Возвращение Стефана из Москвы, основание Благовещенской церкви и монастыря Архистратига Михаила; основание монастырей в Вотче и Яренском городке. Поставление клириков. Сообщение о создании пермской грамоты и переводе книг. Сожжение кумирниц. Прения с Пан-сотником. Уход не захотевших креститься на Удору и на Пинегу.
6893 (1385)	Отправление архиепископом Новгородским дружинников в Пермскую епархию. Обращение Стефана к жителям Устюга за помощью. Поражение новгородцев «под Чорной рекой под Солдором».
6894 (1386)	Нападение новгородцев по пути из похода на Волгу на вычегодские и устюжские волости. Возвращение захваченных земель князем Дмитрием. Поездка Стефана в Новгород и заключение мира для Пермской епархии.
6897 (1389)	Нападение язычников-пермян с Удоры и Пинеги на Яренский городок, сожжение монастыря.
6900 (1392)	Приход к Усть-Выму вогуличей во главе с Пан-сотником, сожжение погостов и бегство от городка после слуха о прибытии устюжан на подмогу.
6904 (1396)	Кончина Стефана в Москве.

[14] Здесь и далее даты от Р. Х. даются по публикации П. Г. Доронина [Документы по истории коми].

Б. Н. Флоря подробно рассмотрел этот блок летописных статей и указал, что он сложен по составу и строится на нескольких источниках, среди которых было епифаниевское Житие Стефана Пермского, какие-то устные или записанные местные предания и, возможно, местные летописные источники [Флоря, с. 225–227].

Часть текста статей о Стефане имеет основным источником епифаниевское Житие: это в разном объеме статьи о поставлении Стефана в епископа Пермского под 1383 г., о деятельности Стефана в Перми после поставления под 1384 г. и о кончине Стефана в Москве под 1396 г. [Флоря, с. 225–226]. Отметим, что для составления статей использовалась именно Епифаниевская редакция Жития[15]: как показало сопоставление текстов, все известные нам позднейшие редакции Жития, вплоть до появившихся в XVIII в., источником быть не могли[16].

В то же время с другими летописями фактические соответствия находятся только для трех сообщений: о поставлении Стефана в епископа Пермского под 1383 г., о его поездке в Новгород под 1386 г. и о кончине Стефана в Москве под 1396 г.[17] Но текстуально с другими летописными статьями эти сообщения в Вычегодско-Вымской летописи не совпадают[18]. То есть даже те статьи,

[15] Понимая под термином «житие» *агиографический текст о святом в совокупности его разновидностей* (включая первичную), текст Жития, написанный Епифанием, мы будем в дальнейшем называть Епифаниевской редакцией.

[16] Например, только на основе Епифаниевской редакции могла быть составлена заключительная фраза летописной статьи под 1396 г.: «Како весть дошла до Пермские земли апостола, учителя, вожа, наставника не стало, разрыдася людие пермские, предася скорби вся Пермская сторона» [Документы по истории Коми, с. 260]. На уровне образов и лексики она пересекается с Плачем пермских людей и Плачем Церкви Пермской, которые в кратких редакциях Жития опускаются, ср.: «И егда *приде к ним вѣсть* си, възвѣщающи к ним и глаголющи: „Придѣте, новокрещении пермьстии сбори, и видите и слышите, как учитель вашь преставися..."»; «Тебе же, о епископе Стефане, Пермьская земля хвалит и чтит *ако апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника*, яко наказателя, яко проповѣдника...»; «...они же, едва услышаша преставление его, *въсплакаша съ слезами* и *в тузѣ сердечнѣй вопиаху*...»; «Егда убо *людем пермьским печалующим и тужащим* по своем си епископѣ ⟨...⟩ услышано же бысть се въ ушию церкви, сущаа в Перми, яко епископъ ея преставися. Почютила печаль чад своих, услышала *скорбь людей своих*, яко услыша *глас плача* их» [Житие, с. 212, 218, 222].

[17] Все эти сообщения читаются, например, в Никоновской летописи [ПСРЛ 1897, с. 82, 87, 164–166], которую Б. Н. Флоря указывает как один из источников Вычегодско-Вымской летописи. При этом информация, помещенная в Никоновской летописи под 1391 г., — о посещении митрополитом Киприаном Твери, с которым среди других иерархов был и Стефан Пермский [ПСРЛ 1897, с. 126], — в Вычегодско-Вымской летописи не отражена. Это объясняется отсутствием связи этих сведений с Пермской землей.

[18] В то же время даты событий, несомненно, брались из летописного источника (Житие из этих трех дат содержит только год кончины). При этом в статье под 1396 г. о кончине Стефана обнаруживается частичная параллель с летописным текстом, ср. в Вычегодско-Вымской лето-

которые могли быть взяты из других летописей, создавались, полностью или частично, на основе житийного текста или других источников.

Этими другими источниками Б. Н. Флоря называет либо местные летописные записи, либо записи поздних преданий, существовавших в среде усть-вымского клира. К ним восходят и географическая информация в статьях под 1379, 1384, 1386 гг., и полностью статьи под 1380, 1385, 1389, 1392 гг.

Особо Б. Н. Флоря отметил выделяющуюся на фоне остальных статью под 1380 г. о строительстве городка Усть-Выми, где рассказывается о чудесах Стефана: Стефан поселился близ устья реки Вымь, возле пермской кумирницы, и крестил несколько пермян; недовольные этим язычники-пермяне, призвав волхва Пан-сотника, собравшего более тысячи пермян из окрестных мест, дважды нападали на Стефана, он обращался к Богу, они слепли, просили об исцелении и затем прозревали по молитвам Стефана, после чего в первый раз расчистили луг под горой, а во второй — построили укрепленный городок; после строительства Стефан крестил 800 человек, остальные же, не захотев креститься, ушли во главе с Пан-сотником.

Сопоставляя эту летописную статью с написанным Епифанием Премудрым текстом Жития Стефана Пермского, Б. Н. Флоря обратил внимание на то, что они противоречат друг другу: в Житии неоднократно говорится о нападениях пермян на Стефана, которые, однако, ничем не заканчивались — столкновения не происходило, так как Стефан не вступал в бой и увещевал их словом Божиим. Из этого Б. Н. Флоря сделал вывод, что с рассказом об ослеплении пермян Епифаний знаком не был [Флоря, с. 226]. Источник сюжета для Б. Н. Флори остался неизвестен. Он полагал, что это поздняя местная легенда.

Впоследствии для летописной статьи под 1380 г. источник был обнаружен: А. Н. Власов определил, что она имеет параллели с так называемой Повестью о Стефане Пермском, которую исследователь ввел в научный оборот [Власов 1996, с. 15–24; 2001; 2007][19]. Обращение к этому тексту позволяет уточнить точку зрения о времени составления Вычегодско-Вымской летописи.

писи: «[1396 г.] Лета 6904 преставился епископ пермский Стефан на Москве…» [Документы по истории Коми, с. 260] — в Никоновской летописи: «Того же лѣта преставися Стефанъ епископъ Пермьский, мѣсяца Апрѣля 26…» [ПСРЛ 1897, с. 164]. Однако здесь следует говорить, скорее всего, о традиционной летописной формуле, которой передавалась запись о кончине того или иного иерарха, а не о цитировании.

[19] Местные краеведы и историки еще в XIX в. были знакомы с Повестью и привлекали ее как источник при восстановлении истории деятельности Стефана Пермского (см., например: [Михайлов]), но как самостоятельный памятник сочинение не исследовалось.

Текстология Повести о Стефане Пермском

В Повести центральная агиографическая традиция, восходящая к Епифаниевской редакции Жития Стефана Пермского, объединена с усть-вымской традицией, передающей местные чудеса святителя, а также уникальные сведения о его деятельности. Заглавие сочинения полностью соответствует его содержанию — по старшему списку оно звучит так: «Мѣсяца апрѣля въ 26 день. // Повѣсть о рождении иже во святыхъ отца нашего Стефана, епископа Пермскаго, чюдотворца, и о приходе его из Руси в Пермскую страну на Усть-Вымъ, и о устроении мѣста, и о низложении идолопоклоннои вѣры, и о сокрушении кумирницы» (НБ ИГУ. № 127. Л. 9 об.–10).

А. Н. Власову Повесть была известна всего в двух списках середины XVIII и начала XIX в., и потому, в силу ограниченности материала, его выводы о текстологии произведения оказались неполными и не всегда точными (более того, в его статьях они разнятся), что, в свою очередь, сказалось на выводах других исследователей, опиравшихся на его работы. Так, признавая Вычегодско-Вымскую летопись памятником конца XVI — начала XVII в. и при этом соглашаясь с А. Н. Власовым в том, что Повесть о Стефане Пермском была источником статьи под 1380 г., П. Ф. Лимеров искал датировку Повести в период до конца XVI в. и в итоге отнес ее к концу XV в., когда епархию возглавлял епископ Филофей [Лимеров 2020, с. 128–129; 2024, с. 212, 214]. Как будет показано ниже, этот вывод совершенно неправомерен.

Списки Повести, которыми располагал А. Н. Власов, представляют две разновидности текста: краткую **(**РНБ. Q.I.1036. Л. 1–14, вторая половина XVIII в. (60–70-е гг. (?)**)** и пространную, распространенную по сравнению с краткой несколькими большими вставками (НАРК. № 474, начало XIX в.). И А. Н. Власов в своих ранних работах, и, видимо, вслед за ним Е. А. Рыжова считали пространный текст Повести первичным, но аргументов в пользу его первичности не привели[20]. При этом в более поздней статье А. Н. Власов уже говорит о вторичности списка с пространным текстом Повести и считает, что эта переработка была сделана в начале XIX в., причем «тем же переписчиком, который имел отношение к сборнику, обнаруженному П. Дорониным», т. е. А. Шергиным, который сделал копию Вычегодско-Вымской летописи

[20] А. Н. Власов прямо не указал, какая из разновидностей текста Повести первична, но судя по тому, что при анализе привлекался список пространной разновидности, именно ее он рассматривал как первичную (хотя текст он опубликовал по списку краткой разновидности, как более раннему) [Власов 1996; Повесть; Власов 2001]. Е. А. Рыжова лишь заметила: «Пространный список 80-х гг. XVIII в. РНБ, O.I, № 326, по нашим наблюдениям, отражает начальную редакцию Повести, а более ранний список, середины XVIII в., РНБ, Q.I., № 1036 — ее сокращенную редакцию» [Рыжова 2007, с. 438].

в рукописи 1813 г. [Власов 2007, с. 711]. Текстологическое исследование Повести позволило прояснить картину.

Рукописная традиция Повести о Стефане Пермском подробно проанализирована в отдельной статье [Духанина 2026]. Здесь будут представлены лишь основные выводы.

На данный момент выявлено 9 списков Повести[21]. Самый ранний из них датируется 10–20-ми гг. XVIII в., самый поздний — второй половиной XIX в.

Списки отражают две редакции: первичную Краткую (старший список ИГУ 127, 10–20-е гг. XVIII в.) и вторичную Пространную (старший список О.I.326, 60–70-е гг. XVIII в.). Датировки старших списков делают несостоятельными рассуждения А. Н. Власова о создании первичного текста не ранее 1745 г., а пространного — в начале XIX в. А. Шергиным [Власов 2007].

Источниками Краткой редакции Повести стали Епифаниевская редакция Жития Стефана Пермского и местные усть-вымские устные или записанные предания о его чудесах. Из Епифаниевской редакции Жития взято в пересказе начало текста: биографические сведения о происхождении Стефана и его жизни до прихода в Пермскую землю. Далее в Повести следуют рассказы об ослеплении язычников-пермян (включая чудо о умножении пищи) и о «прокудливой» березе, основанные на местных преданиях, но литературно отчасти оформленные с опорой на епифаниевский текст.

Когда Повесть была создана — неясно. Ее текст таких указаний не содержит, но здесь можно привлечь данные конвоя. Дело в том, что многие списки обеих редакций Повести, в том числе старший, ИГУ 127, сопровождаются в некоторых рукописях конвоем из нескольких текстов. После Повести помещено «Изъявление о начале Пермской епископии, иже быша на Усть-Выми епископи»[22], за которым следует сообщение о написании в 7115 (1607) г. при царе Василии Ивановиче Шуйском и патриархе Гермогене образа «трех святителей Герасима, Питирима и Ионы, епископов усть-вымских и великопермских, чудотворцев», который был положен на их гробнице. Канониза-

[21] 1) НБ ИГУ. № 127. Л. 9 об.–33, 10–20-е гг. XVIII в., не ранее 1717 г. (далее — ИГУ 127); 2) РНБ. О.I.326. Л. 1–28, 60–70-е гг. XVIII в. (далее — О.I.326); 3) РНБ. Q.I.1036. Л. 1–14, вторая половина XVIII в. (60–70-е гг. XVIII в. (?)) (далее — Q.I.1036); 4) РГБ. Ф. 199 (собр. П. Н. Никифорова). № 114. Л. 3–21 об., конец XVIII в.; 5) НАРК. № 474. Л. 1–14, начало XIX в. (далее — НАРК 474); 6) РНБ. Q.I.1216. Л. 1–8, 10-е гг. XIX в.; 7) НМРК. Р-48. Л. 2–9, 20-е гг. XIX в.; 8) РНБ. Собр. Русского Археологического общества. № 21. Л. 2–17 об., 30-е гг. XIX в.; 9) РНБ. F.XVII.112. Л. 23–32 об., вторая половина XIX в., до 1890 г. (копия списка О.I.326).

[22] Небольшие справки о руководителях епархии начиная со Стефана Пермского и заканчивая епископом Иоасафом (возглавлял кафедру после 1558 — до 60–70-х гг. XVI в.).

ция этих святых состоялась в 1607 г.[23] Последняя часть конвоя — Сказание о чудесах пермских епископов святителей Герасима, Питирима и Ионы, где первые датированные чудеса относятся к 1609 г., а последние — к 1717 г. В связи с приведенными данными можно относить появление Краткой редакции Повести ко времени около 1607–1609 гг. Однако можно предположить и другую возможность — создание Краткой редакции Повести примерно на век позднее, во второй половине 10-х гг. XVIII в.: этим временем датированы самые поздние чудеса в Сказании и самый ранний известный список Повести с конвоем (ИГУ 127); как показали А. Н. Власов и Е. А. Рыжова, именно в это время в Усть-Выми активизировалась работа по сбору сведений о пермских епископах и, соответственно, местная книжная традиция: по мнению Е. А. Рыжовой, «Изъявление» и Сказание могли быть написаны священником усть-вымской Благовещенской церкви Евтихием Петуховым около 1717 г. [Власов 1996, с. 27–30; Рыжова 2024, с. 191–196].

Пространная редакция Повести о Стефане Пермском вторична. При ее составлении текст Краткой редакции был существенно расширен за счет механических вставок из других источников. Довольно обширный фрагмент из печатного Пролога о происхождении, обучении и пострижении Стефана заменил более короткое повествование первичной Краткой редакции (почти дословное воспроизведение текста позволило даже установить, с каким изданием работал составитель Пространной редакции Повести: им было издание мартовского тома 1660 г.). Из печатного Пролога была выписана также небольшая вставка, передающая подробности основания Благовещенской церкви. Епифаниевская редакция Жития стала источником двух крупных вставок: 1) известного экскурса о народах и реках Перми и окрестных территорий и 2) диалога Пан-сотника и крещеных пермян, в ходе которого волхв увещевает их вернуться в прежнюю, языческую веру (помещен в самом конце Повести).

При этом в Пространной редакции и в текст, восходящий к Краткой редакции, и в текст вставок введены дополнительные сведения, взятые из каких-то других источников. Так, в тексте вставки из печатного Пролога об основании Благовещенской церкви в Усть-Выми появилось сообщение, что впоследствии там был основан монастырь во имя Архангела Михаила. А в текст этногеографической вставки из Епифаниевской редакции Жития были включены следующие данные: упоминается вишера как еще одна народность, живущая

[23] А. Н. Власов в ранних работах именно к этому году приурочил составление протографа, а в более поздней статье даже «подлинника рукописи» НАРК 474 с пространной разновидностью Повести [Власов 1996, с. 18; 2001, с. 16]; в статье же 2007 г. он относил создание первичного текста Повести к 1745 г. (см. выше), что не выдерживает критики.

по соседству с пермянами; к рекам добавлена Вымь и указан город Чердынь[24]; распространена географическая информация о реке Каме[25]; наконец, дважды Пермь получает эпитет Великая. Некоторые из этих дополнительных сведений находят соответствие в других частях текста Пространной редакции Повести: о Вишере, как некоем месте, куда пермяне-язычники ходили за подмогой против Стефана, упоминается далее в тексте Повести (это общий текст обеих ее редакций); Чердынь еще раз появляется в отдельной вставке в Пространной редакции Повести, сообщающей географические подробности о бегстве не желавших креститься пермян[26]; наконец, в заглавии Пространной редакции Повести Стефан именуется не Пермским, как в Краткой редакции, а Великопермским[27].

---

[24] Ср.: «Незнаемо же, како изь единыя страны втекоша две рѣце: Вымъ и Вычегда, // и Кама, тамо же, верху реки, Чердынъ, веси многие земли живущеи, глаголемая Чусовая великая: овы убо воды грядяху на полунощи, овы же на полудни» (О.I.326. Л. 5 об.–6).

[25] Ср.: «Кама падетъ на Волгу, Волга падетъ в море Чермное» (О.I.326. Л. 5 об.).

[26] Ср.: «И иные пермяне людие другую страну бѣжаша по Вычегдѣ и волок // в Чердинъ и в Каму, вогуличъ, вятки, идоша и пожиша тамо» (О.I.326. Л. 20–20 об.).

[27] «Мѣсяца апрѣля въ ⟨*так!*⟩. Повѣсть о рождении и о крещении иже во святыхъ отца нашего Стефана, епископа Великопермскаго, чудотворца, и о приходе его из Руси въ Пермскую страну на Усть-Вым, и о устроении мѣста, и о низложении идолопоклоннои вѣрѣ, и о сокрушении кумирьницы, и о прочемъ» (О.I.326. Л. 1). Учитывая, что Вишера и Чердынь относятся исконно к землям Перми Великой, можно рассматривать бóльшую часть перечисленных вставок как попытку распространить таким образом миссионерскую деятельность Стефана Пермского также на земли Перми Великой (хотя его проповедь проходила на землях Перми Вычегодской, христианизация же Перми Великой и ее присоединение к Пермской епархии связаны с именем пермского епископа Ионы (возглавлял епархию в 1455–1459 — 1470 гг.)). Впрочем, это может быть связано и с источниками. Учитывая географические подробности, можно полагать, что у вставок был письменный источник, где Стефан действует в Перми Великой: в подобных текстах могли найти отражение такие явления, как постепенное возрастание роли Перми Великой в регионе, что началось уже в последней трети XV в. и проявилось в расширении понятия «Пермь Великая» на всю территорию пермских земель, а также довольно рано сформировавшееся почитание Стефана Пермского как основателя Пермской епархии на землях Перми Великой [Чагин 1996]; сюда же можно отнести и влияние именования епархии: «с 1492 г. Великопермская и Вологодская, с 1589 г. Вологодская и Великопермская» [Кузьмин, Смирнова, Шамина, Шаршаков, с. 240]. (Упоминания Великой Перми в связи со Стефаном Пермским встречаются уже в последней четверти XV в. и продолжают появляться в текстах позднее. Ср., например, в ряде списков Новгородской IV летописи, начиная со Строевского, последней четверти XV в.: «Пріѣздилъ въ Великій Новъгородъ, въ великое говѣніе, Стефанъ владыка Перемьскій, изъ Великой Перми, что крещалъ Пермичь» [ПСРЛ 1848, с. 94]. Пример из агиографии дает Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, созданная, скорее всего, в Пскове в 40-е гг. XVI в., где используется топоним Пермь Великая для обозначения территории, где святитель вел свою деятельность (см.: [Духанина 2018, с. 135–136]).)

Вторичность Пространной редакции Повести очевидна, это подтверждают следующие аргументы. Крупные вставки из других источников механические, практически дословные, при их введении получились текстологические швы. Дополнительные «географические» вставки содержательно пересекаются и обнаруживаются как в основном тексте (восходящем к Краткой редакции), так и в тексте фрагментов, взятых из других источников. Весь текст Пространной редакции Повести — как части, восходящей к Краткой редакции, так и вставок — подвергся единой языковой и стилистической правке, выразившейся в поновлении языка и прояснении. Но что самое главное, есть аргументы в пользу составления Пространной редакции Повести в третьей четверти XVIII в.: цитаты из Псалтири в епифаниевском тексте вставок приведены в соответствие с текстом Елизаветинской Библии; языковая правка находит аналогию в правке в третьем издании «Книги житий святых» 1759 г.; как косвенный аргумент можно рассматривать также введение во второй вставке из Епифаниевской редакции Жития фразы со словом «долговласые» — вероятно, уничижительным обозначением священников, которое не могло появиться ранее XVIII в. При этом старший список Пространной редакции Повести О.I.326 датируется 60–70-ми гг. XVIII в. Поэтому, на наш взгляд, Пространная редакция Повести была составлена, скорее всего, в 50–70-е гг. XVIII в.

Повесть о Стефане Пермском как источник Вычегодско-Вымской летописи

Для темы настоящей статьи, естественно, интересна специфика передачи сюжета об ослеплении язычников. Он представлен и в Краткой, и в Пространной редакциях Повести, при этом в более распространенном виде по сравнению со статьей под 1380 г. Вычегодско-Вымской летописи. Если в летописи пермяне слепнут и прозревают дважды: после первого ослепления они расчищают луг под горой, а после второго ослепления строят на горе городок, — то в Повести язычники слепнут и прозревают четыре раза: первые два раза — как в летописи, причем во второй раз появляется дополнительный сюжет — чудо о питании более тысячи строителей-пермян тремя хлебами, тремя сухими рыбами и сосудом воды (явная евангельская параллель); затем в третий раз после ослепления и прозрения они «строят» гору уже на другой стороне реки, и лишь после четвертого ослепления и прозрения пермяне уверовали в Бога и Стефан крестил их. Еще одно существенное разночтение: в Повести пермян-язычников, пришедших с Пан-сотником и участвовавших в чуде, «до тысящи и более», и после последнего ослепления и прозрения

Стефан крестит «тысящу мужей», остальные немногие (видимо, «и более») не захотели креститься и ушли с Пан-сотником[28], тогда как в Вычегодско-Вымской летописи при таком же числе участников чуда («до тысящех и боле») число крестившихся иное — 800[29].

Как соотносятся эти два текста?

А. Н. Власов указал, что летописный текст статьи под 1380 г. о строительстве владычного городка и ослеплении язычников-пермян вторичен «по отношению к содержанию повести» [Власов 1996, с. 24]. Это действительно так. При этом, что принципиально важно, он вторичен по отношению к тексту Пространной редакции Повести[30]. Приведу ряд примеров:

Краткая редакция Повести	**Пространная редакция Повести**	**Вычегодско-Вымская летопись**
«И поиде Пан-сотникъ и с нимъ многи люди пермстии *к пребывалищу святаго и начаша злъ наступати*, хотяху келлию разбити, и святаго отгонити или смерти предати, несяху с собою всякъ дреколие, и луки, и стрѣлы. Но святыи, видя ихъ *тако* ярящихся, *а нимало от таковаго их злаго нападения убояся, но* силою святаго запретивъ имъ. Вси бо во единъ часъ ослѣпоша, хто и гдѣ бѣ, и не возмогоша святому зла содѣяти, *занеже Господь Богъ соблюдаше святаго.* И начаша они Пан-сотникъ и с нимъ пермяне-идолопо-	«И поиде Пан-сотникъ и с нимъ многи люди пермстии *пребывалищу святаго и начаша злъ наступати*, хотяху келию разбити, святаго отгонити или смерти предати, несяху собою всякъ дреколие, и лукъ, и стрѣлы. Но святыи, видя ихъ *тако* ярящихся, *а немало от таковаго ихъ злаго не убояся нападения от нихъ, но* силою святаго запретивъ им. Вси бо во единъ часъ ослѣпоша, кто и гдѣ бысть, и не возмогоша святому зла дѣлати, *занеже Господь Богъ сохряняше ⟨так!⟩ святаго.* И начаша они Пан-сотникъ и с нимъ	«И поиде Пан-сотник оным многоми людьми пермстии, хотяху келью разбити и Стефана отогнати или смерти предати, несяху собою всяк дреколие и лук и стрелы. Стефан, видя их ярящихся, силой всевышнего запрети им, и вси бо един час ослепоша, кто и где бысть, и не возмогоша Стефану делати зла. И начаша они, Пан-сотник и с ним пермяне-идолопо-

[28] Ср.: «И мнози, яко и тысяща мужеи, въ радости крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Пан-сотникъ же и с ним мало людеи еще не восхотѣша креститися, отидоша» (ИГУ 127. Л. 28); так же в Пространной редакции Повести.

[29] Ср.: «И крестил Стефан той час ко святей вере восемьсот идолопоклонници пермстии: Пан-сотник с отстатком возяращеся и претяху новопросветившиеся Стефана слушатися, а его Пана слушати, но зла Стефану не могуще делати, понеже их малолюдно и вшедши восвояси» [Документы по истории Коми, с. 259].

[30] А. Н. Власов в ранних статьях не указывает, по отношению к какому тексту Повести — краткому или пространному — вторичен летописный текст, но сравнение проводит с пространным текстом Повести (см.: [Власов 1996; 2001]). В поздней статье он прямо указывает, что пространный текст Повести является переработкой краткого, но в то же время из его изложения следует, что пространный текст Повести составлен на основе летописной статьи путем ее распространения [Власов 2007, с. 711–715], что неверно, так как соотношение текстов обратное.

клонницы молити святаго, дабы Господеви помолился о прозрѣнии, и дарове и посулы обѣщающе, и подѣлия на ся налагающе, и рѣша: „Да не гонимъ тебе отсюду“» (ИГУ 127. Л. 15–16).	пермяне-идолопоклонницы молити святаго, дабы Господу Богу помолился о прозрѣнии, и дарове обѣщаша, и посулы, и подѣлия на нихъ полагаше, и глаголаше: „Не гонимъ тебе отсюду“» (О.I.326. Л. 9 об.–10).	клонници молити Стефана, дабы Господу богу помолился о прозрении, и дары обещающе и посулы и поделия на них полагаша, глаголяху: не гоним тебя отсюду» [Документы по истории Коми, с. 258].
«*И начаша* они пермяне *къ* пути ятися *и* в тои часъ на брезѣ раскаяхуся, яко „много *святому* безмездно содѣлахомъ“. Сами же утруждшеся, *и одеждамъ на нихъ в таковьи работѣ придравшихся,* и начаша о наимѣ сѣтовать, зѣло бо стужиша, и поденное наятие у Пан-сотника просяще, и крамоляще на Пан-сотника, яко: „ты насъ поработилъ новопришедшему старцу, *а таковую нужду, еже бѣ во ослѣплении, святому обѣщавшеся, — все ни во что вмѣниша*“» (ИГУ 127. Л. 17–17 об.).	«*И начаша* они пермяне *к* пути ятися *и* вь тои часъ на брегѣ раскаятися, яко много *святому* Стефану безь мзды содѣлаша. Сами же утруждшеся, *и одеждамъ на нихъ таковои работѣ придравшихся,* и начаша о наимѣ сѣтовать, зѣло бо стужиша. И поденное наятие у Пан-сотника просяще, и крамоляще на Пан-сотника, яко: „ты поработиль еси новопришедшему старцу, *а таковую нужду, еже бысть во ослеплении, святому обѣщавшеся — все ни во что вмѣниша*“» (О.I.326. Л. 10 об.–11).	«Они пермяне путятися в той час на берег, раскаящася, яко много Стефану без мзды зделаша, сами же утруждашеся и начаша о найме сетовать, зело бо встужима и поденное и наятие, у Пама-сотника просяще и крамоляще на Пам-сотника, яко ты поработил есть новопришедшу старцу» [Документы по истории Коми, с. 259].
«Но святыи ничтоже требуя, еже взяти, точию подѣлие даде имъ, еже гору ону, на неиже келлия святаго, окопати и осыпати, и на розных мѣстѣхъ рвы содѣяти и устроити ю, якоже годѣ *святому*. Они же пермяне с радостию вси обѣщавшеся по святаго заповѣди содѣлати, и вси *абие* во единъ часъ прозрѣвше, и наченше гору ту устрояти, осыпи дѣюще, и три рвы ископаша, и устроиша гору ту велми красну, якоже годѣ святому» (ИГУ 127. Л. 18 об.–19).	«Но святыи ничтоже требуя, еже взяти, точию работу даде имъ, еже гору ону на неиже келия святаго, окопати и осыпати, и на зорных мѣстехъ рвы дѣлати и строити его, якоже угодно *святому* Стефану. Они же пермяне с радостию вси обѣщавшеся по святаго заповѣди дѣлати, и вси *абие* во единъ часъ прозрѣвше, и наченше гору того устрояти, осыпи дѣлающе, и три рвы ископаша, и устроиша гору того велми красну, акоже угодно святому» (О.I.326. Л. 12–12 об.).	«Но Стефан, ни что не требуя еже взяти, точию работу даде им: еже гору ону, на ней же келья его и окопати, и осыпати, и назорных мест рвы делати, и строити его, яко же угодно Стефану. Они же пермяне с радостию вси обещавшися по Стефана заповеди делати, и вси в един час прозревши, начаше гору того устрояти, осыпати делающе и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну, якоже угодно Стефану» [Документы по истории Коми, с. 259].

Как видим, сокращение в летописи было пословным, опускались слова и целые фразы — они выделены курсивом. В то же время при наличии разночтений в редакциях Повести чтения Вычегодско-Вымской летописи совпадают с чтениями Пространной редакции — такие разночтения подчеркнуты. Совершенно очевидно, что летописная статья под 1380 г. имеет своим источником именно вторичную Пространную редакцию Повести, текст которой

переписывался практически дословно, при этом сокращаясь по большей части чисто механически. Единственное фактическое разночтение в текстах связано с разницей в числе крещенных Стефаном пермян после ослепления: тысяча в Повести и 800 в летописи, но здесь можно предполагать как влияние какого-то другого, неизвестного источника, так и собственные вычисления автора летописной статьи, который мог взять цифру 800 как некую произвольную цифру для обозначения большинства от «тысящи и более», чтобы завуалированно указать, сколько примерно язычников-пермян могло уйти с Пан-сотником.

Поскольку статья под 1380 г. Вычегодско-Вымской летописи имеет источником текст Пространной редакции Повести, которая возникла в третьей четверти XVIII в., данная статья должна была появиться не ранее этого времени.

Вторичность текста статьи под 1380 г. Вычегодско-Вымской летописи по отношению к тексту Пространной редакции Повести позволяет вернуться к вопросу об источниках уникальных сведений в других летописных статьях о Стефане Пермском. И здесь наблюдается довольно любопытная картина. Из таких сведений параллель с текстом Пространной редакции Повести[31] обнаруживается только в одном случае — в статье под 1384 г., в сообщении об основании в Усть-Выми монастыря Архистратига Михаила, ср. в Повести, где о нем упоминается дважды: «...и постави церкви во имя Пресвятыя Богородицы честнаго Ея Благовѣщения. И украси ея всѣмъ украшениемъ церковнымь, яко невѣсту Христову, на мѣсте, нарицаемѣмъ на устии Выми-реки. Послѣди же создана бысть тамо обитель святаго Архаггеловъ, и потомъ епископия его наречена бысть»; «А на томъ мѣсте святыи Стефанъ восхотѣвъ и церковъ воздвиже святыхъ архистратиговъ Михаиила ⟨*так!*⟩ и Гавриила, прочихъ небесныхъ безплотныхъ силъ, да побѣдятъ мечтанную силу, и монастыръ устроивъ. Послѣди же и другую церковь во имя великаго святителя Николая Чудотворца постави во славу // Христа Бога нашего, а на похвалу впредъ будущым родомь» (О.I.326. Л. 21, 24 об.–25) — в летописи: «Владыко Стефан на Устьвыме создвиг большой соборный храм Благовещения Пересвятые Богородицы и другой меньшой храм монастырской Архистратига Михаила, да манастырские-ж и на Вотче, и на Еренском горотке» [Документы по истории коми, с. 259]. При этом в данном случае текстуальной близости Повесть и летопись не обнаруживают. Других фактических совпадений уникальных сведений Повести и Вычегодско-Вымской летописи нет. Можно полагать,

[31] Далее в этом разделе для краткости Пространную редакцию Повести мы будем называть просто «Повесть», так как речь будет идти только о ней.

что информация о монастыре Архистратига Михаила бралась не из Повести, тем более что в том же предложении в летописи сообщается об основании еще двух монастырей — в Вотче и Яренском городке, — о чем в Повести нет ни слова, зато в ней говорится об основании церкви Николая Чудотворца, о которой в летописи не упоминается. Более того, мы наблюдаем целый ряд фактических противоречий в этих текстах. Так, в Повести дважды упоминается Чердынь, которая в летописи впервые появляется только под 1451 г. (см. примеч. 2). В Повести сообщается об уходе язычников-пермян из Усть-Выми двумя группами — одна, во главе с Пан-сотником, пошла за Урал и достигла городка Березова, вторая — на Чердынь и Каму: «Пан-сотникъ же с нимъ мало людеи еще не восхотѣша креститися и отидоша от Усть-Выми по Вымиреки. Приидоша Княжь погостъ, веси своя, и в домѣхъ своих мало поживша, и отиде по Вымѣ-реке верхъ, волокъ преиде и за волокъ поиде по Обѣ-реке Березовъ, тамо и пожиша. И иные пермяне людие другую страну бѣжаша по Вычегдѣ и волок в Чердинъ и в Каму, вогуличъ, вятки, идоша и пожиша тамо» (О.I.326. Л. 20–20 об.), — тогда как в летописи в статье под 1384 г. говорится об уходе Пан-сотника с язычниками-пермянами на Удору и Пинегу. Особо здесь стоит отметить упоминание городка Березова, который, согласно Повести, существовал уже при Стефане Пермском[32], а согласно Вычегодско-Вымской летописи, был основан только в 1593 г. (см. примеч. 3), почти спустя два столетия после его кончины. По отношению к данным летописи эта информация Повести выглядит анахронизмом.

Из сказанного можно сделать вывод, что Повесть как источник была привлечена только при составлении статьи под 1380 г. Вычегодско-Вымской летописи, при составлении же других статей о Стефане Пермском ее материал не использовался — они основаны на иных источниках, причем автора их разночтения с текстом Повести не интересовали (подобный вывод — о несовпадении сведений Вычегодско-Вымской летописи и «Изъявления о начале Пермской епископии, иже быша на Усть-Выми епископи», встречающегося в конвое Повести в рукописях, т. е. о том, что составители последнего не соотносили данные этих текстов, — делают А. Н. Власов и Е. А. Рыжова [Власов 2007, с. 716–717; Рыжова 2024, с. 184–190]). Это, в свою очередь, позволяет задуматься о том, не могли ли у статьи под 1380 г. и других статей о Стефане Пермском быть разные авторы, даже, возможно, работавшие

[32] Источник этого сообщения не выявлен, но о бегстве язычников из Пермской земли за Урал, на Обь (без упоминания Березова), сообщает Н. Витсен в книге «Северная и Восточная Тартария», написанной в конце XVII в., а также авторы XVIII в.: Г. Н. Новицкий, академики Г. Ф. Миллер и И. Г. Георги (подробно см.: [Академическая история Югры, с. 377–378]).

над своими текстами не одновременно. Косвенно это подтверждается тем, что в Вычегодско-Вымской летописи из всех статей о Стефане Пермском статья под 1380 г. единственная столь большого объема и повествует о его чудесах, стилистически она существенно выбивается из общего ряда. Эти наблюдения соответствуют выводам А. Н. Власова, признавшего летопись поздним компилятивным сочинением, над которым работали несколько составителей.

Между тем некоторые исследователи, не углубляясь в вопросы авторства и времени составления текста летописи, приходят к иным выводам. Так, П. Ф. Лимеров, анализируя Вычегодско-Вымскую летопись как памятник литературы Вычегодской Перми, делает заключение о единстве блока статей о Стефане Пермском в ней: «Таким образом, сведения из Жития, Повести, а также из летописных источников объединены в единую, композиционно выдержанную нарративную структуру, сюжет которой строится как жизнеописание Стефана Пермского, его деятельности по христианизации Пермской земли. ⟨...⟩ Сюжетная завершенность жизнеописания Стефана позволяет говорить о предпринятой летописцем осознанной идейно-художественной организации исторического и агиографического материала, придающей летописному рассказу о Стефане Пермском характер эпического повествования» [Лимеров 2020, с. 141–142]. При этом, следуя традиционному представлению, П. Ф. Лимеров считает автором летописного «жизнеописания Стефана Пермского» иеромонаха Мисаила, опираясь на сведения предисловия (см. примеч. 5). Но если Мисаил работал в конце XVI в., то он никак не мог написать летописную статью на основе текста, созданного в XVIII в. (не мог этого сделать и Евтихий в начале XVII в.). Значит, либо весь комплекс статей о Стефане в Вычегодско-Вымской летописи, либо как минимум одна из его статей принадлежат перу другого автора.

Здесь стоит упомянуть и любопытное наблюдение П. А. Корчагина об использовании слов *пермяне* и *пермяки* в тексте Вычегодско-Вымской летописи, который увязывает их с формой вероисповедания: слово *пермяне / пермяны* соответствует язычникам, тогда как словом *пермяки* обозначаются уже христиане, причем это различие как раз впервые проявляется в блоке статей о Стефане Пермском: пермяне-язычники упомянуты под 1379, 1380, 1389 гг., а пермяки-христиане — под 1383 г. [Корчагин 2020, с. 67–68]. Это может свидетельствовать о том, что либо вся летопись написана одним автором, либо весь ее текст последовательно отредактирован одним человеком. Однако указанный лексический материал довольно скуден, а главное, неравномерно распределен по статьям, что с учетом их языковой и источниковой неоднородности, о которой говорил еще П. Г. Доронин (см. выше),

требует очень осторожного отношения как к нему, так и к сделанным на его основе выводам[33].

Необходимо признать, что вопросы авторства Вычегодско-Вымской летописи, а именно: сколько человек и в какой последовательности над ней работали, — пока не могут считаться решенными.

* * *

Если текст одной из статей Вычегодско-Вымской летописи восходит к тексту Пространной редакции Повести о Стефане Пермском, а она была составлена в третьей четверти XVIII в., то когда была составлена летопись? Совершенно очевидно, что *известный нам текст Вычегодско-Вымской летописи не мог появиться ранее третьей четверти XVIII в.* Отсюда следует, что авторами *всего* текста летописи не могут быть указанные в ней священники Мисаил и Евтихий, сообщавшие о том, что писали ее в конце XVI — начале XVII в. А это, в свою очередь, означает, что любое уникальное сведение этой летописи может опираться на какой-то поздний и, возможно, недостоверный источник.

Эти выводы прямо доказывают верность предположения А. Н. Власова о том, что Вычегодско-Вымская летопись — поздняя компиляция, составленная на основе целого ряда источников, среди которых были местные тексты. Однако остается под вопросом полный круг источников и принципы их переработки, а также кем и когда именно могла быть создана эта компиляция. Установлена лишь нижняя граница возникновения текста — третья четверть XVIII в., сузить временные рамки на исследованном материале не представляется возможным; предположение А. Н. Власова о создании компиляции в конце XVIII — начале XIX в. местными священнослужителями нуждается в более глубокой аргументации.

Пересмотр времени создания Вычегодско-Вымской летописи, в частности, требует корректировки или даже делает несостоятельными некоторые выводы исследователей, опиравшихся на традиционное представление о работе над ней в конце XVI — начале XVII в.

---

[33] При этом П. А. Корчагин воспринимает Вычегодско-Вымскую летопись как авторитетный источник, созданный в конце XVI — начале XVII в. В результате, основываясь именно на нем (материал по Житию Стефана Пермского привлечен не полностью и интерпретирован иногда неверно), он делает весьма смелый, но спорный вывод: «1. *Пермин — пермяне*. Катойконим, существовавший до конца XIV в., применявшийся для обозначения исключительно язычников. (...) 2. *Пермяк — пермяки*. Катойконим появился в конце XIV в. и изначально служил для отличения крещеных жителей Перми Вычегодской и Перми Великой от их земляков, „приведенных к святой вере“» [Корчагин 2020, с. 77]. Очевидно, что разведение катойконимов *пермяне* и *пермяки* не может отражать раннюю ситуацию их использования.

Несомненно, Вычегодско-Вымская летопись нуждается в дальнейшем изучении. Но уже сейчас очевидно, что сложившееся в науке некритическое отношение к этому историческому сочинению должно быть пересмотрено.

Литература

Академическая история Югры — Академическая история Югры: В 8 т. / Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. Т. 2: Югра в XI–XVI вв. 600 с.

Власов 1996 — *Власов А. Н.* Миссия Русской православной церкви в Пермском крае (по материалам древнерусской письменности) // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1996. С. 4–58.

Власов 2001 — *Власов А. Н.* Повесть о рождении Стефана Пермского и Сказание о пермских епископах // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 12–23.

Власов 2007 — *Власов А. Н.* Поздние Повесть о Стефане Пермском и Сказание о пермских епископах: (Проблемы литературной преемственности) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 48. С. 710–731.

Документы по истории коми — Документы по истории коми / Подгот. П. Г. Доронин // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 241–271.

Духанина 2018 — *Духанина А. В.* Вторая Проложная редакция Жития Стефана Пермского, связанная с общерусской канонизацией святителя // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 129–150.

Духанина 2026 — *Духанина А. В.* Повесть о Стефане Пермском: источники и рукописная традиция // Герменевтика древнерусской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2026. Сб. 25 (в печати).

Жеребцов — *Жеребцов Л. Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X — начало XX в. М.: Наука, 1982. 224 с.

Жеребцов, Савельева, Сметанин — *Жеребцов И. Л., Савельева Э. А., Сметанин А. Ф.* История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 286 с.

Житие — Житие Стефана Пермского / Подгот. др.-рус. текста Т. Ф. Волковой, О. Б. Рыбаковой, пер. Г. М. Прохорова // Святитель Стефан Пермский / Под ред. Г. М. Прохорова; [коммент. Т. Р. Руди, Г. М. Прохорова]. СПб.: Глаголъ, 1995. С. 49–263. (Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях; Т. 3).

История Коми — История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: В 2 т. / [Под общ. ред. А. Ф. Сметанина]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 558, [1] с.

Корчагин 2011 — *Корчагин П. А.* Очерки ранней истории Перми Великой: князья Пермские и Вымские // Вестник Пермского университета. [Сер.:] История. 2011. Вып. 1 (15). С. 114–126.

Корчагин 2020 — *Корчагин П. А.* Пермяне, пемяки, пермичи: кто? где? когда? // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2020. № 3. С. 60–79.

Котылев — *Котылев А. Ю.* Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 218 с.

Кузьмин, Смирнова, Шамина, Шаршаков — *Кузьмин А. В., Смирнова С. С., Шамина И. Н., Шаршаков И., прот.* Вологодская и Кирилловская епархия // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 9. С. 240–268.

Лимеров 2020 — *Лимеров П. Ф.* Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV — начало XX в.): Дис. … д-ра филол. наук. Сыктывкар, 2020. 499 с.

Лимеров 2024 — *Лимеров П. Ф.* Легенды о Стефане Пермском и крещении чуди в фольклоре коми-зырян // Святитель Стефан Пермский: Новый апостол и премудрый учитель. М.: Лето, 2024. С. 186–239, 458–459.

Мартынов — *Мартынов В. И.* Становление коми литературы. М.: Наука, 1988. 232 с.

Мацук А. М. — *Мацук А. М.* История Республики Коми: Учеб. пособие. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. 100 с.

Мацук М. А. — *Мацук М. А.* Коми край в XVI столетии: история, анализ источников, публикация документов. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2021. 176 с.

Михайлов — *Михайлов М. И.* Описание Устьвыма, составленное учителем Усть-Сысольского уездного училища М. Михайловым. Вологда: Губ. тип., 1851. [2], 349 с.

Повесть — Повесть о Стефане Пермском / Подгот. А. Н. Власов // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы: Исследования и материалы. Сыктывкар: СыктГУ, 1996. С. 61–75.

ПСРЛ 1848 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 4: IV, V Новгородские и Псковские летописи. VIII, 362 с.

ПСРЛ 1897 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. VII, 254 с.

Рыжова 2007 — *Рыжова Е. А.* Миссионерские предания в Повести о рождении и крещении Стефана Пермского (на материале рукописных сборников Усть-Сысольской общественной библиотеки) // Рябининские чтения — 2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-архит. и этногр. музей-заповедник «Кижи», 2007. С. 438–440.

Рыжова 2024 — *Рыжова Е. А.* Материалы к истории почитания епископов Пермских XV в. Герасима, Питирима и Ионы // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2024. Т. 71. С. 166–206.

Савельева — *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971. 223 с., 1 л. табл.

Савельева, Королев 1997 — *Савельева Э. А., Королев К. С.* Древние рукописи о Перми вычегодской. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 128 с.

Савельева, Королев 2007 — *Савельева Э. А., Королев К. С.* Письменные известия о народе коми. Сыктывкар: Эском, 2007. 176 с.

Туркин — *Туркин А. [И.]* Происхождение названий народа коми // Linguistica Uralica. 1995. № 1 (31). С. 17–28.

Флоря — *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 218–231.

Чагин 1996 — *Чагин Г. Н.* Почитание Стефана Пермского в Перми Великой в XV–XVII веках // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. Т. 1. С. 283–290.

Чагин 2011 — *Чагин Г. Н.* Пермь Великая и первые века ее христианизации // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С. 7–13.

Чернецов — *Чернецов А. В.* «Самотворитель новыя грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность: (Творчество и деятельность Стефана Пермского; естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М.: Изд-во МГАИ, 1995. С. 48–128.

References

Chagin, G. N. (1996). 'Pochitanie Stefana Permskogo v Permi Velikoi v XV–XVII vekakh' ['Veneration of Stephen of Perm in Perm the Great in the 17th–18th Centuries'], in: *Khristianizatsiya Komi kraya i ee rol' v razvitii gosudarstvennosti i kul'tury* [*Christianization of the Komi Region and Its Role in the Development of Statehood and Culture*]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskii akademii nauk Publ. Vol. 1, 283—290. (In Russ.)

Chagin, G. N. (2011). 'Perm' Velikaya i pervye veka ee khristianizatsii' ['Perm the Great and the First Centuries of its Christianization'], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 5 (42), 7–13. (In Russ.)

Chernetsov, A. V. (1995). '*Samotvoritel' novyya gramoty* Stefan Permskii' ['*The author of new letters* Stefan Permsky'], in: *Drevnerusskaya knizhnost' (Tvorchestvo i deyatel'nost' Stefana Permskogo; estestvennonauchnye i sokrovennye znaniya na Rusi)* [*Old Russian Literature (The Work and Activity of Stefan of Perm; Natural Science and Secret Knowledge in Rus')*]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi agroinzhenernyi universitet Publ., 48—128. (In Russ.)

Dukhanina, A. V. (2018). 'The Second Prologue's Redaction of the Life of St. Stephan of Perm Connected with the All-Russian Canonization of the Saint', *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 4 (74), 129—150. (In Russ.)

Dukhanina, A. V. (2026). 'Povest' o Stefane Permskom: istochniki i rukopisnaya traditsiya' ['The Tale of Stephen of Perm: Sources and Manuscript Tradition'], in: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk Publ. Sbornik 25 (in print). (In Russ.)

Korchagin, P. A. (2011). 'Ocherki rannei istorii Permi Velikoi: knyaz'ya Permskie i Vymskie' ['Essays on the Early History of Perm the Great: Princes of Perm and Vym'], *Vestnik Permskogo universiteta. [Seriya:] Istoriya*, 1 (15), 114—126. (In Russ.)

Korchagin, P. A. (2020). 'Permians, Permyaki, Permichi: Who? Where? When?', *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, 3, 60—79. (In Russ.)

Kotylev, A. Yu. (2012). *Uchenie i obraz Stefana Permskogo v kul'ture Rusi / Rossii XIV—XXI vekov* [*The Teaching and Image of Stefan of Perm in the Culture of Rus'/Russia 14th–21st Centuries*]. Syktyvkar: Komi pedagogicheskii institut Publ., 218 p. (In Russ.)

Kuz'min, A. V., Smirnova, S. S., Shamina, I. N., Sharshakov, I., protoierei (2010). 'Vologodskaya i Kirillovskaya eparkhiya' ['Vologda and Kirillov Diocese'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ. Vol. 9, 240—268. (In Russ.)

Limerov, P. F. (2020). *Narrativy khristianizatsii v formirovanii komi literaturnoi traditsii v kontekste russkoi slovesnosti (XIV — nachalo XX veka)* [*Narratives of*

Christianization in the Formation of the Komi Literary Tradition in the Context of Russian Literature (14th — Early 20th Centuries)]. Syktyvkar, 499 p. (In Russ.)

Limerov, P. F. (2024). 'Legendy o Stefane Permskom i kreshchenii chudi v fol'klore komi-zyryan' ['Legends About Stefan of Perm and the Baptism of the *chud*' in the Folklore of the Komi-Zyryans'], in: *Svyatitel' Stefan Permskii: Novyi apostol i premudryi uchitel'* [*Saint Stephen of Perm: New Apostle and Wise Teacher*]. Moscow: Leto Publ., 186—239, 458—459. (In Russ.)

Martynov, V. I. (1988). *Stanovlenie komi literatury* [*Formation of Komi Literature*]. Moscow: Nauka Publ., 232 p. (In Russ.)

Matsuk, A. M. (2011). *Istoriya Respubliki Komi: uchebnoe posobie* [*History of the Komi Republic: A Textbook*]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya Publ., 100 p. (In Russ.)

Matsuk, M. A. (2021). *Komi krai v XVI stoletii: istoriya, analiz istochnikov, publikatsiya dokumentov* [*Komi Region in the 16th Century: History, Analysis of Sources, Publication of Documents*]. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr Ural'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk Publ., 176 p. (In Russ.)

Pikhoya, R. G., ed. (2024). *Akademicheskaya istoriya Yugry: V 8 t.* [*Academic History of Ugra: In 8 vol.*]. Vol. 2: *Yugra v XI—XVI vekakh.* Khanty-Mansiisk: Novosti Yugry Publ., 600 p. (In Russ.)

Ryzhova, E. A. (2007). 'Missionerskie predaniya v Povesti o rozhdenii i kreshchenii Stefana Permskogo (na materiale rukopisnykh sbornikov Ust'-Sysol'skoi obshchestvennoi biblioteki)' ['Missionary Traditions in the Tale of the Birth and Baptism of Stefan of Perm (Based on Manuscript Collections of the Ust-Sysolsk Public Library)'], in: *Ryabininskie chteniya — 2007. Materialy V nauchnoi konferentsii po izucheniyu narodnoi kul'tury Russkogo Severa* [*Ryabinin Readings — 2007. Proceedings of the Scientific Conference on the Study of Folk Culture of the Russian North*]. Petrozavodsk: Gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i etnograficheskii muzei-zapovednik «Kizhi» Publ., 438—440. (In Russ.)

Ryzhova, E. A. (2024). 'Materials for the History of the Veneration of the Three Fifteenth-Century Bishops of Perm — Gerasim, Pitirim and Iona', *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Vol. 71*, 166—206. (In Russ.)

Savel'eva, E. A. (1971). *Perm' Vychegodskaya: K voprosu o proiskhozhdenii naroda komi* [*Perm Vychegodskaya: On the Origin of the Komi People*]. Moscow: Nauka, Publ., 223 p., 1 l. tabl. (In Russ.)

Savel'eva, E. A., Korolev, K. S. (1997). *Drevnie rukopisi o Permi vychegodskoi* [*Old Manuscripts About Vychegda Perm*]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 128 p. (In Russ.)

Savel'eva, E. A., Korolev, K. S. (2007). *Pis'mennye izvestiya o narode komi* [*Written Information About the Komi People*]. Syktyvkar: Eskom Publ., 176 p. (In Russ.)

Smetanin, A. F., ed. (2004). *Istoriya Komi: s drevneishikh vremen do kontsa XX veka: v 2 t.* [*History of Komi: From Ancient Times to the End of the 20th Century: In 2 vol.*]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ. Vol. 1, 558, [1] p. (In Russ.)

Turkin, A. [I.] (1995). 'Proiskhozhdenie nazvanii naroda komi' ['Origin of the Names of the Komi People'], *Linguistica Uralica*, 1 (31), 17—28. (In Russ.)

Vlasov, A. N. (1996). 'Missiya russkoi pravoslavnoi tserkvi v Permskom krae (po materialam drevnerusskoi pis'mennosti)' ['The Mission of the Russian Orthodox Church in the Perm Region (Based on Materials from Old Russian Literature)'], in: *Istoriya*

Permskoi eparkhii v pamyatnikakh pis'mennosti i ustnoi prozy. Issledovaniya i materialy [*History of the Perm Diocese in Written and Oral Prose Monuments. Research and Materials*]. Syktyvkar: Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet, 4—58. (In Russ.)

Vlasov, A. N. (2001). 'Povest' o rozhdenii Stefana Permskogo i Skazanie o permskikh episkopakh' ['The Tale of the Birth of Stephen of Perm and the Tale of the Perm Bishops'], in: *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [*Christianity and Paganism of the Komi People*]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 12—23. (In Russ.)

Vlasov, A. N. (2007). 'Pozdnie Povest' o Stefane Permskom i Skazanie o permskikh episkopakh: (Problemy literaturnoi preemstvennosti)' ['Late Tales of Stephen of Perm and the Tale of the Perm Bishops: (Problems of Literary Continuity)'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 48, 710—731. (In Russ.)

Vlasov, A. N., ed. (1996). 'Povest' o Stefane Permskom' ['The Tale of Stefan of Perm'], in: *Istoriya Permskoi eparkhii v pamyatnikakh pis'mennosti i ustnoi prozy. Issledovaniya i materialy* [*History of the Perm Diocese in Written and Oral Prose Monuments. Research and Materials*]. Syktyvkar: Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet Publ., 61—75. (In Russ.)

Volkova, T. F., Rybakova, O. B., Prokhorov, G. M., eds. (1995). 'Zhitie Stefana Permskogo' ['The Life of Stephen of Perm'], in: Prokhorov, G. M., ed. *Svyatitel' Stefan Permskii* [*Saint Stephen of Perm*]. Saint Petersburg: Glagol" Publ. (Drevnerusskie skazaniya o dostopamyatnykh lyudyakh, mestakh i sobytiyakh; Vol. 3), 49—263. (In Russ.)

Zherebtsov, L. N. (1982). *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami. X — nachalo XX veka* [*Historical and Cultural Relations of the Komi with Neighboring Peoples. From the 10th to Early 20th Century*]. Moscow: Nauka Publ., 224 p. (In Russ.)

Zherebtsov, I. L., Savel'eva, E. A., Smetanin, A. F. (1996). *Istoriya Respubliki Komi: nauchno-populyarnye ocherki* [*History of the Komi Republic: Essays*]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 286 p. (In Russ.)

1. Заставка-рамка в кодексе РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 10. Л. 169

2. Цареградская-Киевская икона Божией Матери. Фрагмент. 1665 г.
Художник Константин Кириллов Грешново (Грешной). КБМЗ

3. Ефрем Сирин. Икона из церкви св. Ефрема Сирина Нило-Сорского скита. Начало XVII в. КБМЗ

4. Ефрем Сирин. Фрагмент иконы из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорского скита. 1656 г. Иконник Григорий. КБМЗ

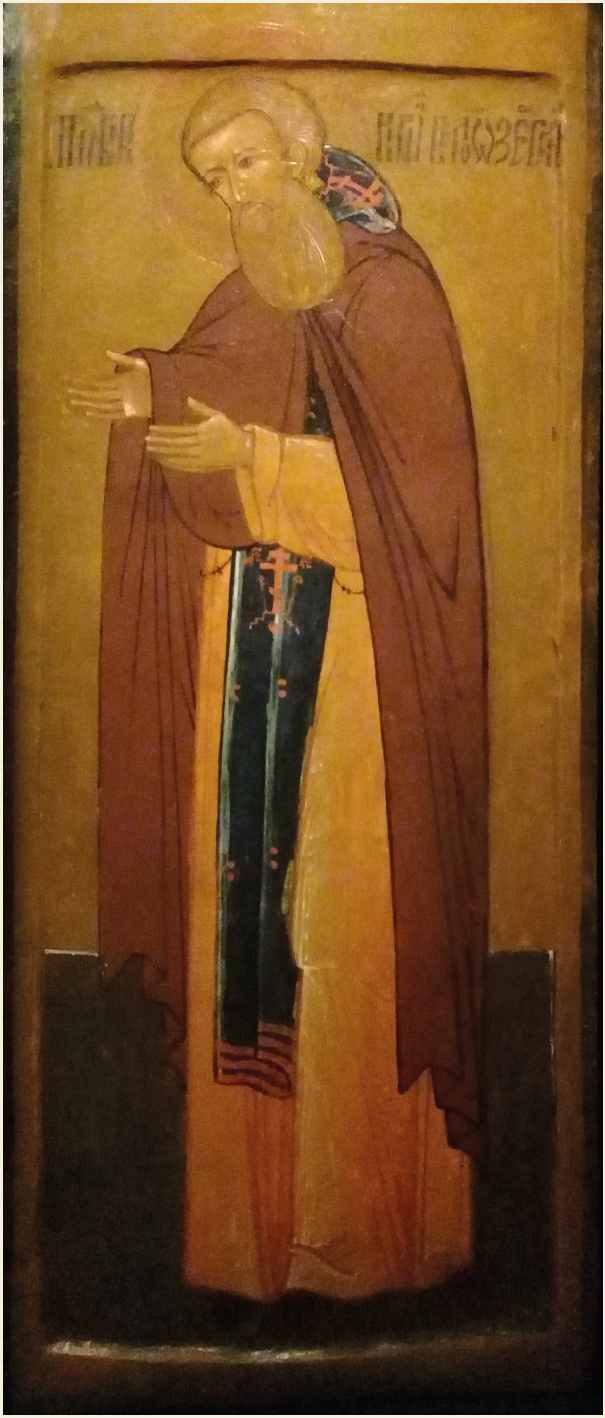
5. Архангел Гавриил. Фрагмент иконы из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорского скита. 1656 г. Иконник Григорий. КБМЗ

6. Иоанн Златоуст. Фрагмент иконы из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорского скита. 1656 г. Иконник Григорий. КБМЗ

7. Апостол Павел. Фрагмент иконы из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорского скита. 1656 г. Иконник Григорий. КБМЗ

8. Кирилл Белозерский. Фрагмент иконы из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорского скита. 1656 г. Иконник Григорий. КБМЗ

9. Страсти Христовы. Фрагмент иконы из часовни Креста Нило-Сорской пустыни. Конец XVII в. КБМЗ

10. Преподобный Иоанн, ученик Григория Декаполита. Роспись церкви в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Ниловой пустыни. 1863–1866 гг. Мастер иеросхимонах Нил (Прихудайлов)

11. Спас Нерукотворный с ангелами. Роспись церкви в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Ниловой пустыни. 1863–1866 гг. Мастер иеросхимонах Нил (Прихудайлов)

12. Нил Сорский. Икона. 1852 г. Иконописец иеросхимонах Нил (Прихудайлов). КБМЗ

13. Богоматерь на престоле с избранными святыми. Фрагмент иконы. 1868 г. Художник А. С. Бруснаков. КБМЗ

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 157–222
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-157-222
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 157–222
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Е. В. Романенко

ИКОНОПИСНОЕ СОБРАНИЕ НИЛОВОЙ ПУСТЫНИ

Elena V. Romanenko

THE ICON COLLECTION OF THE HERMITAGE OF NIL SORSKY

Резюме. В статье на основе архивных документов различного происхождения представлены главные этапы формирования иконописного собрания Нило-Сорской пустыни. Автор предлагает атрибуцию целого ряда памятников: деисусного чина из церкви Иоанна Предтечи, написанного в 1656 г. иконником Григорием, Цареградской-Печерской иконы Божией Матери, созданной, с большой долей вероятности, Константином Кирилловым Грешново в 1665 г. Кроме того, были установлены неизвестные факты творческой биографии других замечательных художников XVII–XIX вв.: Феофана Дерголоба, Варлаама Никитского, Ивана Козмина, Лаврентия Труфанова, Степана Холуева, иеросхимонаха Нила (Прихудайлова). В 20–30-х гг. XX в. в Кирилло-Белозерский монастырь на хранение поступило около 70 икон из Ниловой пустыни, часть собрания была уничтожена в 1938 и 1940 гг. К настоящему времени удалось идентифицировать порядка 40 памятников.
Ключевые слова: икона, иконописец, иконография, художник, Нило-Сорский скит
Информация об авторе: Елена Владимировна Романенко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного исторического музея, Москва, elenarom7@yandex.ru.
Для цитирования: *Романенко Е. В.* Иконописное собрание Ниловой пустыни // Словесность и история. 2025. № 3. С. 157–222. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-157-222

Abstract. The article explores the main stages of the formation of the icon collection of the Hermitage of Nil Sorsky (*Nilo-Sorskaya pustyn'*) based on archival documents. The author suggests attributions for several images: the *Deesis Row* from the Cathedral of Saint John the Baptist (1656), which was painted by the icon painter Grigory, and the icon The Pecherskaia Mother of God of Constantinople, which was very likely created by Konstantin Kirillov Greshnovo in 1665. In addition, the author uncovers new facts about the biographies of several remarkable artists from the 17th–19th centuries: Feofan Dergolob, Varlaam Nikitskii, Ivan Kozmin, Lavrentii Trufanov, Stepan Kholuev and Nil Prikhudailov, a hieromonk with schema status. In the 1920s–1930s, about 70 icons were moved from the Hermitage of Nil Sorsky to the Kirillo-Belozersky Museum. Part of this collection was destroyed in 1938 and 1940, but to date it has been possible to identify about 40 of its icons.
Keywords: icon, icon painter, iconography, artist, Hermitage of Nil Sorsky
Information about the author: Elena V. Romanenko, PhD in History, Researcher at the State Historical Museum, Moscow, elenarom7@yandex.ru.
For citation: Romanenko, E. V. (2025). The Icon Collection of the Hermitage of Nil Sorsky, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 157–222. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-157-222

Иконописное собрание Ниловой пустыни еще не становилось предметом специального научного исследования. Пустынь с ее художественными коллекциями всегда находилась в тени своих прославленных соседей — Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Горицкого монастырей. Освоение их

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

сокровищ началось практически сразу после революции 1917 г. Уже в сентябре — октябре 1918 г. Белозерье посетили сотрудники Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи, созданной в том же году И. Э. Грабарем. Впоследствии комиссия организовала около 15 экспедиций на Русский Север, в том числе в Вологду, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и Спасо-Каменный монастыри. Однако Нило-Сорская пустынь не привлекла особого внимания историков искусства и реставраторов, поскольку на повестке дня стояли другие, более важные вопросы: сохранение колоссального собрания Кирилло-Белозерского монастыря, реставрация и изучение фресок выдающегося русского иконописца Дионисия в Ферапонтовом монастыре. Труднодоступный и не очень привлекательный в архитектурном отношении Нилов скит даже потенциально не рассматривался в качестве будущего музея. Прежние хозяева пустыни, монахи, окончательно покинули ее в 1930 г. В стенах самого монастыря разместили исправительный дом, а его скиты и вовсе стояли без охраны. Между тем маленький монастырь, находившийся около 500 лет в орбите культурного влияния Кирилло-Белозерского монастыря, имел не только хорошую библиотеку, но и замечательную коллекцию икон. В разное время для Ниловой пустыни выполняли заказы художники из артели Дионисия, выдающиеся вологодские, ярославские и новгородские иконники, чьи работы сейчас находятся в собраниях Третьяковской галереи и Русского музея. Компактное и хорошо задокументированное иконное собрание Ниловой пустыни позволяет установить авторство отдельных икон, их происхождение, историю бытования. Иконы из Нилова скита раскрывают процесс формирования иконографии преподобного Нила, духовные предпочтения иноков скита, особенности почитания святых в этой обители.

Храмы пустыни в XVI–XVII вв.

Первый храм в Нило-Сорском скиту был построен, скорее всего, еще при жизни его основателя — преп. Нила Сорского († 7 мая 1508). Это предположение основывается на том, что в сборнике, содержащем автографы старца Нила, сразу после «Предания» преподобного следует текст, в котором перечислены вещи, необходимые для освящения церкви[1]. Во всяком случае, храм в честь Сретения Господня возник до 1515 г.: «святым Сретением» именует Нилову пустынь грамота великого князя Василия Иоанновича 1515 г. [ААЭ, № 161, с. 131]. В середине XVI в. церковь имела придел во имя преп. Ефрема Сирина. Сложно сказать, существовал ли этот придел при преп. Ниле Сорском или появился позднее. Но в Ниловой пустыни в XIX в. бытовало

[1] ГИМ. Епархиальное собр. № 349. Л. 15; опубл.: [Шевченко 1998, с. 408].

предание о том, что старец Нил очень любил творения преподобного Ефрема и освятил в честь него церковь [Романенко 2023, с. 77]. Возможно, для иконостаса Сретенской церкви был написан деисусный образ Архангела Гавриила, который ныне хранится в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике (КБМЗ. ДЖ-189)[2]. У этой иконы достаточно большой размер — 96 × 36 см. В описях скитских церквей сретенский деисус традиционно называли «большим»: для сравнения укажем, что средние размеры икон из другого ростового деисуса, написанного для церкви в честь Третьего Обретения главы пророка Иоанна Предтечи, составляли примерно 73 × 31,5 см[3]. Историки искусства предполагают, что икона Архангела Гавриила могла быть создана в мастерской художника Дионисия, который в 1502 г. вместе с сыновьями работал неподалеку от пустыни — в Ферапонтовом монастыре [Дионисий, с. 140–141]. «Рисунок черт лика архангела и кистей его рук отличает особая утонченность. Складки плаща-гиматия подчеркнуты тонкими белильными штрихами. Личное письмо исполнено плотными, сплавленными слоями золотистой охры. Все эти стилистические черты сближают икону с произведениями круга Дионисия начала XVI века» [Иконы 2005, с. 288, № 87].

К первой половине XVI в. относится образ Божией Матери «Умиление» из Ниловой пустыни (КБМЗ. ДЖ-1176, 47 × 40 см) [Иконы 2005, с. 291, № 89]. В древнейшей сохранившейся описи имущества скита за 1641 г. упоминается единственная икона «Умиление», она находилась в алтаре церкви Сретения: «образ Пречистые Богородицы Умиление, на золотѣ»[4]. Серединой — второй половиной XVI в. датируется ростовая деисусная икона Архангела Михаила (КБМЗ. ДЖ-297, 111 × 41 см), которая в музейном каталоге также связывается с Нило-Сорским скитом [Иконы 2005, с. 288, № 88]. Однако по стилистике и уровню исполнения она сильно отличается от образа Архангела Гавриила, что не позволяет отнести обе иконы к одному деисусному чину.

К началу XVII в. в скиту построили отдельную церковь во имя преподобного Ефрема Сирина: из древнейшей сохранившейся приходно-расходной

---

[2] В каталоге икон Кирилло-Белозерского музея-заповедника ошибочно указано, что икона происходит из деисусного чина церкви Иоанна Предтечи Нило-Сорской пустыни [Иконы 2005, с. 288, № 87]. Однако в начале XVI в. в скиту еще не было храма с таким посвящением.

[3] Нужно заметить, что современные размеры не совсем соответствуют прежним: при осмотре видно, что иконы опиливали снизу, для того чтобы поместить их в иконостас нового храма в честь Иоанна Предтечи, построенного в 1852 г.

[4] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 668. Л. 4. Описи и приходно-расходные книги Нило-Сорского скита XVII в. были выявлены в ОПИ ГИМ и в архиве СПбИИ РАН (ранее — ЛОИИ) автором статьи, введены в научный оборот в работе: [Романенко 1996]; их перечень опубл.: [Романенко 2003, с. 231–233].

книги Нилова скита за 1611–1612 гг. известно, что в этот храм, именуемый «теплым», покупалась слюда для окна[5]. Об иконном убранстве церквей Сретения и Ефрема Сирина сообщает опись имущества Нилова скита за 1641 г.

Тябловый иконостас церкви Сретения имел пять рядов: местный, пядничный, деисусный, праздничный и пророческий. В местном ряду располагались три иконы: образ Сретения Господня; образ преподобных Ефрема Сирина и Кирилла Белозерского, «во облацѣ — Спасов образ, на красках»; образ Пресвятой Богородицы «Одигитрия» «на празелени». Деисус насчитывал 15 икон «на красках». Его предполагаемый состав устанавливается по более поздней описи 1721 г.: в центре находился образ Спаса Вседержителя, по сторонам — образы Пресвятой Богородицы, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла, великомучеников Георгия и Димитрия, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Николая Чудотворца, преподобных Ефрема Сирина, Кирилла Белозерского и Никиты Переяславского (последняя икона была дописана в деисус в 1672 г.)[6]. Над деисусом размещался праздничный ряд из 14 икон «на красках», над праздниками — пророческий ряд из 14 икон «на красках» с центральной иконой Пречистой Богородицы «Воплощение» (к сожалению, состав этих рядов в описи 1721 г. остался нераскрытым). Царские врата, сень и столбцы были первоначально написаны «на красках».

Пядничный ряд включал 27 икон: деисус из трех икон «на празелени» в киоте, «образ Предста Царица в киоте за затворы, на красках», «образ Успение Пречистые Богородицы, на золотѣ», «образ Воскресение Христово, на золотѣ», «образ Спас Вседержитель, на золотѣ», «образ Нерукотворенной Господа и Спаса Нашего Исуса Христа, на празелени», «дѣисус поясной — три иконы, на красках», над ним располагалась большая пядничная икона на золоте с изображением «Владычных праздников в два ряда», «образ Живоначальные Троицы, на золотѣ», «образ Рожество Пречистые Богородицы, на празелени», «Крест Животворящей, на краскѣ», «образ Сергиево видение, во облацѣ — Живоначальная Троица, на золотѣ», «образ Варлаам Хутынский, на золотѣ», «образ Ильи пророка, на красках», «Борис и Глеб, на красках», «пядница малая — образ Соловецких чюдотворцов, на золотѣ», «образ Симион Столпник да Егорий страстотерпец, на празелени, во облацѣ — Живоначальная Троица», «образ московских чюдотворцов Петра и Алексея да Алексея Божия человека на одной цкѣ, на золотѣ», «образ Леонтия Ростовскаго чюдотворца, на празелени», «образ Кирила чюдотворца, на празелени»,

[5] ОПИ ГИМ. Ф. 484. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 15 об.; опись опубл.: [Романенко 2018а, с. 264].

[6] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 493. Л. 2 об.–3.

«образ Парфения епископа Лапсакийскаго, на празелени», «образ Никиты мученика, на золотѣ»[7]. В алтаре находился деревянный «воздвизальный крест», крест с изображением Страстей Господних, а также иконы-пядницы: «образ Спаса Вседержителя и Пресвятой Богородицы, на празелени» в виде складня, упоминавшийся выше образ Пресвятой Богородицы Умиление «на золотѣ», «образ Ивана Богослова со укрепляющим ангелом, на краскѣ». Кроме того, здесь же размещался «образ Николы чюдотворца стоящей, на золотѣ» и «образ Николы же чюдотворца поясной, на золотѣ».

В 1656 г. иконостас Сретенской церкви был расширен (скорее всего, храм тогда перестроили)[8]. «В церковь Стрѣтения Господня дописывали иконники в тябла празники, и пророки, и в болшой дѣисус. И тябла писали, и дано имъ за иконы и за тябла 3 рубли 20 алтынъ»[9]. При строителе Варлааме Макарьевском (1664–1668) в церкви Сретения появились новые иконы в местном ряду: на правой стороне от царских врат — «образ Господа Вседержителя, на прѣстоле сѣдящь» (согласно приходно-расходной книге, его в 1664 г. написал вологодский иконник Константин Кириллов Грешной[10]), «образ Стрѣтения Господня» (также написан Константином Кириловым Грешным в 1665 г.)[11], «образ Неопалимыя Купины»; на левой стороне — «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде» (написал Константин Кириллов Грешной в 1665 г.[12]), «образ Единородный Сынъ Слово Божие», «образ Иоанна Предтечи» (согласно приходно-расходной книге, эту икону написал в 1665 г. старец Варлаам Никитский[13]) — «всѣ на двойном золоте, а два в них в киотах»[14]. Кроме того, появились 19 новых пядничных икон на золоте (впоследствии их объединили в киот из 19 икон, их также написал в 1664 г. Константин Кирилов Грешной[15]) и две иконы, описанные особо, — «образ Воскресение Христово на красках, припись — ризы Господни золотом, в киоте» и «образ Успение Пречистые Богородицы со апостолы, оклад сребрян, басманы золочены,

---

7 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 668. Л. 2–3 об.

8 В «Историческом повествовании» о Ниле Сорском и его ските начала XIX в. последний деревянный Сретенский храм датируется 1666 г. [Романенко 2023, с. 75], однако описи и приходно-расходные книги за этот год «молчат» о строительстве храма; скорее всего, храм был перестроен в 1656–1657 гг., когда строили новую церковь — в честь Третьего Обретения честной главы пророка Иоанна Предтечи — практически вплотную к храму Сретения.

9 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 676. Л. 11.

10 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 4 об.; опись опубл.: [Шевченко 2022, с. 373–395].

11 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 18 об.

12 Там же.

13 Там же. Л. 29.

14 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 23–23 об.

15 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 4 об.

четыре вѣнца низаны жемчюгом мелким; вкладной — з Бело ѣзера вдовы Варвары Артемьевские жены Скворцова»[16].

Парные иконы Господа Вседержителя и «Пречистой Богородицы явление в Царьграде» были заказаны строителем Варлаамом Макарьевским не случайно. В данном случае он проявил себя довольно просвещенным человеком. Исследователи отмечают усиление интереса к иконографии «Спаса Вседержителя на Престоле» во второй половине XVII в., что было продиктовано новым правилом размещения икон местного ряда. Антиохийский патриарх Макарий III во время своего первого приезда в Москву в 1652–1654 гг. изменил состав и расположение икон в нижнем ряду иконостаса Успенского собора Московского Кремля, поставив справа от царских врат образ «Спаса Вседержителя на Престоле». «Нововведение, ставшее обязательным, обусловило широкое распространение больших храмовых икон с такой иконографией» [Шалина, с. 22]. На них Спаситель представлен восседающим на троне, с благословляющим жестом правой руки и раскрытым Евангелием в левой. Важным иконографическим элементом традиционно служит богато украшенный резьбой золотой трон, «царево седалище», на котором восседает Сын Человеческий. Трон напоминает молящимся о троне царя Соломона и о Престоле вечной славы Бога Царя. Блистающие золотом одежды также подчеркивают царское достоинство Спасителя как Царя Небесного. Выгнутая форма трона словно повторяет апсиду храма и восходит к особенностям византийской иконографии [Шалина, с. 22]. Икона подобной иконографии из Нило-Сорской пустыни сохранилась в собрании Кирилло-Белозерского музея (КБМЗ. ДЖ-172. КП 1866, 75 × 57,5 × 3,5 см). Она датируется XVII в.; возможно, этот образ был написан для местного ряда церкви Сретения, но окончательный вывод делать преждевременно, поскольку икона не реставрировалась.

Тронному образу Царя Небесного в местном ряду Сретенской церкви соответствовал большой парадный образ Богоматери. Размещение парных больших икон Вседержителя и Богоматери становится традиционным при оформлении местного ряда иконостаса во второй половине XVII в. Так, для деревянной церкви во имя апостола Иоанна Богослова на р. Ишне под Ростовом в 1687 г. был изготовлен местный ряд икон, в котором центральное место занимала икона Вседержителя (172 × 117 см) и ростовой образ Божией Матери «Одигитрия» (171,5 × 80 см)[17]. Для маленького храма были заказаны иконы большого размера, написанные твореным золотом. Подобная техника

[16] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 23.

[17] См. об этом: [Вахрина, Гладышева, с. 286–288].

была применена, как будет показано ниже, и для Цареградской-Печерской иконы из Ниловой пустыни, что указывает на общие стилистические приемы украшения икон в это время. «С помощью часто применявшегося в искусстве второй половины XVII в. художественного приема — написания одежд священных персонажей и наиболее важных деталей изображения твореным золотом — в подобных образах достигалось впечатление скорее «светописи», чем живописи красками» [Вахрина, Гладышева, с. 289].

Документы Ниловой пустыни позволяют проследить дальнейшую судьбу Цареградской-Печерской иконы. В описи 1682 г. этот образ исчезает из описаний Сретенской церкви, однако среди местных икон церкви Иоанна Предтечи появляется на левой стороне «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде мѣстной, писан на празелени»[18]. Другая икона с подобным сюжетом в описании пустынских церквей отсутствует, не указана такая икона и в числе пропавших — «не явившихся» — вещей. Мы можем предположить, что в описании местного ряда иконостаса Сретенской церкви эта икона была ошибочно указана как икона, выполненная на золотом фоне. В сообщении приходно-расходной книги о поступлении этой иконы нет указания на то, что образ выполнен на двойном золоте, хотя обычно такой факт оговаривался (так, например, при описании иконы пророка Иоанна Предтечи, выполненной Варлаамом Никитским, указано, что образ — на двойном листовом золоте)[19]. Возможно, появлению ошибки способствовало обилие архитектурных деталей и предметов одежды, украшенных твореным золотом. Эти золотые элементы визуально могли сливаться с золотым фоном соседних икон. К 1682 г. икону, видимо, перенесли из Сретенской церкви в храм Иоанна Предтечи, как это произошло и с образом «Единородный Сынъ Слово Божие».

В 1721, 1732 и 1761 гг. «образ Пресвятыя Богородицы явление Цареградские» находился по-прежнему на левой стороне от царских врат в церкви Иоанна Предтечи[20]. В 1852 г. икона была перенесена в новый храм Иоанна Предтечи, построенный из двух древних церквей Сретения и Иоанна Предтечи на месте первоначального поселения преподобного Нила Сорского (храм освящен 15 ноября 1852 г.). Здесь возник Иоанно-Предтеченский скит, где уединенно жили подвижники Ниловой пустыни. Опись 1859 г. «застает» Цареградский образ в церкви Иоанна Предтечи и сообщает размеры иконы:

---

[18] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 6 об.

[19] «В церков Стрѣтения Господня написан образ мѣстной святаго Иоанна Предтечи на двойном золотѣ, от мастерства дано 4 рубли 21 алтын 4 денги. А писал тот образъ иконникъ старецъ Варлам Никитцкой» (РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 29).

[20] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 493. Л. 4 об. (опись 1721 г.); Ед. хр. 1631. Л. 4 (опись 1732 г.); РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 105/ 12341. Л. 8 (опись 1761 г.).

«высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина — 1 аршин 4 вершка» (если считать, что 1 аршин = 71 см, а вершок = 4,45 см, то размер иконы составлял 115,5 × 88,8 см)[21]. На фотографии интерьера Предтеченского храма, выполненной в 1931 г.[22], мы видим икону на своем месте: в местном ряду иконостаса, слева от царских врат (см. *ил. 4* на с. 191).

Ил. 1. Рака Нила Сорского во время разборки.
Фотография. 1931 г.

При осмотре Иоанно-Предтеченского скита в 1932 г. тогдашним директором Кирилло-Белозерского музея Е. В. Дьяконовой эта икона была отобрана

[21] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Ед. хр. 3194. Л. 49.

[22] Стеклянные негативы шести фотографий Нило-Сорской пустыни **(**«Нило-Сорская пустынь. Общий вид»; «Иконостас в церкви Иоанна Предтечи»; «Иоанно-Предтеченский скит»; «Рака Нила Сорского во время разборки» (см. *ил. 1*); «Скульптуры ангелов на раке Нила Сорского» (см. *ил. 2*); «Иконостас Тихвинской церкви»**)** 1931 г. были выявлены автором статьи в 1991 г. в Государственном историческом научно-техническом архиве (ГИНТА). Впервые опубл.: [Романенко 1996, с. 78, 80, 81, 82, 85]. Они позволили идентифицировать четыре скульптуры ангелов, хранившихся в Кирилло-Белозерском музее и не имевших атрибуции, а также Цареградский образ Божией Матери. Ныне скульптурная группа ангелов представлена в экспозиции Кирилло-Белозерского музея.

Ил. 2. Ангелы, поддерживающие сень над ракой Нила Сорского.
Фотография. 1931 г.

для перевозки ее в музей[23]. Ныне этот образ находится в собрании КБМЗ (ДЖ-190, 125,5 × 88,5 см; длина его на 10 см больше по сравнению с той, что указана в описи 1859 г.; это можно объяснить ошибкой, допущенной составителем описи при измерении; см. *цв. вкл., ил. 2*)[24]. Проследив историю единственной иконы «Пречистой Богородицы явление в Царьграде» из Ниловой пустыни, мы можем предположить, что сохранившийся до наших дней образ является работой Константина Кириллова Грешного, одного из лучших вологодских художников второй трети XVII в. Но окончательный вывод об авторстве иконы и ее первоначальной иконографии делать преждевременно, поскольку она не реставрировалась и в настоящее время находится под записью XIX в. Скорее всего, образ был прописан иеросхимонахом Нилом (Прихудайловым), проживавшим в 1852–1860 гг. в Иоанно-Предтеченском скиту. Он был иконописцем и написал много икон для Ниловой пустыни[25]. Кроме того, иеросхимонах Нил активно поновлял древние почитаемые образы скита[26].

На иконе представлен ростовой образ Божией Матери «Одигитрия» в трехчетвертном повороте вправо. Богородица держит Младенца Христа на левой руке, Ее правая рука обращена в молитвенном жесте к Сыну. Богомладенец правой рукой благословляет, в левой руке у него Евангелие. Богоматерь изображена в обрамлении архитектурной полуциркульной арки, опирающейся на резные колонны. На головах Божией Матери и Ее Сына — золотые короны, одежды Богоматери и Богомладенца богато украшены. Парадное, торжественное впечатление усиливает золотой ассист на одеждах предстоящих и прописанная золотом архитектурная арка, которая выходит на поля иконы, перекрывая лузгу.

В монастырских документах икона имела несколько названий: «образ Пречистыя Богородицы Киевские»; «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде»; «образ Пресвятыя Богородицы Печерския»[27]. В настоящее время надпись, выполненная золотом на иконе, гласит: «Изображение Пре[чи̑с]тыя Бц̑ы Печерския. что въ Цр̑ѣ Граде». Иконография иконы

[23] КБИАХМЗ. ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–8 об.

[24] Происхождение этой иконы из Нило-Сорской пустыни было установлено автором статьи при подготовке выставки «Нило-Сорская пустынь» 1992–1993 гг., где она впервые экспонировалась.

[25] См. о нем: [Романенко, Зеленина, с. 133–135].

[26] В частности, иеросхимонах Нил поновил образ преп. Ефрема Сирина нач. XVII в. [Романенко, Зеленина, с. 135].

[27] В описи 1701 г. сказано: «На лѣвой странѣ царскихъ дверей — образ Пресвятыя Богородицы явления Цареградские» (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 6 об.). Ниже, в описании поставных свеч и пелен того же местного ряда, говорится: «Перед образом Пресвятыя Богородица Печерския лампада мѣдная луженая чеканная…» (Там же. Л. 7).

уникальна. Сочетание названий образа заставляет вести поиск аналогий среди икон Киево-Печерской лавры и обратиться к церковному преданию, изложенному в Киево-Печерском патерике. Здесь говорится о двух разновременных приездах в Киев мастеров из Царьграда. Первый из них был связан с явлением Богоматери четырем константинопольским зодчим. На рассвете посланники призвали мастеров во Влахернский дворец. Думая, что их зовут к императрице, они отправились во Влахерны со своими друзьями и домочадцами. Здесь зодчим явилась Царица в окружении воинов и велела отправиться на Русь, в Киево-Печерский монастырь, со словами: «Хощу церковь Себѣ возградити в Русѣ, в Кыевѣ. Велю же вам, да возмете злата на 3 лѣта» [Древнерусские патерики, с. 12]. В тот момент зодчие увидели образ церкви «на воздусѣ» и спросили: «„О госпоже царице, каково имя церкы?“ Сия же рече, яко: „Во имя Себе хощу нарещи“. Мы же не смѣхом ея воспросити: „Како ти имя?“ Си же рече: „Богородичина будет церкы“. И дасть нам сию икону, и рече нам: „Та намѣстнаа да будетъ“. Мы же поклонишеся и изидохом в домы своа, носяще сию икону, юже прияхом от руку Царичину» [Древнерусские патерики, с. 12–13].

Существуют различные предположения по поводу того, как выглядела «наместная икона» Успенского собора Киево-Печерской лавры, принесенная в обитель из Константинополя в 1073 г. По одной версии, это была икона Успения Пресвятой Богородицы. По другой — чудотворный образ представлял собой сидящую на троне Богоматерь с Младенцем, его списком, возможно, является сохранившаяся Свенская икона Божией Матери с предстоящими Антонием и Феодосием Киево-Печерскими, датируемая временем около 1288 г. (ГТГ)[28]. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что «это было мозаическое изображение тронной Богородицы с Младенцем в алтарной конхе собора, дополненное фигурами Печерских чудотворцев Антония и Феодосия» [Комашко, с. 274]. По мнению О. Е. Этингоф, «наместная икона» все-таки представляла собой икону, которая должна была походить на Влахернскую, — «полнофигурный образ Богоматери, либо стоящей в рост, либо сидящей на троне» [Этингоф, с. 105]. Судя по описаниям, Влахернский образ был парадным, торжественным образом Царицы Небесной, к стопам которой, как к ногам императрицы, могли припадать молящиеся.

Через 10 лет после кончины преподобных Антония и Феодосия, как повествует Патерик, в Киев при игумене Никоне (1077/78–1088) прибыли из Константинополя «писци иконные» для росписи церкви. Во время работ в алтаре собора сам собой изобразился мозаичный образ Богоматери: «Во церкви

[28] Об истории Печерской иконы см.: [Этингоф, с. 105–109].

мастером алтарь мусиею кладущим, и образ Пресвятѣй и Пречистѣй Владычицы нашей Богородици и Приснодевѣй Марьи сам вообразися...» [Древнерусские патерики, с. 67]. Древние мозаики видел в 1654 г. архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший Антиохийского патриарха Макария III в Россию: «Святой алтарь очень высок и возносится в пространство. От верху полукруглой его арки до половины ее изображены: Владычица, стоя благословляющая, с платом у пояса, а ниже Ее Господь, окруженный архиереями, — мозаикой с золотом, как в Святой Софии» [Павел Алеппский, с. 159].

Исследователи полагают, что наместная икона была утрачена еще в древности. Нас же в данном случае интересует, как представляли себе художники второй половины XVII в. киевские иконы цареградского происхождения.

В своде сказаний о богородичных иконах «Солнце Пресветлое», составленном в 1679–1714 гг.[29], история о принесении икон из Царьграда связывается с двумя иконами: Печерской (так называется здесь образ Успения) и Влахернской[30]. Сообщается, что последний был «от древних греческих царей присланъ ⟨...⟩ в дарѣхъ великим княземъ Киевским» в 1085 г. При этом, говоря о Влахернской иконе, автор сказания описывает не древний образ, а икону, присланную в 1653 г. в дар царю Алексею Михайловичу от протосинкелла Иерусалимского подворья в Константинополе Гавриила. В настоящее время эта икона находится в Успенском соборе Московского Кремля. Она представляет собой вырезанный в дереве плоский рельеф, покрытый слоем воско-мастики и расписанный красками. Иконографически икона близка к классическому типу поясной Одигитрии, известному на Руси как Смоленская икона Божией Матери. В сопроводительной грамоте она была названа Влахернской, однако надпись на образе, по оценкам реставраторов, появилась в результате позднейших поновлений [Соколова, с. 120]. В настоящее время икона датируется XIII — второй половиной XV в. Соответственно, этот образ никак не мог быть связан с древними иконами, присланными в Киев из Царьграда.

В двух списках памятника «Солнце Пресветлое» сказания об иконах проиллюстрированы гравюрами, выполненными в 1713–1714 гг. малороссийским

[29] Об истории открытия и создания памятника см.: [Зименко, Кобяк, Шульгина].

[30] «Образ Пресвятыя Богородицы Лахернския, чюдотворный явися в лѣто 6593 (1085) октября въ день 1 в Цар граде зодчиям мастером и изографомъ, посылая ихъ из Лахернския своея церкви в Рускую землю во град Киевъ, в Печерскии монастырь церковь здати и писати иконы. По том же их Лахернския тоя церкви в Рускую землю от древних греческих царей присланъ сей образ в дарѣхъ великим княземъ Киевским. А состроена бысть святая сия чюдотворная икона из разных многих святыхъ мощей. Чюдна зѣло изваянна аки литая мѣрою три четверти: нынѣ же обрѣтается в Царствующем градѣ Москвѣ в болшом Успенском соборѣ во олтари до днес» [Солнце пресветлое, л. 133].

гравером Г. П. Тепчегорским (было создано 88 гравюр), однако изображение киевской Влахернской иконы здесь отсутствует. Исследователи считают, что эпитет «Влахернский» мог прилагаться к разным типам икон, почитаемых во Влахернах, указывая на местонахождение их древних оригиналов[31]. Перед нами встает вопрос, какой иконный образец мог использовать вологодский художник Константин Кириллов Грешново при создании своего образа?

Близкое изображение Богоматери мы находим в киевском издании 1640 г. «Триоди постной». Здесь на с. 726 напечатана гравюра с изображением Богоматери с пророками и Благовещением. В среднике представлен ростовой образ Богоматери с Младенцем на правой руке[32]. Гравюра открывает раздел, посвященный богослужению субботы 5-й недели Великого поста, именуемой Субботой Акафиста, поскольку в этот день совершается последование Акафиста Пресвятой Богородице[33]. На гравюре Пресвятая Дева изображена выходящей из дворцового дверного проема, перекрытого полуциркульной аркой и украшенного балясинами и вазонами. Под ногами Богоматери якорные цепи, которые, очевидно, служат напоминанием о чуде спасения Константинополя, совершившемся по Ее молитвам во время осады города аварами и славянами 29 июля — 7 августа 626 г.[34] Свидетель тех событий, скевофилак и пресвитер Святой Софии Феодор Синкелл приписывал заслугу в разгроме «варваров» единственно вмешательству Богородицы, которая «в состоявшемся на море сражении ⟨...⟩ потопила их моноксилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах, так что весь этот залив заполнился мертвыми телами и пустыми моноксилами, которые носились по воле волн, плавали бесцельно, если не сказать бессмысленно» [Свод, с. 87]. «Некоторые говорят, что наши воины были подвигнуты к отступлению не страхом перед противником, но что сама Дева, желая показать свою власть творить чудеса, приказала им притворно отступить, чтобы варвары потерпели полное крушение около Ее святого храма, нашей спасительной пристани и тихой гавани — Влахернского храма Богородицы [Свод, с. 87]. Другой современник событий, Георгий Писида, написал поэму «Об аварской войне», в которой описание разгрома Богородицей славян на море завершил восклицанием: «Чему дивиться, когда воительствует Дева!..» [Свод, с. 69].

---

[31] См. об этом: [Соколова, с. 119–120].

[32] Опубл. с неправильной ссылкой на книгу «Беседы Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла» (Киев, 1623) в кн.: [Логвин, № 121]. Опубл. с указанием на киевские издания «Триоди постной» 1640 и 1648 гг.: [Украинские книги, с. 352, № 707].

[33] См. о богослужении Субботы Акафиста: [Воробьев].

[34] См. об этом: [Васильевский; Боровский].

Церковное предание связывает создание Акафиста с тремя нашествиями «варваров» на Константинополь: в 626, 678 и 717 гг. [Воробьев]. Согласно последованию Постной Триоди во время богослужения Акафиста читалось сказание константинопольского патриарха Никифора Каллиста Ксанфопула (50–70-е годы XIII в. — около 1335 г.), посвященное Чудесам Богоматери Влахернской в осажденном Константинополе. После 4-го кондака в Триоди Постной на с. 729–735 следует рассказ о нашествии аваров и славян[35]. После 7-го кондака следует чтение части второй — «о Чудѣ втором на сарацены» и о «Чудѣ третемъ на Агаряны, которыи сталыся от Бога за молитвами и воеводствомъ Пресвятой Владичици нашея Богородици» [Триодь постная, с. 737–742]. Таким образом, в среднике гравюры, иллюстрирующей последование Субботы Акафиста, изображен Влахернский образ. Изображение Богоматери на фоне дворцовой арки было связано с так называемым «обычным чудом», которое совершалось каждую неделю в церкви Влахернского дворца. В ночь с пятницы на субботу завеса, покрывавшая икону, поднималась как бы божественным вмешательством, словно Богоматерь входила в церковь. Влахернская икона имеет еще одну, присущую ей иконографическую деталь: края мафория на груди Богоматери сходятся под углом, открывая фрагмент платья[36].

«Триодь постная» 1640 г. дополнена новыми гравюрами по сравнению с первым изданием 1627 г. В их числе: гравюра с изображением Влахернской Богоматери и гравюра с изображением «Лествицы» преп. Иоанна Лествичника. Последняя имеет подпись знаменитого киевского мастера Илии [Триодь постная, с. 601][37]. Поскольку на нижних боковых полях богородичной гравюры находятся изображения пророков и подписаны их имена, мастер мог посчитать неуместным поставить свое имя рядом и оставил гравюру без автографа. Но вопрос об авторстве гравюры остается открытым.

Гравюра с изображением Влахернского образа неоднократно воспроизводилась в киевских изданиях[38]. Она же напечатана в сочинении настоятеля Киево-Печерской лавры иеромонаха Антония (Радивиловского) «Огородокъ Марии Богородицы», изданном в 1676 г. (см. *ил. 3*). Здесь гравюра открывает

[35] Первое киевское издание «Триоди постной» состоялось в 1627 г. и представляло собой перевод греческой Триоди; см. об этом: [Карабинов, с. 233–235]. Оно было подготовлено львовским печатником Памвой Берындой, который хорошо знал греческий язык; о личности и деятельности печатника см.: [Лизогубов, с. 7–14].

[36] Эта особенность иконографии Влахернского образа отмечена: [Комашко, с. 230].

[37] Указание на это см.: [Украинские книги, с. 64].

[38] Например, в «Триоди постной» 1648 г., см.: [Украинские книги, с. 64, № 706].

раздел шести Слов, написанных «на Похвалу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы» [Огородок, с. 902–965; гравюра на с. 920]. Иеромонах Антоний (Радивиловский) посвятил Чуду спасения Константинополя в 626 г. второе похвальное слово своего произведения [Огородок, с. 934].

Ил. 3. Богоматерь с пророками и Благовещением.
Гравюра из книги «Огородок Марии Богородицы». Киев, 1676 г.

Цареградская-Печерская икона из Ниловой пустыни имеет все признаки Влахернской иконы того же самого извода, что представлен на гравюре из киевской «Триоди постной» 1640 г. Богоматерь с Богомладенцем на правой руке представлена входящей в храм или выходящей из парадного входа императорского дворца. Под углом расположены складки мафория на Богородичном образе. Возможно, киевская Триодь оказалась в библиотеке архиепископа Вологодского и Великопермского Маркелла (1645–1663), чьи заказы выполнял художник Константин Грешново, либо в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. Книги киевской печати поступали и в Нило-Сорскую пустынь. Согласно описи 1641 г., в скитской библиотеке их было две: «книга

в десть, печать киевская, а в ней Деяния Апостолския, толковые» и «книга Святцы с молитвами, печать киевская... в полдесть»[39]. В 1651 г. «прибыло» «два Часослова в полдесть, печать киевская»[40]. По свидетельству братии скита, зафиксированному в описи 1659 г., прежде в скитской «книгохранителне» находился «Апокалипсис, печать киевская»[41]. В 1672 г. в библиотеку пустыни поступила «Псалтырь, печать киевская, в полдесть»[42]. Постная триодь 1640 г. могла принадлежать строителю пустыни Варлааму Макарьевскому — наиболее вероятному заказчику иконы. Таким образом, киевская гравюра стала образцом для создания новой иконографии. Уточнение в названии иконы — «иже явление в Царѣ граде» — связано с чудесами, явленными Влахернской иконой при нападениях на Константинополь. Поскольку гравюра была напечатана в типографии Киево-Печерской лавры, в Вологде восприняли этот образ Богоматери как Киевский, Печерский — так можно объяснить сложное, трехсоставное название иконы.

Но новая иконография не получила дальнейшего распространения, во всяком случае, списки иконы из Ниловой пустыни пока неизвестны. Иконография и историческая легенда Печерской-Цареградской иконы принципиально отличается от Цареградской иконы, впервые зафиксированной в списках свода «Солнце Пресветлое». История Цареградской иконы, описываемой здесь, связана только с Константинополем и не пересекается с преданием Киево-Печерской лавры. В «Солнце Пресветлом» в связи с Цареградской иконой повествуется о знаменитом константинопольском образе «Одигитрия» и об исцелении двух слепцов, при этом на гравюре, иллюстрирующей Цареградскую икону, изображена Богородица по типу «Умиление», а не Одигитрия.[43] «Непонятно, что послужило образцом для Григория Тепчегорского, но предложенный им вариант изображения отличается устойчивыми чертами, повторяющимися на изображениях Богоматери Цареградской на иконах-сводах. Оно относится к типу „Умиление“, где Богоматерь поддерживает обеими руками размещенного справа от нее Младенца, а он держит в опущенных руках свернутый свиток» [Комашко 2021, с. 274]. По мнению И. А. Кочеткова, иконография Цареградской иконы, как и некоторых других, была придумана гравером Г. П. Тепчегорским: 19 изображений чудотворных икон из сказания

[39] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 668. Л. 7. «Деяними Апостолскими толковыми» здесь, скорее всего, названа книга «Иоанн Златоуст. Беседы на Деяния Апостолов» (Киев, 1624). Таким образом, книга 1624 г. издания к 1641 г. достигла Нило-Сорского скита.

[40] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 671. Л. 13 об.

[41] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 679. Л. 18 об.–19.

[42] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 20.

[43] Опубл.: [Солнце пресветлое, л. 99].

«не было известно в России или же никогда не существовало в действительности... Это: Тумбовская, Яскинская, Гишпанская, Галанская иже в Пергии, Мателикийская, Терванская, Евтропьевская, две Кипрские, две Римские (все по сочинению Иоанникия Голятовского „Небо новое“), а также: Арапская, Вотодательница, Малетинская, Силуамская, Флоринская, Хиленская, Цареградская, Числинская. Г. П. Тепчегорский сочиняет иконографию таким образом, чтобы она не повторяла других известных икон...» [Кочетков, с. 407].

В сборнике-конволюте 20–40-х гг. XVIII в. ГИМ. Музейское собр. № 3194, принадлежавшем иконописцам Никите Артемьеву и Василию Никитину Вощину[44], находится описание двух Цареградских икон: Одигитрии и «Умиления». Цареградской Одигитрией[45] названа классическая Одигитрия, исцелившая двух слепцов[46]. В повести о Цареградском образе «Умиление» рассказывается о том, как некий пастух с Кипра, будучи в Константинополе, пришел в церковь Богородицы и ткнул неким «осномъ» в око Богородицы, изображенной на иконе. Выйдя из храма, он ткнул той же острой палкой вола, погоняя его. В этот момент от палки отломился сучок и воткнулся пастуху в глаз. Осознав свой грех, он вернулся в храм, где получил исцеление. На л. 207 рукописи помещена гравюра «Изображение чудотворного образа Пресвятой Богородицы Цареградския», где представлена поясная икона Божией Матери «Умиление» (ГИМ. Музейское собр. № 3194)[47]. Таким образом, Цареградская-Печерская икона из Ниловой пустыни является принципиально другой иконой, иконография и история которой связаны с Влахернами и Киево-Печерской лаврой.

Образ, созданный вологодским художником по заказу строителя Нилова скита, стал региональным откликом на иконографию киевского происхождения. Чем могло быть обусловлено обращение к подобной иконографии?

---

[44] Этот сборник применительно к Истории Кипрской иконы Божией Матери исследовали Я. И. Смирнов и О. А. Белоброва, см.: [Смирнов, с. 17; Белоброва, с. 316–317]. Раздел чудес от икон Божией Матери завершает запись на л. 304 об.: «А списана сия книга 1740 году месяца октовриа, а иныя прилоги и нравоучения много не списано, чти в печатной. А списывал я Василей Никитин сын Вощин своею рукою иконописецъ». Ниже в квадратных скобках тем же почерком и чернилами следует запись: «А до мене списана 1720 месяца апрѣля, а списывал священникъ Никита Артемьевъ иконописецъ».

[45] Описание истории иконы дано со ссылкой на чудо 60 сочинения ректора Киево-Могилянской академии иеромонаха Иоанникия (Галятовского) «Небо новое», изданного во Львове в 1665 г. [Небо новое, л. 82].

[46] Гравюра с изображением этой иконы в сборнике отсутствует (ГИМ. Музейское собр. № 3194. Л. 209 об.).

[47] Эта повесть в сборнике дана со ссылкой на чудо 57 из книги «Небо Новое» [Небо новое, л. 81–82]. В самой же книге иконография этой иконы никак не определена.

Освоение «киевского наследства» становится весьма актуальным для русской культуры второй половины XVII в., что было связано с присоединением украинских земель в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг.[48] В 1686 г. Киевская митрополия была присоединена к Московской митрополии. В это время восстанавливаются и активно развиваются церковные, литературные и художественные связи. В 1661 г. в Киеве по инициативе архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия (Гизеля) было подготовлено первое издание «Патерика, или Отечника печерского» на церковнославянском языке, украшенного гравюрами упомянутого мастера Илии. Киевские издания взял с собой черниговский архиепископ Лазарь (Баранович), приехавший в Москву для участия в церковном Соборе 1669 г. Вскоре в столице появились мастера Печатного двора Киево-Печерской лавры Тимофей Кувша и Алексей Мушич, которые привезли на продажу книги и гравюры своей мастерской. «Эти гравюры были предназначены для знакомства московитов со старейшей иноческой обителью на Руси, ее святынями и достопримечательностями» [Горстка, с. 311]. Они получили распространение в Москве, Новгороде и других городах.

Русские художники стали изображать на иконах сюжеты из Киево-Печерского патерика [Турцова]. Так, на иконе «Богоматерь на престоле с тридцатью двумя клеймами» 1682 г., написанной работавшим в Ярославле (1642–1694/95) иконописцем Семеном Спиридоновым Холмогорцем, изображены в том числе такие клейма: «Богоматерь передает царьградским зодчим икону своего Успения» (клеймо 19) и «Царьградские иконописцы приходят к Никону Печерскому» (клеймо 20)[49]. На другой иконе, написанной тем же мастером в 1687 г., «Богоматерь на престоле с сорока клеймами», рассказ о принесении икон из Царьграда становится более подробным, его иллюстрируют четыре клейма: «Богоматерь передает царьградским зодчим икону Успения» (клеймо 19); «Видение зодчим церкви в воздухе» (клеймо 20); «Зодчие передают икону Успения Антонию и Феодосию Печерским» (клеймо 22); «Царьградские иконописцы приходят к Никону Печерскому» (клеймо 23)[50]. Между клеймами 20 и 22 находится клеймо 21 с изображением «Похвалы Пресвятой Богородице», что имело глубокий богословский смысл и отражало, видимо, сложившуюся иконографическую традицию. Но все эти образы были созданы позже Цареградской-Печерской иконы из Ниловой пустыни, из чего мы можем заключить, что она находилась в авангарде

[48] См. об этом: [Турцова, с. 358–362; Романенко 2019, с. 184–187].

[49] Ярославский художественный музей, инв. № И-478; опубл.: [Турцова, с. 351–352].

[50] ГРМ. ДРЖ-2894; опубл.: [Турцова, с. 353–354].

нового большого направления русской художественной культуры, ярко проявившегося в 70–90-е гг. XVII в.

Говоря об истории бытования Влахернской иконы, следует отметить, что она начиная с VII в. воспринималась как покровительница во время войн и национальных бедствий. Не случайно царь Алексей Михайлович взял присланную ему Влахернскую икону в смоленские походы 1654–1655 гг. [Соколова, с. 120]. Рассказывая о чуде Влахернской иконы, иеромонах Антоний (Радивиловский) особый акцент делает на том, что Пресвятая Дева не позволила пленить жителей Константинополя и является самой надежной избавительницей пленников: «...якъ много есть и теперь маток у тех пленых, которыи видячи сыны свои и дщери в неволю Турецкую и Татарскую позабираныи, плачут, ляментуют (скорбят. — *Е. Р.*), а енося (иные. — *Е. Р.*) в горячих молитвах своих удадут (впадут, обратятся. — *Е. Р.*) до Пречистой Матки Сына Твоего...» [Огородок, л. 933–934]. Пленение большого числа людей было большой проблемой не только для Украины, но и для Русского государства на протяжении всего XVII в., поэтому, безусловно, находило отклик и в монашеских молитвах, и в иконописных образах.

Возвращаясь к истории формирования иконного собрания пустыни в XVII в., следует сказать, что строитель Варлаам Макарьевский был не только разносторонне образованным человеком, но и очень деятельным настоятелем: при нем производились постоянные ремонты скитских построек, в 1663 г. была построена новая колокольня, пополнялось иконное и книжное собрание пустыни. Опись 1672 г. позволяет представить обновленное убранство скитских храмов. В местном ряду Сретенской церкви на правой стороне находились иконы: «образ Господа Вседержителя, на прѣстоле сѣдящь», «образ Срѣтения Господня», «образ Неопалимыя Купины»; на левой стороне — «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде», «образ Единородный Сынъ Слово Божие», «образ Иоана Предтечи» — «всѣ на двойном листовом золоте, два в них — в киотах»; «19 образов пядниц Господьских празников и великих святых осмилистовых — всѣ на золотѣ»; «образ Воскресение Христово — пядница, на красках; припись — ризы Господни золотом, в киотѣ»; «образ Успение Пречистые Богородицы со апостолы; оклад сребрян, басманы золочены, 4 вѣнца низаны жемчюгом мелким»[51]. В местном ряду оставались и прежние иконы, упомянутые еще в описи 1641 г.: образ «Срѣтение Господне, на красках» (таким образом, в местном ряду в 1672 г. находились две иконы Сретения, справа и слева от царских врат); «образ мѣстной преподобных Ефрема Сирина да Кирилла Чюдотворца Белозерскаго, над ними — образ

[51] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 2 об.–3.

Спасов, на красках, на одной цкѣ»; «образ Пречистые Богородицы Одигитрие, на красках» и «образ Распятие Господне, писан на красках»[52]. Царские двери, сень и столбцы были выполнены «на красках».

Несколько новых икон добавилось к пядничному ряду: «образ Пречистые Богородицы, на поле чюдотворец Кирилл — пядница, на золотѣ»; «образ Ефрема Сирина, на вохрѣ», «образ Ивана Богослова — пядница, на вохрѣ»; «образ Пречистые Богородицы Умиление, на золотѣ»[53]. Скорее всего, последние в списке две иконы — «Ивана Богослова» и «Умиление» — были перенесены в пядничный ряд из алтаря. В алтаре за престолом находился двусторонний выносной «образ Пречистые Богородицы, позади Никола Чюдотворец, на красках»[54], над жертвенником — «дѣисус поясной на трех цках, на краскѣ», в алтаре — «образ Спасов да образ Богородицы, на краскѣ», на северных алтарных дверях был написан образ Благоразумного разбойника[55]. В 1682 г. опись фиксирует царские врата, столбцы и сень на золоте — вероятно, они заменили прежние, выполненные «на красках», либо их вызолотили[56].

Храм Ефрема Сирина традиционно оставался теплым зимним храмом с трапезной. Он, видимо, был небольшим, т. к. иконостас имел всего два ряда: местный и деисусный чин. Согласно описи 1641 г., в местном ряду находились иконы: «преподобный Ефрем Сирин, на красках», «образ Живоначалные Троицы во облацѣ да образы преподобных на той же цкѣ, на краскѣ»; с другой стороны царских врат размещался образ Пресвятой Богородицы «Одигитрия» на золоте. Деисус состоял из семи поясных икон «на красках»[57]. Более поздняя опись — 1701 г., сделанная до пожара 1717 г., в котором сгорел иконостас храма, позволяет определить состав древнего деисусного чина: «Спасов образъ, по сторонамъ: образы Пресвятыя Богородицы, Иоанна Предтечи, архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла»[58]. Царские двери, сень и столбцы были выполнены «на красках». Кроме того, в алтаре над жертвенником находился «дѣисус поясной на трех иконах, на краскѣ», за престолом — выносная двусторонняя пядница «на красках» с изображением Пресвятой Богородицы и святителя Николая Чудотворца[59].

---

[52] Там же. Л. 3.
[53] Там же. Л. 4–4 об.
[54] Там же. Л. 5 об.
[55] Там же. Л. 6–6 об.
[56] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 3.
[57] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 668. Л. 4 об.
[58] РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 10.
[59] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 668. Л. 5.

Опись 1672 г. фиксирует появление над жертвенником образа «Пречистые Богородицы, на золотѣ».

В трапезной храма на правой стороне находился деисус с праздниками, написанный на трех больших досках (каждая икона состояла из двух изображений: в нижнем регистре размещался деисусный образ, в верхнем — праздник; как удалось установить по приходно-расходным книгам, иконы были написаны старцем Варлаамом иконником в 1636 г.). На другой стороне трапезной находился «образ Срѣтения Господня — большая пядница», «икона на празелени, а на ней Владычни празники», «два образа Пречистые Богородицы — пядницы, на золоте», «образ пядница, на ней писаны святители и преподобные, на красках», «образ Спасов со архангелы на празелени — пядница», «образ преподобнаго Савы Серпьскаго да Дмитрия Прилуцкаго на празелени — пядница», «образ Трех святителей — пядница малая, на празелени». На паперти размещались бумажные изображения на досках и «образ Распятие Господа Нашего Исуса Христа — большая пядница»[60]. В 1672 г. опись фиксирует на этом месте другую икону — «образ празники Владычни на болшей пяднице, на краскѣ», а над дверями, ведущими из трапезной в церковь, — образ «Положение во гроб да Воскресение Христово на одной цкѣ — пядница длинная, на красках»[61].

В собрании Кирилло-Белозерского музея сохранился образ Ефрема Сирина, поступивший в музей из Нило-Сорской пустыни по акту от 6 марта 1935 г. (КБМЗ. ДЖ-110, размер 76,5 × 66 см)[62]. Вероятнее всего, он происходит из местного ряда храма преподобного Ефрема Сирина, что следует из описи 1641 г. Святой представлен на иконе аскетом со впалыми щеками и редкой бородой, в темно-коричневой мантии и куколе (см. *цв. вкл., ил. 3*). В руках преподобный держит свиток, перстами правой руки как бы указывая на него. На свитке хорошо читаются слова, обращенные к инокам, не соблюдающим обетов. Именно эту икону описал в своей книге А. Н. Муравьев, посетивший Нилову пустынь в 1855 г. По свидетельству писателя, образ находился в Предтеченском скиту, где после пострига в схиму проживал иеросхимонах Нил (Прихудайлов). «Я просил показать мне церковь и древнюю святыню, сколько ее уцелело. Замечательна икона преподобного, перенесенная из кладбищенской церкви Святого Ефрема Сирина, с обличительною выпискою из творений сего отца, против нерадивых иноков, которая начертана на хартии в его руке» [Муравьев, с. 343]. В пустыни сохранялось предание о том, что

[60] Там же. Л. 5.

[61] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 5 об.

[62] Согласно реставрационному паспорту, образ датируется XVII в.; средник иконы опубл.: [Романенко 1996, с. 64; 2003, с. 184; 2017, с. 165–167; Преподобный Нил Сорский, с. 17].

этот образ находился в древнем храме Ефрема Сирина, построенном еще при Ниле Сорском[63]. Об этом сообщает в своей книге «Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни» насельник обители инок Иоанн (Калинин): «Второй древний образ, находящийся теперь в ризнице, а раньше в теплом храме, — преподобного Ефрема Сирина, по преданию сохранившийся со времен преподобного Нила Сорского, который, как видно из творений преподобного, имел особенную любовь к сему угоднику Божию. Вышина образа 1 аршин 1 вершок, ширина 15 вершков» [Иоанн, с. 27]. Указанные иноком Иоанном (Калининым) размеры совпадают с образом КБМЗ. ДЖ-212 (1 аршин 1 вершок = 75, 57 см; 15 вершков = 66,75 см).

Образ Ефрема из Нилова скита примечателен тем, что обнаруживает значительное сходство с изображением этого святого на фреске алтарной преграды Успенского собора Московского Кремля, выполненной около 1481 г. артелью художника Дионисия. Это позволяет предполагать, что икона является копией с другого, более древнего образа Ефрема Сирина, написанного для скита художником из артели Дионисия. Возможно, тогда же в мастерской Дионисия были написаны и другие иконы для скита (выше уже упоминался образ Архангела Гавриила из Ниловой пустыни). Впоследствии иконография местночтимой иконы Ефрема Сирина стала основой при создании иконографии преподобного Нила Сорского[64].

Согласно описи 1672 г., в местном ряду храма во имя Ефрема Сирина находились следующие иконы: «образ мѣстной Ефрем Сирин, на красках»; «образ Стрѣтение Господне, на краскѣ»; «образ Живоначальные Троицы, по сторонам — преподобные, на краскѣ»; «образ мѣстной же Пречистые Богородицы Одигитрия, на золотѣ»[65]. Тябловый деисус по-прежнему состоял из семи поясных икон. Над царскими вратами размещалось несколько пядниц: «образ Стрѣтение Господне на краскѣ — пядница», «образ святители и преподобные, на краскѣ», «образ Воскресение Господне, на краскѣ», «образ Савы Серпъскаго да Димитрия Прилуцкаго, на краскѣ»[66]. За престолом размещался двусторонний «образ Пречистые Богородицы выносной, позади

[63] На нижнем поле иконы в XIX в. сделана надпись: «Сия дрѣвняя святая икона строение прд. Нила Сор: Чюдо. и находилась намесною во храме сего прпбнаго». Под этой надписью на другой строке следует подпись, которую реставраторы оставили нераскрытой, первые слова не прочитываются, далее едва проступает некая группа букв, которую реставраторы прочитали: «знаменилъ». Скорее всего, поновителем и автором надписи был иеросхимонах Нил (Прихудайлов); подробнее об истории иконы см.: [Романенко 2017, с. 163].

[64] См. об этом: [Романенко 2017, с. 165–167].

[65] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 6 об.

[66] Там же. Л. 7.

Никола Чюдотворец»[67], над жертвенником — «дѣисус поясной на трех цках, на краскѣ; образ Пречистые Богородицы, на золотѣ»[68]. В трапезной на правой стороне находился «дѣисус болшой на трех цках, над дѣисусом — празники Владычны, на красках»; на другой стороне — «6 образов розные, пядницы болшие, — Седмица». При входе, над церковными дверями размещался «образ Положение во гроб да Воскресение Христово на одной цкѣ — пядница длинная, на красках». На паперти «у трапезы» находился «образ Празники Владычни на болшой пяднице, на краске»[69].

После 1672 г. был построен новый храм во имя преподобного Ефрема Сирина. В описи 1675 г. сказано: «...церковь теплая преподобнаго Ефрема Сирина, не свещена, новая»[70]. Новое размещение местных икон фиксирует опись 1682 г. На правой стороне царских дверей находились иконы: «образ мѣстной Срѣтения Господня, писан на вохрѣ; образ мѣстной преподобнаго Ефрема Сирина да Кирила Белоезерскаго, писан на вохрѣ». На левой стороне — «образ местной Пречистые Богородицы, написан вновь, — Иверские, ризы прописаны твореным золотом»[71]. Деисус остался прежним — на семи досках.

Во второй половине XVII в. в пустыни был построен третий храм — в честь Третьего Обретения честной главы пророка Иоанна Предтечи. Первоначально это был придел, пристроенный между 1641 и 1648 гг. к церкви Сретения над местом погребения преподобного Нила. Описи 1648 и 1651 гг. называют эту пристройку приделом, а опись 1653 г. — часовней. Над «началником скицким, над преподобным старцом Нилом» на гробнице лежал черный покров и иконы: «пядница большая — дѣисус и празники Владычни — на золоте», кроме того, образ Пресвятой Богородицы «на красках» и «большая пядница — Распятие Господне, на красках»[72]. Над входом в придел находился «образ Богородицы, на золотѣ» (правда, к следующей описи этой иконы уже не было, а прежний строитель утверждал, что его «тут и не бывало»)[73].

---

[67] Подобный образ поступал в собрание музея по акту от 6 марта 1935 г. (КП 2688). Запись о поступлении в инвентарной книге сопровождается кратким описанием, где говорится, что образ Божией Матери был поясным, Богоматерь изображалась в трехчетвертном повороте влево; образ Николая Чудотворца на оборотной стороне также был поясным, по сторонам в верхнем сегменте находились изображения Божией Матери и Спасителя (КБМЗ. ДПА. Д. 5. Л. 89–90).

[68] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 7.

[69] Там же. Л. 7 об.

[70] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 684. Л. 6.

[71] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 8 об.

[72] Там же. Л. 5–5 об.

[73] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 669. Л. 13.

В 1653 г. у гробницы преподобного был поставлен «крест болшой, на нем Распятие Господне полное, на краскѣ», около которого находилось «паникадилцо маленко» для совершения панихид; добавился новый покров: «дороги двоелишные здѣланы, на немъ крест вышит золотой» — вклад Федора Панова[74].

В 1656–1658 гг. вместо придела-часовни над гробом Нила Сорского была поставлена небольшая деревянная церковь. Деисус, иконы местного ряда, северные алтарные двери для этого храма писал иконник Григорий. Он же расписывал тябла. В приходо-расходной книге 1656 г. говорится: «Писали дѣисус в Чюдотворцову церковь, и дано иконнику Григорью 4 рубли с полтиною, да ему же дано от тябла 7 алтынъ»[75]. «Иконник Григорей писал в Чюдотворцеву церковь иконы местныя и северъская двери, и дано ему за писмо могорцу 5 рублевъ 4 алтына 4 денги»[76]. «Да ему же дано от тябла»[77]. Согласно описи 1659 г., в новой церкви в местном ряду находились две иконы: на правой стороне — «образ мѣстной Третие Обретение честной главы Ивана Предтечи, на празелени»; на левой стороне — «образ мѣстной Пречистые Богородицы Одигитрие, на празелени»[78]. Следовательно, именно эти иконы в местный ряд написал иконник Григорий. Состав деисуса его работы раскрывают более поздние описи 1701 и 1721 гг.: «Над царскими дверми в тяблах — образ Спасов, седящъ на престолѣ, по сторонамъ — образы Пресвятыя Богородицы, Иоанна Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла, святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, Чюдотворца Николая, преподобных Ефрема Сирина, Кирилла Белоезерскаго»[79].

Иконы из деисуса церкви Иоанна Предтечи были выявлены автором статьи в собрании Кирилло-Белозерского музея для выставки «Нило-Сорская пустынь» 1992–1993 гг. К настоящему времени из 13 икон сохранилось восемь: образ «Спас в силах» (КБМЗ. КП 1882. ДЖ-188, 74 × 56 × 5,5 см) и семь икон предстоящих святых — «Ефрем Сирин» (КБМЗ. ДЖ-174, 73,7 × 31,3 × 2,9 см; см. *цв. вкл., ил. 4*), «Архангел Гавриил» (КБМЗ. ДЖ-175, 72,0 × 31,5 × 4,0 см; см. *цв. вкл., ил. 5*), «Святитель Иоанн Златоуст» (КБМЗ. ДЖ-176, 72,5 × 31,0 × 3,0 см; см. *цв. вкл., ил. 6*), «Святитель Василий Великий» (КБМЗ. ДЖ-177, 73,1 × 31,5 × 3,2 см), «Апостол Павел»

---

[74] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 673. Л. 7 об.

[75] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 677. Л. 11 об.

[76] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 676. Л. 12.

[77] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 678. Л. 11 об.

[78] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 679. Л. 7 об.

[79] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 493. Л. 5. То же: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 7–7 об.

(КБМЗ. ДЖ-179, 72,5 × 31,0 × 4,0 см; см. *цв. вкл., ил. 7*), «Апостол Петр» (КБМЗ. ДЖ-180, 73,5 × 31,5 × 4,0 см) , «Кирилл Белозерский» (КБМЗ. ДЖ-178, 73,4 × 31,6 × 2,6 см; см. *цв. вкл., ил. 8*). Согласно акту 1932 г., подписанному директором музея Е. В. Дьяконовой, для перевозки в музей были отобраны все 13 икон деисусного чина. Однако инвентарная книга музея фиксирует наличие 10 икон, поступивших по актам от 6 марта 1935 г. и 15 октября 1936 г. Кроме перечисленных выше икон, названы: «Николай Чудотворец» (КП 2649, 73,5 × 30,5 см) и «Иоанн Предтеча» (КП 2648, 73 × 31 см). Позднее они были признаны иконами 3-й категории и уничтожены по акту от 30 августа 1938 г.[80] Таким образом, в музей по каким-то причинам не поступил образ Пресвятой Богородицы, образ Архангела Михаила и образ Григория Богослова. К настоящему времени все сохранившиеся иконы отреставрированы, кроме центрального образа «Спас в силах»[81].

Из описей скитских церквей известен не только художник, написавший иконы для нового храма, но и плотник, изготовивший доски. Им был пустынский сторож Иван: «Дѣлалъ сторож Иван цки на дѣисус в Чюдотворцову церковь и дано ему за тѣ цки найму 8 алтын 2 денги»[82]; «Дѣлал сторож Иван двѣ цки на мѣстныя иконы в церковь Чюдотворцову да в ризницу перила около лѣсницы. И дано ему могорцу за то 6 алтынъ 4 денги»[83]. Тот же сторож «шил на престол поволоки да цки дѣлал на мѣстные иконы и Пречистые запрестольные, дано ему за все 3 алтына 2 денги»[84]. Царские двери, столбы и сень в новую церковь были выполнены на золоте — это был вклад старца Дионисия Грездова. Он же пожертвовал в новую церковь запрестольный образ Пресвятой Богородицы Одигитрии на золоте[85].

Согласно описи 1663 г., на раке преподобного Нила появился третий покров «бархату вишневой» — вклад Кондратия Лукина[86]. Тогда же над гробницей Нила чудотворца поместили новый деисус в киоте[87]. В 1669 г. над гробом святого на вклад Кондратия Лукина была устроена деревянная

---

[80] КБИАХМЗ. ОПИ. Д. 5. Л. 40–41.

[81] Реставрация четырех икон: «Ефрем Сирин», «Архангел Гавриил», «Иоанн Златоуст», «апостол Павел» — осуществлялась в 2024 г. в ПСТГУ. Доклад «Результаты реставрации и исследований четырех икон деисусного чина Нило-Сорской пустыни» сделан на 31-х Лелековских чтениях Государственного научно-исследовательского института реставрации (30–31 октября 2024 г.) реставратором ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря М. Н. Василенковым, руководившим реставрацией икон.

[82] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 677. Л. 11 об.

[83] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 676. Л. 11 об.

[84] Там же. Л. 12.

[85] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 7.

[86] Там же. Л. 7 об.

[87] Там же. Л. 24 об.

резная золоченая рака. По стенкам раки мастер вырезал тропарь, кондак и икос преподобному Нилу, а также летопись с датой преставления основателя скита[88]. В 1672 г. мемориальный комплекс над гробницей преподобного Нила выглядел следующим образом: над ракой находился деисус в киоте на трех досках и образ Пресвятой Богородицы «на краске», рядом стоял «крест болшей, на немъ Распятие Господне полное, писано на краске». Здесь же размещался малый аналой, «оболоченъ крашениною лазоревою», аналойный крест был деревянный, расписанный по красочному фону. На раке находились три покрова: «покров черной старой да другий покров: дороги двоеличные зеленые, на немъ крест вышит золотом; третей покров ⟨...⟩ средина бархат вишневой, обложен бархатом рудожелтым, крест нашит: кружево кованое з золотом и с серебром, подпись у креста в четырех мѣстех жемчюжная, подложена кумачем вишневым»[89]. У гробницы стояла расписная свеча. В 1681 г. над ракой Нила Сорского была устроена «сень с шатром и с коруной, писана разными краски»[90].

В 1672 г., при строителе старце Нифонте, старец Павел Новоезерский (вероятно, монах Кириллова Новоезерского монастыря) дал вкладом «образ Нила Соръскаго в окладе»[91]. Это первая зафиксированная документами скита икона с изображением преподобного Нила Сорского. Она значится в описи 1677 г., а в 1681 г. уже не упоминается. Зато, как заметила Е. Э. Шевченко, в этом же 1681 г. у раки преп. Нила Сорского в церкви Иоанна Предтечи появляется образ преп. Нила Столобенского с похожим окладом: «оклад сребрян, басманы золочены, венецъ сребрян резной» [Шевченко 2005, с. 747]. По мнению исследовательницы, вкладная икона Павла Новоезерского изначально была изображением преподобного Нила Столобенского, впоследствии обнаружилось несоответствие иконографии, и подпись была изменена. Эта история стала основой сюжета Чуда об исцелении дочери новгородского дворянина [Шевченко 2005, с. 746–747]. Благодаря этой ошибке вкладной образ Нила Столобенского оказал влияние на формирование самостоятельной ветви иконографии Нила Сорского[92].

К 1682 г. состав икон в мемориальном храме значительно дополнился: на правой стороне от царских врат появился «образ Единородный Сын Божий, местной, писан на двойном золоте» (выше уже говорилось, что этот образ был перенесен из местного ряда иконостаса церкви Сретения); на прежнем месте

[88] Там же. Л. 18 об.

[89] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 683. Л. 8 об.

[90] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 686. Л. 19 об.

[91] Там же. Л. 9.

[92] См. подробнее об этом: [Романенко 2017, с. 160–162].

оставался образ «Обретение честныя главы Ивана Предтечи, на вохре». Слева размещался «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде, писан на празелени» (также перенесен из церкви Сретения). Над северными алтарными дверями появился «образ Пречистые Богородицы Владимирские — пядница, писан на красках, венецъ сребрян резной, золочен» и «образ Успение Пречистые Богородицы со апостолы, оклад: сребрян, басманы золочены, четыре вѣнца низаны жемчюгом мелким»[93] (это хорошо узнаваемый вкладной образ из церкви Сретения «Варвары Скворцовой жены Артемьевской»). На вратах было написано красками изображение креста. Местные иконы украшали пелены. В алтаре над жертвенником находился пядничный деисус «на трех цках, писан на вохрѣ». У гробницы Нила Сорского дополнительно разместили икону, поступившую в скит в 1681 г.: «образ апостола и евангелиста Луки да преподобнаго Максима Исповедника — во облацѣ Спасовъ образ, оклад сребрян, басманы золочены, ветх»[94].

В 1682 г., при строителе Дионисии Москвитине, в пустынь поступил драгоценный вклад: «церковные сосуды: потир, дискос, звезда, два блюдца, копие — всѣ сребряное. Да крест сребряной же благословенной в киоте, а на киоте вверху писан образ Живоначальные Троицы, на створах — образ Благовѣщение Пресвятые Богородицы и святых дванадесятых апостол на золотѣ, а весом сребра в церковных сосудѣх и в кресте, опричь копия, полтретья»[95]. Тогда же, в 1682 г. перед церковью Иоанна Предтечи установили «крест болшей, на нем писано Распятие Господне полное, на вохрѣ»[96].

В описи 1686 г., в разделе «вновь вкладные дачи при строителе старце Дионисие», впервые упомянут «образ на гробѣ преподобнаго отца нашего Нила Чюдотворца, писан на красках»[97]. Более поздние описи добавляют некоторые сведения об иконографии этой иконы: «На ракѣ образ чюдотворца Нила, венец серебряной гладкой с репьями, золоченой, в возглавии — образъ Святыя Троицы»[98]. А. Н. Муравьев, видевший икону в 1855 г., заметил: «Преподобный изображен в одежде схимнической, в благолепном покое посмертного созерцания, начатого им еще на земле» [Муравьев, с. 344]. Инок Иоанн (Калинин) оставил краткое описание надгробного образа: «Крышкою раки служит древний образ угодника Божия препод. Нила, во весь рост, живописный по дереву, византийского стиля» [Иоанн, с. 32]. Чудотворный образ

93 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 6 об.
94 Там же. Л. 80.
95 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 690. Л. 21 об.
96 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 8 об.
97 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 690. Л. 21 об.
98 РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. № 1631. Л. 4–4 об.

неоднократно копировался. В 1908 г., к 400-летию преставления святого, в пустыни была создана икона, повторившая древний образ Нила Сорского: на иконе преподобный изображен фронтально, в рост, в небесном сегменте — образ Троицы[99]. Сам преподобный Нил представлен по подобию Ефрема Сирина[100]. К надгробному образу восходит также икона, выполненная иеросхимонахом Нилом (Прихудайловым): ныне этот образ хранится в Кирилло-Белозерском музее (КБМЗ. НВ-737, 89,7 × 53 × 2,7 см)[101].

Приходно-расходные и описные книги Нилова скита позволяют судить о том, какими путями формировалось иконописное собрание Ниловой пустыни: иконы активно покупали, выменивали, заказывали, некоторые поступали в качестве вклада. Иногда приглашенные иконописцы жили в пустыни продолжительное время для выполнения различных работ, в том числе и реставрационных. В книге строителя Варлаама Макарьевского сказано, что старцу Пимину Иконнику за три недели жизни в ските дано 25 алтын[102]. Тот же строитель Варлаам Макарьевский приобрел путем обмена «образ Воскресения Господня десятилистовый ⟨...⟩ да крест осѣнянной, дано рубль 22 алтына 2 денги». Да им же было «выменено 12 крестов печатных на бумаге в брацкие кѣльи, дано 2 алтына 2 денги»[103]. При другом строителе, старце Ионе Усольском, «вновь прибыло» «2 дѣисусов на дву цках, писаны на красках, да 2 образа Пречистые Богородицы Казанские на красках, 2 иконы Пречистые Богородицы Воплощение на краске, 4 иконы Умиление Пречистые Богородицы, на краскѣ»[104]. В описи 1681 г. в числе вновь поступивших икон названы: «образ Ангела Хранителя — пядница, писан на золотѣ, образ апостола и евангелиста Луки да преподобнаго Максима Исповедника, во облацѣ — Спасов образ»[105]. Иконы привозили из соседних белозерских монастырей: «образа везли из Троицына монастыря с Усть-Шексны»[106]. Документы фиксируют и исчезновение икон. Так, в описи 1682 г. сказано: «...образ Успения Пречистые Богородицы со апостолы — пядница, писан на золотѣ. И тот-де образ прежней строитель старец Мардарей ис скита отдал. А кому отдал, то он, старец Мардарей, ведает»[107].

Регулярно осуществлялась реставрация икон: в 1663 г. «в теплой церкви преподобнаго Ефрѣма Сирина мѣсные образы и дѣисусы, и мелкие пятницы

[99] Опубл.: [Романенко 2003, рис. 16].

[100] См. подробнее: [Романенко 1996, с. 72–75; 2017, с. 166–169].

[101] В настоящее время местонахождение чудотворной иконы неизвестно.

[102] РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 4.

[103] Там же. Л. 5.

[104] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 17 об.–18.

[105] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 686. Л. 17 об.

[106] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 667. Л. 24.

[107] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 689. Л. 21 об.

починивали и олифили, иконником дано за работу и харчь 2 рубли 5 алтын»[108]. В августе следующего, 1664 г. реставрировали иконы в других церквах: «Августа в день 20 в церкви Стрѣтения Господня да в церкви Предтечевѣ иконники мѣстные образы, и деисусъ, и мѣлкие пядницы чистили, и починивали, и олифили, за работу им дано рубль 18 алтын»[109]. Обновлялись и тябла: согласно описи 1681 г., во всех трех храмах и в трапезной «под мѣстными иконы и дѣисусы тябла писаны разными краски, травами по бѣлилу»[110].

Для некоторых икон изготавливались киоты: «здѣланы два киота под празничные образы и подписаны разными красками ⟨...⟩ мастеру дано за работу 16 алтын 2 денги»[111]; «дѣлали плотники в трапезу к новому дѣисусу кивот новой, дано мастеромъ от дела денег 6»[112]. Особо почитаемые образы украшались пеленами: так, в 1663 г. старец Леонид Бубнов пожертвовал пелену «бархатейную, опушена киндяком зеленым» к иконе Пресвятой Богородицы на правой стороне от царских врат в церкви Иоанна Предтечи[113]. Местные образа освещали поставные свечи: «Здѣланы перед месные образы 6 свѣчей древяных болших и подписаны разными цвѣтными красками, дано от мастерства за работу 6 рублевъ 6 алтын 4 денги»[114].

Изучая монастырские описи, мы можем заключить, что интерьер пустынских церквей не был темным и мрачным. Напротив, он представляется чрезвычайно живописным: яркий колорит икон, блеск золотых пядниц, растительные узоры поставных свеч, пелены у образов, нарядные киоты. Внутреннее убранство дополняли предметы из резного раскрашенного дерева: клиросы и трапезные решетки, лавки, обшитые узорными досками, расписная мебель, а также изразцовые печи — все это создавало радостную и нарядную атмосферу в храме.

Пустынь в конце XVII — XVIII в.

В конце XVII в., согласно последней известной за это столетие описи — 1689 г., в Ниловой пустыни находилось три храма, девять монашеских келий, в которых жили строитель старец Феофил, сторож «Матфей Иванов, Ферапонтова монастыря крестьянин, Сорьские волости, деревни Великаго Двора» и семь человек братии: «черной священник Иоасаф, старец Нифонт, старец

---

108 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 9 об.
109 Там же. Л. 21 об.–22.
110 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 686. Л. 19 об.
111 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 6 об.
112 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 667. Л. 33 об.
113 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 9.
114 РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 6 об.

Дорофей, старец Калинник, старец Селивестр, старец Аверкий, пономарь старец Варлам»[115].

Опись 1701 г. сохранила уникальные сведения не только об интерьере, но и об архитектуре пустынских церквей[116]. Церковь Сретения была перекрыта сводом, характерным для архитектуры Русого Севера, — крещатыми бочками[117]. В храм входили через высокое крытое крыльцо (рундук), далее следовала трапезная и основной четверик: «...вход к той церкви — рундукъ[118] рубленой, лѣсницы на двѣ стороны, на рундукъ забрано досками в косякъ; церковь, и трапеза, и крыльцо крыты тесом. Под главой бочки построены крестовидно; и глава, и бочки обиты чешуею деревяною, крест деревянной, опаян бѣлымъ желѣзомъ. С рундука в трапезу ходъ — двери, затворъ деревянной, у дверей — замокъ нутряной, другой — вислой. Над дверями образъ Спасов, сѣдящъ на Престолѣ, по сторонам — образы Пресвятые Богородицы, Иоана Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавриила, всѣ образы — на трехъ цкѣхъ штилистовыхъ»[119]. Царские двери, сень и столбцы в Сретенском храме были выполнены на золоте. На правой стороне царских врат находились иконы: «образ мѣстной Спасов, на престолѣ сѣдящъ, писан на двойном золоте; образ мѣстной Неопалимые Купины, писан на двойном золоте»[120]. На левой стороне — «образ местной Стрѣтение Господне, писан на двойном золоте», «образ Иоана Предтечи, на двойном золоте». Над северными алтарными дверями находился «дѣисус на трех цках — пядницы, писан на вохре». На самих дверях был написан образ Благоразумного разбойника «на вохре»[121]. Над местными иконами размещался тябловый иконостас: «дѣисус болшой ⟨...⟩ 16 образов, писан на красках, над дѣисусом — Господцкие празники, писаны на красках, над празники — образ Воплощение Сына Божия, по странам — пророки числом семнатцать образов, писаны на красках». В киоте были заключены уже упоминавшиеся «19 образов пядницы празники Господни, писаны на золоте, а поля писаны на красках». В киоте на аналое находился «образ Воскресение Христово, писан на красках, ризы Господни прописаны золотом» (возможно, это икона из нынешнего собрания КБМЗ. ДЖ-158,

---

[115] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 693. Л. 21 об.–22.

[116] Опись опубл.: [Шевченко 2022, с. 395–426].

[117] Бочка — крыша, имеющая форму полуцилиндра с повышенным и заостренным верхом, в результате чего на фасаде образуется килевидный фронтон. Две пересекающиеся под прямым углом бочки образуют покрытие, называемое «крещатая бочка».

[118] Рундук — крыльцо на возвышении, пристроенное к дому, или навес над таким крыльцом.

[119] РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 3–4.

[120] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 693. Л. 2 об.

[121] Там же. Л. 3.

41,7 × 31,8 × 3,0 см; ризы Спасителя имеют интенсивную разделку золотом) [Преподобный Нил Сорский, с. 25, № 24].

Над церковными дверями размещался целый ряд пядничных икон: «образ явление Честнаго Креста — пядница, писана на красках»; «образ Семиона Столпника да великомученика Георгия — пядница, писан на красках»; «образ Кирилла Белоезерскаго Чюдотворца — пядница, писан на золотѣ»; «образ Кирилла Белоезерскаго Чюдотворца — пядница, писан на красках»; «образ Парфения епископа, писан на красках»; «образ Петра и Алексея московских чюдотворцов да Алексея Божия человека, писан на красках»; «образ Иоана Богослова — пядница, писан на красках»; «образ преподобных отец и Зосимы и Савватия Соловецких Чюдотворцов, писан на золотѣ»[122]. В алтаре над жертвенником размещался «дѣисус на трех цках поясной, писан на вохрѣ»; за престолом — «образ Пресвятые Богородицы», на другой стороне — «образ Николая Чюдотворца выносной, писан на вохрѣ, за престолом же крест большой выносной, писан на красках»[123]. Кроме того, в алтаре находился «крест осѣнянной древяной, писан на празелени, другой крест — аналойной древяной же, на нем вырезано Распятие Господне»[124]. В притворе церковном над дверями находился «образ Воскресение Христово — пядница, писан на вохрѣ». На правой стороне церковных дверей размещались иконы: «образ мѣстной Пречистыя Богородицы Одигитрия, писан на вохрѣ»; «образ Живоначальные Троицы да преподобных отец Ануфрия Великаго, Макария Египтянина, Павел Фивейский, писан на вохрѣ»; «образ мѣстной преподобнаго Ефрема Сирина, писан на вохрѣ»; «у тех же мѣстных икон, которые по правую сторону церковных дверей, пелена выбойчата, окладники — крашенина лазорева»[125]. На левой стороне от церковных дверей находились иконы: «образ Воскресения Христова с празники, писан на вохрѣ»; «крест на цкѣ, писан на вохрѣ»; «образ преподобнаго Ефрема Сирина — пядница, писан на вохрѣ»[126]. В паперти над дверями размещался «дѣисус на трех цках — пядницы, писан на празелени».

Около церкви Сретения находилась деревянная холодная церковь Иоанна Предтечи: «...вход к той церкве — рундукъ дощаной, перед рундукомъ мостъ намощенъ досками, покрытъ рундукъ тесомъ на столбахъ; в церков входъ — двери, затворъ деревяной, у дверей — замокъ вислой, крюки, и петли, и защелчка желѣзная. Церков крыта тесомъ, глава обита чешуею деревяною,

---

122 Там же. Л. 4–4 об.
123 Там же. Л. 5.
124 Там же. Л. 5 об.
125 Там же. Л. 6.
126 Там же. Л. 6 об.

крестъ деревяной опаян бѣлым желѣзом, подлѣ тѣхъ дверей — крестъ болшей, на нем — образ Распятия Господня да преподобному чюдотворцу Нилу тропарь и кондак писан на бумаге»[127]. Царские врата, сень и столбцы в иконостасе были выполнены «на вохре». Пол в храме «намощенъ досками»[128]. Справа от царских врат размещались иконы: «образ Единородный Сынъ Слово Божие мѣстной, писан на двойном золоте», «образ мѣстной Обретение честныя главы Иоанна Предтечи, писан на вохрѣ»[129]. На левой стороне — «образ Пречистые Богородицы явление в Царѣ граде мѣстной, писан на празелени». Над северными алтарными дверями размещался «образ Пречистыя Богородицы Владимирския — пядница, писан на красках, венец сребрян рѣзной, золочен» и «образ Успения Пресвятыя Богородицы со апостолы, оклад сребрян басмен, золочен, четыре венца низаны жемчюгом мелкимъ»[130]. На северных дверях был написан «крест красками» (художник — иконник Григорий). Над царскими вратами находился деисус «стоящей, числом 13 икон, писаны на празелени»[131].

В храме над местом погребения Нила Сорского размещалась рака, покрытая покровами. Над гробницей находился «образ мѣстной Распятие Господне, писан на вохрѣ», «дѣисус в киоте на трех цках мѣстной, писан на вохрѣ» и 2 «малые пядницы» «образ Нила Столобенскаго, оклад сребрян, басманы золочены, венецъ сребрян резной, во облацѣ — Спасов образ, у Спасова образа венецъ сребрян рѣзной, золочен, подпись сребряная рѣзная, не золочена — пядница», «образ евангелиста Луки да преподобнаго Максима, во облацѣ — Спасов образ, обложен сребром, басманы золочены». У гробницы находился образ «мѣстной преподобнаго Нила Чюдотворца, писан на празелени»[132]. В алтаре за престолом размещался «образ Пресвятыя Богородицы, писан на золотѣ, на другой странѣ — образ Николы Чюдотворца», а также «крест осѣнянной древяной, писан на красках». Перед входом в храм стоял большой крест: «на нем писано Распятие Господне полное, на вохрѣ»[133]. Среди перечисленных икон, размещавшихся над ракой Нила Сорского, следует выделить особо местный образ преподобного Нила. В настоящее время икона подобной иконографии рубежа XVII–XVIII вв. неизвестна.

---

127 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 6.
128 Там же. Л. 9.
129 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 693. Л. 7.
130 Там же. Л. 7 об.
131 Там же.
132 Там же. Л. 9.
133 Там же. Л. 8 об.

Деревянная церковь во имя преподобного Ефрема Сирина по традиции была теплой, ее обогревала печь, находившаяся в трапезной: «В трапезе печь образщатая (обложенная изразцами. — *Е. Р.*), зеленая»[134]. В трапезную вела высокая паперть: «Перед трапезою — паперть рубленая, с полуденную страну — лѣстница рубленая жъ; церков, и олтарь, и трапеза, и паперть, и над лѣстницею кровля крыта тесомъ, глава обита чешуею деревянную; крестъ деревяной опаян бѣлымъ желѣзомъ»[135]. «Из церкви в трапезу — западные двери, затворы — решетки деревяные на крюках желѣзных»[136]. В трапезной находились «лавки дощатые с опушками»[137]; «в церкви, и в олтари, и в трапезе шесть оконницъ слюдных, окна в них малая; у пяти окон — затворы (ставни. — *Е. Р.*) деревяные, крюки и петли железные»[138]. Царские врата в храме, сень и столбцы в иконостасе были «написаны на вохре». На правой стороне царских врат находились иконы: «образ мѣстной Стрѣтения Господня, писан на вохрѣ»; «образ мѣстной преподобных отец Ефрема Сирина да Кирилла Белозерскаго Чюдотворцев, писан на вохрѣ». На левой стороне — «образ мѣстной Пресвятыя Богородицы Иверския, написан вновь, ризы прописаны твореным золотом»[139]. Над северными алтарными дверями находились три пядницы: «образ Леонтия Ростовскаго Чюдотворца — пядница, писан на празелени»; «образ преподобнаго Варлаама Хутынскаго — пядница, писан на золотѣ»; «образ преподобнаго Кирилла Белозерскаго — пядница, писан на вохрѣ»[140]. Алтарные северные двери были «писаны разными красками». Перед местными иконами висели «пелены, киндяк вишнев, средины — кумач червчат, подложены крашениной лазоревой». Также перед местными иконами имелись «две полосы желѣзные, на них шанданы передвижные»[141].

Деисус церкви Ефрема Сирина состоял из семи икон. В алтаре над жертвенником находился «образ Спасов да образ Пресвятыя Богородицы, писан на празелени». В трапезной над церковными дверями размещались пядничные иконы: «образ Пресвятыя Богородицы Умиление — пядница, писан на золотѣ»; «образ Живоначальныя Троицы, на золотѣ жъ»; «образ «Воздвижения Христова — пядница, писан на золотѣ»; «образ Николая

---

134 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 12.

135 Там же. Л. 9–9 об.

136 Там же. Л. 11.

137 «Опушонные лавки» или «лавки с опушками» — лавки, обшитые узорными досками [Евдокимов, с. 46].

138 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 12.

139 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 693. Л. 9 об.

140 Там же. Л. 9 об.–10.

141 Там же. Л. 10.

Чюдотворца — пядница, писан на золотѣ»[142]. На правой стороне церковных дверей находился деисус «на трех цках поясной, вверху писаны дванадесятые Господьские празники — всѣ на празелени; перед дѣисусом полоса желѣзная, на ней три шандана передвижные»[143]. На левой стороне церковных дверей размещалась «Седмица на шести цках, писана на вохрѣ, перед ней полоса желѣзная, на полосе три шандана передвижных». На паперти находился «образ преподобнаго Иоанна списателя Лествицы, на ней писана темница и слова о покаянии». Перед папертью над дверями размещался «образ Пресвятыя Богородицы — пядница, писан на вохрѣ»[144].

16 февраля 1717 г. епископ Вологодский и Белозерский Павел выдал благословенную грамоту на строительство новой церкви во имя преп. Ефрема Сирина взамен сгоревшего храма[145]. В связи с этим вологодскому художнику Борису Степановичу Холуеву был заказан иконостас, о чем художник написал расписку: «1718 генваря въ 24-й день вологжанин посадской человекъ Борисъ Степановъ Холуевъ подрядился я Белозерского уѣзду Нилова скита у строителя иеромонаха строителя ⟨*так!*⟩ Серапиона з братиею иконного писания в церковь царские двери с сѣнию и столпцами, а писать на дверех Благовѣщение Пречистые Богородицы да Василия Великаго, да на другой — Иоанна Златоустаго, а на сѣнѣ писать серафимы, а на столпцах писать образ Спасителевъ да Пречистые Богородицы, а на других странах — по херувиму; на тѣх же столпцах писать по архидиакону, да от царских дверей — образ Спасителевъ с молящими, высота полтора аршина, ширина — аршин; в подножии у Спасителя писать Ефрема Сирина, а по другую сторону — преподобнаго Нила чюдотворца, а другий образъ писать высота то ж против Спасителя, а писать Ефрема Сирина ширина одиннатцать верховъ, писать на красках поля и средины, а венцы — на золоте. Да дѣисуса одиннатцать иконъ: Спасителевъ образ, на Престоле сѣдящь, венцы на золоте, а престол на серебре, а поля, и средник, и ризы — от красокъ; по сторонам — Пречистые Богородицы, по другую — Иоанна Предтечи, два архангела, Петра и Павла, Иоанна Богослова, а по другую сторону — Андрея Первозваннаго, да образ Кирилла Белозерскаго, да образ Кирилла Новоезерскаго чюдотворцевъ. А высота тому дѣисусу аршинъ с четвертью, а широта тѣмъ иконамъ восмъ аршинъ; апостолы и преподобные писать вѣнцы на золоте, а ризы и поля, и средины — от красокъ. Да 2 иконы пяднишные, а на них писать Стрѣтенье Господне, а другий — Ефрема Сирина, вѣнцы на золоте, а поля и ризы —

[142] Там же. Л. 10 об.
[143] Там же. Л. 10 об.
[144] Там же. Л. 11.
[145] Архив СПбИИ РАН. Кол. 260. Оп. 1. № 827.

от красокъ. А рядил от того иконного писания восмь рублевъ дватцать петь алтынъ, а наперед я, Борис, взял денегъ два рубли дватцать петь алтынъ, а досталные денги взять мнѣ у него, строителя, какъ тѣ всѣ иконы напишу. В том я, Борисъ Степановъ ему, строителю, и росписку дал; росписку писал по его, Борисову, прошению Кирилова монастыря служитель Петръ Мамыревъ. К сей росписѣ и я, иконописецъ Борисъ Холуевъ, руку приложил»[146].

В описи 1721 г. предстает интерьер новой церкви: деисус состоял уже из одиннадцати икон, а не из семи, как было первоначально. Древний поясной деисус церкви Ефрема Сирина, видимо, сгорел в пожаре, т. к. он более не упоминается в описях. Над «царскими дверми в тяблах образ Спасителев, сѣдящь на Престолѣ, с херувимы, по сторону образы: образ Пресвятой Богородицы, образ Иоанна Предтечи, образы архангелов Михаила и Гавриила, образы апостолов Петра и Павла, образ Иоанна Богослова, образ евангелиста Марка, образ евангелиста Матфея, образ апостола Андрея Первозваннаго» (вероятно, это деисус, указанный в рядной записи Бориса Холуева, за исключением изображений преподобных Кирилла Белозерского и Кирилла Новоезерского, вместо которых значатся образы евангелистов Марка и Матфея[147]). В местном ряду, по правую сторону от царских дверей: «образ Всемилостиваго Спаса» (икона, указанная в договоре Бориса Холуева, возможно, представлена на фотографии 1931 г. в местном ряду иконостаса; см. *ил. 4*); «по стороне — ангели Господни стоящѣ»; «образ Ефрема Сирина, во облацѣ — образ Всемилостиваго Спаса»; около южных алтарных дверей находился образ «преподобнаго Ануфриа Великаго, во облаце — образ Всемилостиваго Спаса».

Слева от царских дверей размещался «образ Пресвятыя Богородицы Тихфинския», со стороны северных алтарных дверей — «образ Николая Чудотворца, во облацѣ — два образа, Спасов и Богородичен»[148]. В алтаре на горнем месте размещались две пядницы: «образ преподобных отец Ферапонта и Мартиниана, в возглавии образ Знамение Пресвятой Богородицы» и «образ Ефрема Сирина, во облацѣ — образ Всемилостиваго Спаса, писан на золоте»[149] (пядница с изображением Ефрема Сирина, скорее всего, была написана Борисом Холуевым, как это указано в его рядной записи).

В трапезной над церковными дверями находился образ Живоначальной Троицы и образ «Вход Господень в Иерусалим». Справа от церковных дверей в трапезной размещались иконы: образ Благовещения Пресвятой Богородицы,

---

[146] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 148 (Кирилло-Белозерский монастырь. Указы монастырских властей нач. 1709 — 1729 г.). Л. 9–10.

[147] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 493. Л. 6 об.

[148] Там же. Л. 6 об.

[149] Там же. Л. 7.

Ил. 4. Иконостас храма Иоанна Предтечи Предтеченского скита. Фотография 1931 г. В нижнем местном ряду: справа от царских врат — Вседержитель с припадающими преподобными (предположительно 1718 г.; художник Б. С. Холуев; под записью XIX в.), Ангел Хранитель (не сохранилась), в заворот — св. Иоанн Предтеча «с крылы» (не сохранилась); слева от царских врат — Цареградская-Киевская икона Божией Матери (1665 г.; художник Константин Кириллов Грешново), архидиакон Стефан (не сохранилась), в заворот — преп. Нил Сорский

образ Воскресения Христова, «образ Омовения ног», «образ Всех святых, в возглавии — образ Отца, и Сына, и Святаго Духа», образ Воздвижения Креста Господня. На левой стороне от церковных дверей в трапезной: «образ преподобных отец Ефрема Сирина, Нила Сорскаго, в возглавии — образ Спасителев»; «образ Распятия Господня»; «образ Иоанна Предтечи с крылы»;

«образ Собор Архистратига Михаила»; «образ Страстей Господних, писаны на красках»[150].

Над западными дверями храма размещался пядничный образ великомученика Никиты, а на паперти — «образ Всемилостиваго Спаса, в подножие молящихся преподобных отец Сергия Радонежскаго, Кирилла Белоозерскаго»[151]. Кроме него, на паперти находился «образ Честнаго и Животворящаго Креста Господня».

Согласно описи 1701 г., в пустыни, кроме трех церквей, были две часовни, они располагались в стороне от основного монастырского ансамбля, там, где когда-то поселился преподобный Нил вместе с преподобным Иннокентием (Охлябининым). Одна из них, вероятно, находилась над крестом, поставленным преподобными: «над часовнею шатеръ, крыт тесомъ, над шатром глава обита чешуею деревянною, на главе — крестъ четвероконечной желѣзной; перед часовнею паперть, забрана решатками крашеными; с паперти вход в часовню»[152]. «В той же часовне подволока[153] забрана досками шатромъ, крашена разными красками, на ней в срединѣ — образ Вседержителя, кругом того образа образъ херувимов»[154].

Над дверями в часовню находился «образ Спасовъ Нерукотворенный, писанъ на холстѣ, в рамах». Все иконное убранство часовни было посвящено теме Страстей Христовых и Распятия. В центре иконостаса находился местный образ «крестъ четвероконечной, писано на немъ образ Распятия Господня, в возглавии — образ Воскресения Христова, образы Страстей Господнихъ» и «образ Пресвятые Богородицы Одигитрия Страшные (Страстной. — *Е. Р.*), по сторонам — два образа ангельскихъ со Страстьми; на образѣ — убрус полотняной»[155]. Перед иконой Креста горела лампада «мѣдная резная сквозная». Над крестом размещался «образъ Входъ во Иерусалимъ» и «образ Святыя Троицы, цки полуаршинные». Под крестом находился образ «Воздвижение Честнаго Креста» и «образ, на немъ писано шестнатцать мѣстъ Страстей Господнихъ, цки аршинные»[156]. Последнюю икону можно идентифицировать с иконой «Страсти Господни» из собрания КБМЗ (ДЖ-173,

---

150 Там же. Л. 7 об.

151 Там же.

152 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 24.

153 Подволока — утепленный землей деревянный потолок на матицах (балках), обычно украшался резьбой и росписью.

154 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333, Л. 24 об.

155 Там же. Л. 24.

156 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 24.

79,7 × 51,0 × 5,0 см; КП 2641). На ней мы видим 16 клейм (см. *цв. вкл., ил. 9*), совпадает размер, икону можно датировать концом XVII в.[157] Похоже, что Страстная икона также сохранилась в собрании КБМЗ (ДЖ 183. КП 1877, 71,8 × 59,1 × 3,9 см). По документам, она была найдена в церкви Евфимия Великого Кирилло-Белозерского монастыря: в 30-е гг. XX в. этот храм служил складом, где, в частности, находились фрагменты иконостаса Тихвинского собора Нило-Сорской пустыни, оставленные в качестве образцов[158]. Иконография «Богоматери Страстной» появилась на Руси довольно поздно — в середине XVII в. В 1641 г. по указу царя Алексея Михайловича чудотворный образ, прославившийся в селе Палец под Нижним Новгородом, был перенесен в Москву. На месте встречи иконы у Тверских ворот была построена церковь, а в 1654 г. возник девичий монастырь, получивший название Страстной. «Название иконы связано с изображением ангелов, несущих орудия Страстей, — Младенец оглядывается на правого ангела, с крестом в руках, у левого — копье и трость с губкой» [Бекенева, с. 42]. Иконография образа из Ниловой пустыни дополнена изображениями праведного Алексия человека Божия и преп. Марии Египетской. Эти святые считались тезоименитыми покровителями царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской. Их изображение на иконе из Ниловой пустыни было не случайным, поскольку царь и царица жертвовали деньги и предметы церковного интерьера для церкви Третьего Обретения честной главы Иоанна Предтечи.

Рядом с часовней Креста находилась другая — над колодцем преподобного Нила: «над часовней — шатер, крытъ тесом; крестъ четвероконечной деревянной»[159]. В часовне стоял «крестъ водруженной» и находился «кладесь чюдотворца Нила». Иконное убранство часовни составляла Казанская икона Божией Матери.

В 1761 г. была составлена новая опись пустыни, к которой прилагался ее схематический план[160]. Согласно документу, к этому времени в монастыре оставалась только одна часовня — над колодцем преп. Нила. Часовню Креста,

---

[157] Опубл.: [Преподобный Нил Сорский, с. 26, № 25]; экспонировалась на выставке: «Новые открытия реставраторов иконописи и прикладного искусства» (КБИАХМЗ, 2007–2008).

[158] В акте от 15 июля 1935 г., составленном уполномоченными от Комитета по охране памятников при ВЦИК и Музейного отдела Наркомпроса А. И. Леоновым и Н. Е. Мневой при участии директора Кирилло-Белозерского музея Н. Л. Гурова, говорилось: «...в бывшей церкви мч. Евфимия находящиеся детали разобранного иконостаса 19 в. Нило-Сорской пустыни из Казанского собора в м-ре (здесь допущена ошибка, собор в Нило-Сорской пустыни был Тихвинским. — *Е. Р.*) золоченой резьбы признано возможным ликвидировать, сохранив образцы резьбы, карнизы, колонки и т. д.) (КБМЗ. ДПА. Д. 5. Л. 12).

[159] РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 96/1333. Л. 24 об.

[160] Опубл.: [Шевченко 2022, с. 426–443].

видимо, разобрали. Возможно, поэтому Страстная икона Божией Матери, находившаяся ранее в этой часовне, фиксируется описью в храме Сретения: над южными дверями — «образ Пречистые Богородицы Страстъныя, писан красками». В целом опись фиксирует традиционную развеску икон. На «своем месте» находился и Цареградский-Печерский образ — слева от царских врат в храме Иоанна Предтечи: «образ Пресвятые Богородицы явления Цареградския»[161]. Опись 1761 г. дает пример того, как могли изменяться подписи на иконах. Так, составитель отметил, что на прежней иконе «Данила Столпник» в окладе «вновь явилась надпись чеканная сребряная, а на ней писано: „Нил Сорский“, а не „Данило“»[162].

В 1797 г. в Нилов скит был прислан из Кирилловского духовного правления «поповский десятоначальник» Иоанн Петров, он описал имущество пустыни[163]. На л. 6 находится опись вещей, поступивших в 1797–1802 гг., и на л. 6 об. — дополнения 1809 г. Среди последних значится «у гроба преподобного Нила Сорского чудотворца образ преподобных Печерских чудотворцев, писан красками». Возможно, это икона «Преподобные Антоний и Феодосий с Киево-Печерскими святыми» (КБМЗ. ДЖ-478. КП 2660, 98,3 × 62,2 × 3,3 см).

Перестройка пустыни в XIX в.

В 1804 г. ветхую церковь Ефрема Сирина разобрали, вместо нее к Предтеченскому храму пристроили одноименный придел, который 23 сентября 1806 г. переосвятили в честь Покрова Пресвятой Богородицы [Иоанн, с. 14]. Иеромонах Никон (Прихудайлов), назначенный строителем пустыни в 1836 г., описал, как выглядел монастырь в это время: на «насыпном бугорке возвышалась грудка вместе соединенных 3-х церквей деревянных, две ветхия древние: Сретения Господня и Предтечи Иоанна, холодные; а третия построена недавно, теплая во имя Покрова Богородицы, все маленькия, ограды не было»[164]. В 1841 г. началось строительство каменного Тихвинского собора. Для этого разровняли холм, насыпанный первыми насельниками скита, и разобрали древние церкви Сретения и Иоанна Предтечи. Строительство Тихвинского собора продолжалось до 1854 г. Новый собор состоял из двух церквей: теплой, в честь Сретения Господня, с приделом во имя святителя Николая Чудотворца, и холодной, в честь Тихвинской иконы Божией Матери, с южным приделом во имя преп. Нила Сорского и северным приделом во имя апостолов Петра

161 РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 105/1343. Л. 8.

162 Там же. Л. 13 об.

163 ГАВО. Ф. 1147. Опись1. Ед. хр. 241.

164 КБМЗ. ОПИ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 9 об.

Ил. 5. Храм в честь Третьего Обретения главы пророка Иоанна Предтечи Предтеченского скита Нило-Сорской пустыни. Фотография. 1931 г.

и Павла. После освящения в 1847 г. в Сретенском храме стали совершаться богослужения, в иконостасе поместили древние иконы. В 1907 г. в Никольском приделе устроили новый, двухъярусный иконостас, выкрашенный белой краской под мрамор, с резьбой и позолотой. Иконы заменили новыми, только один образ — преп. Нила Сорского — «остался в прежнем виде»[165]. 27 сентября 1857 г. освятили Тихвинский храм. В 1857–1864 гг. в Вологде были изготовлены вызолоченные «по полименту червонным золотом» иконостасы для холодного храма и написаны иконы «полугреческой живописи». В 70-х гг. XIX в. Тихвинский храм был расписан, в работе принимал участие сорский монах Филарет (Корчагин). В 1861–1862 гг. на средства иеросхимонаха Нила (Прихудайлова) и пожертвования богомольцев над святыми воротами монастыря построили каменную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Все иконы трехъярусного иконостаса и настенная масляная живопись выполнялась под руководством иеросхимонаха Нила (в настоящее время от настенной росписи сохранились лишь небольшие фрагменты; см. *цв. вкл., ил. 10, 11*).

В 1852 г., как уже говорилось выше, при Ниловой пустыни образовался Иоанно-Предтеченский скит, в котором освятили новую церковь (см. *ил. 5*).

Сюда перенесли большую часть древних монастырских икон. Опись 1859 г. позволяет представить иконостас Предтеченского храма: он состоял из четырех рядов. В местном ряду на правой стороне находился «образ Господа Вседержителя с предстоящими на коленях преподобными Кириллом Белозерским и Нилом Сорским, высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина 1 аршин 1 вершок, на нем три серебряные венцы»; рядом с южными алтарными дверями находились иконы «Иоанн Предтеча Ангел пустыни» и «образ Ангела Хранителя, держащего главу Иоанна Предтечи на блюде, высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина 15 вершков, на нем венец серебряной»[166]. На левой стороне царских врат в описи указаны иконы: «Первый образ Печерския Богоматери с Предвечным Младенцем, высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина 1 аршин 4 вершка, на нем 2 серебряные венца с 8 разноцветными стеклянными вставками (это уже известный Цареградский-Печерский образ, поновленный иеросхимонахом Нилом и именуемый здесь Печерским. — *Е. Р.*). Второй на северных дверях образ архидиакона Стефана, высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина 14 вершков. Третий образ

[165] КБМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 111 об.

[166] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Ед. хр. 3194. Л. 49.

преподобнаго Нила Сорскаго, высота образа 1 аршин 10 вершков, ширина 15 вершков, на нем сребропозлащенный венец»[167]. В клейме над царскими вратами находился «образ Господа Саваофа с Иисусом Христом и Святым Духом, круглый, имеющий в диаметре 4 вершка»[168]. Местные иконы «Спас Вседержитель» и «Иоанн Предтеча Ангел Пустыни» не были отправлены на хранение в Кирилло-Белозерский музей, о чем свидетельствует акт от 8 авг. 1932 г., и, скорее всего, были утрачены. На учете музея был оставлен только образ Цареградской-Печерской Богоматери[169]. Во втором праздничном ряду справа первым располагался образ Покрова Пресвятой Богородицы, 2-м — Рождества Христова, 3-м — Преображения Господня, 4-м — Крещения, 5-м — Сретения, 6-м — Рождества Пресвятой Богородицы; слева первым следовал образ Успения Божией Матери, 2-м — Введения Богородицы во храм, 3-м — Троицы, 6-м — Входа Господня в Иерусалим, 5-м — Воздвижения Креста Господня, 6-м — Благовещения. Можно отметить нетрадиционную развеску икон в праздничном ряду и несоблюдение принципа церковного календаря (этот праздничный ряд не поступил в музей после закрытия пустыни согласно акту от 8 августа 1932 г. Он был передан в качестве «поделочного материала» на нужды совхоза).

В середине деисусного ряда находился «образ Господа Вседержителя на Престоле высотою 1 аршин и шириною 12 вершков». На правой стороне располагались уже знакомые нам иконы из деисусного ряда древней церкви Иоанна Предтечи «одинаковой величины высотою 1 аршин и в ширину 8 вершков»: на правой стороне — иконы Иоанна Предтечи, Архангела Михаила, апостола Павла, святителя Григория Богослова, святителя Николая Чудотворца, преп. Кирилла Белозерского; на левой стороне — иконы Божией Матери, Архангела Гавриила, апостола Петра, святителя Иоанна Златоуста, святителя Василия Великого, Нила Сорского (очевидно, составитель описи перепутал образ Ефрема Сирина с образом Нила Сорского из-за сходства иконографии двух святых).

В центре четвертого, пророческого ряда находился образ «Знамение Пресвятой Богородицы высотою 9 вершков и шириною 12 вершков». На правой стороне размещались иконы «одинаковой величины высотою 9 вершков и шириною 8 вершков»: на правой стороне указаны образы царя Соломона, пророка Илии, пророка Ионы, пророка Иезекииля, пророка Иоасафа (скорее

[167] Там же.
[168] Там же. Л. 49 об.
[169] КБМЗ. ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

всего, Малахии); на левой стороне — царя Давида, пророка Софония (скорее всего, Захарии), пророка Иоанна (скорее всего, Иоиля), пророка Исаии, пророка Даниила. Поскольку пророческий ряд был только в древней Сретенской церкви, можно заключить, что все вышеперечисленные иконы происходили из Сретенского иконостаса. Некоторые названия в описи даны в ошибочном прочтении. Размеры икон составляли в среднем 32 × 40 см. Они поступили по акту от 6 марта 1935 г. и были уничтожены по исключительному списку от 30 августа 1938 г. как иконы, не имеющие музейного значения. В инвентарной книге музея они датированы XVIII в. Но сами составители инвентаря понимали, что эта датировка неверна. Некоторые иконы, как, например, образ царя Соломона, имели помету: «...в местах выпадения красок просвечивает древняя живопись»[170]. В исключительном списке от 30 авг. 1938 г. значатся следующие иконы: пророк Захария (КП 2603, 37 × 42 см); пророк Малахия (КП 2604, 32 × 40 см); пророк Давид (КП 2605, 32 × 39,75 см); пророк Иезекииль (КП 2606, 32 × 40 см); пророк Иона (КП 2607, 32 × 40 см); пророк Иоиль (КП 2608, 30 × 40 см); пророк Исаия (КП 2609, 33 × 49 см); царь Соломон (КП 2610, 32 × 40 см); пророк Даниил (КП 2611, 35 × 41 см). В этом же списке упомянута и икона «Знамение Богоматери» (КП 2614, 42 × 58 см). Ее размер примерно совпадает с указанным в описи 1859 г. (40 × 52 см). По размерам видно, что иконы принадлежали к одному чину иконостаса.

Иконы в Предтеченской церкви размещались и на стенах. На южной стене находились Иерусалимская икона Божией Матери «вышиной 1 аршин 8 вершков и шириной 1 аршин», а также образ преп. Макария Унженского «вышиной образа 1 аршин 8 вершков и шириной 14 вершков». На северной стене размещались образ Николая Чудотворца с изображением Спасителя и Божией Матери в верхнем сегменте («высота образа 1 аршин 6 вершков и ширина 1 аршин, на нем 3 венца сребропозлащенные»), а также образ преп. Онуфрия Великого («высота образа 1 аршин 6 вершков, а ширина 15 вершков»). В ризнице хранились следующие иконы: «икона Спасителя с благословляющей десницей в сребропозлащенной с венцами ризе 84-й пробы длиною в ½ вершка и шириною 5 ¾ вершка, вес ризы и венцов в сложности 88 золотников»; «икона Покрова Богородицы в сребропозлащенной 84-й пробы ризе с 3 такими же венчиками, украшен стразами»; 12 минейных образов «в длину 10 вершков и в ширину 8 ½ вершков, при них общая деревянная вызолоченная рамка».

[170] КБМЗ. Делопроизводственный архив (далее — ДПА). Д. 15. Л. 8.

Иконописцы

Иконы для храмов пустыни писали чаще всего художники, работавшие для Кирилло-Белозерского монастыря, а также иконописцы из Вологды, Новгорода и других мест. В 1635 г. строитель «порядилъ писати черново священика Варлама иконника диисус с празники на однѣх цках: длина 12 пядей, а в ширину — 4 пяди, да сень ⟨...⟩ написать на вохрѣ»[171]. К следующему году заказ был исполнен: «...дано иконнику черному священнику Варлааму от образовъ, от писма, по ряду к прежнему задатку 2 рубля 16 алтын 4 денги»[172]. Возможно, именно этот художник написал образ Иоанна Богослова для Кирилло-Белозерского монастыря, сохранившийся до наших дней (КБМЗ. ДЖ-862, 32 × 25,5 × 3 см). На обороте этой иконы над шпонкой находятся две строки скорописью XVII в., где названо имя художника: «Пожаловал написать государю священноинок Варлаам на сей доске святого апостола Иоанна стоящаго единаго...»[173]

В 1656–1658 гг. для пустыни много работал иконник Григорий. Как уже говорилось выше, он написал деисус, местные иконы и северные алтарные двери для церкви Иоанна Предтечи. В 1657 г. ему «за летопись и за подзоры дано 20 алтын»[174]. Есть основания отождествить этого художника с «иконописцем Григорием Ярославцем», чье имя неоднократно упоминается в документах Кирилло-Белозерского монастыря [Мальцев, с. 785][175]. В феврале 1633 г. Григорий Ярославец получил деньги за выполненный заказ для обители: «...писал в казну 4 образа Пречистые Богородицы да 6 образов чудотворца Кирилла, обои на двойном золоте» [Лелекова, с. 170, примеч. 87]. В мае того же года он получил деньги за то, что «писал в казну 7 образов Пречистые Богородицы да 3 образа чудотворца Кирилла на двойном золоте» [Лелекова, с. 170, примеч. 87]. Если сопоставить документы Кириллова монастыря и Ниловой пустыни, то получается, что Григорий Ярославец проработал в белозерских обителях больше 20 лет.

---

171 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 666. Л. 12.

172 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 667. Л. 31.

173 Надпись опубликована и фототипически воспроизведена в каталоге выставки: [Подписные произведения, с. 88, № 11].

174 Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 676. Л. 5.

175 Автор статьи отождествляет Григория Ростовца, работавшего в 1611–1616 гг. в Кирилло-Белозерском монастыре, и Григория Ярославца, выполнявшего монастырские заказы в 1633 г. для Кирилловской обители и в 1656 г. — для Ниловой пустыни. Полагаю, что Григорий Ростовец и Григорий Ярославец — все-таки разные художники: они имеют разные прозвища, к тому же временной диапазон слишком велик для работы одного человека. Григорий Ростовец (если это был один художник) после 1616 г. надолго исчезает из монастырских документов и появляется только через 17 лет, в 1633 г.

В документах Ниловой пустыни упоминается иконописец старец Варлаам Никитский. Как уже говорилось выше, в 1665 г., при строителе Варлааме Макарьевском, он написал для церкви Сретения местный образ святого пророка Иоанна Предтечи на двойном золоте[176]. Судя по прозвищу, старец Варлаам был иноком Никитского монастыря, находившегося в 3 верстах от Кириллова, на берегу р. Шексны[177]. Этот художник работал и для Кирилло-Белозерского монастыря. В августе 1633 г. он получил деньги за выполненный заказ: «В Никитцком монастыре старец Варлам писал в казну 5 образов Пречистые Богородицы на двойном золоте. Цки, левкас и золото казенное ж. От писма ему дано 10 алтын» [Словарь русских иконописцев, с. 110]. Сложно допустить, что с разницей в 30 лет в окрестностях Кириллова монастыря работали два иконописца по имени Варлаам с прозвищем Никитский.

Другой долгожитель-иконописец — старец Феофан Дерголоб. Как установила О. В. Лелекова, он постоянно упоминается в документах Кириллова монастыря за 1652–1664 гг. Из приходно-расходной книги строителя Ниловой пустыни 1663–1669 гг. известно, что «старец Феофан Дерголоб писал образ Никиты мученика, обложен серебром басмяным, позолочен»[178]. Одна из икон этого художника сохранилась до настоящего времени. В свое время вологодский реставратор Н. И. Федышин обнаружил в Вологодском краеведческом музее пядничную икону с изображением поясного Спаса Вседержителя с подписью: «Написанъ сии образъ рукою старца Феофана лѣта 7161 [1652/53] году. Молитца сему образу Иванъ Артемьевъ» (КП № ВОКМ 7998, инв. ДРЖ-970, 31,9 × 26,2 × 2,9 см) [Лелекова, с. 171, примеч. 97]. Икона была отреставрирована в 2011–2013 гг.[179] Старец писал не только иконы, но и «стенное письмо» [Лелекова, с. 171, примеч. 97][180]. Он выполнял иконы сложных сюжетов для именитых заказчиков. Вероятно, поэтому написанная им пядница в описи Нилова скита выделена особо. Уже упоминалось выше, что «з Бело ѣзера вдова Варвара Артемьевская жена Скворцова» пожертвовала в 1663 г. в Нилов скит икону Успения Пресвятой Богородицы «со апостолы» в драгоценном окладе. Возможно, что эту икону написал Феофан Дерголоб: примерно в 1657 г. художник написал белозерскому воеводе

[176] «В церковь Сретения Господня написан образ местной святаго Иоана Предтечи на двойном золоте от мастерства дано 4 рубли 21 алтын 4 деньги, а писал тот образ иконник старец Варлам Никитцкой» (РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 29).

[177] В 1648 г. Никитский монастырь был приписан к Кирилло-Белозерскому; о Варлааме Никитском см.: [Словарь русских иконописцев, с. 110].

[178] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 681. Л. 9.

[179] Благодарю за консультацию научного сотрудника Вологодского музея-заповедника Е. А. Виноградову.

[180] О Феофане Дерголобе см. также: [Словарь русских иконописцев, с. 177; Брюсова, с. 139].

Никите Борисовичу Тютчеву похожий образ — икону «Успение Пречистые Богородицы в полном деянии. За письмо дано рубль денег» [Лелекова, с. 171, примеч. 97]. В 1664 г. Феофан Дерголоб «написал на городовых воротех от Казанские Пречистые Богородицы Спасов образ. По челобитью ево дано за то мастерство рубль» [Лелекова, с. 171, примеч. 97].

В переписных книгах Нилова скита за 1689 г. упоминается еще один кирилловский художник — Иван Козмин: «Да прежней строитель старец Корнилей Затворников подрядил иконописца Ивана Козмина написать в скит икону Иоанна Предтечи мѣстную, задатком дал монастырских скицких денег 20 алтын, и как иконописец Иван ту икону изготовит, и строителю старцу Феофилу та икона в скитъ взять, и достальные ему иконные по ряду денги за работу заплатить»[181]. О. В. Лелекова установила, что Иван Козмин был первым известным жалованным иконописцем Кирилло-Белозерского монастыря. Он впервые упоминается в документах обители за 1683/84 г.[182]; последние сведения датируются 1697 г. Возможно, иконописец был родом из Кеми: в синодике Кирилло-Белозерского монастыря XVII–XVIII вв. записан «род Ивана Козмина кемского»[183]. С 1687 г. художник обычно работал в паре с иконописцем Федором Павловым сыном Кулебакиным [Словарь русских иконописцев, с. 341]. Мастера имели учеников, их работа оплачивалась дороже, чем других художников[184].

В приходно-расходных книгах строителя Варлаама Макарьевского (1664–1668) значатся расходы на оплату большого заказа, выполненного Константином Кирилловым Грешным: в январе 1664 г. были выплачены деньги за то, что «вологжанинъ иконникъ Констянтинъ Кириловъ, прозвище Грѣшной, написалъ в Нилов скит в церков Стрѣтения Господня мѣсную икону Спасовъ образ Вседержителя, от писма дано 7 рублевъ»[185]; «да тот же иконникъ написал в ту же церковь 19 образовъ Владычныхъ празниковъ и иных великих святых осмилистовых на двойном золотѣ, от мастерства дано 13 рублевъ 10 алтын. Тѣ иконы с Вологды проважены в Ниловъ скитъ извозщиком,

---

[181] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. № 693. Л. 22–22 об.

[182] 15 апреля 1685 г. «монастырский иконописец Иван Козмин платил с пустошного березницкого позему, которой держит он Иван ж на оброке, да он же дал за пашню и за сенные покосы и за всякие угодья на 192 [1683/84] год пол 2 рубли». Цит. по: [Лелекова, с. 171, примеч. 102].

[183] КБМЗ. № 2791, см. об этом: [Лелекова, с. 173, примеч. 114].

[184] «По указу государей властей, а по челобитью вдовы Татьяны Лукьяновы дочери Обухова монастырские иконники Иван Козмин с товарыщи написали монастырскими красками Богородичную икону запрестольную по обещанию ея в церковь Николая Чудотворца на Звоз (село на реке Шексне недалеко от Кириллова монастыря. — *О. Л.*), а за работу иконником иза краски взято в казну 23 алтына 2 деньги» [Лелекова., с. 172, примеч. 106].

[185] РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 4 об.

дано провозу 8 алтынъ»[186]. Иконы везли завернутыми в рогожу: «куплено ⟨...⟩ 3 рогожы, в чем с Вологды образы, связав, возили»[187]. В 1665 г. «в церков Стрѣтения Господня написаны мѣстных образов: образ Стрѣтения Господня настоящей (главный, престольный. — *Е. Р.*)[188], образ Пречистыя Богородицы Киевские, от писма дано 9 рублев 16 алтын 4 деньги, а писал иконник Констянтин Кирилов вологжанин, и тѣ иконы с Вологды проважены в скит извощиком, дано 12 алтын 2 денги»[189].

Константин Кириллов Грешной (Грешново) был наиболее известным вологодским художником второй трети XVII в.: как иконописец он упоминается на протяжении 1639–1680 гг.[190] Кроме того, он был еще певчим дьяком вологодского архиепископа [Суворов, с. 137]. В 40-х гг. XVII в. художник по заказу архиерейской казны написал несколько партий икон Пресвятой Богородицы, а также изготовил костюмы и декорации для чина Пещного действа [Французова, с. 34, 37]. В 1642–1643 гг. Константин Кириллов Грешной участвовал в стенной росписи московского Успенского собора, что говорит об уровне его мастерства [Словарь русских иконописцев, с. 159]. В августе 1644 г. он выполнял большие работы в кафедральном соборе Вологды: писал для придела в честь великомученика Феодора Стратилата деисус с праздниками на одной доске, царские врата, северные алтарные врата, местные иконы и запрестольный образ [Французова, с. 33]. Иконы отличались большим размером: местные образы имели «по два аршина без полутора вершка» (примерно 135,5 см). Стоит отметить, что и икона Богородицы Цареградской, выполненная для Ниловой пустыни, имеет сопоставимый размер — 122,5 × 88,5 см. В 1651 г. Константину Кириллову Грешному и Ивану Фомину Полиевктову было выплачено 15 руб. за то, что они заново написали деисусный чин для большого иконостаса Софийского собора [Суворов, с. 121–123]. В 1661 г. Константин Кириллов написал икону «Воскресение Христово» для Софийского собора Вологды [Евдокимов, с. 226]. Последнее свидетельство о художнике относится к 1680 г.: «...иконник Константин Грешново написал у соборной церкви с водную сторону над полуденными дверми образ Вседержителя Спасов, да над

---

[186] Там же. Л. 5.

[187] Там же. Л. 11.

[188] С большой долей вероятности, это был большой, метровый, почти квадратный образ, поступивший в собрание музея вместе с другими иконами Ниловой пустыни (КП 2671, 1,02 × 1,345 см). В инвентарных книгах музея он датируется XVII в. К сожалению, икона была списана уже в 1958 г.

[189] РНБ. Собр. СПбДА. А II-46. Л. 18 об.–19.

[190] См. о нем: [Словарь русских иконописцев, с. 159–160]. Вологодский краевед и искусствовед И. В. Евдокимов в 1921 г. составил «Словарь северных иконников». В разделе «Вологодские иконники» он выделил двух разных художников: Константина Грешново и Константина Кириллова [Евдокимов, с. 226].

Пятницкими вороты образ Пречистые Богородицы Владимирские, дано ему за писмо тех икон 4 рубли с полтиною» [Евдокимов, с. 226].

В собрании ВГМЗ находятся пять икон, которые историки искусства предположительно приписывают кисти Константина Кириллова Грешного и его соавтора Ивана Фомина Полиевктова: «Христос Вседержитель (Спас Смоленский) с избранными святыми» (ВГМЗ, инв. № 1082/1) [Иконы 2007, с. 349–356, № 46]; «Святая Троица» (ВГМЗ, инв. № 6292) [Иконы 2007, с. 401–412]; «Благоразумный разбойник (Дверь в жертвенник)» (ВГМЗ, инв. № 7864) [Иконы 2007, с. 413–418, № 51]; «Вход в Иерусалим из праздничного ряда» (ВГМЗ, инв. № 7860) [Иконы 2007, с. 419–420, № 52]; «Святитель Стефан Пермский с житием» (ВГМЗ, инв. № 8061) [Иконы 2007, с. 382–400, № 49]. Однако, как заметил А. С. Преображенский, это «предположение вполне вероятно, хотя пока не может быть доказано из-за отсутствия подписных икон или упомянутых в источниках произведений...» [Иконы 2007, с. 355]. Возможно, что Цареградская-Киевская икона из Ниловой пустыни позволит надежнее идентифицировать работы мастера.

В XVIII в. заказы для Ниловой пустыни выполняли выдающиеся иконописцы своего времени: Лаврентий Туфанов и Борис Холуев. Последний был потомственным вологодским иконописцем: этим ремеслом занимались его отец Степан Викулов Холуев и брат Иван Степанов Холуев [Словарь русских иконописцев, с. 751–752]. Степан Викулович Холуев в 1660 г. участвовал в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Борис Степанов Холуев упоминается на протяжении 1676–1719 гг. Вместе с братом он писал иконы для многих вологодских монастырей: Корнилиева Комельского, Александрова Куштского, Спасо-Нуромского [Федышин; Лелекова, с. 176]. Как уже говорилось выше, в 1718 г. иконостас в Нилов скит писал «вологжанин посацкий человек Борис Степанов Холуев»[191]. Заказ, выполненный для Ниловой пустыни, был одним из последних в творческой биографии художника. К настоящему времени сохранилось несколько работ братьев Холуевых: икона «Илья пророк в пустыне, с житием», выполненная в 1690 г., находится в ГТГ (Инв. № 14475, 146 × 122 см), другая икона подобного сюжета, датированная 1719 г., — в МДА[192]. К сожалению, представить себе икону, выполненную Борисом Холуевым для Нило-Сорской пустыни, мы можем только по фотографии иконостаса 1931 г.

---

[191] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 148 (1709–1729 гг.). Л. 9–10; [Лелекова, с. 176].

[192] Опубл.: [Антонова, Мнева, с. 457–458, № 976 (описание); № 165 (каталог)]. Атрибуция иконы принадлежит Н. И. Федышину. Он установил, что икона написана братьями Холуевыми для Благовещенской церкви деревни Сухая Веретья Томашевской волости Вологодского уезда (ныне деревня Сухая Веретья Усть-Кубинского района Вологодской обл.) [Федышин].

Лаврентий Григорьев Туфанов происходил из семьи торопецких иконописцев, он упоминается на протяжении 1692–1730 гг. [Словарь русских иконописцев, с. 663–664]. В 1704–1705 гг. Лаврентий Туфанов писал иконы для Преображенского собора Копорской крепости по заказу князя А. Д. Меншикова, в 1709 г. работал в Успенском соборе Тихвина. Впоследствии неоднократно писал Тихвинские иконы Пресвятой Богородицы, в том числе и в меру чудотворного образа. В 1716–1718 гг. работал «на жалованьи» в Кирилло-Белозерском монастыре [193]. В 1716 г. он написал для обители икону «Николай Чудотворец» (КБМЗ. ДЖ-34); на окладе под изображением выгравирована надпись: «1716. Образ сий писалъ Лаврентий Туфановъ»[194]. В 1730 г., находясь в Белозерске, художник написал в монастырь большую партию икон преп. Кирилла Белозерского. В эти же годы он работал для Усть-Шехонского монастыря. В Троицком соборе бывшей обители еще в начале XX в. в местном ряду иконостаса находились выполненные им иконы: справа от царских врат — «Святая Троица», слева — «Богоматерь Тихвинская» с клеймами Сказания [195]. Усть-Шехонский монастырь находился недалеко от Ниловой пустыни и имел с ней тесные связи, что могло способствовать возникновению заказа для пустыни. Лаврентий Туфанов написал для Нилова скита икону «Крещение народов (Собор Иоанна Предтечи)» (ныне хранится: КБМЗ. ДЖ-124, 34,0 × 29,0 × 3,5 см)[196]. На нижнем поле частично сохранилась надпись: «...год ⟨...⟩ Лаврентий Туфановъ». Скорее всего, икона предназначалась для храма Третьего Обретения честной главы Иоанна Предтечи. Образ был украшен серебряным окладом, изъятым по акту от 14 августа 1941 г.[197] В настоящее время работы Лаврентия Туфанова хранятся в Русском музее, Тотемском краеведческом музее, Кирилло-Белозерском музее, в частных собраниях [Сосновцева, с. 8–13].

Наиболее известным художником в истории Ниловой пустыни XIX столетия стал иеросхимонах Нил (в миру Николай Иванович Прихудайлов,

---

[193] РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 371. Л. 9, 1718 г.

[194] Надпись фототипически воспроизведена в кн.: [Подписные произведения, с. 104, № 19].

[195] Иконы описаны: [Макаренко, с. 17–20]; здесь же воспроизведена надпись на Тихвинской иконе: «...изображение образъ сей с подлинного чудотворнаго образъ Пресѣтыя Бц҃ы Тихвинские, 1730 году написанъ образъ сий в Троицкомъ мн҃тре Усть Шексны при игумене Иакове, а при наместнике Михие, з братиею. Образ сий писалъ Лавренти Туфановъ». По мнению Макаренко, живопись «обеих икон принадлежала одной кисти. Обе иконы имели венцы и цаты хорошего рисунка тщательной работы». Кроме того, опубликована и фотография иконы «Святая Троица».

[196] В современном каталоге образ датируется первой четвертью XIX в. [Подписные произведения, с. 106, № 20]; здесь же фототипически воспроизведена надпись.

[197] В инвентарной книге КБМЗ 1924–1929 гг. она числится под № 2316: «Икона Иоанн Предтеча в рост с купающимися людьми» (КП 580) (КБМЗ. ДПА. Д. 5).

в постриге Никон; 21 ноября 1801 — 20 июля 1870). Он происходил из семьи потомственных владимирских иконописцев[198]. В 1837–1841 гг. и в 1852 г. иеромонах Никон (Прихудайлов) был настоятелем Ниловой пустыни, после пострига в схиму оставался в пустыни вплоть до своей кончины. На начальном этапе творческого пути иеросхимонаха Нила его художественная манера находилась в русле мастеров иконописных сел Владимирской губернии, впоследствии он ориентировался на образцы иконописания XVII–XVIII вв., но добавлял при этом собственные детали[199]. Художник был хорошо знаком с искусством мастеров Оружейной палаты: будучи монахом Кривоезерского монастыря, он поновлял Иерусалимскую икону Божией Матери, написанную царским изографом Кириллом Улановым. Икона была точной копией Иерусалимского образа из Успенского собора Московского Кремля. Иеромонах Никон сделал несколько списков иконы. Один из них в настоящее время находится в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне. В 1845 г., находясь под запрещением в Валдайском Иверском монастыре, иеромонах Никон сделал три списка Иверской иконы Божией Матери. Один из них он отправил в Нилову пустынь для строившегося каменного собора. Этот список с некоторыми изменениями воспроизводит иконографию копии чудотворной иконы, выполненной на Афоне и отправленной в Валдайский монастырь в 1856 г. Ныне образ, выполненный иеромонахом Никоном, хранится в собрании КБМЗ[200]. Пресвятая Богородица представлена на иконе с Богомладенцем, Который восседает на Ее левой руке, в верхних углах изображены архангелы Гавриил и Михаил. По сторонам нимба Пресвятой Богородицы, между клеймами с надписями, художник нарисовал розы. На полях иконы изображены 11 апостолов и преп. Нил Сорский (нижняя полуфигура на правом поле), в углах иконы — евангелисты. На нижнем поле находится авторский текст из 12 строк, рассказывающий об истории появления Иверской иконы в России и о создании данного списка «в меру и подобие» чудотворного образа. Иверская икона письма иеросхимонаха Нила размещалась в Тихвинском соборе Ниловой пустыни между Тихвинским и Петропавловским приделами [Иоанн, с. 25]. Икона имела медную посеребренную ризу и находилась в простом киоте. Другая икона письма этого подвижника — Киккская — находилась в алтаре Петропавловского придела над жертвенником. Судя по описанию инока Иоанна (Калинина), по углам иконы были «изображены четыре евангелиста, а на полях, по правую сторону, св. праведная Анна и ниже пр. Иоанн

198 См. подробнее: [Романенко 2018с, с. 128–133].

199 Подробнее о художественной манере иконописца см.: [Романенко, Зеленина, с. 133–135].

200 Опубл.: [Подписные произведения, с. 272–277. кат. 94].

Лествичник, по левую св. Богоотец Иоаким и св. евангелист Лука. Внизу написано: тропарь „Богородице Дево, радуйся...“, „Честнейшую херувим...“ и „Все упование мое“...» [Иоанн, с. 25] (в настоящее время местонахождение иконы неизвестно). В Сретенской теплой церкви Тихвинского собора находился еще один написанный иеросхимонахом Нилом образ — Киккской Божией Матери, который был перемещен сюда после смерти подвижника из его кельи. За левым клиросом Сретенской церкви размещался Тихвинский образ Божией Матери письма иеросхимонаха Нила. Риза и киот для нее были изготовлены послушником Иоанном Семеновичем Шапошниковым. В 1852 г., после пострига в схиму, иеросхимонах Нил написал ростовой образ преп. Нила Сорского (КБМЗ; см. *цв. вкл., ил. 12*)[201]. Образ размещался между алтарями церкви Сретения и пользовался большим почитанием среди паломников. Подвижник писал также небольшие иконы преп. Нила Сорского в подарок и на заказ. В 1853 г. иеросхимонах Нил написал составной образ из четырех икон в окладах, заключенных в одну раму, с избранными святыми на полях (он происходит из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря)[202]. В 90-х гг. XX в. некоторые иконы работы иеросхимонаха Нила хранились в частном собрании протоиерея Валентина Парамонова († 12 сент. 1994), бывшего в 1982–1994 гг. настоятелем Воскресенского храма на Ваганьковском кладбище в Москве; однако впоследствии иконы были похищены[203].

В последние годы жизни иеросхимонаха Нила в пустыни проживал пошехонский иконописец Александр Семенович Бруснаков. Здесь он написал образ «Коронование Богоматери» (частное собрание) и икону «Богоматерь на престоле с избранными святыми» (надпись в верхней части: «Достойно есть...»; см. *цв. вкл., ил. 13*). Последняя была выявлена и включена в собрание Кирилло-Белозерского музея-заповедника в 2004 г.[204] Ее обнаружили во время архитектурной реставрации в переходе, ведущем из Трапезной палаты в верхний ярус церкви Архангела Гавриила. Из иконы был сделан пятиугольный щит, закрывавший полуциркульный оконный проем[205]. В центре иконы представлена восседающая на золотом престоле Богоматерь, в правой руке Она держит

---

[201] Опубл.: [Романенко 2003, цв. вкл., рис. 15]; [Подписные произведения, с. 282–283, кат. 97].

[202] Опубл.: [Подписные произведения, с. 284–285, кат. 98].

[203] Священник Валентин Парамонов был уроженцем г. Кириллова, лично знал последних монахов Ниловой пустыни и ее настоятеля архимандрита Илариона (Козлова); в 50-х гг. XX в. служил в храмах Кирилловского района, Белозерска, Череповца, см.: [Стрельникова].

[204] Опубл.: [Подписные произведения, с. 296–297, кат. 104].

[205] Первым исследователем произведения стала художник-реставратор КБИАХМЗ А. А. Фомичева, выполнявшая консервационно-реставрационные работы на иконе сразу же после ее обнаружения.

развернутый вниз свиток[206]. Левой рукой Богоматерь придерживает Младенца за плечо. Вокруг нимба Богородицы изображены семь ангелов. Слева от престола, в первом ряду, изображен апостол Иоанн Богослов, за ним — святитель Нифонт Новгородский. Справа представлен Иоанн Предтеча, указывающий левой рукой на Спасителя, позади него стоит святитель Николай Чудотворец. Во втором ряду Богоматери и Младенцу предстоят преподобные: слева — неизвестный святой (надпись на нимбе спилена), справа от престола — преп. Нил Сорский. Кроме того, в нижнем ряду находились еще, вероятно, два коленопреклоненных святых, однако их изображения ныне утрачены. Включение в состав предстоящих преп. Нила Сорского, по мнению Е. А. Виноградовой, может свидетельствовать о создании образа специально для Ниловой пустыни. Связь Александра Семеновича Бруснакова с Нило-Сорской пустынью подтверждает и надпись на иконе «Коронование Богоматери»: «ПИСАНА СІЯ ИКОНА 1868 ГОДУ МЕ. МАРТА // 2 ЧИ[сла] // ПИСАЛЪ ПОШЕХОНСКАГО // УЕЗДА КРЕСТЬЯНИНЪ АЛЕКСАНДРЪ // СЕМЕНОВЪ БРУСНИКОВЪ ЖИВШИ ТОГДА // В НИЛОСОРСКОИ ПУСТЫНИ»[207]. К 1869 г. относится икона А. С. Бруснакова «Введение Богородицы во храм» из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника[208]. В конце 1860-х гг. художник несколько изменил свою фамилию и стал подписываться как Брусников. И. Л. Бусева-Давыдова высказала предположение о родстве Александра Семенова с Платоном Ивановичем Брусниковым, известным петербургским иконописцем, выполнявшим работы по заказам императорского двора и фирмы Фаберже [Виноградова, с. 293–294]. По мнению Е. А. Виноградовой, Нило-Сорская пустынь, где находились мастера религиозной живописи разных художественных направлений, была для А. С. Бруснакова чем-то вроде школы, позволявшей ему усовершенствоваться в искусстве иконописи [Виноградова, с. 292].

Тихвинский собор Ниловой пустыни, как уже говорилось выше, был расписан монахом этой обители Филаретом (Корчагиным) [Иоанн, с. 25]. Биографию монастырского художника реконструировала Е. А. Виноградова [Виноградова, с. 292–295]. Монах Филарет (в миру Корчагин Андрей Филаретович) происходил из «дворовых людей» тайного советника Н. М. Клементьева, члена совета Министерства финансов [Виноградова, с. 295, примеч. 9]. Родовое имение Клементьевых находилось в Вологодском уезде. Мать Н. М. Клементьева Александра Алексеевна, овдовев, в 1816 г. поступила в Горицкий монастырь (в инокинях Агния). В этой же обители подвизалась родная сестра

[206] Подробное описание иконы, надписей на свитках и нимбов см.: [Виноградова, с. 290].

[207] Надпись воспроизведена по статье: [Виноградова, с. 290].

[208] Опубл.: [Подписные произведения, с. 298–299, кат. 105].

А. Ф. Корчагина — Анфия Филаретовна Корчагина (в монашестве Сергия), которая, как и брат, имела художественный талант: с 1862 г. она исполняла послушание «старшей живописицы» [Глызина, с. 109]. В послужных списках монахов Арсениева Комельского монастыря за 1891 г. говорится, что иеромонах Филарет имеет 70 лет от роду, — следовательно, он родился в 1821 г. А. Ф. Корчагин обучался в Академии художеств. В монашество он постригся в Нило-Сорской пустыни, впоследствии проживал в Кирилло-Белозерском монастыре, Спасо-Преображенской Белавинской пустыни, Дионисиево-Глушицком и Арсениево-Комельском монастырях[209].

В 50–60-х гг. XIX в. в Нило-Сорской пустыни подвизался рясофорный послушник Иван Семенович Шапошников († 1863 г.)[210]. Он был художником-самоучкой. По свидетельству инока Иоанна (Калинина), Иван Семенович написал на холсте ростовой образ преп. Нила Сорского, находившийся в Предтеченском храме скита, куда перенесли древнюю раку преподобного. Холст был вставлен «в форму с закруглением головы и крестообразно сложенными на груди руками» [Иоанн, с. 44]. Однако работы И. С. Шапошникова не сохранились до наших дней.

Судьба Нило-Сорского собрания в XX в.

19 мая 1918 г. комиссия по принятию на учет монастырей Кирилловского уезда осмотрела «ценности» Нило-Сорской пустыни[211]. В 1919 г. монастырь был поставлен на учет Петроградского отдела охраны памятников искусства и старины (охранное удостоверение за № 3380)[212]. Первая опись «ризницы, храмов и всего движимого и недвижимого имущества Нило-Сорской пустыни Кирилловского уезда Вогнемской волости» была «учинена» 16 января 1919 г.[213] (В 1922 г. на основании описи 1919 г. произошла оценка имущества по ценам довоенного времени.) 25 апреля 1919 г. братия монастыря, жители деревень Вогнемской волости (Жохово, Бутово, Ершово) и Ферапонтовской волости (Кузьминки, Великий Двор, Бабичево) заключили соглашение с Вогнемским совдепом через его представителя Александра Лимонова, что

---

209 В документе отмечается также, что монах Филарет (Корчагин) неоднократно получал взыскания за пьянство, бродяжничество и самовольные отлучки из монастыря (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Ед. хр. 16268. Л. 139) [Виноградова, с. 292].

210 См. о нем: [Романенко 2020, с. 192–195].

211 ГАВО. Ф. 798. Оп. 3. Д. 6. Л. 5.

212 ГИМ. ОПИ. Ф. 417. № 377 (Письма местных Губернских отделов народного образования, художественно-исторических и других музеев в отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР, 14 марта 1923 — 14 июля 1923). Л. 32; ГИМ. ОПИ. Ф. 54. № 965 (Переписка Кирилло-Белозерского музея-монастыря с отделом по делам музеев Наркомпроса, 1919–1927 гг.). Л. 35.

213 ГИМ. ОПИ. Ф. 54. № 965. Л. 13; опись хранится: ГАВО. Ф. 791. Оп. 3. Ед. хр. 6.

приняли в бессрочное бесплатное пользование монастырские храмы на следующих условиях.

1. Беречь народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению для удовлетворения религиозных потребностей.

2. Не допускать:

а) политических собраний, проповедей, раздачи книг, враждебных Советской власти;

б) совершения набатных тревог для созыва населения против Советской власти.

3. Подчиняться всем распоряжениям местного Совдепа относительно пользования колокольнями.

4. Производить оплату всех текущих расходов из своих средств.

5. Иметь у себя инвентарную книгу всего имущества, в которую вносить все поступающее.

6. Допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Совдепа.

Религиозное общество несло материальную ответственность за пропажу и порчу имущества. За прямое нарушение договора или за непринятие всех мер к его исполнению оно подвергалось уголовной ответственности по всей строгости революционных законов. Оговаривалось также, что соглашение могло быть расторгнуто Совдепом[214]. В сентябре 1919 г. Кирилловский исполком, рассмотрев устав Нило-Сорской религиозной общины, ее зарегистрировал. Но уже в августе 1924 г. президиум Череповецкого губисполкома принял постановление о расторжении договора. 20 сентября 1924 г. президиум Кирилловского исполкома принял решение о передаче церквей и имущества Нило-Сорской пустыни под охрану милиции волостного исполнительного комитета. Вскоре в Нило-Сорской пустыни была размещена колония. Уже 1 февраля 1926 г. на заседании Вогнемского исполкома его председатель Жарков поставил вопрос о похищениях церковных ценностей со стороны «свободолишенных». 2 марта того же года Кирилловский РИК возбудил ходатайство перед Череповецким губисполкомом о полной ликви-

[214] ГАВО. Ф. 798. Оп. 3. Д. 6. Л. 46–46 об.; документы введены в научный оборот в статье: [Романенко 1996, с. 89–92]. Данный текст с минимальными изменениями был воспроизведен в статье Т. Р. Купцовой «Хронология событий в Нило-Сорской пустыни советского периода», опубликованной в «Ферапонтовских чтениях» 2010 г. Автор статьи шесть раз ссылается на «документы»: КБИАХМЗ. ОПИ. ДПА. Ед. хр. 551, — не указывая при этом, что под этим шифром в архиве КБМЗ находятся не документы, а машинописный текст «Исторической справки о Нило-Сорской пустыни», выполненной в 1990 г. сотрудником музея Е. В. Колкутиной (Романенко). Сами же документы хранятся в ГАВО, как и было указано выше.

дации Нило-Сорской пустыни с передачей ее имущества в Госфонд, Главмузей и религиозным общинам. В 1926–1927 гг. Нило-Сорская пустынь еще находилась на учете Музейного отдела Главнауки[215]. 15 марта 1927 г. «заведующий музеями-монастырями» А. А. Холмовский обратился в московский отдел Главнауки Наркомпроса с вопросом о том, каким образом можно реализовать немузейное имущество Нило-Сорского монастыря, который «заброшен, никем не охраняется, да к тому же там находится исправительная колония преступников»[216]. А. А. Холмовский сообщил, что «все вещи, находящиеся в ризнице монастыря, подразделены на музейные и немузейные, музейных номеров 66 и немузейных номеров 218, и икон немузейных 51 №». Заведующий заметил, что «немузейные вещи требуют скорейшей реализации, а музейные — перевозки в более удобные хранилища»[217]. 12 июля 1927 г. по устному распоряжению представителя музейного отдела Главнауки Наркомпроса профессора А. И. Анисимова[218] все монастырское имущество было разделено специальной комиссией на музейное и немузейное[219]. После этого начался вывоз части наиболее ценного имущества в Кирилловский и Череповецкий музеи. В первую очередь изъяли драгоценные вещи «не музейного значения»: серебряную раку и ризу с иконы преп. Нила Сорского весом 8 кг, серебряную ризу с Тихвинской иконы — 8 фунтов 84 золотника, серебряную ризу со Смоленской иконы — около 4 кг. Эти вещи, а также церковные ткани «музейного значения» из ризницы (49 предметов) были переданы в Череповецкий музей по акту от 26 октября 1927 г.[220] 8 августа 1927 г. президиум Череповецкого губисполкома с согласия Главнауки принял решение о закрытии Нило-Сорского монастыря и передаче его населению уезда для «культурных нужд»[221]. До 1930 г. в монастыре размещалась колония. В ведении Главнауки как исторический памятник был оставлен Иоанно-Предтеченский скит со всем имуществом. С 1 октября 1927 г. Череповецкий окружной музей сдал

---

[215] В списках «сооружений религиозного культа, состоящих на учете Музейного отдела Главнауки Наркомпроса по Череповецкой губернии Кирилловского уезда» под № 8 значилась «Нилова Сорская п., XV в.» (ГИМ. ОПИ. Ф. 54. Ед. хр. 565. Л. 191 об.).

[216] ГИМ. ОПИ. Ф. 54. Ед. хр. 565. Л. 35.

[217] Там же.

[218] В начале июля 1927 г. А. И. Анисимов с группой своих слушателей из ВХУТЕМАСа, где он вел семинар по древнерусской живописи, находился в Ферапонтове [Анисимов, с. 304]. Он посещал Кириллов и Ферапонтово в сентябре — октябре 1918 г. как руководитель специальной экспедиционной группы из Комиссии по раскрытию и сохранению древнерусской живописи, созданной И. Э. Грабарем.

[219] КБМЗ. ДПА. Д. 8. Л. 1, 12.

[220] Там же. Л. 54.

[221] ГАВО. Ф. 798. Оп. 3. Д. 6. Л. 33.

скит в арендное пользование на два года без права богослужения бывшим сорским монахам на следующих условиях:

1) арендаторы используют огород, мертвый инвентарь и жилое помещение (келлию скита);

2) выплачивают музею арендную плату 100 рублей в год и амортизационную сумму, причем взимается 1/8 % за каждый просроченный день;

3) текущий ремонт помещений и инвентаря производится за счет арендаторов, капитальный ремонт — в счет амортизационных сумм;

4) церковь и часовня не используются арендаторами, а только сданы им под охрану, арендаторы обязуются наблюдать за чистотой и порядком, предохранять от пыли и сырости, давать приют приезжающим экскурсантам;

5) все законы, как существующие, так и могущие быть изданы, обязательны для арендаторов;

6) к моменту оставления арендаторами здания и огорода здания должны быть в полной исправности, а огород — в окультивированном виде;

7) арендаторы обязаны нести все расходы по хозяйству, включая в том числе и государственные повинности и налоги, как существующие, так и те, которые будут введены;

8) музей оставляет за собой право расторжения договора до срока[222].

Договор был продлен до 1 октября 1930 г. В 1932 г. Предтеченский скит «как не имеющий никакой исторической ценности» был исключен из ведения музея. 8 августа 1932 г. комиссия в составе заведующей Кирилловского музея Е. В. Дьяконовой, сотрудника музея Г. Г. Антипина и заведующего совхозом № 12 в бывшей Нило-Сорской пустыни Яковлева произвела отбор музейного и немузейного имущества в Иоанно-Предтеченском скиту Ниловой пустыни, по поводу чего был составлен акт: «...при передаче в Райзо церкви бывшего Предтеченского скита бывшей Нило-Сорской пустыни проверена опись от 12 июня 1927 г. музейного и немузейного имущества и просмотрен весь состав входящих в нее вещей. В результате просмотра настоящим актом исключены как не имеющие музейного значения следующие предметы: № 3 праздничный чин из 12 икон; № 4 местные иконы Нила Сорского, Вседержителя, Иоанна Крестителя, всего 3 штуки; № 5 две двери с изображением Стефана и Ангела Хранителя; № 6 постамент для раки деревянный (вероятно, постамент для деревянной древней раки Нила Сорского, хранившейся в церкви скита. — *Е. Р.*); № 7 старая дверь от иконостаса. Все эти предметы настоящим актом передаются как поделочный материал для использования для хозяйственных нужд совхоза. Ввиду трудности перевозки в Кириллов

[222] КБМЗ. ДПА. Д. 11. Л. 2–3; [Романенко 1996, с. 90].

и несоответствии стоимости перевозки со стоимостью самих вещей настоящим актом исключить из описи вещей Предтеченской деревянной церкви старого скита Нило-Сорской пустыни не музейного значения от 12 июля 1927 г. ⟨...⟩ Оставлено на учете музея не исключенные номера: № 1 — пророческий чин из 11 икон; № 2 — деисусный чин из 13 икон; № 4 — местная икона Печерской Богоматери»[223]. Иконы и книги в драгоценных окладах поступили в Кирилловский музей в октябре 1934 г. Основное собрание монастырских икон, в том числе иконы XVII в. из Предтеченского иконостаса, поступили в музей по актам от 6 марта 1935 г. и от 15 октября 1936 г. Так называемые немузейные иконы и иконы 3-й категории из церквей Сретения и св. Иоанна Предтечи были уничтожены по исключительному списку № 1 от 30 августа 1938 г.[224] В 1937 г. Предтеченский и Успенский скиты были сняты с учета Главнауки. Тогда же разобрали на хозяйственные нужды Успенский скит, Предтеченский сгорел 9 мая 1946 г. В самом Нило-Сорском монастыре с 1930 г. размещался дом инвалидов при Липовском сельском совете «Пустынь», с 1961 г. — психо-неврологический диспансер. 28 ноября 2014 г. в Нило-Сорской пустыни было учреждено архиерейское подворье, а в 2019 г. в ней возобновилась монашеская и богослужебная жизнь, пустынь стала самостоятельным монастырем.

Согласно инвентарной книге Кирилло-Белозерского музея 1924–1929 гг. (с дополнениями 30–40-х гг.), на хранение в музей поступило около 70 икон из Ниловой пустыни, в настоящее время удается идентифицировать порядка 40 икон. Это все, что осталось от былого собрания Ниловой пустыни. Тем ценнее для нас эти сохранившиеся памятники — свидетели духовной жизни и молитвенных подвигов иноков скита. Документы из монастырского архива позволили атрибутировать целый ряд икон (деисусный чин из церкви Иоанна Предтечи, Цареградский-Печерский образ Божией Матери) и дополнить творческие биографии замечательных художников XVII–XIX вв.: Григория Ярославца, Феофана Дерголоба, Ивана Козмина, Константина Грешново, Бориса Холуева, Лаврентия Труфанова, иеросхимонаха Нила (Прихудайлова), Александра Бруснакова и других иконописцев. Многие иконы еще ждут своей реставрации. Но даже при таком «первом приближении» Нилова пустынь неожиданно предстает перед нами как богатый художественный мир, полный ярких красок и глубоких молитвенных образов.

[223] КБМЗ. ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 8–8 об.

[224] КБМЗ. ДПА. Д. 48. Л. 13–21, 31; см. об этом: [Романенко 2018b, с. 202].

Литература

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 1. 548 с.

Анисимов — *Анисимов А. И.* Заметки о фресках Дионисия (1918 и 1927) / Публ. Г. И. Вздорнова // Ферапонтовский сборник. М.: Индрик, 2006. Вып. 7. С. 304–316.

Антонова, Мнева — *Антонова В. И.*, *Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. М.: Искусство, 1963. Т. 2: XVI–XVIII века. 570 с., 179 ил.

Бекенева — *Бекенева Н. Г.* Святая Русь и православный самодержец. Алексей Михайлович и Федор Алексеевич. Время перемен: Иконы второй половины XVII века // Иконопись эпохи династии Романовых: Собрание Виктора Бондаренко. М.: КремлинАрт, 2008. С. 36–65.

Белоброва — *Белоброва О. А.* Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М.: Индрик, 2005. 440 с., 84 л. ил.

Боровский — *Боровский Я. Е.* Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука, 1988. С. 114–119.

Брюсова — *Брюсова В. Г.* Русская живопись XVII в. М.: Искусство, 1984. 340 с., 40 л. ил.

Васильевский — *Васильевский В.* Авары, а не русские, Феодор, а не Георгий: Замечание на статью Х. М. Лопарёва // Византийский временник. СПб., 1896. Т. 3, вып. 1. С. 90–92.

Вахрина, Гладышева — *Вахрина В. И.*, *Гладышева Е. В.* Иконы местного ряда иконостаса // Иконы Ростова Великого / Сост. В. И. Вахрина. М.: Северный паломник, 2003. С. 286–295.

Виноградова — *Виноградова Е. А.* Произведения пошехонского живописца Александра Семенова Бруснакова в собрании Вологодского и Кирилло-Белозерского музеев-заповедников // XXI научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. ст. Ярославль: Аверс плюс, 2017. С. 285–295.

Воробьев — *Воробьев К. В.* Осада Константинополя 626 года и богослужебная память Субботы акафиста // Genesis: Исторические исследования. 2017. № 10 (10). С. 139–151.

Глызина — *Глызина Л. И.* Послушания насельниц Горицкого монастыря в начале XX в. // Кириллов: Краевед. альм. Кириллов, 2009. Вып. 7. С. 104–120.

Горстка — *Горстка А. Н.* Об иконе «Древо Киево-Печерских святых» из Углича // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1999. М.: Наука, 2000. С. 300–314.

Дионисий — Художественное наследие Дионисия: Каталог выставки (КБИАХМЗ, 21 авг. — 2 сент. 2002 г.) / Сост. М. Н. Шаромазов. М.: Северный паломник, 2002. 208 с.

Древнерусские патерики — Древнерусские патерики / Подгот. А. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.: ил.

Евдокимов — *Евдокимов И. В.* Север в истории русского искусства. Вологда: Союз Северных кооперативных союзов, 1921. 230, 1 с., 24 л. ил.

Зименко, Кобяк, Шульгина — *Зименко Е. В.*, *Кобяк Н. А.*, *Шульгина Э. В.* Солнце Пресветлое: [Вступ. ст.] // Солнце Пресветлое: Русский свод сказаний о Богородич-

ных иконах: Исследования / Сост. Е. В. Зименко, Н. А. Кобяк, Н. И. Комашко, О. Р. Хромов, Э. В. Шульгина. М.: Пан Пресс, 2021. С. 5–28.

Иконы 2005 — Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника / Сост. Л. Л. Петрова, Н. В. Петрова, Е. Г. Щурина. М.: Северный паломник, 2005. 335 с.

Иконы 2007 — Иконы Вологды конца XVI — XVII в. / Сост. Е. А. Виноградова, Л. В. Нерсесян, А. С. Преображенский. Вологда: Древности Севера; М.: Северный паломник, 2017. 775 с.

Иоанн — *Иоанн (Калинин), инок*. Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Нижегородской (ошибка печати, правильно: Новгородской. — *Е. Р.*) епархии. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 54 с.

Карабинов — *Карабинов И. А.* Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1910. X, 210 с.

Комашко — *Комашко Н. И.* Рукописный сборник «Солнце пресветлое» и изобразительные своды чтимых Богородичных образов: Текст. Гравюра. Икона // Солнце пресветлое: В 2 кн. М.: Пан Пресс, 2021. [Кн. 2]: Русский свод сказаний о Богородичных иконах: Исследования / Сост. Е. В. Зименко, Н. А. Кобяк, Н. И. Комашко, О. Р. Хромов, Э. В. Шульгина. С. 157–338.

Кочетков — *Кочетков И. А.* Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII–XIX веков // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Мартис, 1996. С. 404–421.

Лелекова — *Лелекова О. В.* Материалы к истории художественной мастерской Кирилло-Белозерского монастыря в XVII–XVIII вв. // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. М.: Наука, 1989. С. 157–180.

Лизогубов — *Лизогубов Р. А.* Ранний религиозный лубок: Киевские поучительные листы Памвы Берынды 1620-х гг. // Федоровские чтения. 2024: К 400-летию русского книгопечатания / Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 мая 2024 г.). М.: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка им. Я. Коласа Нац. акад. наук, 2024. [Отд. отт.] 52 с.

Логвин — *Логвин Г. Н.* З Глибин: Гравюри українських стародрукив XVI–XVIII ст. Київ: Дніпро, 1990. 408 с.

Макаренко — *Макаренко Н. Е.* Путевые заметки и наброски о русском искусстве. СПб.: Изд. А. А. Жукова, 1914. Вып. 1: Белозерский край. 58 с.

Мальцев — *Мальцев Н. В.* Григорий Ярославец (Ростовец?) // Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Индрик, 2009. С. 785.

Муравьев — *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. М.: Паломник, 1999. 526 с.

Небо новое — *Иоанникий (Галятовский), иером*. Небо новое, з новыми звездами сотворенное, то есть Преблагословенная Дева Мария Богородица з чудами своими. Львов: Тип. М. Слёзки, 1665. 8, 145 л.

Огородок — *Антоний (Радивиловский), иером*. Огородокъ Марии Богородицы, розмаитыми цвѣтами словесъ на Праздники Господския, Богородичны и прочихъ святых. Киев: Лавра Киево-Печерская, 1676. 14 л., 1128 с., 2 л.

Павел Алеппский — Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.

Подписные произведения — Подписные и датированные произведения церковного искусства / Сост. М. Н. Шаромазов. Кириллов: КБИАХМЗ, 2017. 492 с.

Преподобный Нил Сорский — Преподобный Нил Сорский и основанная им пустынь: К 500-летию со дня преставления святого: Каталог выставки. Кириллов: КБИАХМЗ, 2008. 55 с.

Романенко 1996 — *Романенко Е. В.* Первый скит России: Страницы истории XV–XX вв. // К свету: Край Кирилла Белозерского. М.: Родник, 1996. С. 62–92.

Романенко 2003 — *Романенко Е. В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 253 с.

Романенко 2017 — *Романенко Е. В.* Иконография Нила Сорского: Традиции почитания // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. Т. 3. С. 159–175.

Романенко 2018a — *Романенко Е. В.* Древнейшие документы из архива Ниловой Сорской пустыни: приходно-расходная книга 1611–1612 гг. // Вестник церковной истории. 2018. № 3–4 (51–52). С. 254–275.

Романенко 2018b — *Романенко Е. В.* Нилова Сорская в честь Сретения Господня пустынь // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. 51. С. 188–203.

Романенко 2018c — *Романенко Е. В.* Нил (Прихудайлов), иеросхимонах // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. 51. С. 128–133.

Романенко 2019 — *Романенко Е. В.* «Соборы русских святых» как региональные и надрегиональные «места памяти» Московской Руси XV–XVII вв. // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М.: РОССПЭН, 2019. С. 169–203.

Романенко 2020 — *Романенко Е. В.* Пустыня как место аскетических подвигов иноков Нило-Сорского скита: XVII–XIX вв. // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1 (17): Географическое пространство Русской Фиваиды. С. 187–200.

Романенко 2023 — *Романенко Е. В.* Творения Нила Сорского в рукописном собрании Оптиной пустыни // Словесность и история. 2023. № 1. С. 61–80.

Романенко, Зеленина — *Романенко Е. В.*, *Зеленина Я. Э.* Нил (Прихудайлов) — иконописец // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. 51. С. 133–135.

Свод — Свод древнейших письменных известий о славянах. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2: (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. 590 с.

Словарь русских иконописцев — Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Сост. И. А. Кочетков. М.: Индрик, 2009. 1102 с., 60 л. ил.

Смирнов — *Смирнов Я. И.* Христианские мозаики Кипра // Византийский временник. СПб., 1897. Т. 4. Отд. I: Исследования и материалы. С. 1–93.

Соколова — *Соколова И. М.* Влахернская икона Божией Матери // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». Т. 9. С. 119–120.

Солнце пресветлое — Солнце пресветлое: В 2 кн. М.: Пан Пресс, 2021. [Кн. 1]: Факсимильное воспроизведение рукописной книги 1-й четверти XVIII в. 299 с.: ил.

Сосновцева — *Сосновцева И. В.* Произведения торопецких мастеров в собрании Русского музея // ГРМ: Тез. конф., посвящ. итогам научно-исследовательской работы за 2000 г. СПб.: ГРМ, 2001. С. 8–13.

Стрельникова — *Стрельникова Е. Р.* Протоиерей Валентин Парамонов // Рассказ о Е. В. Тихоновой: (Духовные истоки, жизнь, воспоминания ее и о ней) / Сост. А. Е. Федоров. М.: [б. и.], 2002. С. 178–181.

Суворов — *Суворов Н. И.* Описание Вологодского кафедрального Софийского собора. М.: Тип. Бахметева, 1863. 192 с.

Триодь постная — Триодионъ, си есть Трипѣснецъ святой великой Четыредесятници, от Еллинскаго изслѣдованъ. Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1640. 884 с.

Турцова — *Турцова Н. М.* Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1989. Т. 42. С. 351–362.

Украинские книги — Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. М.: ГБЛ, 1976. Вып. 1: 1574 г. — I половина XVII в. / Сост. Т. Н. Каменева, А. А. Гусева. 448 с.

Федышин — *Федышин Н. И.* Атрибуция вологодской иконы «Илья пророк в пустыне» (1690 г.) из Третьяковской галереи // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей: Науч.-реферат. сб. М.: Информационный центр по проблемам культуры и искусства, 1978. Вып. 4. С. 31–33.

Французова — *Французова Е. Б.* Иконописное дело в Вологде в первой половине XVII в. // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период): Межвуз. сб. науч. тр. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1989. С. 30–46.

Шалина — *Шалина И. А.* Обретенные сокровища: Из собрания В. А. Бондаренко: Книга-календарь на 2005 г. Минск: Междунар. обществ. объединение «Христианский образоват. центр им. Свв. Мефодия и Кирилла»; Milano: La Caza di Matriona, 2004. 52 с.: ил.

Шевченко 1998 — *Шевченко Е. Э.* Описи Нило-Сорского скита XVIII в.: (К вопросу о книжном собрании) // Русь и южные славяне: Сб. ст. к 100-летию В. А. Мошина (1894–1987) / Сост. В. М. Загребин. СПб.: Алетейя и др., 1998. С. 397–408.

Шевченко 2005 — *Шевченко Е. Э.* История создания Жития преподобного Нила Сорского // Русская агиография: Исследования, Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. [Т. 1]. С. 744–760.

Шевченко 2022 — *Шевченко Е. Э.* Памятники деловой письменности Нило-Сорского скита XVII–XVIII вв. из собрания Российской национальной библиотеки (публикация источников) // Книжные центры Древней Руси: Ростово-Ярославская земля. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. С. 359–443.

Этингоф — *Этингоф О. Е.* Византийские иконы VI — первой половины XIII века в России. М.: Индрик, 2005. 766 с., 56 л. ил.

References

Anisimov, A. I. (2006). 'Zametki o freskakh Dionisiya (1918 i 1927)' ['Notes on the Frescoes of Dionysius (1918 and 1927)'], in: *Ferapontovskii sbornik* [*Ferapontov collection*]. Moscow: Indrik Publ. Vol. 7, 304–316. (In Russ.)

Bekeneva, N. G. (2008). 'Svyataya Rus' i pravoslavnyi samoderzhets. Aleksei Mikhailovich i Fedor Alekseevich. Vremya peremen: Ikony vtoroi poloviny XVII veka' ['Holy Rus' and the Orthodox Autocrat. Alexei Mikhailovich and Fyodor Alexeevich. Time of Change: Icons of the Second Half of the 17th Century'], in: *Ikonopis' epokhi dinastii Romanovykh: Sobranie Viktora Bondarenko* [*Icon Painting of the Romanov Dynasty: Collection of Viktor Bondarenko*]. Moscow: KremlinArt Publ., 36–65. (In Russ.)

Belobrova, O. A. (2005). *Ocherki russkoi khudozhestvennoi kul'tury XVI–XX vekov* [*Essays on Russian Artistic Culture of the 16th–20th Centuries*]. Moscow: Indrik Publ., 440 p., 84 fol. il. (In Russ.)

Borovskii, Ya. E. (1988). 'Vizantiiskie, staroslavyanskie i starogruzinskie istochniki o pokhode rusov v VII veke na Tsar'grad' ['Byzantine, Old Slavonic and Old Georgian Sources About the Campaign of the Rus in the 7th Century Against Constantinople'], in: *Drevnosti slavyan i Rusi* [*Antiquities of the Slavs and Rus'*], Moscow: Nauka Publ., 114–119. (In Russ.)

Bryusova, V. G. (1984). *Russkaya zhivopis' XVII veka* [*Russian Painting of the 17th Century*]. Moscow: Iskusstvo Publ., 340 p., 99 fol. il. (In Russ.)

Etingof, O. E. (2005). *Vizantiiskie ikony VI — pervoi poloviny XIII veka v Rossii* [*Byzantine Icons of the 6th — First Half of the 13th Century in Russia*]. Moscow: Indrik Publ., 766 p., 56 il. (In Russ.)

Fedyshin, N. I. (1978). 'Atributsiya vologodskoi ikony «Il'ya prorok v pustyne» (1690 god) iz Tret'yakovskoi galerei' ['Attribution of the Vologda Icon "Elijah the Prophet in the Desert" (1690) From the Tretyakov Gallery'], in: *Restavratsiya, issledovanie i khranenie muzeinykh khudozhestvennykh tsennostei: Nauchno-referativnyi sbornik* [*Restoration, Research and Preservation of Museum Art Treasures: Scientific and Abstract Collection*]. Moscow: Informatsionnyi tsentr po problemam kul'tury i iskusstva Publ. Vol. 4, 31–33. (In Russ.)

Frantsuzova, E. B. (1989). 'Ikonopisnoe delo v Vologde v pervoi polovine XVII veka' ['Icon Painting in Vologda in the First Half of the 17th Century'], in: *Kul'tura Evropeiskogo Severa Rossii (dooktyabr'skii period): Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [*Culture of the European North of Russia (Pre-October Period): Interuniversity Collection of Scientific Papers*]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 30–46. (In Russ.)

Glyzina, L. I. (2009). 'Poslushaniya nasel'nits Goritskogo monastyrya v nachale XX veka' ['Obedience of the Nuns of the Goritsky Monastery at the Beginning of the 20th Century'], in: *Kirillov: Kraevedcheskii al'manakh* [*Kirillov: Local History Almanac*]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2009. Vol. 7, 104–120. (In Russ.)

Glyzina, L. I., Kuz'micheva, N. G., Kuz'micheva, O. G., Terebova, L. V., eds. (2008). *Prepodobnyi Nil Sorskii i osnovannaya im pustyn': K 500-letiyu so dnya prestavleniya svyatogo: Katalog vystavki* [*Reverend Nil Sorsky and the Hermitage He Founded: On the 500th Anniversary of the Saint's Death: Exhibition Catalogue*]. Kirillov: Kirillo-Belozerskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 55 p. (In Russ.)

Ivanov, S. A., Litavrin, G. G., Ronin, V. K., eds. (1995). *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavyanakh* [*Collection of the Most Ancient Written Information About the Slavs*]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ. Vol. 2: (VII–IX veka), 590 p. (In Russ.)

Kameneva, T. N., Guseva, A. A., eds. (1976). *Ukrainskie knigi kirillovskoi pechati XVI–XVIII vekov: Katalog izdanii, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi biblioteke SSSR imeni V. I. Lenina* [*Ukrainian Books of the Cyrillic Printing of the 16th – 18th Centuries: Catalog of Publications Stored in the State Library of the USSR Named After V. I. Lenin*]. Moscow: Gosudarstvennaya biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina Publ. Vypusk 1: 1574 god — I polovina XVII veka, 448 p. (In Russ.)

Kochetkov, I. A. (1996). 'Svod chudotvornykh ikon Bogomateri na ikonakh i gravyurakh XVIII–XIX vekov' ['Collection of Miraculous Icons of the Mother of God on Icons and Engravings of the 18th–19th Centuries'], in: A. M. Lidov, ed., *Chudotvornaya ikona*

v Vizantii i Drevnei Rusi [*Miraculous Icon in Byzantium and Old Rus'*]. Moscow: Martis Publ., 404–421. (In Russ.)

Kochetkov, I. A., ed. (2009). *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vekov* [*Dictionary of Russian Icon Painters (11th–17th Centuries)*]. Moscow: Indrik Publ., 1102 p., 60 il. (In Russ.)

Komashko, N. I. (2021) 'Rukopisnyi sbornik «Solntse presvetloe» i izobrazitel'nye svody chtimykh bogorodichnykh obrazov: Tekst. Gravyura. Ikona' ['The Handwritten Collection *The Bright Sun* and Pictorial Collections of Venerated Images of the Mother of God: Text. Engraving. Icon'], in: E. V. Zimenko, N. A. Kobyak, N. I. Komashko, O. R. Khromov, E. V. Shul'gina, eds., *Solntse Presvetloe* ['*The Bright Sun*']*: 2 vols.* [Vol. 2]: *Solntse Presvetloe: Russkii svod skazanii o Bogorodichnykh ikonakh: Issledovaniya* ['*The Bright Sun*': *Russian Collection of Legends About the Icons of the Mother of God: Research*]. Moscow: Pan Press Publ., 157–338. (In Russ.)

Lelekova, O. V. (1989). 'Materialy k istorii khudozhestvennoi masterskoi Kirillo-Belozerskogo monastyrya v XVII–XVIII vekakh' ['Materials on the History of the Art Workshop of the Kirillo-Belozersky Monastery in the 17th–18th Centuries'], in: *Drevnerusskoe iskusstvo: Khudozhestvennye pamyatniki Russkogo Severa* [*Old Russian Art: Artistic Monuments of the Russian North*]. Moscow: Nauka Publ., 157–180. (In Russ.)

Lizogubov, R. A. (2024) 'Rannii religioznyi lubok: Kievskie pouchitel'nye listy Pamvy Beryndy 1620-kh godov' ['Early Religious Popular Print: Kyiv Didactic Sheets of Pamva Berynda from the 1620s'], in: *Fedorovskie chteniya, 2024: K 400-letiyu russkogo knigopechataniya* [*Fedorov Readings, 2024: On the 400th Anniversary of Russian Book Printing*]. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moscow, 28–29 maya 2024). Moscow: Nauka Publ.; Minsk: Tsentral'naya nauchnaya biblioteka imeni Yakuba Kolasa Natsional'noi akademii nauk Publ. [Otdel'nyi ottisk, 52 p.]. (In Russ.)

Logvin, G. N. (1990). *Z Glibin: Graviuri ukraïns'kikh starodrukiv XVI–XVIII st.* [*From the Depths: Engravings of Ukrainian Old Prints of the 16th–18th Centuries*]. Kiev: Dnipro Publ., 408 p. (In Ukrainian)

Mal'tsev, N. V. (2009). 'Yaroslavets Grigorii (Rostovets?)' ['Yaroslavets Grigorii (Rostovets?)'], in: I. A. Kochetkov, ed., *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII centuries* [*Dictionary of Russian Icon Painters (11th–17th Centuries)*]. Moscow: Indrik Publ., 785 p. (In Russ.)

Murav'ev, A. N. (1999). *Russkaya Fivaida na Severe* [*Russian Fivaida on the North*]. Moscow: Palomnik Publ., 526 p. (In Russ.)

Murkos, G., ed. (2005). *Puteshestvie Antiokhiiskogo Patriarkha Makariya v Rossiyu, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim* [*The Journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia, Described by His Son, Archdeacon Paul of Aleppo*]. Moscow: Obshchestvo sokhraneniya literaturnogo naslediya Publ., 728 p. (In Russ.)

Olshevskaya A. A., Travnikov, S. N., eds. (1999). *Drevnerusskie pateriki* [*Old Russian Pateriks*]. Moscow: Nauka Publ., 496 p., il. (In Russ.)

Petrova, L. L., Petrova, N. V., Shchurina, E. Y., eds. (2005). *Ikony Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika* [*Icons of the Kirillo-Belozersky Museum*]. Moscow: Severny Palomnik Publ., 335 p. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (1996). 'Pervyi skit Rossii: Stranitsy istorii XV–XX vekov' ['The First Skete of Russia: Pages of the History of 15th–20th Centuries'], in: *K svetu: Krai Kirilla*

Belozerskogo [*Towards the Light: The Land of Kirill Belozersky*]. Moscow: Rodnik Publ., 62–92. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2003). *Nil Sorskii i traditsii russkogo monashestva* [*Nil Sorsky and the Traditions of Russian Monasticism*]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 253 p. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2017). 'Ikonografiya Nila Sorskogo: Traditsii pochitaniya' ['Iconography of Nil Sorsky: Traditions of Veneration'], in: *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Materialy. Publikatsii* [*Russian Hagiography: Research. Materials. Publications*]. St. Petersburg: «Pushkinskii Dom» Publ. Vol. 3, 159–175. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2018). 'Drevneishie dokumenty iz arkhiva Nilovoi Sorskoi pustyni: prikhodno-raskhodnaya kniga 1611–1612 godov' ['The Oldest Documents from the Archive of the Nilova Sorskaya Hermitage: The Income and Expenditure Book of 1611–1612'], *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3–4 (51–52), 254–275. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2018). 'Nil (Prikhudailov), ieroskhimonakh' ['Nil (Prikhudaylov), Hieroschemamonk'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ. Vol. 51, 128–133. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2018). 'Nilova Sorskaya v chest' Sreteniya Gospodnya pustyn'' ['Nilova Sorskaya in honor of the Meeting of the Lord desert'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ. Vol. 51, 188–203. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2019). '«Sobory russkikh svyatykh» kak regional'nye i nadregional'nye «mesta pamyati» Moskovskoi Rusi XV–XVII vekov' ['Councils of Russian Saints as Regional and Supra-Regional *Places of Memory* of Muscovite Rus' of the 15th–17th Centuries'], in: «Mesta pamyati» rusi kontsa XV — serediny XVIII veka ['*Places of Memory' of Rus from the End of the 15th — Middle of the 17th Century*]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 169–203. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2020). 'Pustynya kak mesto asketicheskikh podvigov monakhov Nilo-Sorskogo skita: XVII–XIX veka' ['The Desert as a Place of Ascetic Feats of the Innoakhs of the Nilo-Sorsky Skete: 17th–19th Centuries'], *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 1 (17): *Geograficheskoe prostranstvo Russkoi Fivaidy*, 187–200. (In Russ.)

Romanenko, E. V. (2023). 'The Writings of Nil Sorsky in the Library of the Optina Pustyn' Monastery', *Slovesnost' i Istoriia*, 1, 61–80.

Romanenko, E. V., Zelenina, Ya. E. (2018). 'Nil (Prikhudailov) — ikonopisets' ['Nyl (Prikhudaylov) — Icon Painter'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ. Vol. 51, 133–135. (In Russ.)

Shalina, I. A. (2004) *Obretennye sokrovishcha. Iz sobraniya V. A. Bondarenko: Kniga-kalendar' na 2005 god* [*Discovered Treasures. From the Collection of V. A. Bondarenko: Book-Calendar for 2005*]. Minsk: Mezhdunarodnoe obshchestvennoe ob"edinenie «Khristianskii obrazovatel'nyi tsentr imeni Svyatykh Mefodiya i Kirilla» Publ.; Milano: La Caza di Matriona Publ., 52 p., il. (In Russ.)

Sharomazov, M. N., ed. (2002). *Khudozhestvennoe nasledie Dionisiya: Katalog vystavki (Kirillo-Belozerskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik, 21 Avgusta — 2 Sentyabrya 2002 goda)* [*The Artistic Heritage of Dionysius: Exhibition Catalogue*]. Moscow: Severny Palomnik Publ., 208 p. (In Russ.)

Sharomazov, M. N., ed. (2017). *Podpisnye i datirovannye proizvedeniya tserkovnogo iskusstva* [*Signed and Dated Works of Church Art*]. Kirillov: Kirillo-Belozerskii istoriko-arkhitekturnyi i khudozhestvennyi muzei-zapovednik Publ., 492 p. (In Russ.)

Shevchenko, E. E. (1998). 'Opisi Nilo-Sorskogo skita XVIII veka: (K voprosu o knizhnom sobranii)' ['Inventories of the Nilo-Sorsky Skete of the 17th Century: (On the Issue of the Book Collection)'], in: V. M. Zagrebin, ed., *Rus' i yuzhnye slavyane. Sbornik statei k 100-letiyu V. A. Moshina (1894–1987)* [*Rus and the Southern Slavs. Collection of Articles for the 100th Anniversary of V. A. Moshin (1894–1987)*]. St-Petersburg: Aleteiya Publ., 397–408. (In Russ.)

Shevchenko, E. E. (2005). 'Istoriya sozdaniya Zhitiya prepodobnogo Nila Sorskogo' ['The History of the Creation of the Life of St. Nil Sorsky'], in: *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [*Russian Hagiography: Research. Materials. Publications*]. St-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. [Vol. 1], 744–760. (In Russ.)

Shevchenko, E. E. (2022). 'Pamyatniki delovoi pis'mennosti Nilo-Sorskogo skita XVII–XVIII vekov iz sobraniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (publikatsiya istochnikov)' ['Monuments of Business Writing of the Nilo-Sorsky Skete of the 17th–18th Centuries from the Collection of the Russian National Library (Publication of Sources)'], in: *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Rostovo-Yaroslavskaya zemlya* [*Book Centers of Old Rus': Rostov-Yaroslavl Land*]. St-Petersburg: «Pushkinski Dom» Publ., 359–443. (In Russ.)

Sokolova, I. M. (2005) 'Vlakhernskaya ikona Bozhiei Materi' ['Blachernae Icon of the Mother of God'], in: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya» Publ. Vol. 9, 119–120. (In Russ.)

Solntse presvetloe ['The Bright Sun']: 2 vols (2021). [Vol. 1]: *Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisnoi knigi 1 chetverti XVIII veka* [*Facsimile Reproduction of a Manuscript Book of the First Quarter of the 18th Century*]. Moscow: Pan Press Publ., 299 p.: il. (In Russ.)

Sosnovtseva, I. V. (2001). 'Proizvedeniya toropetskikh masterov v sobranii Russkogo muzeya' ['Works by Toropets Masters in the Collection of the Russian Museum'], in: *State Russian Museum: Tezisy konferentsii, posvyashchennoi itogam nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2000 god* [*State Russian Museum: Theses of the Conference Dedicated to the Results of Scientific Research Work for 2000*]. St-Petersburg: State Russian Museum Publ., 8–13. (In Russ.)

Strel'nikova, E. R. (2002). 'Protoierei Valentin Paramonov' ['Archpriest Valentin Paramonov'], in: A. E. Fedorov, ed., *Rasskaz o Evgenii Vasil'evne Tikhonovoi* [*The Story of Evgenia Vasilievna Tikhonova*]. Moscow: [s. n.], 178–181. (In Russ.)

Turtsova, N. M. (1989). 'Literaturnye istochniki i politicheskie idei nekotorykh syuzhetov yaroslavskikh ikon vtoroi poloviny XVII veka' ['Literary Sources and Political Ideas of Some Subjects of Yaroslavl Icons of the Second Half of the 17th Century'], *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 42, 351–362. (In Russ.)

Vakhrina, V. I., Gladysheva, E. V. (2003). 'Ikony mestnogo ryada ikonostasa' ['Icons of the Local Row of the Iconostasis'], in: V. I. Vakhrina, ed., *Ikony Rostova Velikogo* [*Icons of Rostov the Great*]. Moscow: Severnyi palomnik Publ., 286–295. (In Russ.)

Vinogradova, E. A. (2017). 'Proizvedeniya poshekhonskogo zhivopistsa Aleksandra Semenova Brusnakova v sobranii Vologodskogo i Kirillo-Belozerskogo muzeev-zapovednikov' ['Works by Poshekhonsky Artist Alexander Semenov Brusnakov in the Collection of

the Vologda and Kirillo-Belozersky Museums'], in: *XXI nauchnye chteniya pamyati Iriny Petrovny Bolottsevoi (1944–1995): Sbornik statei* [*21st Scientific Readings in Memory of Irina Petrovna Bolotseva (1944-1995): Collection of Articles*]. Yaroslavl': Avers Plus Publ., 285–295. (In Russ.)

Vinogradova, E. A., Nersesyan, L. V., Preobrazhenskiy, A. S., eds. (2017). *Vologda icons Late 16th — 17th Centuries*. Vologda: Drevnosti Severa Publ., Moscow: Severnyi Palomnik Publ., 775 p. (In Russ.)

Vorob'ev, K. V. (2017). 'Osada Konstantinopolya 626 goda i bogosluzhebnaya pamyat' Subboty akafista' ['The Siege of Constantinople in 626 and the Liturgical Memory of the Saturday of the Akathist'], *Genesis: Istoricheskie issledovaniya*, 10 (10), 139–151. (In Russ.)

Zimenko, E. V., Kobyak, N. A., Shul'gina, E. V. (2021). 'Solntse Presvetloe: Vstupitel'naya stat'ya' ['The Bright Sun: Introductory Article'], in: E. V. Zimenko, N. A. Kobyak, N. I. Komashko, O. R. Khromov, E. V. Shul'gina, eds., *Solntse Presvetloe* ['*The Bright Sun*']*: 2 vols*. [Vol. 2]: *Solntse Presvetloe: Russkii svod skazanii o Bogorodichnykh ikonakh: Issledovaniya* ['*The Bright Sun*'*: Russian Collection of Legends About the Icons of the Mother of God: Research*]. Moscow: Pan Press Publ., 5–28. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 223–236
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-223-236
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 223–236
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Н. Е. Косьяненко

АМУР КАК СПУТНИК ПОЭТА В ЛИРИКЕ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА

Nikita E. Kosyanenko

AMOR AS A POET'S COMPANION IN THE LYRICS OF KONSTANTIN BATYUSHKOV

Резюме. Статья посвящена одному из частотных в поэзии К. Н. Батюшкова топосов европейской литературы — образу Амура, античного бога любви. Внимательное прочтение и сопоставление текстов русского поэта с элегиями Тибулла, Проперция и Парни, лирикой Петрарки, произведениями Вольтера и русских поэтов XVIII века, а также с «Опытами» Монтеня демонстрирует преемственность между большой литературной традицией Запада и стихами Батюшкова. В то же время поэт существенно переосмысляет мотивы, унаследованные им от предшественников: лирика Батюшкова устанавливает нерасторжимую связь между любовью и поэзией, так что Купидон оказывается неизменным спутником поэта и связывает его не только с возлюбленной, но и с тенями стихотворцев, которые воспевали радости любви.
Ключевые слова: К. Н. Батюшков, Амур, Эрот, Купидон, топос, любовная элегия, легкая поэзия, М. де Монтень, Венера, Психея, цветочные метафоры, антология, анакреонтика, Элизий
Информация об авторе: Никита Евгеньевич Косьяненко, старший лаборант-исследователь Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), ассистент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, nekosyanenko@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-7797-6073.
Для цитирования: *Косьяненко Н. Е.* Амур как спутник поэта в лирике Константина Батюшкова // Словесность и история. 2025. № 3. С. 223–236.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-223-236

Abstract. The article is devoted to the image of Amor, the ancient god of love, in K. N. Batyushkov's poetry. This popular topos of European literature can frequently be found in Batyushkov's poems. The author compares the texts of this Russian poet with the elegies of Tibullus, Propertius and Parni, the lyrics of Petrarch, the works of Voltaire and 18th-century Russian poets, and Montaigne's "Essays". The author points out the continuity between the European literary tradition and Batyushkov's poems. At the same time, the poet significantly reinterprets the motifs he inherited from his predecessors. Batyushkov's lyrics establish an indissoluble connection between love and poetry so that Cupid turns out to be the poet's constant companion and connects the poet not only with his beloved but also with the shadows of poets who sang the joys of love.
Keywords: Konstantin Batyushkov, Cupid, topos, love elegy, light poetry, M. de Montaigne, Venus, Psyche, floral metaphors, anthology, anacreontics, Elysium
Information about the author: Nikita E. Kosyanenko, Senior Research Laboratory Assistant at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, Assistant of the Department of History of Russian Literature, St. Petersburg State University, St. Petersburg, nekosyanenko@yandex.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-7797-6073.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

For citation: Kosyanenko, N. E. (2025). Amor as a Poet's Companion in the Lyrics of Konstantin Batyushkov, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 223–236.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-223-236

Появление Амура в любовной лирике конца XVIII — начала XIX в. настолько обычно, что почти не обращает на себя внимания — как превратившийся в штамп условный знак, лишенный конкретного содержания. Между тем в поэзии Константина Батюшкова это греко-римское божество, именуемое также Эротом и Купидоном, обретает отчетливо выраженную индивидуальность, вырастающую из обращения к вполне определенному набору общих мест античной и европейской поэзии. «Поэзия Батюшкова — это непрерывность прекрасных формул, предложенных традицией и преображенных творчеством большого поэта», — писала Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, с. 344][1].

Кумирами Батюшкова из числа мастеров любовной лирики были Тибулл, Проперций, Петрарка и Парни — их имена образуют единую линию в истории западной литературы, от первого до последнего в этом ряду можно проследить преемственность: «Репертуар элегических тем был задан еще античными элегиками, подобно тому как басенный репертуар — Эзопом. ⟨...⟩ Батюшков должен был добавить к Парни то, что сам Парни добавил к Тибуллу и Проперцию» [Вацуро, с. 105].

Предпочтение, отданное этой традиции, русский поэт объясняет определенными закономерностями в развитии словесности разных народов. Согласно общему смыслу его «Речи о влиянии легкой поэзии на язык», первый этап существования национальной поэзии знаменуется появлением памятников возвышенного сурового стиля. Таковы поэмы Гомера для греков, «Божественная комедия» для итальянцев, оды Ломоносова — для нас. Язык всех этих произведений отличается мощью и величием. Однако ему недостает еще изысканности, гибкости и музыкальности, которые приходят лишь на втором этапе, когда в словесности главенствует прекрасное: любовные элегии древних, сонеты Петрарки, игривые стихи Богдановича. Лишь недавно поднявшись на вторую ступень совершенствования, наши литература и язык, по мысли Батюшкова, еще нуждаются в легкой поэзии, чтобы приобрести мягкость звучания и смысловую утонченность[2]. Тогда наконец может быть достигнут тот уровень своеобразия, который граничит с непереводимостью, как в сонетах Лауре: «Стихи Петрарки, сии гимны на смерть его возлюбленной, не должно

[1] Об этой особенности поэзии Батюшкова см. также: [Топоров, с. 308–310; Семенко, с. 30].

[2] Подробнее о параллелях, проводимых Батюшковым между русской и итальянской литературами в их развитии, а также о той роли, которую поэт отводил в этом процессе себе, см.: [Пильщиков 2003, с. 145].

переводить ни на какой язык; ибо ни один язык не может выразить постоянной сладости тосканского и особенной сладости музы Петрарковой» [Батюшков 1989, т. 1, с. 131].

Давно отмечено, что эта речь Батюшкова, прочитанная им при вступлении в «Общество любителей русской словесности», напоминает речь Парни при избрании во Французскую академию [Топоров, с. 310]. Но как таковая мысль об утонченном языке эротической поэзии опирается на общее место античной лирики. Нечто схожее говорит Проперций (кн. I, эл. 9). Кто страдает от любви, должен подражать в стихах не возвышенному Гомеру, а Мимнерму — автору элегий. Так решил бог любви: «Plus in amore valet Mimnermi versus Homero: / Carmina mansuetus lenia quaerit Amor» («Мимнермовы песни в любви ценнее Гомеровых: / Кроткому Амуру по нраву нежные стихи»; пер. А. И. Любжина) [Проперций, с. 28, 29].

Подобного же мнения придерживался Мишель де Монтень. В упомянутой речи Батюшкова есть прямая ссылка на этого французского мыслителя, высоко почитаемого поэтом: «язык страсти и любви» назван «любимейшим языком муз, по словам глубокомысленного Монтаня» [Батюшков 1989, т. 1, с. 33]. Вероятно, Батюшков подразумевает тот пассаж из эссе «О стихах Вергилия» (кн. III, гл. V), где говорится о «взаимовыгодной» связи между Купидоном и музами: «Кто отнимет у муз любовные вымыслы, тот похитит у них драгоценнейшее из их сокровищ; а кто заставит любовь отказаться от общения с поэзией и от ее помощи и услуг, тот лишит ее наиболее действенного оружия; и сделавший это обвинил бы тем самым бога близости и влечения и богинь, покровительниц человечности и справедливости, в черной неблагодарности и в отсутствии чувства признательности» (пер. А. Бобовича) [Монтень, кн. 3, с. 61][3].

В том же эссе, разбирая сцену любви Венеры и Вулкана из «Энеиды», Монтень делает замечание, которое кажется чрезвычайно важным для Батюшкова как певца поэтического сладострастия[4]: «Поэзии как-то удается рисовать образы более страстные, чем сама страсть. И живая Венера — нагая и жаждущая объятий — не так хороша, как Венера здесь, у Вергилия» [Монтень, кн. 3, с. 61]. И все другие рассуждения и примеры, которые приводит

[3] И в других эссе Монтень говорит о том, что прежде всего ценит в лирике легкость и страстность, поэтому любовь — и хорошо бы не супружеская — лучшая тема: «Поэзия улыбается только там, где ей приходится иметь дело с предметами шаловливыми и легкомысленными» [Монтень, кн. 1–2, с. 183].

[4] О значении слова «сладострастие» в контексте французской и русской поэзии XVIII — начала XIX в., и в частности у Батюшкова, у которого оно может выступать «синонимом духовного наслаждения», см.: [Вацуро, с. 95–97].

Монтень, скорее убеждают в том, что пробужденное страстью воображение доставляет большее удовольствие, нежели физическая близость. Олицетворением любовной жажды, пробуждающей фантазию, у Монтеня оказывается Купидон, и его роль едва ли не важнее, чем роль Венеры, которая служит воплощением одной лишь телесной связи («обладания без любви», как формулируют это комментаторы Монтеня [Монтень, кн. 3, с. 479]). «Что до меня, то на мой взгляд Венера без Купидона так же невозможна, как материнство без деторождения» [Монтень, кн. 3, с. 39][5].

Обратим внимание и на то, что Венера в примере Монтеня, «нагая и жаждущая объятий», занимает пассивную позицию. Крылатый Амур со своими стрелами, напротив, символизирует стремление к любви[6]. Сам его образ воплощает легкость, движение и скорость — те качества, за которые Монтень больше всего ценит поэтическое искусство (аргументируя свой выбор ссылками на авторитет Платона, к которому он постоянно обращается в «Опытах»[7]): «Я люблю бег поэзии, изобилующий прыжками и всякого рода курбетами. Это — искусство, как говорит Платон, легкокрылое, стремительное, лукавое» [Монтень, кн. 3, с. 200]. Замечательно, что и позднейшее французское *poésie fugitive*, которое принято переводить как «*легкая* поэзия», можно передать и как «*беглая*», «*летучая*». Неудивительно, что ее главная тема — шалости ветреного Амура. Отсюда поразительная стремительность батюшковского стиха — как воплощение «всеохватывающей

[5] В сходном значении имя Венера эссеист употребляет, рассуждая о том, как алкоголь обедняет любовное наслаждение: «...для меня лично Венера в союзе с трезвостью гораздо сладостнее» [Монтень, кн. 1–2, с. 649].

[6] Примечательно, что при описании своей юности, подчиненной безудержному сладострастию, Монтень цитирует LXVIII стихотворение Катулла, где в качестве спутника поэта изображен бог любви, неугомонный и сверкающий: «Когда порхающий взад и вперед Купидон блистал возле меня, облаченный в великолепную пурпурную тунику...» [Монтень, кн. 3, с. 284].

[7] Свидетельств непосредственного знакомства Батюшкова с диалогами Платона, к сожалению, обнаружить не удалось. В записных книжках поэта сохранились его конспекты из Сенеки и Псевдо-Лонгина, пересказывающих некоторые платоновские идеи [Батюшков 1885, с. 321–323, 365–366]. Отдельные идеи (нео)платонизма проникали в прозу и поэзию Батюшкова из общекультурного контекста, см.: [Вацуро, с. 29–33, 105–110, 196–198, 231–232]. Одним из текстов-посредников стала «Афинская жизнь» Н. М. Карамзина, см.: [Виролайнен, с. 293].

С какими конкретными идеями «Пира» мог быть знаком поэт, сказать трудно. Понятие «любовь мистико-платоническая» он однажды использует в отношении переведенной им элегии Парни «Привидение» [Батюшков 1989, т. 2, с. 123]. Однако это произведение, изображая парадоксальное сладострастие за гробом, кажется, менее других стихотворений Батюшкова подходит для иллюстрирования учения древнегреческого философа о любви (впрочем, сложно не подозревать иронию как в самой элегии Парни, так и в ее характеристике, данной Батюшковым).

динамики бытия. В это движение втягиваются все слова, все предложения, все строки, все образы Батюшкова» [Эткинд, с. 142][8].

Итак, если главенствующее место в жанровой иерархии поэта занимает легкая поэзия, сила писательского воображения закономерно попадает в зависимость от способности предаваться грезам сладострастия. Эрот сообщает душе волнение, которое разрешается стихами. Эта идея стала в римской поэзии элегическим топосом. Например, Проперций пишет о собственных стихах (кн. II, элегия X): «Sed modo Permessi flumine lavit Amor» («Только Амур оросил их Пермесской влагою»; пер. А. И. Любжина) [Проперций, с. 70, 71], — богу любви отведена роль муз, поящих поэта из источника вдохновения. Тот же топос находим в поэзии Возрождения: всесильный Амур принуждает взяться за перо и Петрарку (сонеты 93, 354). Закономерно, что в избранной Батюшковым традиции поэт по определению не может быть стар: «Тот вечно молод, кто поет / Любовь, вино, Эрота / И розы сладострастья жнет / В веселых цветниках Буфлера и Марота» [Батюшков 1989, кн. 2, с. 429]. Конечно, эти «розы сладострастья» суть не что иное, как цветы поэтического воображения [Семенко, с. 47; Зорин, с. 11]. Оно, в свою очередь, не должно быть чрезмерно отягощено жизненным опытом, иначе Купидон просто не сможет разбудить мечты: «Амуров нежный рой / Морщин не лобызает. / Крылатые мечты / Не сыплют там цветы, / Где тусклый опытность светильник зажигает» [Батюшков 1989, т. 1, с. 339]. (Здесь намечен оригинальный оптический мотив: пламенник музы и факел Купидона противопоставляются «светильнику опытности», способному открыть в мире лишь пустыню[9].) «Крылатые мечты» отсылают к сюжету об Амуре и Психее, которых воспели Апулей, Перро и Богданович. Психея для Батюшкова — это и душа, и мечта, о чем говорит одно из авторских примечаний к «Видению на берегах Леты»: «Психею — душу или мечту — древние изображали в виде бабочки или крылатой девы, обнявшейся с Купидоном» [Батюшков 1977, с. 355][10]. Амур, таким образом, не просто чувственная любовь, но и томление духа, одержимость

---

[8] См. также: [Виноградов, с. 186; Виролайнен, с. 297].

[9] Ср. в стихотворении «Воспоминания (Отрывок)»:

Я чувствую, мой дар в Поэзии погас,
И Муза пламенник небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз.
[Батюшков 1989, т. 1, с. 173]

[10] Должно быть, мечты предстают как легкокрылые девушки, рассыпающие цветы, также в следующих строках Батюшкова: «Мечты! — повсюду вы меня сопровождали / И мрачный жизни путь цветами устилали!» [Батюшков 1989, т. 1, с. 172]. Обращение к таким аллегориям роднит поэта с авторами XVIII в.

идеалом [Семенко, с. 28, 29]. Миф об Амуре и Психее был, по-видимому, особенно дорог Батюшкову. Как сообщает исследователь и публикатор его писем П. А. Ефремов, у поэта была личная печать «с изображением Амура, целующего Психею» [Батюшков 1874, с. 387].

Значительное влияние на Батюшкова как певца духовной любви оказал Петрарка, который, как и другие эротические поэты, «испытал все мучения любви и самую ревность; но наслаждения его были духовные. Для него Лаура была нечто невещественное, чистейший дух, излившийся из недр божества и облекшийся в прелести земные» [Батюшков 1989, т. 1, с. 130]. Амур — связующее звено между поэтом и его возлюбленной — один из главных героев «Книги песен». Бог любви изображен у Петрарки в традиции провансальских поэтов-трубадуров [11] «как довлеющая себе сила, повинующаяся лишь своим законам, воспитывающая в духовной красоте, к высоким целям доблести и подвига. Это понимание скрадывало чувственную сторону любви, смягчало ее противоречия с заветами обрядовой и церковной нравственности и поднимало значение женщины как источника высоких, внушенных Амуром влечений. ⟨...⟩ Любовь — вожделение блага, virtus concupiscentiae boni; обобщенное с богословско-философской точки зрения, это — стремление к высшему благу, источник и податель которого бог» [Веселовский, с. 156–157]. Неслучайно Амур Петрарки берет в плен только чистых сердцем (сонет 165) и влечет их к небесам (сонеты 177, 339), славе и добродетели (канцона 12, сонет 192). Он спутник лирика на всех дорогах, и никакие препятствия не могут разлучить Петрарку и Амура (сонеты 35, 69, 107, 116, 160, 163, 303). Этот мотив, повторяющийся в «Книге песен», не мог не обратить на себя внимание Батюшкова. В эссе «Нечто о поэте и поэзии» цитируются именно те стихи канцоны 135, где герой Петрарки представлен в одиночестве, но и тогда рядом с ним оказываются Амур и образ возлюбленной, поскольку они всюду сопровождают поэта: «Sotto un gran sasso / In una chiusa valle, ond'esce Sorga, / Si sta; né chi lo scorga / V'è, se no Amor, che mai nol lascia un passo, / Et l'immagine d'una che lo strugge» («Под большой скалой / В замкнутой долине, откуда вытекает Сорга, / Стоит он: и того, кто бы видел его, там нет, / Кроме Амура, который никогда не оставляет его ни на шаг, / И образа той, которая его сокрушает») [Батюшков 1989, т. 1, с. 43].

[11] О них у Батюшкова имелись вполне конкретные представления. В письме Н. И. Гнедичу от 1 ноября 1809 г. он упоминает «*суд любви*, который существовал в Провансе в конце одиннадцатого столетия. Там эти полезные задачи разрешали всячески, и всё по-латыни. Красавицы слушали с удовольствием ученых трубадуров, которые так хитро умели угадывать тайные сгибы их сердец» [Батюшков 1989, т. 2, с. 111]. Поэзию трубадуров описывает Батюшков и в статье о Петрарке [Батюшков 1989, т. 1, с. 134, 136–137].

Купидон как спутник поэта — важный для Батюшкова топос, который встречается и в его переводах и подражаниях Парни. Причем легкокрылый Эрот возникает здесь чаще, чем в подлинниках. Так, в начале элегии французского поэта «Испуг» («La Frayeur») не говорится об амурах, сопровождающих героя-любовника [Ср.: Французская элегия 1989, с. 74, 75], в отличие от написанного как подражание ей «Ложного страха» Батюшкова: «Помнишь ли, мой друг бесценный! / Как с амурами тишком, / Мраком ночи окруженный, / Я к тебе прокрался в дом?» [Батюшков 1989, т. 1, с. 231]. Игривое просторечие «тишком» будто указывает на чтение стихов Парни сквозь призму легкой поэзии русских авторов XVIII в.: мягкий комизм, который придают описаниям амуров просторечные словечки, встречается, например, в «Геркулесе» Державина (1798)[12] или в «Послании к Н. М. Карамзину» Дмитриева (1795)[13]. Так в «Ложном страхе» Батюшков подключает к Парни русскую традицию эротической лирики и стремится синтезировать лучшие достижения того и другого[14].

И еще один близкий мотив переходит в «Опытах» Батюшкова из произведения в произведение: Эрот придает чертам возлюбленной особую прелесть, которая описывается с помощью типовых для европейской поэзии цветочных метафор. У Монтеня красоту женщине ниспосылает не столько Венера, сколько Купидон, повелевающий любовными желаниями. Нечто

---

[12] «Где, откуда ни взялися / Мальчиков крылатых строй: / Вкруг летали, шурмовали, / Над главами их паря, / И, подкравшись тихо, крали / Все вокруг богатыря: / Тот унес, кряхтя, дубину, / Тот сайдак, тот страшный меч; / Стеребили кожу львину / Те с его могущих плеч» [Державин, с. 181]. Подробнее о влиянии анакреонтики старшего поэта на стихи младшего, и в частности на «Ложный страх», см.: [Ионин].

[13] «А дети между тем, амуры светловласы, / Украдкой по снопу, играючи, берут, / Кряхтят под ношею, друг друга ею прут, / Валяются, встают и, усмотря цветочек, / Все врознь к нему летят, как майский ветерочек». [Дмитриев, с. 122]. Как соратник Карамзина и видный представитель русской «легкой поэзии», Дмитриев не мог не оказать на Батюшкова определенного воздействия: дмитриевские «подражания Тибуллу, Парни и Петрарке послужили Батюшкову образцами для переводческих опытов 1810-х годов» [Пильщиков 2003, с. 65].

[14] О привычке Батюшкова-переводчика «совершенствовать» подлинник, нередко дополняя текст оборотами других авторов, см.: [Топоров, с. 315; Эткинд, с. 116–145; Пильщиков 2003, с. 214–215]. Стремление Батюшкова не только сравняться в поэзии на русском языке с представителями других европейских традиций, но и объединить их сильные стороны было высоко оценено его первыми почитателями: «Батюшков стоит на особенном, но равно прекрасном поприще (по сравнению с Жуковским). Он создал для нас ту элегию, которая Тибулла и Проперция сделала истолкователями языка граций. У него каждый стих дышит чувством; его гений в сердце. Оно внушило ему свой язык, который нежен и сладок, как чистая любовь. Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемая какими-то итальянскими звуками, дают только понятие об искусстве Батюшкова» [Плетнев, с. 245].

сходное находим у Петрарки: Амур принес золото для волос Лауры, снег — для белизны ее кожи, розы — для ланит, а жемчуг — для улыбки (сонет 220)[15]. Мотив этот настолько полюбился Батюшкову, что поэт привносит его в свой вольный перевод элегии Парни «Привидение», не содержащей в оригинале «Тайны прелестей красот, / Где сам пламенный Эрот / Оттенил рукой своею / Розой девственну лилею» [Батюшков 1989, т. 1, с. 177]. То же появление Амура в сочетании с цветочной топикой — в батюшковском «Послании графу Велеурскому», «где ветреный Амур / Прелестным личиком любезный пол дарует, / Под дымкой на груди лилеи образует» [Батюшков 1989, т. 1, с. 214].

Образы или темы, возникающие в переводах, часто переносятся в собственные сочинения Батюшкова. Вольные переложения из авторов разных эпох и оригинальные тексты составляют в его творчестве единое смысловое поле и взаимно обусловливают друг друга. Так, в «Элегии из Тибулла» (переложение элегии III из кн. I) поэта сопровождает в загробный мир не Гермес, обычный проводник теней, но все тот же Амур, бывший постоянным спутником лирика при его жизни.

Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий проведешь таинственной стезей.
[Батюшков 1989, т. 1, с. 170]

В переводе Батюшкова стихи Тибулла подверглись хотя и не радикальным, но все-таки красноречивым изменениям. Римский поэт говорил не только об Амуре, но и о Венере, отводя ей роль провожатой: «Sed me, quod facilis tenero sum semper Amori, / Ipsa Venus campos ducet in Elysios» [Tibullus, с. 13] («Но за покорность мою велениям нежным Амура / Ты мне, Венера, пролей свет Елисейскнх полей...»; пер. Л. Остроумова [Катулл, Тибулл, Проперций, с. 168])[16]. Вероятно, коннотации, которыми для Батюшкова оказалось наделено имя Венеры по вине Монтеня, вкупе с ориентацией на спиритуализм Петрарки привели к тому, что и в этом тексте Амур вышел на первый план, почти заслонив собой Киприду. Одухотворенная любовь итальянского поэта очаровывает Батюшкова больше, чем пламенные страсти древних. Недаром, сравнивая возлюбленную Петрарки и римскую Венеру, поэт отдает предпо-

[15] Отметим, что образ воспетых в стихах цветов ассоциировался в сознании Батюшкова с самой поэзией Петрарки: «Кстати о цветах: слог Петрарки можно сравнить с сим чувствительным цветком, который вянет от соприкосновения» [Батюшков 1989, т. 1, с. 137].

[16] О значении «эротического Элизия» Тибулла для Батюшкова см. также: [Пильщиков 2003, с. 28–29, 220; 2004].

чтение Лауре: «Древность не производила ничего подобного. Самое рождение Венеры из пены морской и пришествие ее на землю, которая затрепетала от сладострастия, почувствовав прикосновение богини, не столько пленяет воображение» [Батюшков 1989, т. 1, с. 139][17].

И в «Элизии», своей оригинальной элегии, Батюшков назначит проводником в мир теней не Гермеса и не Венеру, но, конечно, Амура[18]. Выбор этого бога символизирует желание умереть в минуту любовного томления, ставя Батюшкова в один ряд с дорогими ему поэтами. Помимо Тибулла, говорящего, что он будет служить Купидону до самого конца своей жизни, смерть в момент любви и наслаждения — заветная мечта Проперция, прямо высказанная в элегии XXVI книги II при обращении к возлюбленной: «Quod mihi si ponenda tuo sit corpore vita, / Exitus hie nobis non inhonestus erit» («Потому, если мне суждено испустить дух на твоем теле, / Этот конец будет для нас не бесславным»; пер. А. И. Любжина) [Проперций, с. 104, 105]. О «сладкой смерти» (сонет 354)[19] говорит и Петрарка, поскольку за гробовым порогом Амур соединит поэта с Лаурой. Мысль о смерти в объятиях любви повторяется в элегии Батюшкова «Выздоровление» и подразумевается в послании «Мои пенаты» (описанные в нем пиршества не обходятся без красавиц). Но «Элизий» подчеркивает еще одно важное свойство мира, который создал Батюшков: поэзия здесь обладает онтологическим измерением, представляя собой самостоятельную форму претворенной реальности [Виролайнен, с. 297–299]. Амур Батюшкова, будучи одновременно спутником дорогих ему поэтов прошлого, ведет героев не просто в царство мертвых, но в особое пространство бессмертной поэзии, населенное поэтами и возлюбленными, которых они воспели при жизни:

В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы,

[17] Нельзя не вспомнить, что и в батюшковской «Вакханке» отсутствует какое-либо указание на Венеру, хотя именно она является главной героиней поэмы Парни, послужившей источником стихотворения. Подробнее см.: [Верховский, с. 399–400; Семенко, с. 34–36].

[18] Подробнее об этой замене см.: [Пильщиков 2004, с. 89–92].

[19] Об этом мотиве Петрарки в элегии Батюшкова «Выздоровление» см. примеч. И. М. Семенко [Батюшков 1977, с. 538].

И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.
[Батюшков 1989, т. 1, с. 385]

Даже воспоминания Батюшкова о войне с Наполеоном не обходятся без упоминания легкокрылого Эрота. И дело не только в «северном Амуре с колчаном и стрелами» [Батюшков 1989, т. 1, с. 248] из стихотворения «Странствователь и домосед». Такое прозвание («Les amours du Nord») французы дали калмыцким и башкирским лучникам, входящим в состав русской армии[20]. Интереснее проследить маргинальный сюжет, который у Батюшкова причудливо связывает войну 1812 г., Купидона и Вольтера[21]. Очерк «Прогулка в Академию художеств» содержит символическое перечисление вещей, погибших вместе с домом вымышленного приятеля при пожаре Москвы, — в их числе «и бюст Вольтеров с отбитым носом, и маленький Амур с факелом» [Батюшков 1989, т. 1, с. 76]. Вероятно, эти детали символизируют ценности прежней жизни, истребленные огнем войны: с одной стороны, просветительские идеалы XVIII века, «вольтерьянство», рационализм и свободолюбие, завершившиеся для Европы исторической катастрофой, с другой стороны, любовная поэзия, которая стала казаться Батюшкову неуместной на фоне жестокого времени [Семенко, с. 15–17].

Скульптурный Амур и французский философ еще раз фигурируют в очерке «Путешествие в замок Сирей». В этом сочинении поэт описывает посещение поместья маркизы Эмили дю Шатле, где вместе с ней в течение пятнадцати лет жил Вольтер. Должно быть, их отношения внушили Батюшкову мысль, что в саду этого замка должна быть статуя Амура со стихотворной подписью Вольтера в духе греческой антологии. Отыскать скульптуру не удалось, о чем русский поэт посетовал в одном из примечаний к своему очерку и в письме Гнедичу от 27 марта 1814 г. [Батюшков 1989, т. 2, с. 269][22]. Батюшков решил, что изображение Амура было утрачено из-за бесчинств революции. В сознании поэта сложился сюжет, объединявший в себе многие темы его лирики: замок Сирей был местом уединения мудреца, здесь царили только любовь и творчество, однако исторические потрясения и вообще бег времени привели в запустение этот земной рай, на руинах которого теперь пирует Батюшков с друзьями-воинами, отдавая дань уважения теням философа и его подруги. Следует уточнить, что Амур в этой истории символизирует любовь и поэзию одновременно: «Напрасно мы искали в саду мраморного Амура, который

[20] См. примеч. И. М. Семенко: [Батюшков 1977, с. 567].

[21] Подробнее об отношении Батюшкова к Вольтеру см.: [Зубков].

[22] По всей видимости, искомая статуя находилась в другом замке. См. примеч. И. М. Семенко: [Батюшков 1977, с. 567].

некогда стоял под балконом, с надписью из Антологии: „Qui que tu sois voici ton maitre“ ⟨Кто бы ты ни был, вот твой властелин (*фр.*)⟩ и пр., которую перевел г. Дмитриев:

Кто б ни был ты, пади пред ним:
Был, есть иль будет он владыкою твоим!»
[Батюшков 1989, т. 1, с. 102]

Эпиграмма на статую бога любви в сознании Батюшкова связывается одновременно и с греческой антологией, и с надписью Вольтера[23], и с русским переводом Дмитриева. Образ всемогущего Амура сознательно используется как топос — «общее место» для поэтов разных времен и стран. По тому, насколько удачно разные авторы обращаются к этому топосу, Батюшков нередко судит об их даровании. Одобряя в письме к П. А. Вяземскому стихи молодого поэта Ф. Ф. Иванова, он приводит в пример единственную показательную строку: «Я читал Иванова стихи и в них много хорошего. „Амур тайком шаги твои считает“» [Батюшков 1989, т. 2, с. 190]. Так и строка Муравьева, которую Батюшков заимствует для своего перевода Парни, посвящена тому же персонажу античной мифологии («И амуры на часах»)[24]. В сатире Батюшкова «Видения на берегах Леты» Мерзляков по воле крылатого божества наказан низвержением в реку забвения за неудачную поэму, в которой Амур «на 70 страницах плачет» [Батюшков 1989, т. 1, с. 373][25]. Да и самого Батюшкова, который часто отзывался о своих стихах весьма уничижительно, в его письме к Гнедичу от 1 ноября 1809 г. высмеивает Эрот:

А ныне мне Эрот сказал:
«Бедняга, много ты писал
Без устали пером гусиным.
Смотри, завяло как оно!
Недолго притупить одно!
Вот на, пиши теперь куриным».
[Батюшков 1989, т. 2, с. 109][26]

---

[23] Об особой популярности у русских поэтов вольтеровских надписей, подражающих греческим эпиграммам, см.: [Кибальник, с. 41–47, 66–67].

[24] Цитата из Муравьева была отмечена Пушкиным [Пушкин, с. 277]. В то же время муравьевский образ, возможно, восходит к Тибуллу [Топоров, с. 315].

[25] В этой сатире схожая кара настигает Шаликова, но уже за его странную любовь к им же издаваемому журналу «Аглая»: «„Вот мой Амур, моя Аглая“, — / Сказал и, тягостно зевая, / Спросонья в Лету поскользнул!» [Батюшков 1989, т. 1, с. 374].

[26] Вообще шуточное описание стихотворства в этом письме имеет эротические коннотации, на что в другом месте намекает отсылка к строкам Г. Р. Державина из оды «На счастие»: «Прекрасный пол меня лишь бесит, / Амур без перьев — нетопырь, / Едва вспорхнет, и нос повесит» [Державин, с. 253]. Любопытно, что комплиментарную вариацию этого мотива можно видеть в раннем варианте «Моих пенатов»: «Пером из крыльев Леля / Здесь пишет Карамзин» [Батюшков

В заключение приведем еще один, казалось бы, мелкий штрих. В конце письма к Гнедичу, датируемого маем 1810 г., Батюшков вставляет несколько строк о путешествии по России К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева, молодых любителей археологии. В сущности, всё сообщение сводится к тому, что один из них «на место узорок, что на древних кружках, рисует купидонов: добрый знак!» [Батюшков 1989, т. 2, с. 136]. Согласно нехитрому толкованию поэта, окончится странствие тем, что исследователи древности обязательно влюбятся в каких-нибудь девушек и обзаведутся семьями. Здесь любопытно и то, что изображения купидонов привлекли особое внимание Батюшкова, и то, что он усматривает тайное значение, намек на помыслы художника, позволяющий даже предугадать ближайшие события его жизни. Кажется, подобное замечание многое говорит о человеке, его сделавшем.

Такая приверженность Амуру восходит к большой литературной традиции, которую Батюшков сознательно стремился продолжить. Это крылатое божество, сопутствующее поэту, предстает в его творчестве как топос и почти как герой, который воплощает собой и связь с возлюбленной поэта, и связь с лириками прошлого, устанавливая между любовью и поэзией нерасторжимое единство. Примечательно, что Батюшков не был особенно счастлив в любви[27] и, кажется, мало верил в ее прочность за пределами мира поэзии, о чем писал Гнедичу 19 сентября 1809 г.: «...эта горячка любви, эти восторги, упояющие душу, исчезают — где истинная любовь? — нет ее! Я верю одной вздыхательной, петраркизму, т. е. живущей в душе поэтов, и более никакой» [Батюшков 1989, т. 2, с. 103].

Литература

Батюшков 1874 — *Батюшков К. Н.* Письма к Н. И. Гнедичу, 1810 г. / Сообщ. с примеч. П. А. Ефремов // Русская старина. 1874. № 6. С. 383–398.

Батюшков 1885 — *Батюшков К. Н.* Соч. / Ред. Л. Н. Майков, В. И. Саитов. СПб.: Тип. (бывш.) Котомина у Обуховского моста, 1885. Т. 2. 584 с.

Батюшков 1977 — *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе / Ред. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. 607 с.

Батюшков 1989 — *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. / Ред. А. В. Кошелев, А. Л. Зорин. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 515 с.; Т. 2. 721 с.

Вацуро — *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 240 с.

Верховский — *Верховский Н. П.* Батюшков // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 5. С. 392–417.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere // А. Н. Веселовский. Избранные статьи. Л.: Гослитиздат, 1939. С. 153–242.

1977, с. 551]. Согласно кабинетной мифологии XVIII в., «Лель — славянский Амур, божество любви» [Лотман, с. 269].

[27] В этом свете особый смысл получает одно из прозвищ, которое Батюшкову как переводчику Парни дал Вяземский: «Певец чужих Элеонор» [Вяземский, с. 256].

Виноградов — *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.
Виролайнен — *Виролайнен М. Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 502 с.
Вяземский — *Вяземский П. А.* Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 384 с.
Гинзбург — *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М.: Интрада, 1997. 417 с.
Державин — *Державин Г. Р.* Соч. СПб.: Имп. Академия наук, 1865. Т. 2. 736 с.
Дмитриев — *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 512 с. (Б-ка поэта. Б. сер.).
Зорин — *Зорин А. Л.* Несчастный счастливец // Батюшков К. Н. Избр. соч. М.: Правда, 1986. С. 3–20.
Зубков — *Зубков Н. Н.* Батюшков и Вольтер // Вольтер и Россия. М.: Наследие, 1999. С. 52–57.
Ионин — *Ионин Г. Н.* Анакреонтика К. Н. Батюшкова и Г. Р. Державина // Венок поэту: Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова / Под ред. В. В. Гуры. Вологда: Вологод. обл. отд-ние Сов. фонда культуры, 1989. С. 15–27.
Катулл, Тибулл, Проперций — *Катулл В.*, *Тибулл А.*, *Проперций С.* [Соч.] / Пер. с лат. М.: ГИХЛ, 1963. 510 с. (Б-ка античной лит. Рим).
Кибальник — *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука, 1990. 267 с.
Лотман — *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пос. для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 419 с.
Монтень — *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. 2-е изд. М.: Наука, 1979. Кн. 1–2. 703 с.; Кн. 3. 535 с. (Лит. памятники).
Пильщиков 2003 — *Пильщиков И. А.* Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М.: Языки славянской культуры, 2003. 313 с.
Пильщиков 2004 — *Пильщиков И. А.* Символика Элизия в поэзии Батюшкова // Антропология культуры. М.: Вердана, 2004. Вып. 2. С. 86–123.
Плетнев — *Плетнев П. А.* Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах: ⟨Отрывок⟩ // Пушкин в прижизненной критике, 1820—1827. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 1996. С. 244–247.
Проперций — *Секст Проперций.* Элегии. М.: Греко-латинский кабинет, 2004. 272 с.
Пушкин — *Пушкин А. С.* ⟨Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова⟩ // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 257—284.
Семенко — *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 272 с.
Топоров — *Топоров В. Н.* «Источник» Батюшкова в связи с «Le torrent» Парни» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. [Вып.] 4. С. 306–334. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; Вып. 236).
Французская элегия — Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуро; вступ. статьи и коммент. В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной. М.: Радуга, 1989. 586 с.
Эткинд — *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 704 с.
Tibullus — Albii Tibulli aliorumque carmina. Stutgart: Teubner Verlag, 1998. XXXVI, 117 p. (Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana; T. 115).

References

Batyushkov, K. N. (1977*). Opyty v stikhakh i proze* [*Experiments in Poetry and Prose*]. Moscow: Nauka Publ., 608 p. (In Russ.)
Batyushkov, K. N. (1989). *Sochineniya* [*Works*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1, 511 p.; Vol. 2, 719 p. (In Russ.)

Etkind, E. G. (1973). *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [*Russian Poets-Translators from Trediakovsky to Pushkin*]. Leningrad: Nauka Publ., 248 p. (In Russ.)

Ginzburg, L. Y. (1997). *O lirike* [*About the Lyrics*]. Moscow: Intrada Publ., 415 p. (In Russ.)

Ionin, G. N. (1989). 'Anakreontika K. N. Batyushkova i G. R. Derzhavina' ['Anacreontika by K. N. Batyushkov and G. R. Derzhavin'], in: V. V. Goura, ed., *Venok poetu: Zhizn' i tvorchestvo K. N. Batyushkova* [*Wreath to the Poet: Life and Work of K. N. Batyushkov*]. Vologda: Vologodskoe oblastnoe otdelenie Sovetskogo fonda kul'tury Publ., 15–27. (In Russ.)

Kibal'nik, S. A. (1990). *Russkaya antologicheskaya poeziya pervoi treti XIX veka* [*Russian Anthological Poetry of the First Third of the 19th Century*]. Leningrad: Nauka Publ., 267 p. (In Russ.)

Lotman, Yu. M. (1983). *Roman A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»: Kommentarii: Posobie dlya uchitelya* [*A. S. Pushkin's Novel 'Eugene Onegin': Comments. Teacher's Manual*]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 416 p. (In Russ.)

Montaigne, M. de (1979). *Opyty* [*Experiments*]: In 3 vol. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ. Vol. 1–2, 703 p.; Vol. 3, 535 p. (In Russ.)

Pil'shchikov, I. A. (2003). *Batyushkov i literatura Italii: Filologicheskie razyskaniya* [*Batyushkov and the Literature of Italy: Philological Research*]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 313 p. (In Russ.)

Pil'shchikov, I. A. (2004). 'Simvolika Eliziya v poezii Batyushkova' ['The Symbolism of Elysium in Batyushkov's Poetry'], *Antropologiya kul'tury*, 2, 86–123. (In Russ.)

Pletnev, P. A. (1996). 'Pis'mo k grafine S. I. S. o russkikh poetakh' ['Letter to Countess S. I. S. About Russian Poets'], in: E. O. Larionova, ed., *Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1820—1827* [*Pushkin in the Critics of His Time: 1820–1827*]. St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatral'nyi tsentr Publ., 244–247. (In Russ.)

Propertsii (2004). *Elegii* [*Elegies*]. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 272 p. (In Russ.)

Semenko, I. M. (1970). *Poety pushkinskoi pory* [*Poets of Pushkin's Time*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 292 p. (In Russ.)

Tibullus, A. (1998). *Albii Tibulli Aliorumque Carmina*. Stutgart: Teubner Verlag, XXXVI, 117 p. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana; T. 115). (In Latin)

Vatsuro, V. E. (1994). *Lirika pushkinskoi pory: Elegicheskaya shkola* [*Lyrics of the Pushkin's Time: Elegic School*]. St. Petersburg: Nauka Publ., 240 p. (In Russ.)

Vatsuro, V. E., Mil'china, V. A., eds. (1989). *Frantsuzskaya elegiya XVIII–XIX vekov v perevodakh poetov pushkinskoi pory* [*French Elegy of the 17th–20th Centuries in Translations by Poets of the Pushkin's Time*]. Moscow: Raduga Publ., 686 p. (In Russ.)

Virolainen, M. N. (2003). *Rech' i molchanie: Syuzhety i mify russkoi slovesnosti* [*Speech and Silence: Themes and Myths of Russian Literature*]. St. Petersburg: Amphora Publ., 502 p. (In Russ.)

Vyazemskii, P. A. (1982). *Sochineniya* [*Works*]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 2, 384 p. (In Russ.)

Zorin, A. L. (1986). 'Neschastnyi schastlivets' ['The Unhappy Lucky One'], in: Batyushkov, K. N. *Izbrannye sochineniya* [*Selected Works*]. Moscow: Pravda Publ., 3–20. (In Russ.)

Zubkov, N. N. (1999). 'Batyushkov i Vol'ter' ['Batyushkov and Voltaire'], in: A. D. Mikhailov, A. F. Stroev, eds., *Vol'ter i Rossiya* [*Voltaire and Russia*]. Moscow: Nasledie Publ., 52–57. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 237–252
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-237-252
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 237–252
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. Д. Бабушкин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Artem D. Babushkin

Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences

ЧЕМУ ВТОРИТ «ЭХО»? О КНИГАХ СТИХОВ М. КУЗМИНА НАЧАЛА 1920-Х ГГ.

M. KUZMIN'S *ECHO* IN THE CONTEXT OF HIS 1920'S BOOKS OF POEMS

Резюме. В статье рассматривается история появления и поэтика книги стихов М. А. Кузмина «Эхо», вышедшей в 1921 г. в Петрограде. Получив преимущественно негативные отзывы критиков, книга редко становилась предметом внимания исследователей — считалось, что ее состав случаен, а выход книги был вызван лишь коммерческими соображениями Кузмина. В статье рассматривается контекст публикации книги — проекты отдельных изданий, в которые вовлекался Кузмин на рубеже 1910–1920-х годов, а также история взаимодействия Кузмина с издательством «Картонный домик», выпустившим «Эхо». Кроме того, состав сборника анализируется в контексте текстов Кузмина 1910-х гг., не входивших в авторские книги стихов. В статье показано, что состав и композиция «Эха» не случайны: Кузмин специально выстраивал книгу так, чтобы представить читателям те изменения, которые произошли в его поэтике в конце 1910-х гг.; это роднит «Эхо» с другими сборниками Кузмина пореволюционных лет — «Вожатым» (1918) и «Нездешними вечерами» (1921).

Ключевые слова: «Эхо», Михаил Кузмин, русская поэзия, модернизм, книга стихов, композиция, «Картонный домик», «Мир искусства», стилизация

Информация об авторе: Артем Дмитриевич Бабушкин, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, a.d.babouchkine@gmail.com.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6256-6198.

Для цитирования: *Бабушкин А. Д.* Чему вторит «Эхо»? О книгах стихов М. Кузмина начала 1920-х гг. // Словесность и история. 2025. № 3. С. 237–252.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-237-252

Abstract. The article examines the history and poetics of M. A. Kuzmin's book of poems, *Echo*, which was published in 1921 in Petrograd. After receiving predominantly negative reviews from critics, the book rarely attracted scholarly attention. Its composition was thought to be random, and the book's release was attributed to Kuzmin's commercial considerations. The article focuses on the context of the book's publication. The author explores the publishing projects that Kuzmin was involved in at the turn of the 1910s to the 1920s, as well as the history of Kuzmin's interaction with the publishing house *Kartonnyi domik* ('Cardboard House'), which released *Echo*. In addition, the author analyzes the composition of the book in the context of Kuzmin's texts from the 1910s, which were not included in the author's books of poems. The article shows that the contents and the composition of *Echo* were not random: Kuzmin deliberately structured the book in such a way that it presented the changes that occurred in his poetics in the late 1910s to the reading

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

public. This creates an affinity between *Echo* and other collections of Kuzmin's post-revolutionary years — The *Guide* (1918) and *Unearthly Evenings* (1921).
Keywords: *Echo*, Mikhail Kuzmin, Russian poetry, modernism, book of poems, composition, *Kartonnyi domik*, *Mir iskusstva*, stylization
Information about the author: Artem D. Babushkin, Postgraduate student of the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, a.d.babouchkine@gmail.com. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6256-6198.
For citation: Babushkin, A. L. (2025). M. Kuzmin's *Echo* in the Context of His 1920's Books of Poems, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 237–252.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-237-252

Книга стихов «Эхо», вышедшая в сентябре 1921 г. в петроградском издательстве «Картонный домик», относится к числу наименее изученных поэтических сборников М. А. Кузмина. Современными ей критиками книга была принята холодно, и для последующих исследователей «Эхо» почти потерялось на фоне других книг стихов Кузмина того же периода — в первую очередь «Нездешних вечеров», опубликованных всего несколькими месяцами ранее. В. Ф. Марков в общем обзоре лирического наследия Кузмина назвал «Эхо» одной из его неудачных книг: по мнению исследователя, в «Эхо», «как в корзину», попали стихотворения, которые не вошли в состав «Нездешних вечеров» — сборника более качественного по составу и лучше выверенного с точки зрения композиции [Марков, с. 369–370]; эта характеристика была повторена Н. А. Богомоловым [Богомолов, с. 38], и впоследствии «Эхо», как «проходной» и изданный только из коммерческих соображений сборник, почти не привлекало внимания исследователей. Действительно, состав «Эха» кажется достаточно случайным и необычным для сборников Кузмина: «Эхо» состоит всего из четырех небольших разделов, один из которых полностью занимает крупная «Чужая поэма», а последний раздел — «Кукольная эстрада» — состоит из песенок, сочиненных Кузминым для его водевилей[1].

Тем не менее «Эхо», как представляется, заслуживает более серьезного рассмотрения в контексте развития поэтики Кузмина на рубеже 1910–1920-х гг. В творческой биографии Кузмина пореволюционные годы были связаны со значительными изменениями его поэтики: с одной стороны, Кузмин все более радикально экспериментирует со стихотворной формой, используя приемы, ассоциирующиеся с поэзией футуристов[2]; с другой стороны,

[1] Единственное исключение — первые два текста раздела, представляющие собой пролог и эпилог к постановке сказки Г. Х. Андерсена «Пастушка и трубочист»; об этой постановке см.: [Лебедев].

[2] В частности, В. Б. Шкловский в 1922 г. писал, что Кузмин «в стихах сильно полевел. Обращает сейчас внимание главным образом на звуковую сторону стиха и на организацию в нем новой динамики» [Шкловский, с. 147].

и семантика стихотворений Кузмина тяготеет ко все большей сложности и ассоциативности; стихотворения зачастую выстраиваются на смешении образов, заимствованных из разных культур[3]. При этом вместе с поэтикой Кузмина меняется и его подход к выстраиванию книг стихов. Каждый из дореволюционных сборников Кузмина — «Сети» (1908), «Осенние озера» (1912) и «Глиняные голубки» (1904) — последовательно представлял определенный и хронологически обособленный этап развития его лирики. Так, «Осенние озера» почти полностью состояли из текстов, написанных уже после выхода «Сетей», «Глиняные голубки» — из текстов, создававшихся после публикации «Осенних озер». После революции ситуация меняется: в 1918–1921 гг. Кузмин выпускает одну за другой три книги стихов: «Вожатый» (1918), «Нездешние вечера» и «Эхо» (1921), хронологически охватывающие почти один и тот же период — примерно с 1914 г. до момента выхода очередного сборника[4]. Иными словами, очевидное наступление нового этапа в поэтическом развитии Кузмина проявляется не в отдельном сборнике, а сразу в трех книгах, где новые и непривычные для читателей Кузмина тексты делят место с более старыми и более традиционными его стихотворениями. В этом отношении более подробное рассмотрение «Эха» может прояснить не только задачи самого сборника, но и его место в ряду других книг Кузмина этого периода.

Публикацию «Эха» Кузмин отметил в своем дневнике. Он записал 14 сентября 1921 г.: «Книжка моя вышла. Плохая» [Кузмин 2025, кн. 1, с. 324]. От этой оценки Кузмин, очевидно, не отказался и впоследствии: десять лет спустя, в октябре 1931 г., ретроспективно оценивая в дневнике все свои поэтические сборники, Кузмин поставил книге «два» по пятибалльной «гимназической» шкале. Такую же низкую оценку получила только книга «Глиняные голубки» (1914); при этом первая и последняя книги — «Сети» (1908) и «Форель разбивает лед» (1929) — получили «пять» [Кузмин 1994, с. 177]. Современные критики проявили к «Эху» не больше снисходительности, чем его автор; при этом основной мишенью критики стали два «авангардных» стихотворения — «Страстной пяток» и «Лейный Лемур». Для критиков, принадлежащих к противоположному литературному лагерю, «Эхо» было проявлением неумелых попыток Кузмина заимствовать приемы футуристов. Так, лидер

[3] Об этом писали и современные поэту критики [Оксенов], и исследователи [Марков, с. 385].

[4] Так, стихотворения из «Вожатого» создавались с 1913 по 1917 г., стихотворения из «Нездешних вечеров» — с 1914 по 1920-й, из «Эха» — с 1915 по 1919-й. В этом списке мы намеренно не упоминаем книги «Двум» (1918) и «Занавешенные картинки» (1920): эти издания, включающие соответственно два и семь стихотворений, представляют собой скорее отдельно опубликованные лирические циклы, нежели книги стихов в привычном понимании.

футуристической группы «Центрифуга» С. П. Бобров в своей крайне резкой рецензии на «Эхо» писал про «футуро-символячий легковеснейший стиль, определяющийся тем, главным образом, что его любители и от футуристов, и от символистов берут самое дешевенькое и расхожее» [Бобров, с. 273][5]. Для критиков, которые были настроены более сочувственно по отношению к Кузмину, эти же футуристические приемы казались неуместными по другой причине: за ними чувствовался отказ от сформировавшегося «голоса» поэта. В частности, А. Э. Свентицкий писал о своем разочаровании в Кузмине, которого он считал одним из главных поэтов своего времени: по мнению Свентицкого, в «Эхе» «нет прежнего Кузмина, а есть кто-то другой, то пишущий под Маяковского, то сбивающийся на частушку, а то и пишущий что-то совсем уже непонятное...» [Свентицкий].

Впрочем, для самого Кузмина отрицательные оценки «Эха» критиками не были неожиданностью — уже 3 октября 1921 г. Кузмин записал в дневнике: «„Эхо“ собираются ругать за хлебниковщину. Вообще, положение мое далеко не упрочено, мой „футуризм“ многим будет не по зубам» [Кузмин 2025, кн. 1, с. 328]. Такое предвидение негативной реакции критики (хотя и не предполагающее правоты этой реакции) и отрицательная оценка собственной книги сразу после ее появления позволяют задать несколько вопросов. Действительно ли Кузмин мог из материальных соображений выпустить заведомо плохую книгу, тем самым действуя в ущерб своей репутации? И если «Эхо» действительно было случайным собранием не вошедших в другие сборники стихотворений, стоило ли включать в него два авангардных стихотворения, особенно явно диссонирующих с прежней поэтикой Кузмина? Для поиска ответов на эти вопросы уместно будет обратиться не только к тексту «Эха», но и к контексту появления этой книги.

Конец 1910-х и начало 1920-х гг. действительно были для Кузмина временем серьезных материальных трудностей — в его дневнике этого периода регулярно встречаются жалобы на неустроенность быта и отсутствие самых необходимых вещей. Для того чтобы поправить свое положение, Кузмин не только занимался литературной работой, получая гонорары за публикацию стихов, прозы, рецензий и переводов в периодических изданиях, но и активно вовлекался в проекты отдельных изданий и переизданий его произведений. Весной 1918 г. Кузмин заключил ряд договоров с руководителем издательства

[5] О реакции Кузмина на эту рецензию позволяет судить его дневниковая запись от 16 марта 1922 г.: «Сегодня читал статью Боброва. Последние слова. Другой бы застрелился на моем месте. А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, всё это правда? Я — бездарный и невежественный халтурщик, и всё — не более как гипноз?» [Кузмин 2025, кн. 2, с. 24].

«Прометей» Н. Н. Михайловым, который приобретал исключительное право на публикацию 170 стихотворений из выходивших до революции книг Кузмина, а также не входивших в сборники текстов, которые составили книгу стихов «Вожатый», выпущенную «Прометеем» в том же году[6]. Год спустя, в апреле 1919 г., Кузмин заключил договор с З. И. Гржебиным, которому передавалось право издания собрания сочинений Кузмина, в которое должна была войти значительная часть его прозаического и драматургического наследия[7]. Несмотря на то что условия этих договоров не были выполнены в полном объеме[8], Кузмин осознавал, что его возможности издавать свои более ранние тексты серьезно ограничены[9].

Лишившись таким образом возможности переиздания большей части своих опубликованных произведений, Кузмин был вынужден издавать либо произведения, не упомянутые в договорах, либо создавать новые, публикуя их в небольших издательствах, с руководителями которых Кузмин находился в достаточно близких отношениях. Одним из наиболее ранних подобных начинаний стала публикация весной 1919 г.[10] повести «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» в издательстве «Странствующий энтузиаст», возглавляемом Т. М. Персиц — близкой подругой Кузмина и адресатом ряда его стихотворений[11]; книга была оформлена М. В. Добужинским. В этом же издательстве в 1919–1920 гг. планировался выход еще трех произведений Кузмина: его пьесы «Рождество. Вертеп кукольный» (1912)[12], поэмы «Николино житие», посвященной Николаю Чудотворцу и написанной Кузминым

---

[6] ЦГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 170. Л. 9–16 об.

[7] Там же. Л. 18–20 об.

[8] Как видно из дневниковых записей Кузмина, он получал плату за уступленные им права на публикацию произведений и от Михайлова [Кузмин 2025, кн. 1, с. 105], и от Гржебина [Кузмин 2025, кн. 1, с. 133], — хотя это, по всей видимости, была только часть оговоренной суммы. Михайлов при этом опубликовал только новый сборник «Вожатый» и переиздал «Александрийские песни», воспользовавшись, таким образом, лишь частью купленных им произведений; в издательстве Гржебина книги Кузмина не выходили.

[9] Так, в марте 1921 г., получив от издательства «Петрополис» предложение издать его собрание сочинений, Кузмин записал в дневнике: «…как это устроить, я не знаю: и у Михайлова, и у Гржебина это накрепко. Собирать свои disjecta membra ⟨разъятые члены⟩ — дело нелегкое» [Кузмин 2025, кн. 1, с. 277].

[10] О выходе книги Кузмин писал в дневнике, в записи от 22 марта 1919 г. [Кузмин 2025, кн. 1, с. 140].

[11] Персиц Кузмин посвятил раздел «Стихи об Италии» из книги «Нездешние вечера»; кроме того, она упоминается в стихотворении «Поручение» из книги «Параболы» (1922) [Кузмин 1996, с. 444, 497].

[12] Сведения об истории подготовки этого издания и рисунки Н. Н. Купреянова собраны и опубликованы: [Дмитриев, с. 357–360].

специально для этого издания[13], и переводов из П. де Ронсара[14]; все эти издания должны были быть иллюстрированы литографиями Н. Н. Купреянова, однако ни одна из трех книг в печати не появилась[15].

Более стабильным и плодотворным было сотрудничество Кузмина с издательством «Петрополис». До начала издательской деятельности «Петрополис» был книжным кооперативом, одним из участников которого был Кузмин[16]; с конца 1910-х гг. Я. Н. Блох и А. С. Каган, руководители издательства, входили в близкий круг поэта. «Петрополисом» были изданы две наиболее значимые книги стихов Кузмина начала 1920-х гг. — «Нездешние вечера» (1921; оформление М. В. Добужинского) и «Параболы» (1922), вышедшие уже в Берлине, куда незадолго до этого переместилось издательство. Кроме того, там же были опубликованы небольшой сборник эротических стихотворений «Занавешенные картинки», пьеса «Вторник Мэри» и небольшой сборник переводов из Анри де Ренье «Семь любовных портретов» (все эти издания вышли в 1921 г., с оформлением В. А. Милашевского, М. В. Добужинского и Д. И. Митрохина соответственно). С «Петрополисом» были также связаны два неосуществленных проекта Кузмина: один из них также представлял собой переводы (сборник «Венецианские народные песни XVIII века»)[17], другой предполагал публикацию дневника Кузмина [Тимофеев, с. 190].

Можно отметить, что осуществленным и неосуществленным проектам отдельных изданий Кузмина рубежа 1910–1920-х гг. были свойственны схожие черты. И издателями, и художниками, участвовавшими в оформлении книг, были люди, входившие в близкое окружение Кузмина: некоторые из них, как Блох или Милашевский, были относительно недавними его знакомыми, но общение с ними, судя по дневнику Кузмина, было регулярным; с Добужинским Кузмин познакомился еще в 1906 г., в начале своей литературной карьеры, а Купреянов приходился Кузмину троюродным племянником [Купреянов, с. 84]. Нужно отметить и многоплановость участия Кузмина в этих проектах: для одних он предоставляет уже написанные, но не публиковавшиеся отдельно

[13] Поэма Кузмина, законченная в феврале 1920 г., опубликована: [Кузмин 2006, с. 77–92]. О подготовке литографий для издания Купреянов сообщал в письмах Н. А. Ушаковой: [Купреянов, с. 125–127].

[14] О планах издания стихотворений Ронсара в переводе Кузмина в июле 1919 г. сообщал Купреянов [Купреянов, с. 121]; из переводов Ронсара, выполненных Кузминым в это время, известен один: [Дмитриев, с. 70–73].

[15] Помимо повести Кузмина, «Странствующий энтузиаст» издал лишь одну книгу — сборник Ф. Сологуба «Фимиамы» (1921): [Летопись, с. 45].

[16] Более подробно о «Петрополисе» и участии в нем Кузмина см.: [Тимофеев].

[17] Имеющиеся сведения об этом проекте и четыре сохранившихся перевода Кузмина см.: [Дмитриев, с. 345–340].

произведения («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»[18], «Рождество. Вертеп кукольный», изданные в «Петрополисе» книги стихов), для других Кузмин специально сочиняет тексты («Николино житие») или переводит (стихи Ренье и Ронсара); кроме того, стремление продать права на публикацию дневника показывают готовность Кузмина к изданию текста, изначально вовсе не предназначенного для такого широкого обнародования[19].

Появление «Эха» в сентябре 1921 г. органично вписывается в контекст начинаний Кузмина этого времени. Издательством «Картонный домик», в котором вышла книга, руководил И. И. Бернштейн[20]. Как вспоминает дочь издателя С. И. Богатырева, Бернштейн был единственным сотрудником «Картонного домика» [Богатырева, с. 82]. Бернштейн, постоянно общавшийся с Кузминым по крайней мере с 1920 г., был инициатором юбилейного вечера в честь 15-летия литературной деятельности поэта [Богатырева, с. 57][21] — этот вечер состоялся 29 сентября 1920 г. в Доме искусств[22]. Уже в ноябре того же года Бернштейн предложил Кузмину издать сборник; вышедшее почти год спустя «Эхо» стало второй книгой, выпущенной издательством[23]. Обложка «Эха» и книжный знак «Картонного домика» были созданы А. Я. Головиным, давним знакомым Кузмина и почитателем его поэзии[24].

У Кузмина Бернштейн позаимствовал и название своего издательства, отсылающее к одноименной повести Кузмина и к одноименному стихотворению из цикла «Прерванная повесть» (и повесть, и цикл были опубликованы в 1907 г.). Название соответствовало той миссии, с которой Бернштейн связывал создание издательства: «Картонный домик» призван был сохранять «хрупкое здание» культуры в тяжелый исторический период [Богатырева, с. 63–64]. Это стремление Бернштейна проявляется в разных книгах, выпущенных издательством, — например, в издании книги стихов Вс. Рождественского, лирика которого выступает наследницей поэтики акмеистов, и в публикации

---

[18] До издания «Странствующим энтузиастом» повесть публиковалась во втором выпуске альманаха «Стрелец» (1916).

[19] Об особенностях прагматики дневника Кузмина, с середины 1900-х гг. балансировавшего между интимностью и публичностью, см.: [Пахомова 2025b, с. 10–15].

[20] Бернштейн писал под псевдонимом Александр Ивич; Кузмин в дневниках называл его «Саня».

[21] См. также записи в дневнике Кузмина, свидетельствующие о подготовке вечера Бернштейном: [Кузмин 2025, кн. 1, с. 224, 227].

[22] Подробнее о вечере см.: [Богомолов, Малмстад, с. 375–376].

[23] Первой книгой был сборник Вс. А. Рождественского «Лето. Деревенские ямбы», вышедший в июне 1921 г. [Летопись, с. 110].

[24] О Кузмине и его поэзии Головин подробно писал в своих воспоминаниях: [Головин, с. 100–106].

сборника памяти А. А. Блока [Об Александре Блоке]. Этой же логике было подчинено и стремление издать сборник Кузмина: если юбилейный вечер в сентябре 1920 г. должен был оказать поэту моральную поддержку, то издание «Эха» должно было, по мысли Бернштейна, поддержать его уже материально [Богатырева, с. 71–72].

Как вспоминает Богатырева, сам Бернштейн невысоко оценивал «Эхо», считая, что в книгу «вошло просто все, что к тому времени у Михаила Алексеевича не было опубликовано» [Богатырева, с. 71–72]; и это, и осмысление сборника как способа материально помочь Кузмину должны, как кажется, подтверждать мнение об «Эхе» как о случайной и «халтурной» книге — тем более что контекст проектов 1919–1921 гг. показывает явную готовность Кузмина к разнообразным способам литературного заработка. Кроме того, у Кузмина действительно сложилась репутация поэта, включавшего в свои книги все написанные им стихотворения и не делающего разницы между значимыми и проходными текстами. В этом отношении показателен эпизод из «Петербургских зим» Г. В. Иванова, в котором Кузмин на вопрос Иванова, включать ли некоторые стихи в сборник, удивленно отвечает: «Почему же не включать? Зачем же тогда писали? Если сочинили — так и включайте» [Иванов, с. 130]. Обращение к лирическому наследию Кузмина также показывает, что общее число стихотворений, не включавшихся в его прижизненные сборники, относительно невелико.

Тем не менее предположение, что в «Эхо» вошли все неопубликованные произведения Кузмина, можно легко проверить, рассмотрев тексты[25], которые были в распоряжении Кузмина к концу марта 1921 г., когда он передал Бернштейну стихотворения для «Эха»[26]. Если принять за нижнюю хронологическую границу 1915 г., которым датированы самые ранние стихотворения «Эха», то за период с 1915 по март 1921 г. Кузминым было создано не меньше 29 текстов, которые впоследствии остались за пределами книг стихов; если принять в расчет и стихотворения 1914 г. (множество стихотворений этого года Кузмин включил в «Нездешние вечера»), то общее число неопубликованных текстов достигнет 41 (не считая 20 текстов, вошедших в состав «Эха»). Впрочем, значительная часть этих стихотворений, очевидно, не могла быть опубликована в 1921 г. — например, по цензурным соображениям, как «патриотические»

[25] Мы рассматриваем два источника текстов, не вошедших в состав основных книг стихов: соответствующие разделы сборника «Новой библиотеки поэта» [Кузмин 1996, с. 593–678] и книги «Стихотворения. Из переписки» [Кузмин 2006, с. 13–134]; оба издания вышли под редакцией Н. А. Богомолова.

[26] Поступление наборной рукописи в издательство датировано 30 марта [Кузмин 1996, с. 738].

стихотворения, написанные в первые годы Первой мировой войны, или антибольшевистский цикл «Плен», созданный Кузминым в 1919 г.[27] Тем не менее даже если вычесть тексты, которые не могли бы пройти цензуру, а также «альбомные» стихотворения, доступа к которым у Кузмина могло не быть, то все же останется около десяти стихотворений, которые могли бы войти в состав «Эха»[28].

Кроме того, в распоряжении Кузмина оставалось некоторое количество более ранних неопубликованных текстов: например, пять стихотворений из «Александрийских песен», не вошедших в окончательный состав цикла [Кузмин 1996, с. 615–617], или близкий к «Александрийским песням» по тематике и стилю цикл «Харикл из Милета» [Кузмин 1996, с. 602–606]. Как нам представляется, если бы «Эхо» действительно было исключительно коммерческим проектом, то публикация этих произведений была бы для Кузмина беспроигрышным ходом — слава Кузмина как поэта в сознании многих читателей была связана именно с его поэзией 1900-х гг., в первую очередь — с «Александрийскими песнями». То, что Кузмин при подготовке «Эха» поступил иначе, говорит о том, что, во-первых, сборник должны были составить именно стихотворения последних лет и, во-вторых, выбор конкретных стихотворений был подчинен некоторой логике. Как нам представляется, анализ текста «Эха» также позволяет говорить об определенной концепции книги.

Как уже упоминалось выше, преобладающим впечатлением критиков, писавших об «Эхе», было удивление от несоответствия новых стихотворений привычному стилю Кузмина. Тем не менее многие особенности нового сборника должны были напоминать читателю о поэтике прежних книг стихов Кузмина. Одна из наиболее осязаемых черт — использование твердых строфических форм, с которыми ассоциировалась поэзия Кузмина начала 1910-х гг. Особенно разнообразной в этом отношении была книга «Осенние озера», где Кузмин использовал множество строфических форм, преимущественно итальянского происхождения, — канцоны, канцонетты, сицилианы, секстины; версификаторскую утонченность сборника отмечали и критики, и исследователи[29].

---

[27] Подробнее об этих текстах и возможности их издания см.: [Пахомова 2025а, с. 298–301].

[28] Например, написанные с 1915 по 1921 г. стихотворения «Ангелы удивленные...», «Пускай нас связывал издавна...», «Шумит ли дуб зеленый над могилой?..», «О високосные года...», «Двенадцатая петля круга», «Какая прелесть в Пасхе ранней...», «Славный городок Марсель...», «Рождество», «О прошлом бормотанье...».

[29] Строфическим формам «Осенних озер» и их связям с семантикой стихотворений посвящена работа: [Акимова].

В своей поздней лирике Кузмин отошел от многообразия строфических форм, однако в «Эхе» встречаются его отголоски: в частности, в сборник включена «Чужая поэма», написанная редкой для русской лирики спенсеровой строфой. Ранее Кузмин обращался к этой форме в «Осенних озерах»: помещенная в эту книгу поэма «Всадник» представляет собой аллегорическую поэму о любви, стилизованную под аналогичные произведения эпохи Возрождения[30]. Тема любви становится центральной и в «Чужой поэме», посвященной С. Ю. Судейкину и его жене В. А. Шиллинг и описывающей от лица Судейкина историю их романа[31]. При этом повествование здесь ведется не с помощью достаточно прозрачной аллегории, а посредством аллюзий к разным произведениям — операм Моцарта «Дон Жуан» и «Свадьба Фигаро», причем действие разворачивается среди соборов Московского Кремля. Если раньше Кузмин стремился к цельной стилизации, в которой содержанию соответствовала историческая стихотворная форма, то теперь главным принципом становится соположение несовместимых или неочевидным образом совмещающихся пластов культуры; при этом стихотворная форма лишается очевидной связи с семантикой, образуя, в сущности, еще один пласт аллюзий[32]. Такое смешение планов и восприятие того или иного сюжета сквозь призму разных произведений искусства стало характерной чертой поэтики позднего Кузмина, проявляясь не только в лирике (особенно в сборниках «Параболы» и «Форель разбивает лед»[33]), но и, например, в пьесе «Смерть Нерона».

С точки зрения тематики разделы «Эха» также обнаруживают связь с более ранними сборниками Кузмина. Так, уже в «Предчувствиях», первом разделе книги, звучит узнаваемый сюжет ожидаемого обновления и оживления, которое на уровне мотивов связывается с приходом весны. Разделами, посвященными этому духовному обновлению, нередко открывались как дореволюционные книги Кузмина (например, «Осенний май», первый раздел «Осенних озер»), так и выходившие после революции (раздел «Плод зреет»

[30] Как отмечал М. Л. Гаспаров, основным предметом стилизации во «Всаднике» становится поэма Э. Спенсера «Королева фей», благодаря которой спенсерова строфа и получила свое имя [Гаспаров, с. 176].

[31] Изложение этой истории, основанное на воспоминаниях В. А. Судейкиной, см.: [Богомолов, Малмстад, с. 329–334].

[32] Как известно, спенсерову строфу использовал Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда»; возможно, в «Чужой поэме» стихотворная форма должна была вызывать байронические ассоциации (например, с быстрыми перемещениями героя между разными странами).

[33] Об этой особенности поздней лирики Кузмина писали Г. Г. Шмаков и В. Ф. Марков: [Шмаков, с. 350; Марков, с. 385].

в «Вожатом»)[34]. При этом с узнаваемой кузминской тематикой раздела диссонируют отдельные стихотворения: например, стихотворение «Несовершенство мира — милость Божья...», где Кузмин отходит от лиризма, с которым ассоциировалась его более ранняя лирика, в сторону «поэзии мысли», где философские размышления могут быть свободны от какого-либо эмоционального импульса. Такие стихотворения становятся все более частыми в пореволюционных сборниках Кузмина: например, в разделе «Лодка в небе» в «Нездешних вечерах».

Однако еще более резкий контраст между узнаваемыми и непривычными для Кузмина стихотворениями возникает в разделе «Лики»: именно в него были включены стихотворения «Страстной пяток» и «Лейный Лемур», давшие критикам повод для упреков в неуместном подражании Кузмина поэзии футуристов. При этом начало раздела, как и его общая тематика, связанная с религией и православным бытом, тоже явным образом отсылает к более ранним сборникам Кузмина. Первое стихотворение раздела, «Два старца», представляет собой назидательное повествование, стилизованное под духовные стихи, — в «Осенних озерах» целый раздел был занят такими текстами, создававшимися Кузминым еще в начале 1900-х гг. («Духовные стихи»); написанные в 1915 г. «Два старца» соответствуют этим ранним текстам и содержательно, и метрически. Следующие стихотворения «Ликов» также должны были вызывать у читателя ассоциации с более ранними книгами Кузмина — стихотворения «Елка» и «Пасха» с лирическим описанием русского быта напоминают о разделе «Русский рай» сборника «Вожатый»; «Успенье», описывающее сюжет Успения Богородицы, тематически повторяет одноименное стихотворение из раздела «Праздники Пресвятой Богородицы» («Осенние озера»)[35]. В таком узнаваемом кузминском контексте стихотворение «Страстной пяток» должно было казаться, с одной стороны, ожидаемым (за счет сюжета — стихотворение описывает Богородицу во время распятия Христа), с другой — неожиданным за счет авангардного языка. Такое непривычное совмещение религиозного сюжета и «футуристических» средств его выражения встречается во многих стихотворениях Кузмина 1917–1918 гг.[36] При этом можно отметить, что словотворчество у Кузмина было близко не только опытам футуристов, но и более знакомым для него приемам стилизации:

[34] О сюжете весеннего обновления в лирике Кузмина см.: [Пахомова 2020, с. 214–215].

[35] На этот повтор обратил внимание уже С. Бобров в своей рецензии на «Эхо»: [Бобров, с. 273].

[36] Наиболее яркие примеры — кантата «Святой Георгий» и цикл «София» из книги «Нездешние вечера».

и в «Страстном пятке» некоторые неологизмы оказываются либо заимствованиями из церковнославянского (например, «Распента зря» в значении «видя Распятого» в первой строке стихотворения), либо имитацией написания слов под титлом («...над Девьей млстивной главой») [Кузмин 1996, с. 393–394]. Словотворчество здесь оказывается направлено не только на затруднение формы высказывания, но и на поиск более адекватного содержанию языка[37].

Завершающий книгу раздел «Кукольная эстрада» также наполнен реминисценциями более ранних произведений Кузмина. Особенно явно это в заключительном подразделе «Китайские песеньки», который составили стихотворения из пьес «Китайская» и «Счастливый день, или Два брата» (обе были написаны в 1918 г.). «Китайские песеньки» и на уровне стихотворной формы (стихотворения написаны верлибром), и на уровне отдельных мотивов отсылают к наиболее известным произведениям Кузмина — стихотворениям из цикла «Александрийские песни». Так, опознаваемый претекст имеет «китайское» стихотворение «Совершеннолетие»[38]:

Сегодня счастливый день,
Белый жасмин снегом
Опадает на желтый песок...
⟨...⟩
(«Китайские песеньки»)
[Кузмин 1996, с. 406]

Сегодня праздник:
Все кусты в цвету,
поспела смородина,
и лотос плавает в пруду как улей!
⟨...⟩
(«Александрийские песни»)
[Кузмин 1996, с. 116]

Сходство с «Александрийскими песнями» усиливается и за счет расположения «Китайских песенек» в конце сборника — так же и «Александрийские песни» ранее формировали заключительную, четвертую часть книги стихов «Сети» (1908). При этом и другие стихотворения «Кукольной эстрады» должны напоминать читателю об уже знакомом образе Кузмина — например, «Эпилог» к сказке Андерсена «Пастушка и трубочист», сообщающий детской сказке фривольные коннотации, типичные для лирики Кузмина[39]. Стоит отметить, что название «Кукольная эстрада» задает подчеркнуто ироничный взгляд на стихотворения раздела: эмоции, описываемые этими стихотворе-

[37] Об этой особенности «футуризма» Кузмина на примере стихотворения «Псковской август» писала А. С. Пахомова: [Пахомова 2020, с. 212–213].

[38] Интересно, что А. А. Блок, не доживший до публикации «Эха», отметил сходство этого стихотворения с лирикой Кузмина времени «Александрийских песен» в рецензии на пьесу «Счастливый день, или Два брата» [Блок, с. 315].

[39] Так, после приключения, которое происходит с ожившими куклами, у фигурки Пастушки оказывается «помят фарфоровый корсаж» [Кузмин 1996, с. 401].

ниями, «передаются» куклам, что заставляет воспринимать их как условные или искусственные.

Тема «кукольности», как показывает А. С. Пахомова, была важна для произведений Кузмина конца 1910-х гг., проявляясь не только в разделе «Кукольная эстрада», но и в пьесе «Вторник Мэри», снабженной авторским определением «Представление в трех частях для кукол живых или деревянных», и в стихотворении «Адам» из книги «Нездешние вечера» [Пахомова 2019, с. 298–304]. Ирония Кузмина при этом предполагает не комическое, а трагическое осмысление реальности: люди уподобляются куклам, обреченным на вечное повторение заранее заданных переживаний и поступков. Интересно, что для Кузмина это мироощущение было связано с творческими практиками художников «Мира искусства»: так, в статье о К. А. Сомове, впоследствии вошедшей в книгу статей «Условности» (1923), Кузмин писал, что ретроспективизм художника «только подчеркивает повторяемость чувств и событий, словно бесцельную игру истории. ⟨...⟩ главное заключается в маскарадном колесе человеческих жизней, которые повторяются, как карусельные коньки» [Кузмин 1923, с. 183].

В «Эхе» читатель встречал множество аллюзий к эпохе 1900-х гг., времени «Мира искусства» и раннего творчества Кузмина: от оформления обложки, выполненного Головиным, и названия издательства, отсылающего к одноименной повести Кузмина[40], до вошедших в состав сборника стихотворений, обыгрывающих некогда прославившие Кузмина стилизации. Состав «Эха», как представляется, действительно был во многом обусловлен «внешними» причинами — этот сборник составлялся уже после «Вожатого» и «Нездешних вечеров», и круг текстов, которыми мог распоряжаться Кузмин в это время, был ограничен. Тем не менее коммерческие мотивы, побудившие Кузмина издать «Эхо», не отменяют определенной концепции сборника. Как и другие книги стихов пореволюционных лет, «Эхо» должно было представить читателям не только изменившуюся поэтику Кузмина, но и связь этих изменений с поэтикой его прежних книг. В «Эхе» это соположение новых и старых текстов предполагало, с одной стороны, узнавание и реактуализацию старых текстов Кузмина, сформировавших его репутацию, с другой стороны — остранение этих текстов, зачастую ироническое, обозначавшее смену ориентиров поэта. В этом отношении не случайным кажется название книги: «Эхо» представляло собой не буквальное, но искаженное повторение, отголосок прежней лирики Кузмина.

[40] Можно отметить, что, как известно, С. Ю. Судейкин, один из адресатов «Чужой поэмы», был изображен Кузминым в повести «Картонный домик».

Литература

Акимова — *Акимова М. В.* Сборник Кузмина «Осенние озера»: строфа и тема // Poetry and Poetics: A Centennial Tribute to Kiril Taranovsky / Ed. B. P. Scherr, J. Bailey et al. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. P. 173–202.

Блок — *Блок А. А.* М. Кузмин. Два брата, или Счастливый день. Китайская драма в 3 действиях с прологом. 1918: [Рец.] // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. Т. 6. С. 314–315.

Бобров — *Бобров С. П.* М. Кузмин. Эхо. Стихи. К-во «Картонный Домик» СПб., 1921: [Рец.]. // Печать и революция. 1921. № 3. С. 272–274.

Богатырева — *Богатырева С. И.* Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ, 2019. 510 с.

Богомолов — *Богомолов Н. А.* «Любовь — всегдашняя моя вера...» // Кузмин М. А. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 1996. С. 5–52.

Богомолов, Малмстад — *Богомолов Н. А., Малмстад Дж.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 2007. 560 с.

Гаспаров — *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.

Головин — *Головин А. Я.* Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.; М.: Искусство, 1960. 390 с.

Дмитриев — *Дмитриев П. В.* Михаил Кузмин: разыскания и комментарии. СПб.: Реноме, 2016. 552 с.

Иванов — *Иванов Г. В.* Петербургские зимы. Париж: Родник, 1928. 189 с.

Кузмин 1923 — *Кузмин М. А.* Условности: Статьи об искусстве. Пг.: Полярная звезда, 1923. 190 с.

Кузмин 1994 — *Кузмин М. А.* Дневник 1931 года / Вступ. ст., публ. и примеч. С. В. Шумихина // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 163–204.

Кузмин 1996 — *Кузмин М. А.* Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 1996. 832 с.

Кузмин 2006 — *Кузмин М. А.* Стихотворения. Из переписки. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. 492 с.

Кузмин 2025 — *Кузмин М. А.* Дневник 1917–1924 гг.: В 2 кн. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2025. Кн. 1: 1917–1921. 512 с.; Кн. 2: 1922–1924. 594 с.

Купреянов — *Купреянов Н. Н.* Литературно-художественное наследие: Статьи и воспоминания. Автобиография. Из писем. Каталог произведений. М.: Искусство, 1973. 458 с.

Лебедев — *Л-в Н.* [*Лебедев Н. А.*] К постановке сказки «Пастушка и трубочист» (примечания режиссера) // Игра. 1918. № 1, ч. 1. С. 30–32.

Летопись — Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Том 1, ч. 2: Москва и Петроград: 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 704 с.

Марков — *Марков В. Ф.* Поэзия Михаила Кузмина // Кузмин М. А. Собрание стихов: В 3 т. München: Wilhelm Fink Verlag, 1977. Т. 3. С. 321–425.

Об Александре Блоке — Об Александре Блоке: Статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского и др. Пг.: Картонный домик, 1921. 338 с.

Оксенов — *Оксенов И. А.* Письма о современной поэзии // Книга и революция. 1921. № 1 (13). С. 30–31.

Пахомова 2019 — *Пахомова А. С.* О людях и куклах: Пьеса «Вторник Мэри» и писательские стратегии М. А. Кузмина рубежа 1910–1920-х гг. // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 285–316.

Пахомова 2020 — *Пахомова А. С.* Поэтика и риторика «революционных» стихов Михаила Кузмина // Русская филология. 2020. Вып. 31. С. 204–219.

Пахомова 2025a — *Пахомова А. С.* Куда пропали «Гонцы»? Невышедший сборник М. А. Кузмина и литературная репутация автора на рубеже 1910–1920-х годов // Русские поэты XX века: материалы и исследования: Михаил Кузмин (1872–1936). М.: Азбуковник, 2025. С. 291–311.

Пахомова 2025b — *Пахомова А. С.* Предисловие // Кузмин М. А. Дневник 1917–1924 гг.: В 2 кн. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2025. Кн. 1: 1917–1921. С. 5–16.

Свентицкий — *Свентицкий А. Э.* М. Кузмин, «Эхо», изд. «Картонный домик», П., 1921; В. Рождественский, «Лето», изд. «Картонный домик», П., 1921; Г. Иванов, «Сады», изд. «Петрополис», П., 1921: [Рец.] // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 12.

Тимофеев — *Тимофеев А. Г.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: (Новые материалы по истории русского Берлина) // Русская литература. 1991. № 1. С. 189–215.

Шкловский — *Шкловский В. Б.* Письмо о России и в Россию // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе. М.: Сов. писатель, 1990. С. 146–150.

Шмаков — *Шмаков Г. Г.* Блок и Кузмин: (Новые материалы) // Блоковский сборник. II: Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту: [б. и.], 1972. С. 341–364.

References

Akimova, M. V. (2014). 'Sbornik Kuzmina «Osennie ozera»: strofa i tema' ['Kuzmin's Collection *Autumn Lakes*: Strophe and Theme'], in: B. P. Scherr, J. Bailey et al., eds., *Poetry and Poetics: A Centennial Tribute to Kiril Taranovsky*. Bloomington: Slavica Publ., 173–202. (In Russ.)

Bogatyreva, S. I. (2019). *Serebryanyi vek v nashem dome* [*Silver Age in Our House*]. Moscow: AST Publ., 510 p. (In Russ.)

Bogomolov, N. A. (1996). ' «Lyubov' — vsegdashnyaya moya vera...»' ['"Love Is My Constant Faith..."'], in: M. A. Kuzmin. *Stikhotvoreniya* [*Poems*]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 5–52. (In Russ.)

Bogomolov, N. A., Malmstad, J. (2007). *Mikhail Kuzmin: iskusstvo, zhizn', epokha* [*Mikhail Kuzmin: Art, Life, Time*]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 560 p. (In Russ.)

Dmitriev, P. V. (2016). *Mikhail Kuzmin: razyskaniya i kommentarii* [*Mikhail Kuzmin: Research and Comments*]. St. Petersburg: Renome Publ., 552 p. (In Russ.)

Gasparov, M. L. (2001). *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [*Russian Poetry of the Early 20th Century in Comments*]. Moscow: Fortuna Limited Publ., 288 p. (In Russ.)

Kupreyanov, N. N. (1973). *Literaturno-khudozhestvennoe nasledie. Stat'i i vospominaniya. Avtobiografiya. Iz pisem. Katalog proizvedenii* [*Literary and Artistic Heritage: Articles and Memories. Autobiography. From Letters. Catalog of Works*]. Moscow: Iskusstvo Publ., 458 p. (In Russ.)

Kuzmin, M. A. (1994). 'Dnevnik 1931 goda' ['Diary 1931'], S. V. Shumikhin, ed., *Novoe literaturnoe obozrenie*, 7, 163–204. (In Russ.)

Kuzmin, M. A. (1996). *Stikhotvoreniya* [*Poems*]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 832 p. (In Russ.)

Kuzmin, M. A. (2006). *Stikhotvoreniya. Iz perepiski* [*Poems. From Correspondence*]. Moscow: Progress-Pleyada Publ., 492 p. (In Russ.)

Kuzmin, M. A. (2025). *Dnevnik 1917–1924 godov* [*Diary 1917–1924*]. *In 2 vol.* St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. Vol. 1: 1917–1921, 512 p.; Vol. 2: 1922–1924. 594 p. (In Russ.)

Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiya [*Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography*] (2006). Vol. 1, Part 2: *Moskva i Petrograd. 1921–1922 gody*. Moscow: Institut mirovoi literatury Rossiiskoi akademii nauk Publ., 704 p. (In Russ.)

Markov, V. F. (1977). 'Poeziya Mikhaila Kuzmina' ['Poetry by Mikhail Kuzmin'], in: Kuzmin, M. A. *Sobranie stikhov* [*Collection of Poems*]. In 3 vol. München: Wilhelm Fink Verlag. Vol. 3, 321–425. (In Russ.)

Pakhomova, A. S. (2019). 'On People and Puppets: The Play "Mary's Tuesday" and M.A. Kuzmin's Literary Strategies of Late 1910s and Early 1920s', *Literaturnyi fakt*, 2 (12), 285–316. (In Russ.)

Pakhomova, A. S. (2020). 'Poetika i ritorika «revolyutsionnykh» stikhov Mikhaila Kuzmina' ['Poetics and Rhetoric of Mikhail Kuzmin's *Revolutionary* Poems'], *Russkaya filologiya*, vol. 31, 204–219. (In Russ.)

Pakhomova, A. S. (2025). 'Kuda propali *Gontsy*? Nevyshedshii sbornik M. A. Kuzmina i literaturnaya reputatsiya avtora na rubezhe 1910–1920-kh godov' ['Where Did the *Messengers* Disappear To? An Unpublished Collection by M. A. Kuzmin and the Author's Literary Reputation at the Turn of the 1910s and 1920s'], in: *Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniya. Mikhail Kuzmin (1872–1936)* [*Russian Poets of the 20th Century: Materials and Research. Mikhail Kuzmin (1872–1936)*]. Moscow: Azbukovnik Publ., 291–311. (In Russ.)

Pakhomova, A. S. (2025). 'Predislovie' ['Preface'], in: Kuzmin, M. A. *Dnevnik 1917–1924 godov* [*Diary 1917–1924: In 2 vol. Vol. 1: 1917–1921*]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 5–16. (In Russ.)

Shklovskii, V. B. (1990). 'Pis'mo o Rossii i v Rossiyu' ['Letter About Russia and to Russia'], in: Shklovskii, V. B. *Gamburgskii schet. Stat'i — vospominaniya — esse* [*Hamburg Account. Articles — Memories — Essays*]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 146–150. (In Russ.)

Shmakov, G. G. (1972). 'Blok i Kuzmin (Novye materialy)' ['Blok and Kuzmin (New Materials)'], in: *Blokovskii sbornik II: Trudy Vtoroi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka* [*Blok's Collection: Proceedings of the Second Scientific Conference Dedicated to the Study of the Life and Work of A. A. Blok*]. Tartu: [s. n.], 341–364. (In Russ.)

Timofeev, A. G. (1991). 'Mikhail Kuzmin i izdatel'stvo «Petropolis»: (Novye materialy po istorii russkogo Berlina)' ['Mikhail Kuzmin and the Petropolis Publishing House: (New Materials on the History of Russian Berlin)'], *Russkaya literatura*, 1, 189–215. (In Russ.)

Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 3. С. 253–262
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-253-262
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 3, 2025, 253–262
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. Е. Колчина

ПУТЕШЕСТВИЯ РЯДОМ С БАТЮШКОВЫМ: К ВОПРОСУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВИКТОРА КРИВУЛИНА В 1970-Е ГГ.

Anastasia E. Kolchina

JOURNEYS WITH BATYUSHKOV: THE QUESTION OF VIKTOR KRIVULIN'S LITERARY IDENTITY IN THE 1970s

Аннотация. В статье на примере анализа произведения Виктора Кривулина «Путешествие рядом с Батюшковым» (1978) и отрывка из его научной работы 1960-х гг. «О библейских мотивах у Батюшкова» представлена попытка переосмысления литературной идентичности неофициального поэта в 1970-е гг. Делается вывод о том, что обращение к фигуре Батюшкова актуализирует в творчестве андеграундного автора вопрос пересборки канона и помогает определить его отношение к историко-литературному процессу, где Батюшков воспринимается в неотрывной связи с Баратынским, а фигура Пушкина практически исключается. Кривулин, вслед за героем «Путешествия рядом с Батюшковым», видит схожесть в устройстве художественного мира, судьбе Батюшкова и Баратынского и выбирает одинаковые способы разговора об этих поэтах.
Ключевые слова: Константин Батюшков, Виктор Кривулин, ленинградский андеграунд, самиздатские журналы, литературная идентичность, канон
Сведения об авторе: Анастасия Евгеньевна Колчина, магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, aekolchina@edu.hse.ru. ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-3280-9670.
Для цитирования: *Колчина А. Е.* Путешествия рядом с Батюшковым: к вопросу литературной идентичности Виктора Кривулина в 1970-е гг. // Словесность и история. 2025. № 3. С. 253–262. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-253-262

Abstract. The article presents an attempt to rethink the literary identity of Viktor Krivulin in the 1970s based on an analysis of the poet's work *A Journey Next to Batyushkov* (1978) and on an excerpt from his scholarly work *Batyushkov's Biblical Motives* (1960s). The author concludes that the appeal to the figure of Batyushkov actualizes the issue of the reconstruction of the canon in the work of the underground author and helps to determine his attitude toward the historical and literary process where Batyushkov is perceived to be inseparably connected with Baratynsky, and the figure of Pushkin is practically excluded. Following the hero of *A Journey Next to Batyushkov*, Krivulin sees similarities in the structure of the artistic world and the fate of Batyushkov and Baratynsky and chooses the same ways of talking about these two poets.
Keywords: Konstantin Batyushkov, Viktor Krivulin, Leningrad underground, *samizdat* magazines, literary identity, canon
Information about the author: Anastasia E. Kolchina, Master's student at the National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, aekolchina@edu.hse.ru.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-3280-9670.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

For citation: Kolchina, A. E. (2025). Journeys with Batyushkov: The Question of Viktor Krivulin's Literary Identity in the 1970s, *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 3, 253–262. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-3-253-262

Любой рывок из века — невпопад!
Мы в девятнадцатом со всем стихосложеньем,
с мироустройством, взятым напрокат.
В. Кривулин. Аквариум

Категория времени (личного, исторического, культурного) в последние годы особенно проблематизируется исследователями неофициальной советской литературы. Анализ темпоральных режимов, которые реализуются как в личных, так и институциональных проектах, помогает определить, каким образом «вторая культура» определяет свое положение относительно социальных изменений, происходивших в советском обществе в разные десятилетия. Так, ленинградский андеграунд 1970-х гг. многими понимается как эскапистский сценарий возвращения к культуре русского модернизма[1], авторы которого формировали канон для неподцензурных литераторов[2].

Не отрицая ретротопической тенденции в сообществе «второй культуры», нам хотелось бы подчеркнуть, что ориентирами для неподцензурных авторов становятся не только представители Серебряного века. Например, в контексте лирики Елены Шварц Ольга Седакова пишет о вневременном характере ее стихов, о включенности ее лирики в поэзию вообще, «в мир Гомера, Данте, Эмили Дикинсон» [Седакова, с. 567].

Случай Виктора Кривулина особый. Как в его произведениях, так и в критических текстах явно обнаруживается интерес к культурным явлениям и историческим персоналиям XIX в. Это внимание прежде всего обусловлено историософской позицией Кривулина, которая формируется еще в 1970-е гг. на страницах самиздатовских журналов и находит свое теоретическое обоснование в статье «Двадцать лет новейшей русской поэзии» [Кривулин 1979а][3].

---

[1] С. А. Завьялов называет эту тенденцию «ретромодернизмом» [Завьялов]. Особую позицию занимает А. А. Житенев, трактуя андеграундную и современную поэзию как «неомодернистскую» [Житенев 2012].

[2] К. М. Корчагин также обозначает, что у этого канона были свои границы [Корчагин]. Однако мысль о выпадении русского авангарда «из круга внимания Кривулина», высказанная в работе исследователя, кажется нам неверной.

[3] Ключевой идеей Кривулина принято считать тезис о «свертке исторического опыта в личное слово» [Кривулин 1979а]. Особенно в контексте нашего исследования важна мысль о «круге любящих», в котором выстраивается связь между авторами разных веков, высказанная в тексте «Шестое стихотворение, данное в контексте: „Полдня длиною в одиннадцать строк"» [Кривулин 2023а, с. 133].

Для определения поколенческой[4] и собственной литературной идентичности автор выбирает «героев» XIX в.

Принято говорить о Баратынском как о точке отсчета для литературной и культуртрегерской деятельности Кривулина [Кривулин 1998]. Однако это не единственный поэт Золотого века, фигура которого осмысляется ленинградским автором как определяющая для его творчества. На примере текста «Путешествие рядом с Батюшковым» [Кривулин 2023а] и отрывка из неопубликованной научной работы «О библейских мотивах у Батюшкова» нам бы хотелось осветить следующие вопросы: почему Кривулин в размышления о своей литературной идентичности включает Константина Батюшкова? Как он обращается с мифом о поэте пушкинской поры, закрепленным в XX в.? Как соотносятся между собой художественный и научный дискурсы в интерпретации образа Батюшкова?

Текст «Путешествие рядом с Батюшковым»[5] [Кривулин 1978] был впервые опубликован в 1978 г. в 14-м номере журнала «37» и практически не рассматривался в литературе о Кривулине[6]. Цитата из него использована в статье А. А. Житенева «Миф о К. Н. Батюшкове в русской поэзии 1970–2000-х годов» [Житенев 2019] в качестве иллюстрации общего интереса к автору XIX в. в этот период. Исследователь выделяет четыре продуктивные линии рецепции Батюшкова в 1970–2000-е: 1) Батюшков интерпретируется как первообраз поэта как такового; 2) автор выступает «пограничной» фигурой, посредником между земным и запредельным; 3) с предыдущей линией связываются также мотивы смертности и «реинкарнации» поэтического слова, встречающиеся

[4] Е. А. Игнатова вспоминает, как в память о восстании декабристов Кривулин организовал акцию 14 декабря 1975 г., которую разогнали сотрудники КГБ [Игнатова].

[5] Нам бы хотелось оставить общие замечания о разных способах репрезентации этого текста в первой и последующих публикациях. В журнале «37» текст помещен после раздела «Стихи о стихах», где также представлены 22 стихотворения Кривулина. Одно из них — «Сострадание издали — как наблюдение нравов» — дублируется в тексте «Путешествия». Это произведение стоит обособленно от поэтической подборки, не выделяется в раздел «Прозы», который присутствует в некоторых номерах журнала. Текст также не принадлежит к разделу «Рецензии», несмотря на то что в подзаголовке обозначена его связь с жанром: «заметки, написанные вместо рецензии на новое издание „Опытов в стихах и прозе“ М., 1977, из-во „Наука“, серия „Литературные памятники“». Помещение текста сразу после поэтического раздела, связь, существующая между стихотворной подборкой поэта и «Путешествием», отказ от определения текста как рецензии свидетельствуют о том, что Кривулин изначально воспринимал свое произведение как жанрово проблематичное, но склонялся к описанию его природы как (авто)фикциональной. Это отражено в последующих прижизненных публикациях [Кривулин 1981; 1989] и новых изданиях [Кривулин 2022; 2023а], где «Путешествие» публикуется без подзаголовка, в разделе «Проза». Далее цитаты из произведения будут приведены по последнему изданию с указанием страниц в круглых скобках.

[6] В своей диссертации Т. П. Хайрулин анализирует образ Блока в этом тексте [Хайрулин].

в текстах о Батюшкове; 4) кроме того, поэт пушкинской поры понимается как «путешественник», «русский Одиссей».

Некоторые из этих линий кажутся актуальными при рассмотрении текста Кривулина. Так, уже название произведения отсылает к последней из них. Писатель, с одной стороны, сопоставляет пребывание своего героя в Абхазии, «русской Италии», с заграничными путешествиями Батюшкова. С другой стороны, большее внимание Кривулин уделяет его прозаическим опытам, конкретно двум прогулкам — «Прогулке по Москве», написанной во второй половине 1811 г. или первой половине 1812 г., и «Прогулке в Академию художеств» 1814 г. Герой «Путешествия» исследует Гагры («библиотека грузинского курорта») [Кривулин 2023а, с. 77] и книгу «Опыты в стихах и прозе», подготовленную И. М. Семенко в 1977 г. [Батюшков]. Кривулин отсылает к фрагменту издания, где собраны портреты и иллюстрации [Батюшков, с. 122–137]. Герой обращается к портрету, написанному около 1815 г. Кипренским и напечатанному в этой книге: «Итак, из круга, репродуцированный в новейшем издании, смотрит Батюшков, не на меня — в будущее — смотрит он, но в сторону — в прошлое, почему-то влево на всех известных портретах» [Кривулин 2023а, с. 78].

Текст Кривулина, проблематизирующий границы лирического и прозаического высказывания, действительно рассматривает Батюшкова как первообраз поэта. Сочетание букв его фамилии вызывает у героя ассоциации с «небесной отчизной». Имя поэта побуждает героя к созданию собственных как стихотворных, так и прозаических текстов о поэте пушкинской поры: «Я писал какую-то чушь, лишь бы писать, лишь бы не смотреть по сторонам и писать — о Батюшкове. Вот что писал я тогда...» (с. 80). Некоторые из лирических текстов, помещенных в «Путешествие», встраиваются в размышления о Батюшкове. Есть, однако, и те, что напрямую не связаны с его фигурой и существуют одновременно в тексте произведения и вне его границ. Так, Кривулин передает собственные стихотворения герою-поэту (например, «Сострадание издали как наблюдение нравов...»). В итоге опыт написания «Путешествия», мотивированный переизданием Батюшкова, воспринимается как подрывающий границы прозаической речи: «Я буду писать о стихах прозой, благо все жалуются, что прозы нынче нет, вот она и появится — красочная, поэтичная и т. д.» (с. 83).

Описание «блаженного» Батюшкова связывается и с дихотомией земного и небесного. С одной стороны, поэт воспринимается как небожитель, как Другой, обладающий природой, отличной от героя: «Посреди мертвого моего слуха стоит, как пятачок неба в сердцевине облака, — стоит ничтожное живое

пятно звучащей Италии, — Батюшков» (с. 77). С другой — герой, обращаясь к биографии Батюшкова, к факту его безумия, исполняется страхом перед поэтом, его фигура наделяется инфернальными чертами: «...Батюшков до сих пор сжигает и сжигает свою библиотеку — до сих пор. Да отчего же библиотеку-то? — не спрашивайте. Кого люблю, того наказую. Наказую огнем и дымом. Дымом, дымом, главное! Перед этим лицом мне становится страшно, не сладчайшим литературным ужасом, — страшно по-настоящему, страшно двадцать, тридцать и бог знает еще сколько лет» (с. 79). Бесконечность сожжения также сигнализирует об особых отношениях, которые Батюшков, по мнению героя, выстраивает со временем. Во власти поэта управлять им, выстраивать и контролировать ход истории.

Кроме отмеченного сходства в рецепции образа Батюшкова у Кривулина и его литературных современников, стоит особенно отметить, что фигура поэта пушкинской поры у ленинградского автора подвергается переосмыслению в рамках канона советской литературы. В статье Житенев говорит о значимости Батюшкова как фигуры, принадлежащей «другому канону», и о тенденции к «отредактированному» прочтению его жизни и творчества [Житенев 2019, с. 44]. Однако главной интенцией Кривулина можно считать не установку новых мифологем о Батюшкове и его текстах, а демонстрацию «другой» истории литературы, на которую могли бы опираться неофициальные авторы его круга. В этом плане он продолжает путь «переоткрывания», начатый им еще в конце 1960-х — начале 1970-х гг. на примере Баратынского.

Тема советского канона проблематизируется в «Путешествии» в размышлениях героя, где наряду с советской школой и программой по литературе фигурирует «Школа для дураков» Саши Соколова как символ протеста. Герой сопротивляется воспоминанию о школьной литературе, где изучался только Чернышевский, и не может актуализировать в своем сознании других авторов и произведения: «Этого не может быть, это ошибка, но сколько ни стараюсь, не могу вспомнить другого урока литературы, кроме Чернышевского...» [Кривулин 2023а, с. 82].

Показывая несостоятельность модели советского канона и задавая контрпрочтение истории русской литературы, Кривулин обращает внимание на фигуру поэта пушкинской поры, обладающую противоречивыми коннотациями. Он связывает Батюшкова с другими авторами XIX в., например с Баратынским, неконвенциональным способом, как это будет показано далее. Кроме того, автор оспаривает своих недавних предшественников, казалось бы, близких по эстетическим и идеологическим взглядам, — Бродского и других

«ахматовских сирот», осознающих себя поэтами «пушкинской плеяды», из числа которой те, однако, исключают Батюшкова[7].

Кривулин, напротив, настаивает на первостепенности Батюшкова как поэта пушкинской поры и ведет к нему генеалогию «певца пиров и грусти томной», пренебрегая фигурой Пушкина, хотя именно последний считался наследником стилистических разработок Батюшкова. Это подчеркивал и Мандельштам в «Разговоре о Данте»: «Батюшков — записная книжка нерожденного Пушкина...»[Мандельштам, с. 401][8]. Фигура Пушкина описывается намеренно сниженно и исключается из кривулинского канона, с одной стороны, как сакральная для советской литературы, с другой — как не соответствующая его эстетическим принципам. Пушкину герой отказывает в понимании литературного процесса и исторической темы в творчестве Батюшкова: «Ни вздоха, ни шороха не услышит уже ближайший Пушкин, до ушей его дойдет лишь „Клии страшный глас“, но и от этого голоса не повредится он в уме...» [Кривулин 2023a, с. 78]. Стихотворения поэта кажутся герою неподходящими для цитирования, которое в понимании Кривулина в тот период считается одним из значимых приемов современной поэзии, наряду с обращением к «канону»: «Потому что канон есть важнейший фактор свободы художника. И цитата есть важнейший фактор выражения себя через другое»[Кривулин 1979b, с. 228]. Окончательно образ Пушкина развенчивается в финале «Путешествия», где он связывается с «неправильной» эротикой[9]: « — Батюшков сжигает свою библиотеку — единственный русский поэт, чьим мифологическим познаниям я завидую, и эта первая его — предромантическая! — любовь к истории, тогда как все тянулись к политике (Карамзин) или сексу (Пушкин), эта чистая любовь, когда даже эротика исторична...»[Кривулин 2023a, с. 84].

Батюшков в этом тексте воспринимается повествователем как предвестник творчества Баратынского. Так повествователь говорит о стихотворении «Рифма»: «...начнет великолепной смысловой рифмой к Батюшкову одно из лучших своих стихотворений, начнет с того места, где Батюшков остановил „Опыты в стихах и прозе“» (с. 77). В тексте формируется новое понима-

[7] «...Оглядываясь назад, безусловно. Мне вот что пришло не так давно в голову, в связи со стихами Лосева, которые я прочитал. Действительно, в свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую „плеяду“. То есть примерно то же число лиц; есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным. Дельвигом, я думаю, скорее всего был Бобышев, Найман, с его едким остроумием, был Вяземским. Я, со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского. Эту параллель не надо особенно затягивать, как и вообще любую параллель. Но удобства ради ею можно время от времени пользоваться» [Волков, с. 344].

[8] Стихотворение Мандельштама «Батюшков» — очевидно, один из претекстов «Путешествия».

[9] Этот мотив станет сквозным в описании Пушкина в романе Кривулина «Шмон».

ние Баратынского, отличное от ранее самостоятельной фигуры в творчестве Кривулина. Поэт здесь понимается не индивидуально, а через включение в традицию: «Я закрываю глаза и вижу перед собой Баратынского. В глазах Баратынского стоит безумие Батюшкова» (с. 79).

Так выстраивается параллель в освоении Кривулиным двух важных для него поэтов. Ленинградский автор помещает фигуры значимых литераторов в разные дискурсы. В отношении Баратынского Кривулин проходит путь от стихотворных опытов [Гельфонд] к написанию прозаической штудии — романа «Шмон», где один из героев создает художественную биографию Баратынского с опорой на научный текст норвежского слависта Гейра Хетсо. Художественный и научный дискурсы вступают в тесное взаимодействие, иногда граница между ними становится практически неразличима. Также и в связи с Батюшковым ленинградский поэт, помимо прозы, обращается к автору XIX в. в стихотворениях[10], осмысляя категорию исторического, и пишет о нем студенческую научную работу.

В архиве исследовательского центра в Бремене сохранился отрывок из нее. На листе представлены размышления о стихотворении Батюшкова «К другу». Здесь Кривулин пытается объяснить соотношение античных и библейских мотивов в тексте: «При этом любопытно, что библейские идеи на протяжении всего стихотворения претворяются в образы и аллегории, свойственные античность»[11]. На оборотной стороне листа есть название следующей части работы — «Композиция и образн. структура»[12].

Открытым остается вопрос о ее датировке[13]. По свидетельству Михаила Шейнкера, близкого друга Виктора Кривулина, текст представляет собой курсовую работу, написанную Кривулиным на 3-м или 4-м курсе, то есть в 1965 или 1966 г.[14] Известно, что поэт закончил университет в 1967 г., защитив диплом по творчеству Иннокентия Анненского («Поэтика раннего Иннокентия Анненского»), его научным руководителем был Д. Е. Максимов, чей семинар, посвященный изучению Серебряного века, он посещал. Михаил Берг пишет также о студенческих работах Кривулина по Хлебникову и Андрею Белому, что вновь свидетельствует о его ориентации на поэзию русского модернизма [Берг]. В связи с этим факт выбора лирики Батюшкова в качестве темы исследования может показаться нетривиальным. Однако, также

[10] Подробнее о категории исторического в стихотворениях 1970-х гг. см. в работе Т. П. Хайрулина [Хайрулин, с. 23–36].

[11] Forschungsstelle Osteuropa Bremen. 071–07. Орфография сохранена.

[12] Там же.

[13] Этот текст не приведен в ряду других студенческих работ Кривулина [Филиппов, с. 317].

[14] Материалы личной переписки.

по воспоминаниям самого Кривулина, в университетские годы он проходил практику в усадьбе Тютчева и Баратынского [Кривулин 1998, с. 20]. Помимо культуры модернизма, которая могла бы стать предметом изучения Кривулина как литературоведа [15], особый интерес ленинградский автор испытывал к XIX веку. Авторы Золотого века становятся для Кривулина определяющими в понимании собственной литературной идентичности.

Таким образом, фигура Батюшкова в интерпретации Кривулина включает общие мифологемы, встречающиеся и в текстах его современников. Кроме того, обращение к поэту XIX в. актуализирует в творчестве андеграундного автора вопрос пересборки канона и помогает определить его отношение к историко-литературному процессу. Так, Кривулин пытается обосновать собственные законы литературной эволюции, где Батюшков воспринимается в неотрывной связи с Баратынским, а фигура Пушкина практически исключается. Кривулин, вслед за героем «Путешествия рядом с Батюшковым», видит черты сходства в устройстве художественного мира, судьбе Батюшкова и Баратынского и выбирает одинаковые способы разговора об этих поэтах.

Литература

Батюшков — *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 607 с.

Берг — *Берг М.* Андерграунд: Итоги. Ревизии. М.; СПб.: Т8 Издательские технологии / Пальмира, 2022. 351 с.

Волков — *Волков С.* Вспоминая Анну Ахматову: Разговор с Иосифом Бродским // Континент. 1987. № 53. С. 337–382.

Гельфонд — *Гельфонд М. М.* «Читателя найду в потомстве я...»: Баратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. 218 с.

Житенев 2012 — *Житенев А. А.* Поэтика неомодернизма. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 2012. 480 с.

Житенев 2019 — *Житенев А. А.* Миф о К.Н. Батюшкове в русской поэзии 1970–2000-х годов // Ученые записки Петрозаводского университета. 2019. № 7. С. 44–50.

Завьялов — *Завьялов С. А.* Ретромодернизм в ленинградской поэзии 1970-х годов // «Вторая культура»: неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы. СПб.: Росток, 2013. С. 30–53.

Игнатова — *Игнатова Е. А.* Троицкое поле // Сибирские огни. 2008. № 1. С. 151–161.

Корчагин — *Корчагин К. М.* Виктор Кривулин и Михаил Лифшиц: история, коллективность и литературный канон // Новый мир. 2018. № 8. С. 171–182.

Кривулин 1978 — *Кривулин В. Б.* Путешествие рядом с Батюшковым // 37. 1978. № 14. С. 201–213.

Кривулин 1979a — *Каломиров А. [Кривулин В. Б.]* Двадцать лет новейшей русской поэзии // Северная почта. 1979. № 1–2. С. 37–59.

Кривулин 1979b — *Кривулин В. Б.* Пять лет культурного движения в России // Часы. 1979. № 21. С. 221–229.

[15] По словам Кривулина, Д. Е. Максимов настаивал на том, чтобы поэт продолжил заниматься наукой [Кривулин 2023a, с. 218].

Кривулин 1981 — *Кривулин В. Б.* Путешествие рядом с Батюшковым // Часы. 1981. № 34. С. 56–64.

Кривулин 1989 — *Кривулин В. Б.* Путешествие рядом с Батюшковым // Континент. 1989. № 60. С. 89–99.

Кривулин 1998 — *Кривулин В. Б.* Охота на мамонта. СПб.: БЛИЦ, 1998. 336 с.

Кривулин 2022 — *Кривулин В. Б.* Шмон: роман, рассказы, статьи. М.; СПб.: Т8 Издательские технологии / Пальмира, 2022. 351 с.

Кривулин 2023a — *Кривулин В. Б.* Проза. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. 296 с.

Кривулин 2023b — *Кривулин В. Б.* Стихи, 1964–1984. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2023. 552 с.

Мандельштам — *Мандельштам О. Э.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-центр «Москва», 1994. Т. 3: Стихи и проза, 1930–1937. 528 с.

Седакова — *Седакова О.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. 4. 864 с.

Филиппов — *Филиппов Г. В.* Кривулин Виктор Борисович // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: Библиогр. словарь: В 3 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 2. С. 316–317.

Хайрулин — *Хайрулин Т. П.* Литературная стратегия В. Кривулина в 1970-х — нач. 1980-х гг.: Дис. … канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2021. 417 с.

References

Batyushkov, K. N. (1977). *Opyty v stikhakh i proze* [*Experiments in Poetry and Prose*]. Moscow: Nauka Publ., 607 p. (In Russ.)

Berg, M. (2022). *Andergraund. Itogi. Revizii* [*Underground. Results. Revisions*]. Moscow, St. Petersburg: T8 Izdatel'skie tekhnologii / Pal'mira Publ., 351 p. (In Russ.)

Filippov, G. V. (2005). 'Krivulin Viktor Borisovich' ['Krivulin Viktor Borisovich'], in: *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: bibliograficheskii slovar'* [*Russian Literature of the 20th Century. Prose Writers, Poets, Playwrights: Bibliographic Dictionary: In 3 vol.*]. Moscow: OLMA-PRESS Invest Publ. Vol. 2, 316–317. (In Russ.)

Gel'fond, M. M. (2012). *«Chitatelya naidu v potomstve ya…»: Baratynskii i poety XX veka* [*'I Will Find a Reader in Posterity…': Baratynsky and the Poets of the 20th Century*]. Moscow: Biosfera Publ., 218 p. (In Russ.)

Ignatova, E. A. (2008). 'Troitskoe pole' , *Sibirskie ogni*, 1, 151–161. (In Russ.)

Kalomirov, A. [Krivulin, V. B.] (1979). 'Dvadtsat' let noveishei russkoi poezii' ['Twenty Years of Modern Russian Poetry'], *Severnaya pochta*, 1–2, 37–59. (In Russ.)

Khairulin, T. P. (2021). *Literaturnaya strategiya V. Krivulina v 1970-kh — nachale 1980-kh godov* [*Literary Strategy of Viktor Krivulin in the 1970s — early 1980s*]. Dissertatsiya … kandidata filologicheskikh nauk. St. Petersburg, 417 p. (In Russ.)

Korchagin, K. M. (2018). 'Viktor Krivulin i Mikhail Lifshits: istoriya, kollektivnost' i literaturnyi kanon' ['Viktor Krivulin and Mikhail Lifshits: History, Collectivity and Literary Canon'], *Novyi mir*, 8, 171–182. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (1978), 'Puteshestvie ryadom s Batyushkovym' ['Traveling with Batyushkov'], *37*, 14, 201–213. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (1979). 'Pyat' let kul'turnogo dvizheniya v Rossii' ['Five Years of Cultural Movement in Russia'], *Chasy*, 21, 221–229. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (1981). 'Puteshestvie ryadom s Batyushkovym' ['Traveling with Batyushkov'], *Chasy*, 34, 56–64. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (1989). 'Puteshestvie ryadom s Batyushkovym' ['Traveling with Batyushkov'], *Kontinent*, 60, 89–99. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (1998). *Okhota na mamonta* [*Mammoth Hunting*]. St. Petersburg: BLITs Publ., 336 p. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (2022). *Shmon: roman, rasskazy, stat'i* [*Shmon: Novel, Stories, Articles*]. Moscow; St. Petersburg.: T8 Izdatel'skie tekhnologii / Pal'mira Publ., 351 p. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (2023). *Proza* [*Prose*]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 296 p. (In Russ.)

Krivulin, V. B. (2023). *Stikhi, 1964–1984 [Poems 1964–1984]*. St. Petersburg.: Ivan Limbakh Publ., 552 p. (In Russ.)

Mandel'shtam, O. E. (1994). *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: In 4 vol. Moscow: Art-Biznes-tsentr «Moskva» Publ. Vol. 3, 528 p.

Sedakova, O. (2010). *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]: In 4 vol. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke Publ. Vol. 4, 864 p. (In Russ.)

Volkov, S. (1987). 'Vspominaya Annu Akhmatovu. Razgovor s Iosifom Brodskim' ['Remembering Anna Akhmatova. Conversation with Joseph Brodsky'], *Kontinent*, 53, 337–382. (In Russ.)

Zav'yalov, S. A. (2013). 'Retromodernizm v leningradskoi poezii 1970-kh godov' ['Retromodernism in Leningrad Poetry of the 1970s'], in: *«Vtoraya kul'tura»: neofitsial'naya poeziya Leningrada v 1970–1980-e gody* ['*Second Culture': Unofficial Poetry of Leningrad in the 1970s and 1980s*]. St. Petersburg: Rostok Publ., 30–53. (In Russ.)

Zhitenev, A. A. (2012). *Poetika neomodernizma* [*Poetics of Neomodernism*]. St. Petersburg: INA-PRESS Publ., 480 p. (In Russ.)

Zhitenev, A. A. (2019). 'Myth About K. N. Batyushkov in Russian Poetry from Between the 1970s and the 2000s', *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7, 44–50. (In Russ.)

Список сокращений

БАН	—	Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
ВГМЗ	—	Вологодский государственный музей-заповедник
ВНИИР	—	Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации (Москва)
ВХНРЦ	—	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И. Э. Грабаря (Москва)
ВХУТЕМАС	—	Высшие художественно-технические мастерские (Москва)
ГАВО	—	Государственный архив Вологодской области (Вологда)
ГАНО	—	Государственный архив Новгородской области (Великий Новгород)
ГАТО	—	Государственный архив Тверской области (Тверь)
ГИМ	—	Государственный исторический музей (Москва)
ГМЗРК	—	Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
ИАРЯЛ	—	Иранская ассоциация русского языка и литературы
ИРЛИ РАН	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
КБИАХМЗ, КБМЗ	—	Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (г. Кириллов Вологодской обл.)
Клепиков 1959	—	*Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVI–XX вв. М., 1959.
Клепиков 1978	—	*Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978.
Коми НЦ УрО РАН	—	Коми научный центр Уральского научного центра Российской академии наук (Сыктывкар)
КРАГСиУ	—	Коми республиканская академия государственной службы и управления (Сыктывкар)
Лауцявичюс	—	*Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV–XVIII вв.: Атлас. Вильнюс, 1967. Т. 1–2 = *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. T. 1–2.
МГАИ	—	Московский государственный агроинженерный университет им. В. П. Горячкина (Москва)
МДА	—	Московская духовная академия
НАРК	—	Национальный архив Республики Коми (Сыктывкар)
НБ ИГУ	—	Научная библиотека Иркутского государственного университета
НИУ ВШЭ СПб	—	Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», кампус в Санкт-Петербурге
НЛО	—	Новое литературное обозрение
НМРК	—	Национальный музей Республики Коми (Сыктывкар)
НСРК	—	Новое собрание рукописных книг (РНБ)

ОПИ	—	Отдел письменных источников
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ПСТГУ	—	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
ПЭ	—	Православная энциклопедия
РАНХиГС	—	Российская академия народного хозяйства и государственной службы
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	—	Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА	—	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РИБ	—	Русская историческая библиотека
РНБ	—	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
СПбДА	—	Санкт-Петербургская духовная академия
СПбИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СыктГУ	—	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы
ТСЛ	—	Троице-Сергиева лавра
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов (ныне РГАДА)
Черчилль	—	*Churchill W. A.* Watermarks in Paper in Holland, England, France etc. in the 17th and 18th Centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935.
Heawood	—	*Heawood E.* Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, 1950.
Piccard, III (Turm)	—	*Piccard G.* Turm-Wasserzeichen // Veröffentlichungen der Staatlichen Archivverwaltung Baden-Württemberg / Hrsg. von der Landsarchivdirektion Baden-Württemberg. Sonderreiche Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv. Stuttgart, 1970. Findbuch III.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Телефон (812) 328-19-01
e-mail: irliran@mail.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77-77800 от 31 января 2020 г.
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

Издательство «Пушкинский Дом»
199106 Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86

Редактор А. С. Лобанова
Редакторы английского текста И. Тирет, Т. Н. Галашева
Технический редактор А. В. Осокин
Корректор А. С. Кручинина

16+

Цена свободная

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс ВН018606 по каталогу агентства «Урал-пресс»

Подписано в печать 24.10.2025. Вышло из печати 31.10.2025
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Литературная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 22,44. Тираж 100 экз. Тип. зак. № 0000

Отпечатано в типографии ИП Варваркин
Санкт-Петербург, Уральская ул., д. 17, корп. 4

ISSN 2712-7591 Словесность и история, 2025, № 3. С. 1–275